

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Международная научно-практическая
конференция, посвященная памяти
профессора В. М. Курицына (16 декабря 2021 г.)**

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2022

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2022
ISBN 978-5-9694-1189-0

УДК 340.12
ББК 67.05
П78

Рецензенты:

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук **Л. А. Алексеева**; доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина кандидат юридических наук **Н. А. Рязанова**

Составитель *А. Ю. Гарашко*

П78 Проблемы правопонимания: история и современность: Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. М. Курицына, 16 декабря 2021 г. : сборник научных трудов / [сост. А. Ю. Гарашко]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – 333 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-1189-0

В сборнике представлены научные труды участников Международной научно-практической конференции, состоявшейся 16 декабря 2021 г. в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя. На конференции обсуждались актуальные вопросы, связанные с эволюцией правопонимания, с осмыслением существующих в теории и философии права концепций понимания права, с определением научного потенциала современных подходов к правопониманию в юридической науке и их значением в формировании правовой идеологии современного политически организованного общества, а также многие другие актуальные проблемы, лежащие в сфере общей теории права, философии права и историко-правовой науки, осмысление которых возможно в контексте современных проблем правопонимания.

Сборник конференции будет полезен для ученых, преподавателей, курсантов и слушателей юридических образовательных организаций, а также для сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции

Корректор *Фомин И. Е.*
Компьютерная верстка *Фомин И. Е.*

Подписано к изданию 27.01.2022
Объем издания: 2,39 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1189-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.pf>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Малахов В. П.</i> Правопонимание как индивидуальный акт	9
<i>Барзилова И. С.</i> Современные подходы к пониманию права	12
<i>Клименко А. И.</i> Правопонимание в контексте дискурсивно-конвенциональной теории права	16
<i>Сигалов К. Е.</i> Архаичные основания правопонимания	19
<i>Никитин А. Н., Никитина М. А.</i> Понимание права в Древнем мире.....	22
<i>Малыковцева Е. В.</i> Проблемы правопонимания в советском праве	26
<i>Денисенко В. В.</i> Современное правопонимание в контексте модернизации государства и права.....	32
<i>Правкина И. Н.</i> Тенденции развития современного отечественного правопонимания	37
<i>Полозова И. В.</i> Правопонимание и антиномии свободы	41
<i>Чувальникова А. С.</i> Парадигма правопонимания как методологический путь познания права	47
<i>Маркова Н. А.</i> Влияние правопонимания на реализацию прав человека	50
<i>Иванченко Ю. А.</i> Проблема правопонимания в легитимационных процессах.....	54
<i>Правкин И. В.</i> Злоупотребление правом в контексте различных типов правопонимания	57
<i>Гарашко А. Ю.</i> Сущность и структура системы права в контексте различных типов правопонимания	60
<i>Васечко А. А.</i> Понятие договора в контексте различных типов правопонимания	65
<i>Давидов Д. С., Павлова А. В.</i> Юридические коллизии в праве Российской Федерации: виды и способы их преодоления в контексте позитивистского типа правопонимания.....	68

Лановая Г. М.

Суверенитет личности: понимание в общей теории права
и теории права человека 72

Репьев А. Г.

Гносеологические аспекты в восприятии нормы российского права..... 79

Медушевская Н. Ф.

Идея целостности в современном правовом мышлении..... 85

Лопатина Т. М.

Электронная личность как субъект правоотношения: постановка проблемы.... 91

Дубинина Е. Н., Ушаков М. А.

Юридизация как механизм формирования информационного права..... 96

Грошев С. Н.

Гендерный дисбаланс в органах внутренних дел. К вопросу
о защите прав мужчин..... 100

Исаев А. А.

Необходимость изучения философии права
в системе юридического образования..... 102

Алексеева Л. А., Лысак М. В.

Правовые позиции высших судебных инстанций как источник права 106

Колосова Н. В., Якутин А. В., Якутина О. Л.

Проблемы правовой и профессиональной подготовки и обучения
сотрудников частных охранных организаций в России..... 110

Утяшов Э. К.

Обоснование принципов права как регуляторов правовых режимов
(на примере режима военного положения) 115

Беляева О. В.

Роль и место юридических фактов в правовой науке 120

Шумилов А. Н.

Имидж как управленческий ресурс
эффективной правоприменительной деятельности 125

Михайлова Н. В.

Некоторые аспекты формирования республиканской формы правления
на втором этапе Великой российской революции 131

Журов А. Н.

«Полиция есть душа гражданства...» Функции городской полиции
Российской империи в XVIII в..... 135

Куркин Б. А.

Религиозные корни американского концепта прав человека 139

Мельник Е. В.

Участие полиции в проведении противоэпидемиологических мероприятий
в Российской империи 145

Абдрахманов А. И.

Зарождение идеи всеобщего вооружения народа
в западноевропейской общественной мысли 154

Гарина О. В.

Становление и развитие административной юстиции
в Российской империи 160

Сучкова М. В.

Правовая политика в сфере противодействия коррупции
в Российском государстве (первая четверть XVIII в.)..... 163

Хабарин О. М.

Проблема расформирования института фискалов в России в XVIII в. 168

Ситников К. А.

Методическое влияние юридического позитивизма на формирование
программ обучения полицейской стражи Российской империи
(на примере Воронежской губернии в 1909–1917 гг.)..... 172

Чернигин К. А.

Понятие ведомственного нормативного акта: проблемы понимания 177

Шитов Г. А.

Совершенствование систематизации законодательства
в контексте интегративного подхода к правопониманию 181

Вставский В. В.

Проблема образования права в трудах С. А. Муромцева 185

Серебряков В. В.

Административно-правовое понимание права..... 187

Напольских И. М.

Правопонимание в контексте эффективности права..... 190

Хвостова А. В.

Понятие правового ограничения: проблемы интерпретации
в отечественной юридической науке 194

Кеменяш Ю. В.

Симулякр как следствие акта правопонимания 201

Шлегель П. О.

Правовая идеология и правопорядок: взаимосвязь и значение
в обществах разного типа 203

Антохина М. Е.

Правовое регулирование женского образования в Российской империи
во второй половине XIX в. 206

<i>Юшина О. А.</i>	
Нормативный факт как основание обязательности права	208
<i>Абрамов А. В.</i>	
Правопонимание как особый структурный компонент правосознания	214
<i>Чикалов О. В.</i>	
Правозащитный тип профессионального правосознания: функциональная характеристика.....	221
<i>Артеменко И. А.</i>	
Проблемы правопонимания в России во второй половине XIX в.	227
<i>Елисеева Е. С.</i>	
Патернализм как правовая идеология	230
<i>Анненков Е. В.</i>	
Тенденции изменения массового правосознания как аспект формирования новой правовой реальности.....	234
<i>Кучин М. В.</i>	
К теме преемственности назначения ведомства внутренних дел в первой четверти XX в.	238
<i>Воронцова В. Д.</i>	
Соотношение права и закона в позитивистской теории правопонимания.....	243
<i>Перегудова А. П.</i>	
Противоречивый характер правового нигилизма в современной правовой жизни	248
<i>Моисеев И. А.</i>	
Генезис права: проблемы интерпретации	251
<i>Хорошавина Я. А.</i>	
Правопонимание и правовой нигилизм сотрудников органов внутренних дел	254
<i>Шамиданова А. Д.</i>	
Естественно-философское понимание права в современной юридической науке	258
<i>Алхимов А. Ю.</i>	
Правопонимание в казачьих республиках Юга России в период Гражданской войны 1917–1922 гг.	262
<i>Козлова Н. С.</i>	
История развития законодательства о взяточничестве в Российском государстве (XVII – начало XX в.).....	267
<i>Шикова Е. С.</i>	
Деятельность Екатерины II по созданию сельской полиции в Российской империи	273

<i>Куксов В. А.</i>	
Властные институты и социальные нормы в первобытном обществе	278
<i>Пильникова А. С.</i>	
Право на достойное существование в современных правовых концепциях	282
<i>Хаврошина А. А.</i>	
Влияние теории солидаризма на современный теоретико-правовой дискурс	287
<i>Чумазов Д. А.</i>	
Форма правления в Российской Федерации: смешанная или президентская республика?	291
<i>Курбатов В. С.</i>	
Проблема объективности в естественно-правовой доктрине	295
<i>Громова Ю. С.</i>	
Взаимосвязь права и нравственности в системе нормативного регулирования общественных отношений	299
<i>Гущина С. В.</i>	
Цифровая грамотность населения как ключевая составляющая правовой грамотности	303
<i>Каменева О. А.</i>	
Основные подходы к решению вопроса заинтересованности сотрудников органов внутренних дел в изучении исторической ретроспективы развития МВД России	306
<i>Муклецова И. А.</i>	
Концепт публичного и частного в теории права	309
<i>Попов Д. И.</i>	
Организация деятельности экстремистской организации: общая характеристика объективных признаков преступления	312
<i>Матвеев В. В.</i>	
Структурообразующие элементы массового правосознания	316
<i>Барышникова И. М.</i>	
Психическое насилие как форма жестокого обращения с детьми	320
<i>Зимин Е. И.</i>	
Проблема правосознания молодого поколения	323
<i>Григорьев И. А.</i>	
Проблема преступности периода новой экономической политики в контексте принципов рыночной экономики	325
<i>Филиппова В. А.</i>	
Идея личности в контексте социального государства	330

*Малахов В. П.¹,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АКТ

Правопонимание составляет смысл общеправовой теории, ее единственный и исчерпывающий предмет. Значит, понимание права – индикатор образованности и адекватности профессионального правосознания юриста. Поэтому непонятно, почему в ней не ставится вопрос о том, что значит понимать право, что надо делать для того, чтобы достичь понимания. А поскольку этот вопрос не ставится и не изучается, постольку общеправовая теория идет привычным путем: поисками определений права, оснащенными научной (формальной) логикой. Право как предмет, т. е. представленное как элемент реальности (независимо от конкретного смысла самого понятия реальности), чрезвычайно сложен, разносторонен. И привычное для юридической науки отождествление права как целого с той или иной его стороной, даже с совокупностью отличительных свойств, на самом деле не дает понимания права.

В статье обращается внимание лишь на один момент, узловой для решения проблемы правопонимания, но который, насколько известно, до сих пор не находится в поле зрения теоретиков.

Правопонимание в юридической теории ставится как чисто познавательная задача. Декларирование его мировоззренческого характера сути дела не меняет: налицо подмена правопонимания знанием и признанием существования права в той или иной его форме и содержательности.

Необходимо учитывать два условия обретения правопонимания. Первое из них – в прояснении того, в чем существо понимания как специфического духовно-интеллектуального акта и как следовать в понимании права законам самого понимания, в отличие от познания.

Соблюдение этого условия приводит к убеждению, что правопонимание не находится в компетенции научной теории. Наука – форма познания (познавательной деятельности) и потому способна дать лишь правознание, правоопределение. Будучи формой коллективного творчества, наука способна опираться лишь на конвенциональность единиц мышления. Конвенциональным становится и правопонимание. Это не снимает проблему понимания, а лишь замазывает ее.

Правознание ведет к конвенциональности относительно понятия права – и наоборот. Понимание неконвенционально. Как подлинный интеллектуально-интуитивный акт оно также некоммуникативно: став коммуникативным, правопонимание превращается в информацию. Понимание монологично, поэтому оно лишь увязает в коммуникации.

¹ © Малахов В. П., 2022.

Вторым условием для обретения понимания права является выбор в качестве отправной точки не действия права, не права в его действительности, т. е. явленности, а его идеи. Понимание возможно уже при некотором исходном понимании, и это исходное состояние – право в его идее. То есть понимание права связано с пониманием его в идее. Идеи не носят конвенциональный характер, не сводятся к определениям, они – продукт и инструмент индивидуального, интеллектуального духовного творчества, правового состояния человека.

Идея права находится за пределами общеправовой теории, но должна бы быть в ней как ее стержень. Это не значит, что нужно переходить от понятийного к ноуменальному построению теории. Но без опоры на идею права юридическая теория повисает в воздухе. Точку опоры при этом она находит лишь в неких аксиоматических утверждениях, среди которых оказывается и само понятие о праве. И теория неизбежно превращается в догму, что не обесценивает, конечно, теорию, но сильно сужает диапазон ее возможностей и предназначения.

Перед общеправовой теорией стоит дилемма: либо включить идею права – но тогда эта теория уже не научная, либо не включать – но тогда невозможно понимание. Общеправовая теория пока избирает второе и потому фактически должна снимать вопрос о правопонимании.

Здесь вовсе не ставится задача отбрасывания правознания как недостаточно-го или неверного процесса. Речь должна идти о различении и взаимодополнении правопонимания и правознания.

Сказанное подводит к мысли, что правопонимание – принципиально индивидуальный акт, оно – философская, а не научная проблема. Смерть и понимание, писал Л. И. Шестов, – две совершенно личные вещи, которые в состоянии пережить каждый человек только сам. Понимание, стало быть, личное переживание.

То, что многие могут придерживаться общего правопонимания, не указывает на его конвенциональность. Просто это признание чьего-то индивидуального правопонимания, авторитета его субъекта, снятие с себя обузы самостоятельного решения проблемы или вообще отказ от самостоятельной точки опоры в мышлении о праве.

Правопонимание есть акт мышления о праве в целом, а не в отдельных моментах, в проблемах, средствах, правилах, регламентах и т. п. Правопонимание как процесс опирается не на свойства, а на концептуальный, смысловой фон. Понимание права не требует полноты, важен и достаточен сам факт понимания. Но понимания требует право в каждый отдельный момент его существования, поэтому мышление о праве постоянно изменяет содержание мысли о нем. Иного пути, чем включение в понимание, для понимания права нет. То есть это непрерывный творческий акт, а не результат анализа, исследования. И этот акт не в теории, а в мыслительной практике.

Обращение к свойствам, элементам, функциям права не есть мышление о праве. Теория поддерживает иллюзию связи мышления об этих компонентах с правопониманием.

Правопонимание не связано с онтологизацией знания права, оно – процесс органичного вхождения в право как форму человеческого бытия, т. е. вхождения в определенное состояние права в самом человеке.

Верность или неверность того или иного правопонимания – не вопрос теории. Правопонимание – это феномен, вся суть которого в его наличности, в самом акте мышления, а не в его содержании и результатах, не в пользовании им как инструментом, знанием, навыком и т. п.

Поскольку правопонимание – не вопрос науки, постольку оно не может быть иным, чем индивидуальным духовным актом. В понимании как творческом индивидуальном акте предмет и субъект существуют в единстве. Убрать человека из акта понимания, оставить понимание как таковое, включить его в коммуникацию – значит превратить его в знание, т. е. выдернуть из процесса, остановить.

Правопонимание – обоюдный, разновекторный процесс: он одновременно направлен и на предмет (на право), и на самого субъекта, находящегося в акте понимания. Правопонимание есть рефлексия субъекта.

С одной стороны, правопонимание можно и следует рассматривать как процесс становления личности, а с другой стороны, оно именно таково – и как процесс, и как продукт, – какова эта личность (ее духовный размер).

Скажем иначе: с одной стороны, понимание права есть индикатор собственной адекватности субъекта в правовой сфере, с другой стороны, оно является способом самоутверждения субъекта и в правозначимой деятельности, и в мышлении права.

Понимание права возможно, только если признать человека правовым существом; иначе возможно только выдумывание понимания и объяснение им видимого. Правопонимание возможно только как духовный взгляд правового существа. Правовое существо – культурно определенное и индивидуализированное, поэтому и правопонимание – индивидуальная задача.

Постановка вопроса о правопонимании как индивидуальном акте имеет как теоретический, так и практический смысл. В теоретическом плане он важен, поскольку позволяет преодолеть ограниченность наукообразного определения права как совокупности некоторых существенных, определяющих элементов. Если понимание по самой его природе направлено на природу и сущность права, то наукообразное определение права как эквивалент его понимания ограничивается областью явлений.

В практическом плане вопрос важен потому, что только в индивидуальном акте правопонимания формируется правосознание. Понимание права есть самовыражение субъекта понимания, его актуализированное правосознание. Оно формируется не как совокупность определенных суждений о праве или в качестве мотиватора практической деятельности, а как состояние, настрой мышления, духовная готовность вхождения в право и к жизни по праву.

Барзилова И. С.¹,
*профессор кафедры
теории государства и права
Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВА

В настоящее время в отечественной юридической науке осуществляется поиск новых подходов к пониманию права. В свое время Г. В. Мальцев высказал мнение, что «сейчас трудно представить детально, каким станет право в XXI в., но ясно, что понимание права будет совершенно новым по сравнению с тем, которое сегодня владеет нашими умами» [с. 408]. Современные юристы как раз и решают проблему, связанную с выработкой парадигмы юридической доктрины современной России нового столетия. Думается, подобный процесс должен осуществляться с учетом анализа и объективной оценки существующих направлений в правопонимании.

Являясь сторонником нормативного подхода, хотелось бы обозначить некоторые проблемы в сфере общей теории права.

Во-первых, сохранение отечественных традиций относится, пожалуй, к одной из актуальнейших проблем развития российского права на современном этапе. Непродуманное заимствование институтов и механизмов из иностранных правовых систем со всей очевидностью продемонстрировало недопустимость слома сложившихся российских традиций в угоду сиюминутным веяниям. Ценность национального права как определенной социальной формы заключается в разумной организации и реформировании всей системы общественных отношений, ее защите от аутодеструкции, позволяя отстаивать и наиболее беспрепятственно удовлетворять интересы государства, общества, отдельных индивидов посредством упорядочения и регулирования системы.

Оценивая перспективы развития отечественного права, необходимо соотнести с теоретической и методологической точек зрения универсальное и национальное в праве. Выявление общих тенденций развития права, связанных с изменением самих социальных связей, в то же время сохранение традиций, сложившихся общих подходов в процессе правового регулирования должны учитываться при модернизации российской правовой системы. Юридические традиции позволяют праву как государственно-властному регулятору быть высокочувствительным к природе и имманентной нормативности регулируемых им объектов, не подменяя развитие социальной среды, а усиливая, охраняя ее, создавать необходимые условия и ориентиры, давать общее направление и общие цели.

Во-вторых, в отечественной юридической науке недостаточно внимания уделяется исследованию проблем системы российского права, системы российского законодательства. В качестве угрозы следует отметить размывание пред-

¹ © Барзилова И. С., 2022.

мета правового регулирования на отраслевом уровне, что приводит к появлению значительного числа конкурирующих либо дублирующих друг друга норм. Это вовсе не является свидетельством дифференциации российского законодательства, наоборот, смешение предметов правового регулирования различных отраслей права затрудняет специализацию законодательства.

Не всегда оправданной представляется попытка закрепления на законодательном уровне новых правовых образований. Неумелое использование средств, приемов и правил юридической техники приводит к тому, что эти правовые образования приобретают, по сути, промежуточное значение между институтами и подотраслями права.

Некоторые правовые институты настолько объемны, что приближаются к статусу подотрасли права, являются базовыми для отраслей права и могут во многих случаях предопределять развитие целой отрасли. Комплексный характер таких институтов ставит вопрос об их месте в системе существующего права.

В-третьих, проблемой видится и искусственное расширение в ряде случаев сферы правового регулирования, приводящее к излишней зарегулированности общественных отношений. Право рассматривается как некая панацея от всех социальных бед, хотя это не всегда так. В результате процесс реализации права для субъектов настолько усложнен, что для нивелирования этого негативного фактора они формируют собственные механизмы, в том числе с использованием конкурирующих норм из других отраслей права.

Выделим несколько направлений развития системы современного российского права:

1) дальнейшая дифференциация, заключающаяся в увеличении количества подотраслей в рамках отдельной отрасли права;

2) попытка создания мегаотраслей (например, экономическое право), объединяющих отдельные правовые отрасли;

3) попытка формирования комплексных отраслей права, основанных на «двойственных» (например, императивно-диспозитивном) методах правового регулирования;

4) значительное укрупнение отдельных институтов права, составляющих с точки зрения своего объема самостоятельную подотрасль или даже отрасль права;

5) распространение практики использования в рамках системы права смешанных правовых режимов, что приводит к утрате императивных начал публичными отраслями права и диспозитивных – частными;

6) распространение практики использования отсылочного и бланкетного способов изложения юридических норм в рамках отрасли права;

7) изменение качества связей, возникающих между структурными элементами системы российского права и т. д.

В-четвертых, необходимым представляется создание единого согласованного понятийного аппарата юриспруденции. По этому поводу все чаще ведутся дискуссии по логико-гносеологическим, методологическим, лингвистическим проблемам юридических дефиниций. Важность проведения логического анализа применяемых определений предопределена их особым статусом в правовой сфере, связанной с институционализацией всех государственно-правовых явлений

в юридических актах. Дефиниции позволяют придать известную упорядоченность, логичность и стройность в правовом регулировании, унифицировать законодательство. Они выступают в качестве долговременной и продуктивной связи между элементами российской правовой системы, структурно ее оформляя.

Однако часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, перегрузкой или, наоборот, существованием пробелов и противоречий в понятийном строе юриспруденции, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и то же правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе.

Имеет место и проблема соответствия юридических дефиниций постоянно меняющейся правовой действительности, что придает особую значимость исследованиям в сфере социологии права, изучающей функционирование институтов права в общественной системе. Существенная роль отводится и методологическим вопросам юридической науки, нуждающейся в обширном философском и науковедческом контексте.

Проблема выстраивания единого понятийного ряда в юриспруденции в особой степени касается межотраслевых институтов, статус которых в условиях реформирования российской правовой системы и происходящей модернизации действующего законодательства значительно возрастает. Все это предопределяет необходимость проведения совместных общетеоретических и отраслевых исследований.

В-пятых, в настоящее время вполне очевидна задача поиска новых методологических подходов к исследованию правовых явлений, расширения сферы применения методов познания, используемых в рамках естественных и технических наук. Юридическая наука на протяжении длительного времени осторожно относилась к использованию методов естественных и технических наук для изучения государственно-правовых явлений. Сегодня же важно в определенной степени преодолеть этот барьер. Математический, кибернетический, статистический методы приобретают все большее значение при проведении исследований в рамках общей теории права. Инструментальный аспект действия права в современный период выходит на первый план. Средства, используемые в современном механизме правового регулирования, приобретают не только правовую, но и техническую окраску. Использование понятий «цифровая среда», «цифровое регулирование», «режим цифрового регулирования», «правовые технологии», «цифровое право» свидетельствует о том, что право должно быть частью единого процесса, в котором сферы юридического, технического и естественного переплетены тесным образом. Тем не менее коренным образом отходить от традиционного подхода к пониманию процесса правового регулирования все же нельзя, так как он касается прежде всего людей, учитывает их социальную и биологическую природу.

В-шестых, в отечественной юридической науке (особенно в сфере частного права) предлагается пересмотреть традиционные конструкции и юридические понятия. Речь идет, например, о конструкции «субъект права». Под субъектом права, в частности, предлагается рассматривать цифровые сущности, искусственный интеллект, аватары и т. п.

Весьма противоречивым представляется вопрос, касающийся определения объекта правового регулирования и субъекта права. Появление в цифровой среде явлений, обозначаемых понятиями «цифровая сущность», «искусственный интеллект», ставит на повестку дня вопрос о соотношении субъекта и объекта правового регулирования. Возникновение подобных промежуточных субъектно-объектных явлений касается и структурирования системы права и системы законодательства.

Двойственный статус имеют такие явления, как цифровая сущность, искусственный интеллект. Некоторые авторы предлагают их рассматривать уже в качестве самостоятельных субъектов права. Это не совсем оправданно, даже если не затрагивать морально-этическую составляющую вопроса. Намечается тенденция к сужению перечня объектов права и, соответственно, увеличению перечня субъектов права, что приведет в результате к изменению структуры предмета правового регулирования некоторых отраслей.

Возникает вопрос и о самих участниках правовых отношений в виртуальной сфере. Могут ли ими быть только живые люди или возможно участие и роботов, «цифровых личностей», искусственного интеллекта?

В процессе правового регулирования необходимо учитывать следующие риски: недопустимость стандартизации человеческой личности, формирования определенных человеческих типажей по заданным человеческим параметрам; недопустимость использования технологий, превращающих человека в объект для эксперимента с неопределенными последствиями; понижение в профессиональной сфере конкурентоспособности обычного человека, не обладающего улучшенными технологиями свойствами; изменение с помощью технологий подлинности человека и природы, базовых представлений о том, что есть человек и т. д.

Можно выделить и другие проблемы в сфере правопонимания. Следует согласиться с тем, что в сложных политических и социально-экономических условиях России предстоит сделать выбор основных ориентиров и принципов правового развития, а для этого прежде всего необходим выбор правопонимания [с. 34].

Список литературы

Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.

Клименко А. И.¹,
начальник кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ПРАВОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСИВНО-КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

В условиях современного общества расширяется сфера правового регулирования общественных отношений, что выражается в юридикации различных сфер жизни людей. Наряду с этим в идеологической сфере общества особое значение приобретают правовые ценности и идейные конструкты. Сегодня о сколь-либо политически значимом явлении, в какой бы плоскости оно ни лежало: экономика, мораль, религия, – принято говорить, интерпретируя их в правовом контексте, в контексте правовых ценностей и идей, а также используя язык права. Можно в этой связи отметить, что в «идеосфере» [2, с. 223–224] современного общества господствует правовая идеология. В этих условиях право не может уже восприниматься лишь инструментально, т. е. как то, что выступает универсальным политическим инструментом (хотя отчасти и такой подход следует признать не лишенным смысла) или как форма, в которую может влиться различное содержание. Сегодня само право выступает в качестве содержания социальных процедур и процессов. Соответственно, оно уже само нуждается в том, чтобы его воспринимали содержательно. Иначе становится невозможно понять современные социально-политические явления в их системной связи. Современное право уже не сводимо к его нормативной системе и должно рассматриваться как система ценностей и идей особого рода.

Именно такое видение права – содержательное – следует из неомарксистского социоаксиологического подхода к праву, результатом которого является формирование дискурсивно-конвенциональной теории права.

Дискурсивно-конвенциональная теория права является, на наш взгляд, наиболее подходящей применительно к анализу права современного общества. Подобно коммуникативной теории права [5], с которой она имеет много общего, она дает новое видение ряда правовых проблем, требующих теоретического осмысления, и способна послужить основанием для формирования на ее основе различных научных правовых теорий и концепций. Например, наиболее очевидными проблемами, помимо проблемы сущности права, которые осмысливаются в контексте этой теории, выступают проблемы генезиса права, легитимности законодательства, правозаконности, правового государства, гражданского общества, правосознания и правовой идеологии, правового поведения, правовых систем и др. Здесь дискурсивно-конвенциональная теория права выступает как общая теория, базирующаяся на социоаксиологическом подходе к праву и включающая целый набор отдельных теорий и концепций.

¹ © Клименко А. И., 2022.

При этом в рамках любой теории права важнейшим вопросом, который обуславливает все остальное, является вопрос правопонимания. Безусловно, дискурсивно-конвенциональная теория права, являясь одним из направлений социального конвенционализма, апеллирует к концепции общественного договора как определенной модели осмысления социальной реальности, а другой ключевой категорией этой теории является категория публичного правового дискурса. Дискурс здесь мыслится как механизм образования социальных конвенций (в данном случае в отношении формирования правовых ценностей и смыслов). При этом, используя слово «дискурс», следует отдавать себе отчет в том, что оно понимается весьма вариативно. Необходимо пояснить, что именно имеется в виду под категорией «публичный правовой дискурс». Под ним следует понимать такую практику социальной коммуникации, предполагающей выработку соглашения в рамках открытого обсуждения, в которой формулируются и сталкиваются интересы и потребности социальных акторов (прежде всего интересы социальных классов), результатом которого становятся общие конвенциональные ценности. Смысловыми координатами публичного правового дискурса являются идеи справедливости и свободы, порядка и ответственности [3, с. 109–112].

Правовой дискурс развивается на научно-концептуальном, идеолого-доктринальном, экспертно-аналитическом, профессионально-юридическом и массово-обыденном уровнях. Последний уровень является интегрирующим: в результате столкновения концепций, теорий, экспертных мнений, мнений юристов формируются правовые ценности. В механизме публичного правового дискурса следует выделить три основных уровня: нормативный (правила самого дискурса и правила доступа к нему), институциональный (предполагающий наличие институтов или своего рода площадок, в рамках которых может протекать дискурс), технологический (который сегодня активно развивается; именно на этом уровне мы прежде всего наблюдаем прогресс информационных технологий и процессы цифровизации). Сегодня заметно то, что изменения технологического уровня влекут изменения и других [4]. Однако даже в век информационных технологий влияние уровней остается взаимным. Так, на нормативном уровне право, мораль, религиозные нормы могут ограничивать развитие дискурса, табуируя определенного типа информацию, формы ее презентации и репрезентации, вытесняя из дискурса отдельных потенциальных участников. Вопрос доступа к публичному правовому дискурсу, способа направления воспроизводимых в дискурсе идей, выражающих классовые интересы, а также вопрос интенсивности воспроизводства тех или иных идей и смыслов представляются весьма существенными. Так, в рамках критических исследований дискурса мы видим, что конфигурация и распределение классовых сил в дискурсе рассматривается как полноценный инструмент подавления, господства и эксплуатации, как «злоупотребление языком» [1, с. 36].

Конвенционализм дискурсивно-конвенциональной теории права может создать ложное впечатление о несовместимости ее с классовым подходом к праву или же, что также существенно, о том, что дискурсивно-конвенциональная теория не утратит своего научного качества, если вырвется из марксистской (неомарксистской) традиции политико-правовой мысли (т. е. представление о том, что она возможна и не в рамках классового подхода к социальной структу-

ре общества). На такие представления наталкивает то обстоятельство, что в ее основе лежит представление о возможности и даже о ценности социального компромисса, тогда как марксистская традиция и марксистская классовая теория делают акцент на классовой борьбе и антагонистичности классовых интересов. Тем не менее следует признать, что, оторвавшись от классового подхода, дискурсивно-конвенциональная теория права утратит свое научно-теоретическое качество. Хотя, конечно, мы не можем не учитывать и то, что первоначальное марксистское понимание классов и сам механизм классовой борьбы и классового взаимодействия уже совершенно справедливо пересматривается некоторыми современными теоретиками, философами неомарксистского толка, однако это именно развитие данной категории, а вовсе не отказ от нее.

Итак, разобравшись с концептом публичного правового дискурса, следует обратиться, собственно, к вопросу правопонимания. В этом плане следует отметить, что с точки зрения дискурсивно-конвенциональной теории право, во-первых, рассматривается как система ценностей, а во-вторых, носит классовый характер, опосредованно выражая классовые интересы и потребности. В-третьих, право является конвенциональным образованием, выражая как бы компромисс (далеко не равный) между классами. В-четвертых, право формируется путем публичного правового дискурса, результатом которого и является легитимное право как система конвенциональных ценностей.

Таким образом, право в рамках дискурсивно-конвенциональной правовой теории является системой конвенциональных правовых ценностей, формируемых в результате публичного правового дискурса и выражающих временный компромисс классовых интересов. Предполагается, что выражение этих ценностей в законодательстве сообщает юридической форме закона правовое качество. Именно в таких условиях современное законодательство может быть легитимным и эффективным. Это важно понимать в рамках реализации правовой политики современного правового государства.

Список литературы

1. Дейк Т. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Изд. стереотип. М. : Либроком, 2014. 352 с.
2. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб. : Нева, 2004. 608 с.
3. Клименко А. И. Смысловые координаты правового дискурса: к проблеме правопонимания // Современные подходы к пониманию права и их влияние на развитие отраслевой юридической науки, законодательства и правоприменительной практики : сборник научных трудов / под. общ. ред. В. И. Павлова, А. Л. Савенка. Минск : Академия МВД, 2017. С. 108–113.
4. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Иванюк О. А. и др. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Инфра-М, 2019. 234 с.
5. Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета : Университетский издательский консорциум, 2012. 288 с.

Сигалов К. Е.¹,
*профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

АРХАИЧНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Одним из важнейших оснований правопонимания является возможность его трансляции, доведения до сведения как заинтересованных, так и не очень заинтересованных лиц. На определенном этапе социального развития общества (а именно – появления собственности и начала классообразования) появляется необходимость фиксации социальных норм. Данные этнографии и реконструкция письменных источников позволяют сделать вывод, что четвертое разделение труда (т. е. разделение умственного и физического труда) добавило к группе сказителей и знатоков обычаев еще и так называемых хранителей времени – специально подготовленных членов общин, способных фиксировать в своей памяти не только и не столько бытовые события, происходившие с племенем, сколько нормативные параметры его существования, дабы вожди не зависели от личностной и «идейной» интерпретации таковых упомянутыми народными сказителями. Необходимость запоминать и фиксировать объективно вела к различным способам помочь запоминанию – от «узелков на память» до графических изображений на чем-либо. Именно это и было апогеем развития духовной культуры первобытного общества, а вместе с тем и одной из наиболее четких граней, отделявших его от более развитых цивилизаций. Именно создание упорядоченной письменности и овладение ею хотя бы частью населения (так называемой праинтеллигенцией) знаменовало собой начало рационального освоения содержания социальной нормативности. Именно в это время пиктография, ориентированная на смысл и чувства, превращается в идеографическое или логографическое письмо, основанное на рациональном восприятии. Позднее из иероглифического письма возникли более развитые слоговые и буквенно-звуковые (алфавитные) системы письменности, освободившиеся от письменности в виде картинок. В чистом виде идеография удержалась только в Китае.

Возникновение упорядоченной письменности было связано с потребностями фиксации социальных норм, созданием протокодексов, которые возникали в древности. Р. Кабриак небезосновательно отмечает, что «самые древние кодексы, действительно, появляются за две тысячи лет до нашей эры в Месопотамии: жители Двуречья „изобрели” право, как они изобрели письменности, и такое сопоставление отнюдь не случайно» [1, с. 30]. Г. С. Мэйн в «Древнем праве» также настаивал, что «что открытие и распространение письменности лежит в основе появления идеи этих древних кодексов». Возникающая письменность нужна была административной коммуникации, в которой нуждалось зарождающееся государство. Но первая письменность имела еще и некий сакральный

¹ © Сигалов К. Е., 2022.

смысл. Она была доступна далеко не всем, т. е. не всем позволялось ею овладеть, она была частью тайного знания, некоего колдовского обряда. Обладание письменностью и знание законов были привилегиями нарождающейся знати, которая только и могла составлять, трактовать и интерпретировать таковые. Облегчение идеографической письменности, появление письменности алфавитной облегчали доступ не только к ней, но и к праву, к тому знанию, которое ранее тщательно скрывалась жрецами. Сами правители также поняли, что их законы должны быть доведены до сведения всех путем фиксации на вполне доступных носителях информации (глиняных табличках, каменных стелах и т. п.), что тем не менее не снижало значения тех, кто мог разъяснять эту информацию должным образом.

В целом, понимание нормативности, существующей в обществе, и тех законов, которые начинало вырабатывать протогосударство, было в значительной мере обусловлено формами мышления, сформировавшимися в различных культурах, этнических группах и языковых семьях. Язык в огромной мере нормативен, и письменность обусловлена различными аспектами биосоциальной природы человека. Одни пишут слева направо, другие – справа налево (есть версия, что такая письменность была изобретена левшами). В разных языках различное количество времен, падежей, букв в алфавите. Это заставляло и заставляет одни народы формировать язык так, чтобы каждому звуку соответствовала одна буква, другие – формировать соответствующие буквенные сочетания, а третьи – использовать несколько букв для обозначения одного звука. Логика языка в огромной мере обусловлена системой конструирования предложений, понятий и, соответственно, различными возможностями логического мышления. Наиболее яркий пример ментально близких, но неоднородных культур – различие в форме мышления англо-американской и романо-германской правовых семей: в первом случае – индуктивное мышление, обусловившее господство прецедента, во втором – дедуктивное мышление, обусловившее господство кодексов и законов.

Право всегда было сопряжено с восприятием времени. Понятные всем прошлое, настоящее и будущее не столь однозначны, как кажется на первый взгляд. Во-первых, примитивные племена не знают будущего, не строят его, поэтому их нормативность ограничена традицией и обычаем, нацеленным на прошлое. Право всегда имеет несколько векторов своего существования, согласовано с бóльшим или меньшим количеством времен. Во-вторых, различные языки предлагают различные способы выражения времени: временами глаголов, отдельными словами и более сложными конструкциями. Усложнение языка повышает степень собственно языковой нормативности и определенным образом влияет на нормативность правовую. В-третьих, различные языки имеют разный «набор времен», необходимый для уточнения существа события. Стремление к упрощению языка ведет к частичной потере смыслов, уничтожению полихромности понятий (как это случилось в русском языке), а в случаях, когда нормативность языковых норм имеет религиозный или правовой характер, может быть основанием для санкций. Так, одним из оснований для наказания Максима Грека было то, что он перепутал перфект с аористом при обозначении имени Христа.

Таким образом, любая правовая культура обусловлена многочисленными, порой сложно транслируемыми или хорошо забытыми факторами своего происхождения, игнорирование которых ведет все к той же потере смыслов, а следовательно, к обеднению и примитивизации социальных норм. При этом чаще всего именно право становится первой из жертв. Язык – наиболее яркая форма проявления этой тенденции. Замечено, что революционные события столетней давности были обусловлены обращением именно к архаичным формам социального восприятия мира. Большевики были вынуждены искать свою социальную опору в самых отсталых и примитивных слоях общества. Это вынудило их упрощать и опошлять и первоначальный марксизм его основателей, иначе этот марксизм был бы просто не понят люмпенами, которых большевики вынуждены были считать народом. В известной мере опошление права в большевистском толковании началось именно с этого.

Право обусловлено национальными принципами мироощущения, главенствующим культурным кодом, языком, его формами и проявлениями, социально-экономическими условиями существования, ментальностью народа и его отдельных представителей. Правопонимание негомогенно, оно везде разное, и от того, какая из существующих тенденций развития победит, зависит будущее всей правовой системы.

Список литературы

Кабрияк Р. Кодификации / пер. с франц. Л. В. Головки. М. : Статут, 2007. 480 с.

Никитин А. Н.¹,
 профессор кафедры
 истории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор исторических наук,
 доктор юридических наук, профессор

Никитина М. А.²,
 старший научный сотрудник
 Всероссийского научно-исследовательского
 института МВД России

ПОНИМАНИЕ ПРАВА В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Древний мир (IV тыс. до н. э. – V в. н. э.) занимает особое место в истории цивилизации. Именно в тот период возникли государство и право, начало формироваться их понимание современниками, воплощенное в священных книгах, законах, философских и политических трактатах, сентенциях юристов. Сущность государства и права и на Востоке (Египет, Вавилон, Иудея, Индия, Китай), и на Западе (Греция, Рим) была одна и та же, но содержание отличалось. Различными были понимание и объяснение происхождения, природы и социального назначения указанной формы организации публичной власти и неразрывно связанного с ней регулятора общественных отношений.

Различия в понимании названных феноменов были обусловлены комплексом причин, в том числе состоянием общества и государства, уровнем развития правосознания, религиозной, политической и правовой мысли. В Торе, появившейся в период перехода иудеев от родоплеменного строя к государственному, отражена роль субъективного фактора, в частности единобожия, в этом процессе. Священное писание иудеев – убедительное подтверждение того, что нормативность в сознании людей утвердилась через религию и благодаря религии, причем еще до появления государства и права. Искупить грех обязан был всякий, даже первосвященник или вождь, нарушивший запрещающие законы Бога.

Религия непосредственно участвовала в формировании морали. Запретительные заповеди Бога воспитывали у иудеев совесть, чувство стыда: «С мужчиной не ложитесь, как ложатся с женщиной: мерзость это <...> ...женщина да не станет перед скотом для совокупления с ним гнусность это. Не оскверняйтесь ничем этим, ибо всем этим осквернялись народы, которых я изгоняю от вас <...> ...вы же соблюдайте установления мои и законы мои и не делайте ничего из этих мерзостей... ибо если кто будет делать все эти мерзости, то души, делающих это истреблены будут из народа своего» [1, с. 194].

Заповеди предусматривали участие народа в исполнении наказания за аморальные поступки. Он должен был побить камнями виновного, таким образом выразить свое отрицательное отношение к совершенному им деянию.

¹ © Никитин А. Н., 2022.

² © Никитина М. А., 2022.

Наряду с религиозными и моральными нормами содержатся в Торе и правовые. Наказание за их нарушение назначает суд, которому надлежало быть справедливым. Священное писание, объединившее все виды запретов понятиями «закон», «заповеди», учило: только их неукоснительное соблюдение обеспечит выживание народу Израиля.

Законы царя Хаммурапи так же, как и Тора, датируются II тыс. до н. э., но, в отличие от запретительных заповедей Бога, они появились в централизованном государстве и в обществе, которому было известно понятие справедливости. Происхождение власти Хаммурапи объясняется в указанном источнике его богоизбранностью, законы же созданы не богами, а царем для того, чтобы заставить справедливость сиять, чтобы дать стране «истинное счастье и доброе управление» [2, с. 33]. Однако за их изменение или отмену боги должны были покарать виновного и страну.

В Древней Индии в конце I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. общественные отношения, религиозная и правовая мысль находились на более высоком уровне, чем в Иудее и Древнем Вавилоне. Индусам были известны понятия греха и искупления, благодати, справедливости, совести, пользы и вреда. В памятниках культуры, истории и права встречаются понятия права собственности, владения, однако понятие нормы права отсутствует. Вместо него использовалось понятие «дхарма», неразрывно связанное с религией и моралью.

Корнем дхармы являлись священное откровение, священное предание, поведение людей добродетельных и самоудовлетворение, а также желание, возникающее из должного размышления. Согласно учению брахманов (жрецов), Брахма каждому человеку установил дхарму – правило жизни, определяющее его положение в обществе, род занятий и т. д.

Установил дхарму и царь «в пользу желательных для него [людей] и даже дхарму, нежелательную для нежелательных» [3, с. 231]. На живущих неправедно, т. е. нарушающих обе дхармы, царь был обязан налагать наказание.

Несмотря на то, что царь так же, как и общество, был творением Бога Брахмы, наказание не являлось его прерогативой. Оно представляло собой самостоятельную субстанцию, тоже было порождено Богом и даже являлось сыном последнего. Наказание могло быть обращено Брахмой против второстепенных богов и против царей, не проявляющих смирение. Царь же должен был судить виновных не один, а с участием брахманов и налагать наказание, чтобы обеспечить стабильность в стране.

Альтернативой дхармы помимо адхармы, означавшей неправильное поведение, является также понятие «артха» – польза. Некоторые брахманы – сторонники централизованного государства и сильной монархической власти считали, что царь своими предписаниями и указаниями должен утверждать пользу и таким образом обеспечивать порядок. Было даже разработано учение о пользе – Артхашастра, содержащее правовые предписания, в том числе о судопроизводстве.

В Древнем Китае в I тыс. до н. э. культ Неба уже не играл значительную роль, философская и правовая мысль развивались в основном вне ее влияния. Возможно, именно по этой причине возникло, постепенно усиливаясь, противо-

стояние морали и активно развивавшегося законодательства. В частности, в Чжоуском законодательстве (конец II тыс. до н. э. – VIII в. до н. э.) было закреплено положение: «Культура, нравственность – это отточенный инструмент императоров и правителей, военная сила и власть – это поддержка и помощь культуре и нравственности» [2, с. 84]. Но в эту же эпоху появился Гимн законам царя Просвещенного: «Ясны законы царя Просвещенного, вечно да будут блистать. С временем первого жертвоприношения донныне дали они совершенство стране, счастье для Чжоу» [4, с. 369].

Нараставшее ослабление монархической власти сопровождалось падением нравов, однако воспитание народа при помощи просвещения и наставлений все больше подменялось ужесточением наказаний. Последовавший затем распад страны на семь воюющих друг с другом царств способствовал появлению конфуцианства и легизма. Эти учения предлагали способы объединения страны и установления эффективного управления либо с помощью морали, либо с помощью сурового, равного для всех закона.

Конфуций и его последователи подчеркивали универсальность воспитательной функции морального авторитета. Таковыми должны были стать правители: «...если власть в стране в течение ста лет будет принадлежать хорошим людям, то они смогут справиться с насилием и обойтись без казней» [4, с. 83]. И далее: «Благородный муж видит в справедливости неприукрашенную суть. Ритуалы используются, чтобы воплотить ее в поступках, смиренность – чтобы дать ей проявиться, а искренность – чтобы достичь в ней совершенства» [4, с. 101].

Шан Ян, основоположник легизма, возражал: «...одного человеколюбия или справедливости еще недостаточно для того, чтобы добиваться хорошего управления Поднебесной» [5, с. 215]. Он был уверен: «Закон и предписания – жизнь народа и основа управления <...> ...но если наверху правитель создает законы, а внизу народ может обсуждать их, то законы и предписания никогда не будут установлены» [5, с. 237–238].

Реформы, инициированные Шан Яном, позволили царству Цинь объединить страну. Но именно законы, предусматривавшее жестокое наказание даже за незначительные преступления, стали одной из главных причин падения правящей династии. Новая династия Хань отдала первенство конфуцианству, не отвергая, однако, и легизм.

Хотя на Древнем Востоке был известен термин «право», однако то, что принято им обозначать, носило название «закон», источником которого являлось либо божественное предписание, либо воля монарха. В первом случае религиозные, моральные, правовые нормы составляли его содержание (Иудея, Древняя Индия), во втором – закон состоял, за небольшим исключением, из правовых предписаний (Древний Вавилон, Древний Китай).

Понимание права, близкое к современному, стало формироваться на Западе – в Древней Греции и Риме – благодаря выборности – важнейшему принципу организации публичной власти и понятию гражданства. Развитие имущественных отношений, прежде всего частной собственности, рост правосознания и особенно появление такого источника, как сентенции (ответы) ученых-юристов,

способствовали тому, что понятие «право» получило более широкое понимание, чем на Востоке. Более того, римские юристы разграничили право на публичное и частное и, что особенно важно, дали ему определение. Согласно Цельсу и Ульпиану право – наука о добром и справедливом [2, с. 182].

Определение, сформулированное Цельсом и Ульпианом, развил Павел. Он указал, что слово «право» употребляется в нескольких смыслах: во-первых, право означает то, что всегда является справедливым и добрым – каково естественное право; в другом смысле право – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве – каково гражданское право. Сформулировали римские юристы и понятие право народов.

Следует подчеркнуть то, что римские юристы признавали мораль в качестве источника права. В частности, Юлиан писал, что установившийся издревле обычай заслуженно соблюдается как закон, и это есть право, о котором говорится, что оно установилось нравами.

В заключение представляется важным отметить следующее: на Древнем Востоке в течение тысячелетий шел процесс формирования и осмысления феномена права, отождествлявшегося с понятием закона. Но только в Древней Греции и Риме, где был достигнут более высокий уровень развития цивилизации, утвердилось понятие права, одним из источников которого стал закон.

Список литературы

1. Тора. С переводом на русский язык / ред. П. Гиль ; под общ. ред. Г. Бравовера. Иерусалим : Шамир, 1996. 980 с.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века) / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало, 1999. 467 с.
3. Законы Ману: Манавадхармашастра / пер. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. И. Ильиным. М. : Эксмо-Пресс, 2002. 496 с.
4. Конфуций. Уроки мудрости. Сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. М. А. Блюменкранца. М. : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. 958 с.
5. Памятники письменности Востока. Т. 20: Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / пер. с кит., вступ. ст., коммент. и послесл. Л. С. Переломова. 2-е изд., доп. М. : Ладомир, 1993. 392 с.

*Малыковцева Е. В.¹,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

Советское право просуществовало меньше века, но оставило неизгладимый след в отечественной истории права. Доставшееся нам правовое наследие необходимо знать, чтобы в полной мере представлять, почему те или иные правовые конструкции, понятия или идеи продолжают существовать и иногда представляют эффективные средства правового регулирования.

Обращение к проблемам правопонимания создает возможности анализа культурных форм, в которых существовало и формировалось право нового государства, пришедшего на смену свергнутой большевиками монархии. Тем более интересен анализ именно этапа становления новой государственности в свете существовавшей и имевшей доминирующее значение марксистско-ленинской доктрины, в рамках которой формировались такие социальные институты, как государство и право. Складывание новой государственности и формирование права невозможно представить без следующей характеристики, полностью раскрывающей идеологическую составляющую происходящих процессов: «...между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата, т. е. властью, опирающейся непосредственно на насилие, не связанное никакими законами» [10, с. 27].

Приход к власти большевиков и, как следствие, смена формы государства повлекли коренные изменения в политико-правовой действительности. Изменения коснулись всех сфер общественной жизни и не могли не затронуть право. Именно право с точки зрения идеологии большевиков являлось средством, обслуживающим буржуазное государство. Поэтому изначально в нем кроме «зла» ничего не видели. Так, популяризируя идею «отмирания права», в категоричной и ясной форме эту мысль выразил в своих публикациях в 1924 г. А. Г. Гойхбарг. Определив, что идея права и справедливости служит интересам эксплуататорского класса, он констатировал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов» [4].

Отрицание права проявилось и в теории опасного состояния личности, имевшей доминирующее значение в уголовном праве в 1920-е гг. Но отрица-

¹ © Малыковцева Е. В., 2022.

лось именно буржуазное право. Свидетельством тому можно привести трактовку права народного комиссара юстиции РСФСР Д. И. Курского: «На месте сметенного в мусорную корзину истории буржуазного права пролетариат стал строить новое здание революционного права и в первые же дни Советской власти заложил прочные и незыблемые основы, крепкий железобетонный фундамент для новой юридической настройки» [6, с. 151].

Новая власть предполагала создание собственной системы регуляции общественных отношений и, как следствие, рождение нового права. Необходимость права была осознана уже в первые месяцы существования советской власти. При этом «отрицание права» не подразумевало хаос, беспорядок. Советская власть видела свой порядок в соотношении актов власти и творчества революционных масс, что в целом должно было создать эффективную систему регуляции на основе потребностей пролетариата. То есть источниками нового советского права выступали правотворящий авторитет в виде органов власти и революционное (социалистическое, пролетарское) правосознание.

На начальном этапе, когда необходимо было повсеместно утвердить начала новой государственности, власть:

- допускала действие норм дореволюционного права (в частности, Декрет Совета народных комиссаров о суде от 24 ноября 1917 г. предписывал местным судам решать дела, руководствуясь в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию [6, с. 47]);

- пыталась создать собственные основы регулирования (в большинстве своем они касались важнейших сторон общественной жизни и государственного управления, например Декрет II всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов о земле, Декрет Совета народных комиссаров о суде и др.);

- провозгласила возможность правотворчества масс и широкое усмотрение должностных лиц в принятии решений (вплоть до вопросов разграничения предметов ведения между органами власти. При этом зачастую это разрешалось на основании принципа революционной целесообразности).

Стоит отметить, что вопрос соотношения революционной законности и революционной целесообразности был актуален на протяжении всей истории формирования советского права. Могло меняться содержание законности (постепенно из революционной она превращается в социалистическую), но роль и значение революционной целесообразности были чрезвычайно велики.

В условиях фрагментарности нового законодательства революционная целесообразность воплощалась не только в советском праве, но и в самостоятельном, не регламентированном декретами революционном творчестве местных советских органов. Соображения революционной целесообразности выступали критерием правильности, законности действий органов и должностных лиц советской власти, ибо далеко не все вопросы были урегулированы в новом законодательстве.

Революционная целесообразность проявлялась и в правоприменении, что выражалось, в частности, в том, что законодатель официально допускал разре-

шение судебных дел на основе «революционной совести и революционного правосознания», на основе «правосознания трудящихся классов». Идеологическим источником революционной целесообразности в сфере правового регулирования являлось социалистическое правосознание пролетариата. В проекте программы РКП(б), написанном В. И. Лениным, судьям предлагалось «осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его руководствоваться социалистическим правосознанием, отменяя законы свергнутых правительств» [8, с. 115].

Практически сразу обнаружили и отрицательные последствия такого регулирования. Фактически через полгода после Октябрьской революции власть сталкивается с проблемами, порожденными самим управлением нового государства. Изменяющиеся условия, необходимость жесткой централизации (для пресечения сепаратистских и местнических тенденций) предопределили поворот к усилению права, законности как действенного средства преодоления организационной разобщенности и обеспечения необходимого единства в деятельности всех советских органов. В. И. Ленин подчеркивал: «...осуществление новых задач... Советскою властью, ее методами, на основании ее законов, является необходимым и достаточным для окончательной победы социализма» [9, с. 174]. Усиливается значение законности, в частности, в постановлении VI всероссийского чрезвычайного съезда советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 8 ноября 1918 г. все граждане республики, все должностные лица и органы Советской власти призывались к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений [5]. В этом же постановлении, однако, официально провозглашалось право государственных органов в чрезвычайных условиях отступать от законов.

Как писал В. М. Курицын, отказ от политики военного коммунизма и «...переход к рыночной экономике и демократизации политической системы был единственно возможным путем выхода из глубокого экономического кризиса 1921 г.» [5]. Новая экономическая действительность требовала изменения правового регулирования, поэтому укрепление законности становится важным ориентиром проводимых государством преобразований.

В этих условиях В. И. Лениным была сформирована новая концепция — концепция пролетарского (советского) права и революционной законности, в рамках которой юридическое содержание права подменялось идеологическим. Исходя из классовой природы права, оно рассматривалось как средство подавления меньшинства «трудящимся большинством». Под правом на законодательном уровне понималась система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой [6, с. 98]. Сама дефиниция подчеркивает классовую сущность права, а также значимость его принудительного компонента.

Необходимо отметить, что реформа 1922 г. имела компромиссный характер. По сути, после изоляции В. И. Ленина в Горках вместо демократических основ управления в стране происходит усиление власти партийно-государственного управленческого аппарата. Как верно отмечал В. М. Курицын, «в этих условиях

правлящая партия фактически стояла над законом» [5, с. 153]. Сам нарком юстиции Н. В. Крыленко в отношении создания губернского суда использовал следующие формулировки: «отрибунализировать совнарсуд» и «осовнарсудить трибунал» [6, с. 164].

После отказа от новой экономической политики в стране проводится ряд реформ – жесткая централизация государственного аппарата, индустриализация экономики и другие, в рамках которых в качестве основного принципа деятельности государства снова выдвигается законность. Но это уже не революционная законность, а больше социалистическая, выступающая фундаментом функционирования государственного аппарата. Конституция СССР 1936 г. закрепила принцип всеобщего равенства перед законом.

В постановлении совещания руководящих работников юстиции по докладу Н. В. Крыленко базовый принцип осуществления власти трактовался следующим образом: «Революционная законность на настоящем этапе означает укрепление диктатуры пролетариата, ускорение темпов социалистического строительства, усиление борьбы с классовыми врагами и его агентурой и одновременно обеспечение трудящимся массам полной возможности направить свою творческую энергию на социалистическое строительство, используя с этой целью все права, предоставленные им революционными законами и под охраной этих законов, против всяких административных перегибов, не говоря уже о прямых злоупотреблениях со стороны должностных лиц советской системы» [11]. Право перестраивается в сторону авторитета власти, правотворчество трудящихся масс уже не рассматривается как составляющая законности или порядка.

Становление советской доктрины правопонимания проходило те же этапы, что и формирование новой государственности, равно как и содержание правосознания различалось на каждом этапе развития советского государства, определялось задачами, стоящими перед государством. В начальный период складывания советской государственности большую известность приобрела меновая теория права Е. Б. Пашуканиса. Наряду с ней юристы пытались использовать психологическую концепцию права Л. И. Петражицкого в сочетании с марксистско-ленинской идеологией для обоснования действия интуитивного права (права трудящихся масс). Под социалистическим правосознанием понималось субъективное восприятие индивидом справедливого общественного порядка с точки зрения революционных классов. А. В. Луначарский в работе «Революция и суд» писал следующее: «...народ несет с собой новое интуитивное право, которое требует от него, прежде всего, истребления органов старого права, ощущаемого им как величайшая и сплошная несправедливость» [6, с. 156]. На «стихийно-классовой природе права, которое вырабатывается вне каких бы то ни было официальных рамок в рядах угнетенной и эксплуатируемой массы», настаивал и М. А. Рейснер [12, с. 20].

Юрист Н. О. Лаговьер определял, что сущность революционной законности состоит в «установлении такого правопорядка, при котором каждому обеспечена полная свобода, если он совершает то, что советским законом не воспреща-

ется, и наказуемость для всякого, кто бы он ни был, при совершении деяний, воспрещенных законом» [7, с. 6].

При определении содержания правопонимания в начальный период складывания советской государственности закономерным будет вопрос: кто стоял у истоков закладывания фундамента будущего права? Юристов в партии большевиков было не так много, но даже они, изучавшие основы классического права еще в дореволюционных университетах, не могли отказаться от природы и сущности данного социального института. Поэтому, накладывая как кальку основные идеи большевистской власти на право, они выводили его сущность, предназначение исходя из классовых начал. Так, Д. И. Курский определял основы советского права следующим образом: «Советская власть разрушила все три основы института буржуазного права: старое государство, крепостную семью и частную собственность... Старое государство заменили Советами; на смену крепостной и кабальной семье приходит семья свободная и насаждается общественное воспитание детей; частная собственность заменена собственностью пролетарского государства на все орудия производства» [6, с. 151].

Кадровая проблема, действительно, существовала, поэтому история содержит факты, когда Верховный суд СССР достаточно долгое время возглавлял человек с медицинским образованием, – что говорить о более низких судебных должностях, на которые мог претендовать каждый. Принцип профессионализма на тот исторический момент не был основой построения государственного аппарата.

Уже в начале 1930-х гг. (можно связать этот момент с личностью А. Я. Вышинского) окончательно формируется советское правопонимание. Длительный спор между Е. Б. Пашуканисом и А. Я. Вышинским привел к установлению единого понимания права, к определению круга задач, которые данный институт призван решать в советском обществе. Юридическая наука должна была отражать социалистический характер советского общественного строя, определявшийся общественной собственностью на средства производства. Вместе с тем она призвана была опираться на классические юридические институты и категории, выработанные многовековым историческим опытом и составляющие основу правовой культуры и правопорядка любого развитого государства. При этом и понятие права, и понятие законности, и даже понятие правосознания имели идеологическое содержание. Так, А. Я. Вышинский трактовал правосознание следующим образом: «Социалистическое (или коммунистическое) правосознание есть... сознание необходимости при отправлении правосудия действовать так, как это соответствует: 1) революционной и пролетарской диктатуре; 2) исходя из классовой борьбы; 3) во имя коммунизма» [1, с. 199]. Правосознание – это «конкретные, исторически обусловленные представления о должном, необходимом, обязательном, законном, – представления, сложившиеся в условиях борьбы классов» [2, с. 158].

В резолюции, принятой Всесоюзным совещанием прокуроров по докладу прокурора СССР А. Я. Вышинского от 16 июля 1936 г., было резюмировано, что на основе социалистической общественной собственности развилось и окрепло социалистическое право [13, с. 152].

Содержание советского правопонимания определялось конечной целью деятельности советского государства – построением коммунистического общества, а также конкретными общественными интересами каждого этапа исторического развития. К началу Великой Отечественной войны в советском праве сформировалась собственная юридическая доктрина. Под правом понималась «совокупность правил поведения, выражающих волю господствующего класса, установленных в законодательном порядке, а также обычаев и правил общежития, санкционированных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной силой государства в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу» [3, с. 183]. Такое понимание права просуществовало вплоть до смены сталинского режима, что ознаменовало переход к новой истории советского государства и, как следствие, к изменению ее концептуальных основ.

Список литературы

1. Вышинский А. Я. Еще раз о социалистическом правосознании // Рабочий суд. 1925. № 5–6.
2. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд., доп. М. : Госюриздат, 1950. 308 с.
3. Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1938. 192 с.
4. Гойхбарг А. Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1. С. 3–24.
5. Курицын В. Переход к НЭПу и проблемы законности: новое прочтение // Право и жизнь. 1992. № 1. С. 140–158.
6. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. V: Советское государство. М. : Проспект, 2003. 830 с.
7. Лаговьер Н. Советское право. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1927.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38: Март – июнь 1919. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1969. 579 с.
9. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36: Март – июнь 1918. М. : Издательство политической литературы, 1974. 741 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. 2-е изд. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. 670 с.
11. Постановление июльского совещания руководящих работников юстиции по докладу Н. В. Крыленко о конкретных мероприятиях по реализации постановлений ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. о революционной законности // Советская юстиция. 1932. № 23. С. 11–13.
12. Рейснер М. А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. Ленинград : М. : Государственное издательство, 1925. 276 с.
13. Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 сентября 1936 г. / сост. Б. И. Солерс, Д. И. Орлов ; под ред. и с предисл. А. Я. Вышинского. М. : Советское законодательство, 1936. 168 с.

*Денисенко В. В.¹,
доцент кафедры
теории и истории государства и права
Воронежского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В настоящее время в отечественной теории государства и права существует плюрализм мнений относительно философской и методологической основы научных исследований. После перехода к новой государственности, ознаменованного принятием Конституции 1993 г., произошел резкий подъем интереса к теме сущности права. Помимо доминировавшего в советский период истории нормативного подхода к праву стали формироваться альтернативные парадигмы. Наиболее известные концепции сущности права – это либертарно-правовая теория В. С. Нерсисянца и коммуникативная теория права А. В. Полякова. Данные парадигмы понимания права нами выделены по причине наибольшего числа учеников, упоминаний в учебной литературе и наибольшего использования в диссертационных работах. Следует сказать, что помимо этих подходов к сущности права в отечественной юриспруденции был предложен еще ряд концепций в связи с такими методами, как герменевтика, синергетика и др. При этом, несмотря на широкий выбор идей и методов, следует констатировать отсутствие какой бы то ни было господствующей парадигмы понимания права.

Речь здесь идет не о том единстве, которое произошло на печально известном совещании по вопросам науки советского государства и права (проведенном Институтом права АН СССР 16–19 июля 1938 г.), когда предложенное А. Я. Вышинским понимание права стало общеобязательным под угрозой репрессий. Проблемой видится отсутствие конструктивного диалога и отказ отечественных правоведов от формирования новой парадигмы правопонимания, которая бы решала задачи отраслевых наук и объясняла современные феномены в развитии общества и государства на уровне доктрины. Современная парадигма правового мышления должна выполнять задачу правовой идеологии [1, с. 11–17], поэтому должна соответствовать ценностям Конституции Российской Федерации. По этой причине теория «советского легизма», как метко назвал отечественный узконормативный подход В. С. Нерсисянец, не может претендовать на статус современной основы правовой политики российского государства. Им же замечено: «Если отбросить демагогические ухищрения Вышинского, то суть его определения права состоит в том, что право – это приказы диктаторской власти.

<...> После же Совещания 1938 г. легистский подход к праву, утверждаемый в противовес всем прежним подходам как враждебным и антимарксистским, получил статус и монопольные позиции официальной правовой доктрины – подлинного „марксистско-ленинского учения о праве”. Такой насильственный монополизм в науке означал лишение ее самостоятельного, объективно-

¹ © Денисенко В. В., 2022.

исследовательского, познавательного, собственно научного статуса, превращение ее в служанку тоталитарной власти, в послушного и безоговорочного апологета антиправового законодательства и неправовой практики» [2, с. 298–299].

Современный нормативный подход к праву принципиально ничем не отличается от легизма сталинского времени, так как, в отличие от нормативизма Кельзена и иных зарубежных авторов, акцент сделан на приказах государственной власти, и поэтому идея прав человека с такой теорией несовместима в принципе, ибо «несмотря на все расхождения между „узконормативным” и „широким” подходами, оба они по сути дела отождествляли право и закон... Тайна обоих подходов, скрытая под верой в иллюзии исторического масштаба, – в трактовке антиправового тоталитарного законодательства в качестве „социалистического права”» [2, с. 300]. Поэтому, если мы стоим на позиции приоритета прав и свобод человека, тип правопонимания не должен рассматривать право как инструмент исполнения любых приказов государственной власти.

Рассматривая современные теории понимания права, следует отметить, что ценность и перспективу имеют лишь те концепты, которые связаны с общественной практикой и имеют связь с общественными отношениями. Наука о праве как регуляторе общественных отношений должна быть основана на современной методологии, способной всесторонне проанализировать общество, так как «правовая система как по происхождению, так по способу образования и по характеру родства бесспорно обладает общественным характером: право происходит из недр общества, из его чаяний и потребностей» [3, с. 285].

Таким образом, мы отсекаем концепции, которые устарели, а также концепции, не имеющие содержательного наполнения, называемые Е. Б. Хохловым «химерами в правовой науке» [4, с. 4–14]. Речь идет о феномене «псевдоморфозов» – теорий, которые не имеют содержательной ценности для правовой системы. Такие химеры возникают путем заимствования юристами категорий и концепций из других сфер, а также эклектичного соединения различных концепций для создания новой авторской теории. Е. Б. Хохлов справедливо указывает: «С психологической стороны появление философско-юридических химер вполне объяснимо. Длительное (в сопоставлении с продолжительностью жизни одного человека) монопольное господство одной-единственной, далеко не совершенной, но при этом трактуемой как „единственно верное учение” философской системы существенно обеднило философский арсенал отечественных общественных наук (как, впрочем, сослужило отнюдь не добрую службу и самому „единственно верному учению”). При этом немаловажным является то, что указанная философская система отнюдь не являлась результатом свободного выбора, а была предписана извне. Нет поэтому ничего удивительного, что устранение такого „административного философского монополизма” вызвало стремление отказаться от нее, вне зависимости от того, насколько в действительности является верным марксистское учение в сфере общественных наук. Однако „воздух свободы”, как это часто бывает, не только расширил возможности познания, но и вызвал эффект „отравления” от его кажущегося избытка» [4, с. 5].

Также Е. Б. Хохлов выделяет химеры, возникающие при заимствовании из естественных наук категорий, конструкций и методов, а также юридически-

догматические химеры: «Здесь не только оперируют категориями, выражающими конкретику юридического быта, но и стремятся оторвать эти категории от этого быта, подвергнуть их в большей или меньшей степени абстрагированию и систематизации в качестве отвлеченных юридических понятий. Понятно, что такой путь чреват рождением не только позитивных юридических категорий, но и юридических химер» [4, с. 6]. Римская юриспруденция не рождала химер, так как была связана с практической деятельностью: «Римский претор был землевладелец и офицер, имел опыт в администрировании и финансах и именно на такой основе приобретал выучку, делавшую его способным к судебной и законотворческой деятельности» [4, с. 7].

Особенность современной романо-германской семьи, связанная с абстрактностью юридических конструкций, способствует формированию химер в правовой науке. Также существуют субъективные причины возникновения химер в правовой науке, они весьма разнообразны: от недостаточной научной компетентности до сознательного формирования конструкций, не имеющих научной ценности и содержания. Выходом из сложившейся ситуации, бритвой Оккама, может быть только использование юридической деятельности как критерия для необходимости правовой науке. Если социальная философия не связана с юридической деятельностью, то велика вероятность того, что она является псевдоморфозом или юридической химерой.

В последние два десятилетия в отечественной юриспруденции появилось достаточно много работ, связанных с использованием методологии естественных наук или философии, не связанной с практикой. В связи с этим уместно привести цитату из книги А. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна»: «...точные науки не являются источником метафор, готовых к употреблению в гуманитарных науках... использование таких метафор без должного внимания к их значению и в явно неподходящем контексте может лишь придать „видимость глубины банальным рассуждениям о социологии и истории” [5, с. 154].

К необоснованным заимствованиям из философии, не связанным с практикой, следует отнести попытки сформировать неклассическую философию права, основанную на теории М. Хайдеггера [6], попытки сформировать теорию права на базе идей синергетики и другие концепции. В частности, современный украинский философ права А. В. Стомба предлагает радикальную реформу юриспруденции на основе философии М. Хайдеггера. Стомба считает полезным замену ряда ключевых категорий: «субъект права», «юридический факт» и др. [6, с. 98]. Однако такое замещение поднимает «неизбежный вопрос о том, насколько оправдан подобный подход: ведь давая (в том числе за счет использования новой терминологии) несомненное смысловое приращение, оно одновременно усложняет многие вещи, которые можно было бы объяснить гораздо проще» [7, с. 138]. Следует согласиться с О. В. Мартышиным, который, проведя тщательный анализ неклассической философии права А. В. Стомбы, приходит к выводу: «Современная литература, философская и юридическая, дает немало примеров терминологических изысков, дающих приращение словесное, но не смысловое» [8, с. 41]. Современный правовед Е. В. Тимошина вполне спра-

ведливо замечает о непродуктивности заимствования из сферы естественных наук на примере терминов синергетики, используемых в последнее время в качестве «простого способа достижения научной новизны» [9, с. 235]. К сожалению, многие современные правоведы занимаются именно игрой слов, но, помимо усложнения терминологии, такая игра ничего не дает, ибо авторы явно игнорируют завет Оккама и создают сущности без необходимости.

По нашему мнению, парадигма современного правового мышления должна решать также вопрос легитимности права, что является важнейшей задачей в информационном обществе, где законы регулируют большинство общественных отношений. Проблемы легитимации права постепенно становятся объектом научной рефлексии не только в зарубежной, но и в отечественной юриспруденции [10, с. 14]. В. Д. Зорькин, говоря о негативных тенденциях в современном обществе, указывает: «Решение проблемы следует, как мне представляется, искать на пути смены все еще доминирующей модернистской парадигмы правовой теории с ее ярко выраженным европоцентризмом, которая (как это ни парадоксально, на первый взгляд) порождает постмодернистскую правовую практику с ее циничными двойными стандартами» [11, с. 2–3].

Наиболее перспективной парадигмой для отечественной правовой науки нам представляется дискурсивно-коммуникативная теория Ю. Хабермаса, которая соединяет в себе идеи универсализма и коммуникации. Как указывают исследователи данной теории, причина значительного влияния Ю. Хабермаса на современную мысль заключается в том, что ему удалось достичь убедительного и философски обоснованного синтеза двух течений в философии права: либерализма, состоящего в защите индивидуальной свободы, и республиканизма, делающего акцент на политическом участии. Соотнося их с двумя идеями свободы – индивидуальной автономии (или независимости от принуждения) и коллективной автономии (или демократического самоуправления), – Хабермас, опираясь на теорию дискурса, показывает, что оба понятия свободы предполагают друг друга. Тем самым им решается проблема напряженности между легитимностью и эффективностью (позитивностью) права [12, р. 136]. На основании теории коммуникативного действия Ю. Хабермас формулирует наиболее популярный в настоящее время вариант концепции делиберативной демократии.

В настоящее время принцип делиберативности закреплен в правовых системах многих стран. Делиберативные процедуры действуют как в публичном, так и в частном праве. В зарубежной науке вопросы делиберативности и связанных с нею демократических процедур являются одними из актуальных. Таким образом, можно сделать вывод, что современная отечественная дискуссия по проблеме правопонимания является актуальной, а выходом из «методологической рыхлости» может послужить коммуникативная парадигма правового мышления.

Список литературы

1. Клименко А. И. Идеологические основания правопорядка // Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов международной научной конференции. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2019. С. 11–17.

2. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 2005. 656 с.
3. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко. М. : Nota Bene, 2000. 574 с.
4. Хохлов Е. Б. Юридические химеры как проблема современной российской правовой науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2004. № 1 (252). С. 4–14.
5. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002. 241 с.
6. Стовба А. В. Об особенностях философско-правовой методологии // Правоведение. 2017. № 4 (333). С. 88–101.
7. Неклассическая философия права: вопросы и ответы. Харьков, 2013. 272 с.
8. Мартышин О. В. О предметной и методологической философии права и новизне неклассического правопонимания: в продолжение диалога // Государство и право. 2020. № 12. С. 35–44.
9. Тимошина Е. В. Классическое и постклассическое правопонимание как стили философско-правового мышления // Постклассическая онтология права / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб. : Алетейя, 2016. С. 218–294.
10. Денисенко В. В. Делиберативность как принцип принятия публично-правовых решений: юридический аспект // Гражданское общество в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 14–16.
11. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. 2019. № 4. 40 с.
12. Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge, MA: MIT Press, 1996. 631 p.

Правкина И. Н.¹,

доцент кафедры

государственно-правовых дисциплин

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

Одним из чрезвычайно значимых вопросов, стоящих перед отечественной правовой теорией, является проблема определения природы и сущности права. Право является полисемантическим явлением, смысл и содержание которого в условиях изменения парадигм современной общей теории государства и права, а также отказа от монистически-материалистических идеологических установок изменяется в зависимости от использования в теоретико-правовых исследованиях возможностей того или иного арсенала методологических приемов и способов.

Теоретическая дискуссия о смыслообразующих идеях права, конкретизации понятийно-категориального аппарата юридической теории до настоящего времени ведется как учеными-теоретиками, так и юристами-практиками. В правовой теории право и государство рассматриваются как взаимозависимые категории. В широком смысле для теоретика права особый исследовательский интерес представляют государство как политико-правовой институт и право как объективированная государственная воля. Однако прийти к общему мнению об установлении истинности разрешения данной спорной проблемы не представляется возможным. Прежде всего это обусловлено расширением методологической базы общеправовой теории, деидеологизацией научного знания, а также формированием качественно нового типа правопонимания. В связи с этим конструктивное решение проблем правопонимания позволит не только определить парадигму современной юридической теории, но и сформировать наиболее целостное представление о праве и правовой действительности.

Современные теоретики права, как правило, указывают на необходимость преодоления кризиса в традиции правопонимания и пересмотре действующих доктринальных положений российского законодательства с заложенным в него господством нормативного правопонимания. Поэтому одной из главных задач, стоящих перед отечественной теорией государства и права, является выработка концепции (теории) правопонимания, отражающей особенности правовой практики, а также адекватно вписывающейся в правовое пространство.

Следует отметить, что накопление знаний о природе и сущности права не сводится к простой выработке дефиниций, поскольку правопонимание представляет собой сложный процесс, представляющий собой «качественный скачок к такому знанию, которое не является суммой добытых знаний, но представляет собой некоторый „довесок”, всему накопленному знанию придающий

¹ © Правкина И. Н., 2022.

совершенно новый и полный смысл» [1, с. 5]. Правопониманию способствует понимание того, как отличить право от того, чем оно не является, от его иллюзорной конструкции, каков механизм действия современного права, а также какие источники непосредственно или опосредованно влияют на развитие права.

Осмысление проблемы правопонимания в постсоветском пространстве носит специфический характер и отличается рядом факторов:

1. Тесная связь юридической науки с догмой права. Однако, как полагает В. П. Малахов, что достаточно для практики (правореализации), то совершенно недостаточно для теории [1, с. 5]. Значимость и необходимость правовой теории обесценивается в том случае, если практикующий юрист не нуждается в идейно-ценностном обосновании своей практической профессиональной деятельности. Догматической юриспруденцией выработаны устоявшийся понятийно-категориальный аппарат, а также наличная система знаний, не позволяющие юристу определить тенденции изменения современного права, а также проблемы государственно-правового строительства.

2. Освобождение правовой теории от идеологических установок, приведшее к попытке теоретиков права эклектичного сочетания различных концептуальных идей общей теории права, не позволяющего получить теоретико-правовые утверждения, адекватные правовой реальности, и не способного решить проблемы правореализационной практики.

Традиционно правопонимание представляет собой теоретико-правовую категорию, отражающую процесс познания природы и сущности права и его результат, выражающийся в конструировании определенной системы знаний о праве. В свою очередь, тип правопонимания определяется как «образ права, характеризующий совокупностью наиболее общих теоретических признаков права и наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения» [2, с. 62].

Как правило, в классической теории права выделяют такие типы правопонимания, как этатизм, социологический позитивизм и юснатурализм. Однако на современном этапе государственно-правового развития все очевиднее становится ограниченность возможностей данных подходов в исследовании правовых явлений. В связи с этим осмысление правового феномена происходит в условиях методологического плюрализма и признания возможности существования права во всем многообразии его форм.

Особенности преобразования правовой системы российского общества, а также социально-экономические и политико-правовые изменения обусловили развитие и генезис классических типов правопонимания. К числу основных тенденций развития современного отечественного правопонимания относятся следующие:

1. Расширение методологической базы правопознания. Плюрализм в правопонимании носит амбивалентный характер и по-разному характеризуется современными теоретиками права. Так, с одной стороны, наличие различных подходов к пониманию природы и сущности права открывает широкие горизонты в исследовании права в его действительности, а не только в одной из его форм существования и развития, а с другой – довольно сложное сочетание раз-

личных типов правопонимания, отсутствие единства в понимании правовых явлений обуславливают негативные изменения в правореализационной практике. Однако необходимо отметить, что радикальный пересмотр методологических постулатов должен быть построен на основе общенаучных методов формального мышления. Так, по мнению Н. А. Власенко, современные теории правопонимания зачастую игнорируют элементарные философские требования гносеологии и онтологии, в связи с чем необходимо соизмерять продуктивность теорий правопонимания при помощи актуальных категорий «определенность» и «неопределенность» [4].

2. Выработка нового типа правопонимания, способного интегрировать наиболее значимые и ценные концептуальные идеи различных концепций правопонимания. Сторонниками интегративного типа правопонимания предприняты попытки выработки унифицированного подхода к пониманию природы и сущности права. Интегративному правопониманию посвящено большое количество диссертационных и монографических исследований, поэтому интерес к данному типу правопонимания обусловлен освобождением правовой теории от идеологических установок.

Например, И. Л. Честнов полагает, что «интегративное правопонимание только тогда может быть признано современным, когда будет отвечать постклассическим критериям рациональности, т. е. на вызов постмодерна. А для этого оно должно стать диалогичным» [3]. Диалогичный тип правопонимания основан на признании множественности правовой реальности, включающей в себя субъекта права, правореализацию, правосознание, правопорядок, а также правовые нормы.

Попытка выявления точек соприкосновения различных типов правопонимания, в результате чего становится возможной выработка целостного и адекватного понимания правовой реальности, предложена В. В. Ершовым. Согласно его мнению, интегративное понимание права, основанное на социологическом, легистском и естественно-правовом типах правопонимания права, выражается в принципах, нормах, содержащихся в системе форм международного и внутригосударственного права [4].

3. Увеличение степени значимости в познавательном процессе принципа научности. В силу своей фундаментальности данный принцип положен в основу отечественной правовой теории и является чрезвычайно значимым в конструировании определенных теорий, объясняющих природу и сущность права. При расширении методологических рамок правопознания следует исходить из объективной правовой реальности, из практически пригодных и применимых в действительности знаний. В связи с этим следует отметить, что положенный в основу теории правопонимания принцип научности способен наиболее адекватно отразить разносторонний характер познания природы и сущности права, а также изменить существующее право в соответствии с состоянием правовой практики.

Таким образом, современное отечественное правопонимание стремится: во-первых, преодолеть одностороннее критическое восприятие методологической базы общеправовой теории; во-вторых, расширить рамки устоявшихся класси-

ческих типов правопонимания; в-третьих, интенсифицировать внимание на праве в его действии, а также многообразии его форм.

Список литературы

1. Малахов В. П. Общая теория права и государство : курс лекций : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018. 271 с.
2. Поляков А. В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход : курс лекций. СПб., 2003. 843 с.
3. Честнов И. Л. Критерии современности правопонимания: современна ли интегративная концепция права? // Философия права в России: история и современность: Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсисянца. М. : Норма, 2009. С. 254–262.
4. Залоило М. В., Черкашина-Шмидт О. В. Интегративное правопонимание: новый подход // Журнал российского права. 2014. № 4 (208). С. 143–147.

Полозова И. В.¹,
*профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук, доцент*

ПРАВОПОНИМАНИЕ И АНТИНОМИИ СВОБОДЫ

Проблема правопонимания является одной из ключевых в философско-правовых исследованиях. Формирование философии права в значительной мере связано с попытками осознать его сущность и осмыслить базовые правовые ценности.

Одной из доминирующих моделей на современном этапе является либертарное правопонимание, которое оформилось в отечественной теории права к 90-м гг. XX в., сменив легистскую трактовку права, господствовавшую в советский период. Либертарная концепция правопонимания трактует право в основном на основе идей, сложившихся в западноевропейской мысли Нового времени, понимая его как форму и меру свободы, и рассматривает формальное равенство как сущностный признак и принцип права. Право в данной концепции предстает как нормативная форма выражения свободы, определяющая посредством принципа формального равенства справедливую меру свободы людей в общественных отношениях [5, с. 127].

Таким образом, формальное правовое равенство с точки зрения либертарного правопонимания представляет собой прежде всего равенство в свободе. Все, что не вписывается в требование данного принципа, трактуется как выходящий за рамки права произвол, рассматривающийся как антипод свободы, достойная реализация которой осуществляется в правовой форме. В рамках данной концепции право теоретически отождествляется с правами человека. Предполагается, что каждый человек может осуществлять свои права в пределах, в которых не нарушаются аналогичные права других лиц. С позиции либертарного подхода право человека может быть ограничено только для защиты прав другого лица.

Либертарное правопонимание, представляющее собой обоснованный юридическо-правовой подход, с точки зрения философии является формально-логическим и может быть рассмотрено как юридический аналог теории абстракций Дж. Локка, в которой исследуется отвлечение в процессе познания от всего конкретного в пользу неких абстрактных общих признаков, в данном случае – формального равенства в свободе. Данное правопонимание, несмотря на относительно позднее становление в отечественном правоведении, соответствует теоретическим моделям, сложившимся в философии Нового времени, и духу философии рационализма. Так, Дж. Локк, фигура которого является ключевой для становления новой европейской ментальности, говорил о свободе, согласующейся с разумом, и отличал ее от своеволия [4, с. 264]. В еще большей степени сближение понятий разума и свободы проявляется в философии Г. Гегеля.

¹ © Полозова И. В., 2022.

Однако свобода является категорией, по отношению к которой говорить о формальном равенстве, о ее согласованности с законами разума особенно сложно. Свобода является прежде всего метафизической категорией, по отношению к которой идея равенства и выраженная в праве «математика свободы» применимы с очень большой оговоркой. Неслучайно, что в неклассической философии, пришедшей в европейской мысли на смену всеобъемлющему рационализму гегелевского учения, именно категория свободы стала идейным средоточием различных течений иррационализма. Так, свобода, произвольное течение, стихийность, отсутствие внешней детерминации становятся характерным свойством Воли – основного понятия учения А. Шопенгауэра, определяющим ее собственную сущность как бесконечное стремление, как отсутствие всякой цели и всяких границ. Предшественник экзистенциализма С. Кьеркегор, противопоставивший гегелевской всеобщности единичность отдельного человека, его основной характеристикой также считает свободу, способность выбирать, осуществлять свободный выбор между альтернативными возможностями – «или-или», сводящийся в конечном счете к выбору между добром и злом, спасением и проклятием.

Еще большее значение проблема свободы приобретает для отечественной мысли. Ее серьезное исследование в связи с необходимостью рассмотрения «последней тайны человека» предпринимает в своих трудах Ф. М. Достоевский. Русскому писателю удается обнаружить лежащие в основе свободы противоречия, приобретающие при их глубоком и внимательном рассмотрении характер антиномий. Его исследование вдохновило Н. А. Бердяева, которого справедливо можно считать философом свободы, придавшего свободе онтологический смысл и рассмотревшего ее метафизические глубины и коллизии в своих многочисленных философских трудах. Драматизм человеческой свободы в ее отношении к Богу и в ее непримиримой оппозиции к бездушной рациональности был исследован Л. И. Шестовым. Ряд других отечественных мыслителей, среди которых следует назвать Б. П. Вышеславцева, обращается к проблеме свободы в контексте философского исследования права, где также обнаруживает ее противоречивость и даже антиномичность.

Таким образом, понятие свободы, лежащее в основе современного либертарного и, шире, либерального правопонимания, восходящее к ее трактовке в рационалистической философии Нового времени и ее принципам, является исторически и идеологически обусловленным и в силу этого весьма условным и ограниченным. Речь идет о свободе, которая способна вмещаться в рамки сознания европейского буржуа, быть ему близкой и понятной. Можно считать, что речь здесь идет об образе свободы, доступном для рационального истолкования, некой рациональной проекции свободы. Так, Дж. Локк, являясь по общему характеру своей философии преимущественно эмпириком, а не рационалистом, в своих «Трактатах о правлении» предлагает понимание свободы, ориентируясь именно на здравый смысл человека своего времени.

Вместе с тем философия, если рассматривать ее в целом, всегда исходила из сложности и неоднозначности понятия свободы. Противоречия, связанные с пониманием свободы, были обнаружены еще в античной философии. Напри-

мер, в философии стоицизма свобода определялась через познание необходимости, т. е. изначально понималась как содержащая в себе свою противоположность. Казалось бы, сфера свободы должна начинаться там, где заканчивается детерминированность, ослабевает причинная обусловленность, но в силу того, что стоицизм настаивал на разумности космоса и взаимосвязи всех явлений, подлинная свобода человека состояла в том, чтобы принять необходимость, а не сопротивляться ей. Иллюстрацией подобного понимания является известная фраза Сенеки: «Судьбы ведут того, что хочет идти, и влечат того, кто идти не хочет».

Данное противоречие легло в основу формулировки одной из антиномий – неразрешимых противоречий – чистого разума И. Канта. Следует сказать, что Кант в первой из своих знаменитых Критик – «Критике чистого разума» – не исследовал проблему свободы специально. Вместе с тем она оказалась камнем преткновения для разума, который смело брался за разрешение самых сложных философских вопросов. Напомним, что связанная со свободой антиномия чистого разума имеет следующее выражение: «Тезис: причинность по законам природы не есть единственная причинность, из которой могут быть выведены явления мира в целом. Для их объяснения необходимо признать еще и свободную причинность. Антитезис: нет никакой свободы, но все в мире происходит исключительно по законам природы» [3, с. 278]. Разрешение антиномии, связанной с пониманием свободы И. Кантом, состоит в том, что потенциально как тезис, так и антитезис данной антиномии могут оказаться истинными при условии их отнесения к миру ноуменов и феноменов соответственно.

Можно увидеть, что в историческом развитии философии нашли своих сторонников по отношению к свободе как тезис, так и антитезис антиномии, сформулированные И. Кантом, но обнаруженные задолго до него, изначально рассмотренные в том числе применительно к миру атомов. Данные позиции заслуживают внимания, в частности в силу того, что латинское слово «индивид» является калькой греческого слова «атом», а теоретической основой идеологии либерализма, на которой, в свою очередь, была выстроена либеральная концепция правопонимания, является индивидуалистический подход. Формулировка тезиса: в мире атомов (индивидов) присутствует свобода, возможно их свободное отклонение от изначальной траектории (Эпикур). Формулировка антитезиса: в мире атомов (индивидов) нет свободы, все детерминировано (Демокрит).

Можно увидеть также, что в идеологической и правовой плоскости также нашли свое выражение как тезис, так и антитезис кантовской антиномии свободы. Так, либеральная трактовка исходит из идеи свободы, представляя ее как действие собственной воли индивида, как отсутствие влияния извне, как независимость. Консервативная же трактовка, в свою очередь, обращает внимание на то, что провозглашаемая либералами свобода является всего лишь декларацией, а люди с самого рождения встроены в жесткую сеть соглашений и условий, обуславливающих их поведение в обществе. В этой связи можно говорить только о большей или меньшей несвободе от чего-либо, ибо свободы как абсолютной независимости не существует. Таким образом, и в идеологической, и в правовой сфере понимание свободы задается двумя взаимосвязанными подходами, которые в то же время являются взаимоисключающими.

Понятие свободы неотделимо от понятия выбора, как возможность и способность которого, собственно, и понимается свобода. Но данное понимание также включает в себе антиномию. С одной стороны, у человека всегда есть какой-либо возможный выбор, поэтому такая свобода всегда присутствует в его жизни. С другой стороны, последствия и результаты осуществившихся выборов составляют действительные обстоятельства жизни человека, в которых он находится, и по своей воле чаще всего уже не может изменить. Две этих стороны, которые соответствуют как тезису, так и антитезису в понимании свободы, также могут абсолютизироваться. Так, в философии экзистенциализма по отношению к личности нет и не может быть никакой причинной обусловленности. В любых обстоятельствах человек всегда выбирает самого себя, свой поступок и то, каким он сам будет в сложившейся ситуации. Эта свобода самоопределения неустранима из человеческого бытия, человек, по выражению Ж.-П. Сартра, обречен на свободу [2, с. 327] (тезис). Напротив, с точки зрения марксизма человек представляет собой продукт обстоятельств, слепок с общественных отношений (антитезис).

Понимание свободы может быть рассмотрено на различных метафизических уровнях. Здесь следует оговориться о достаточно известном философском положении, согласно которому понятие свободы является неотделимым от понятия воли, потому что свободной является именно воля человека. Напротив, разум и чувства человека в значительной мере являются детерминированными: разум обусловлен законами логики, чувства – телесной природой человека.

Таким образом, именно волю, которая потенциально является свободной, мы можем рассмотреть на разных уровнях бытия, в которые оказывается включенным человек:

- 1) проявление индивидуальной воли, на котором свобода понимается как то, что хочет, к чему стремится индивид;
- 2) воля к жизни, «жизненная сила» или энергия, понимаемая как то, что хочет осуществить через человека природа. К этому уровню относится трактовка воли А. Шопенгауэром и Ф. Ницше;
- 3) воля коллектива, группы, сообщества – может трактоваться как то, что хочет осуществить через человека коллектив;
- 4) воля нации, воля народа, более широко – воля человечества. В данном случае воля может пониматься как то, что хочет осуществить через человека «родовое существо»;
- 5) воля может рассматриваться как то, что хочет осуществить через человека Бог. В этом случае речь идет о божественной воле.

Можно увидеть, что либеральное понимание свободы предполагает ее рассмотрение преимущественно на первом уровне, где она трактуется как свободная воля индивида и независимость от действия воли более высокого порядка. Можно также предположить, что подобное понимание совершенно не исключает сведение свободы воли к неким более низким субуровням, ведь кажущееся проявление собственной воли индивида на деле может быть полной зависимостью от его собственных желаний, потребностей, привычек, которые философами древности характеризовались как страсти и в победе над которыми они

усматривали подлинную свободу человека. Более высокие уровни понимания (и ограничения) свободы воли для либеральной трактовки принципиально неприемлемы.

Противопоставление «свобода – детерминизм» по этой причине должно интерпретироваться в зависимости от онтологического уровня рассмотрения свободы воли. Например, проявление исключительно индивидуальной воли предполагает независимость от всех высших уровней (от третьего до пятого), но в то же время может пониматься и как зависимость, о которой в свое время писали античные и позже христианские философы, например от чувственной природы и от страстей души.

В то же время проявление свободы на более высоких уровнях действия воли, которые трактуются либерализмом как зависимость, могут быть рассмотрены как проявления подлинной свободы, когда человек свободно и ответственно делает собственный выбор для того, чтобы стать проводником воли коллектива, народа, нации (как, например, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский в Смутное время) или проводником божественной воли («Вот я, пошли меня» (Ис. 6:8)). Консервативная трактовка исходит именно из подобного понимания свободы, и кажущееся ее ограничение на деле является свободным служением человека ценностям более высокого ранга.

Антиномия свободы, сформулированная Ф. М. Достоевским, имеет отличную от кантовской редакцию и рассматривает совершенно иную плоскость понимания свободы. Здесь в качестве определяющего значения для свободы рассматривается ее направленность, ведь свобода всегда обращена либо в сторону добра, либо в сторону зла, и поэтому вовсе не следует и даже невозможно говорить о некой нейтральной и абстрактной свободе. Нельзя также говорить о том, что свобода однозначно является благом для человека и чем больше пространство свободы, тем всегда лучше для него. Антиномичность свободы состоит именно в том, что она в себе самой содержит противоположно направленные устремления, что она может служить как утверждению, так и разрушению человека [1, с. 46].

Свобода может поставить под вопрос самого человека, его тождественность самому себе, то, быть или нет ему человеком. Человечность не является неизменной сущностью, о чем знали, например, мыслители эпохи Возрождения, ведь человеческая природа является принципиально изменчивой, человек может как пасть до уровня животного, так и подняться до святости и приобрести облик, равный ангельскому. Поэтому свобода предполагает выбор прежде всего в данном отношении, представляя выбор человеком самого себя, задавая вектор онтологической устремленности человека. В этой связи следует сказать, что естественные права человека не являются априорными, но представляют собой следствие понимания человека с точки зрения высшего его предназначения. Права человека, которые он может иметь «в силу своей животной природы», – нонсенс [2, с. 264].

Можно также указать на то обстоятельство, что на современном этапе в связи со злоупотреблением свободой существует опасность расчеловечивания. Видимо, существуют сферы, в которые человеческая свобода в силу данной опас-

ности не должна вторгаться, к которым следует отнести, например, половую принадлежность, биологическую природу человека. Свобода метафизически является принципиально ненасытной и пытается отвоевать себе все новые области. Если говорить, например, о поступательном процессе расширения свобод, то первой волной данного процесса являлось требование гражданских прав и свобод (совести, слова); второй волной – предоставление политических прав и свобод, например всеобщего избирательного права; третьей волной – экономических свобод, обеспеченных социальными гарантиями (медицина, образование и т. д.). Сейчас, видимо, наступает период четвертой волны расширения свобод, когда свобода вторгается в сферу человеческой идентичности. И вот здесь понимание антитезиса антиномии свободы, обозначенного Ф. М. Достоевским и относящегося к содержащемуся в свободе потенциалу разрушения человека, становится особенно актуальным. Поэтому вряд ли следует приветствовать свободу по отношению к вопросу о выборе половой принадлежности, о прекращении своей жизни, например посредством эвтаназии.

Таким образом, философское понимание свободы содержит в себе антиномию, неустранимое противоречие, которое должно найти отражение и в правопонимании, которое не может ограничиваться трактовками свободы лишь как блага, но должно учитывать и разрушительную стихию человеческой свободы, которая может служить не только утверждению, но и разрушению человека, если не будет ограничена ценностями более высокого порядка.

Список литературы

1. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 2. М. : Искусство, 1994. С. 7–151.
2. Философия права : словарь / сост. В. Н. Жуков ; под общ. ред. В. Н. Жукова. М. : Мир философии, 2020. 790 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 592 с.
4. Локк Дж. Два трактата о государственном правлении // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М. : Мысль, 1985.
5. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 1997. 652 с.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.

Чувальникова А. С.¹,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПАРАДИГМА ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

Ошибочно полагать, что правопонимание – всего лишь набор идей, которые когда-то были высказаны о праве, приобретая форму канонизированных юридической теорией учений. Правопонимание – это, прежде всего, живой процесс познания права, который, как и всякий другой познавательный процесс, имеет в самом себе заложенную интенцию к развитию. Однако правопонимание – это не движение по замкнутому кругу, а скорее движение по спирали, способное к переходу на новый уровень в понимании права. Выходу правопонимания на новую траекторию может способствовать идея, расширяющая имевшиеся до этого представления или же меняющая их направление [4, с. 48–49]. При этом, если в развитии правопонимания круг имеющихся представлений в какой-то момент сужается, в последующем можно также ожидать выхода правопонимания на новый уровень подобно движению разжатой пружины. В связи с этим представляется неслучайным наблюдаемый в истории правовой мысли процесс своеобразной поляризации правопонимания, благодаря которому никогда не теряют своей актуальности противоречия между естественным и позитивным правом [1, с. 117–159]. Исчерпав свой потенциал, та или другая концепция нередко открывает путь к новым идеям в правопонимании, в том числе оставаясь в рамках какого-то одного типа правопонимания.

В описанной выше интенции правопонимания к выходу на новый уровень познания права нельзя не усмотреть его методологическую роль. Однако можно ли расшифровать заложенный в правопонимании методологический потенциал? Для этого представляется необходимым усмотреть внутреннюю организацию правопонимания, которая может быть определена как его парадигма, предполагающая нечто устойчивое и принципиальное в содержании правопонимания [2].

Парадигма правопонимания определяет отношение к фундаментальным для теории права и юридической науки в целом категориям и связанным с ними вопросам, ответы на которые задают систему координат для познания права, организуя познавательный процесс [5]. К таким вопросам могут быть отнесены: вопрос о происхождении права; вопрос о механизме правообразования; вопрос о связи права и государства; вопрос о соотношении права и закона; вопрос о ценности права.

Правопонимание всегда ищет и либо дает прямой ответ на вопрос о происхождении права, либо вырабатывает критерии оценки существующих в юриди-

¹ © Чувальникова А. С., 2022.

ческой науке подходов к решению этого вопроса. Например, юснатуралистский тип правопонимания допускает как минимум три подхода к объяснению происхождения права: в антропологической, космологической и теологической интерпретациях юснатурализма [3]. Методологическая роль вопроса о происхождении права в качестве составляющей парадигмы правопонимания выражается в том, что поиск ответа на данный вопрос определяет методологический путь познания права с точки зрения его источников.

Отвечая на вопрос о механизме правообразования, правопонимание разделяет явления и процессы на неправовые (доправовые) и собственно правовые, устанавливая между ними определенные связи. В частности, правопонимание выражает свое отношение к характеру связи между правовой нормой и правовым отношением. В структуре парадигмы правопонимания данный вопрос ориентирует на познание права с точки зрения закономерностей его действия.

Вопрос о связи права и государства определяет методологический путь познания права с точки зрения его связи с другими социальными институтами и процессами, позволяя исследовать право с точки зрения его детерминированности и обусловленности различными внешними факторами, способными оказывать на него влияние.

Вопрос о соотношении права и закона ставит процесс познания права перед необходимостью уточнить характер связи между формой и содержанием права, что в методологическом отношении способствует разграничению случайных и закономерных характеристик права, ориентирует исследование на поиск аутентичных праву способов внешнего выражения его содержания.

Наконец, вопрос о ценности права ставит процесс познания права на методологический путь поиска его функциональных характеристик через осмысление его значения для человека, общества и государства. Решение данного вопроса затрагивает достаточно много дискуссионных моментов и в конечном счете способствует акцентуации той мировоззренческой рамы, в пределах которой и будет определяться ценность права.

Ответы на поставленные вопросы задают своеобразный алгоритм, определяющий методологический путь познания права. Однако методологическое значение этого алгоритма, как представляется, выходит далеко за рамки исследования собственно права и распространяется на чрезвычайно широкий круг явлений, находящихся в предметной области не только теории права, но и других юридических наук. При этом вырабатываемое в рамках очерченной парадигмы правопонимания отношение к соответствующим категориям («государство», «закон» и т. д.) может рассматриваться в качестве отправной точки любого юридического исследования. Если ответы на указанные вопросы не подвергаются рефлексии, юридическое исследование либо может оказаться поверхностным, не давая приращения нового знания, либо рискует обнаружить глубокие противоречия, подвергая сомнению сделанные выводы.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1995. 320 с.

2. Зарубаева Е. Ю. Парадигмы правопонимания: теоретико-исторический анализ // Глаголь правосудия. 2018. № 4 (18). С. 59–62.

3. Золкин А. Л. Естественное право: традиции и современность // Известия Тульского государственного университета. Серия: Современные проблемы законодательства России, юридических наук и правоохранительной деятельности. 2000. Вып. 3. С. 65–71.

4. Малахов В. П. Философия права. 2-е изд. М. : Юнити-Дана, 2007. 336 с.

5. Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2005. 26 с.

*Маркова Н. А.¹,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
факультета подготовки следователей
Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

ВЛИЯНИЕ ПРАВОПОНИМАНИЯ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Правопонимание, выступая в текущий период времени в качестве имеющих динамичный характер развития представлений о праве, формируется непосредственно под его воздействием.

Существуют различные подходы к правопониманию соотносительно их приоритетности в правосознании. Представители «широкого» подхода к правопониманию продолжают последовательно придерживаться идеи разграничения права и закона. В противовес им сторонники нормативного подхода, к которым в большинстве своем относятся лица, непосредственно осуществляющие правоприменительную деятельность, в процессе правореализации предпочитают не использовать различные теоретические абстракции, а апеллировать к конкретно определенным регламентированным юридическим предписаниям.

Вследствие существования изложенных подходов к правопониманию складывается негативная ситуация, обусловленная тем, что в теории юридической науки и в процессе правореализации эти категории рассматриваются не только как самостоятельные феномены, но и как противостоящие друг другу. Получается, что на права человека переносится собственно отношение к теории естественного права, что приводит к их восприятию не в качестве самостоятельно выраженных полновесных юридических конструкций, а в большей степени как к некоему идеологическому декларанту общеустановленных идей, имеющих статус должных и необходимых, но не обладающих абсолютной степенью обязательности руководства при осуществлении практической деятельности.

Анализируя нормы действующего законодательства, можно установить, что сегодня государство приравнивает существующие положения закона непосредственно к праву, следовательно, фактически производится отождествление всей совокупности правовых актов. Однако в процессе правового регулирования данный перечень подлежит расширению, что предопределяет необходимость учитывать ряд форм права, которые не являются установленными в качестве таковых со стороны государства, но непосредственно выступают как социально легитимированные. Так, по мнению В. М. Розина, в числе особенностей текущего периода времени прослеживаются кризисные явления в традиционной юридической идеологии и связанных с ней элементах юридической реальности, которые вынуждают правоприменителей вырабатывать самостоятельное понимание права и законов, что входит в противоречие с декларируемым их единством [2].

¹ © Маркова Н. А., 2022.

Вместе с тем целесообразно выстроить модель не противопоставления прав человека и основ позитивного права, а сложенного механизма диалектического двуединства, обусловленного наличием тесной взаимосвязи.

Производить исследование правопонимания необходимо не только исключительно в теоретическом ключе определения сущностного наполнения понятия, но и в контексте установления практического смыслового содержания вследствие его важной роли в процессе осуществления правового регулирования.

В целях исключения имеющихся противоречий между «широким» и нормативным правопониманием необходимо внести требуемые коррективы по изменению отношения субъектов, осуществляющих правоприменительную деятельность, непосредственно к самой категории «права человека», существенным образом изменив вектор направленности интерпретации с идеологического и пропагандистского на непосредственное восприятие в качестве реально существующего правового явления и самостоятельной юридической конструкции.

Важность проецирования восприятия прав человека с учетом положений современного нормативного правопонимания обусловлена необходимостью концептуализации сформировавшихся теоретических представлений соотносительно основополагающих категорий права и связана с экспрессивным развитием формирующихся отношений в обществе.

Основным правам человека отведено большое значение в системе установленных юридических норм, и их необходимо воспринимать не фрагментарно, а непосредственно в качестве комплексного явления.

В правовых нормах прослеживается четкое регламентирование прав человека, выступающих в качестве основополагающих элементов правовой системы, однако усматривается отсутствие единства в их определении, которое оказывает отрицательное влияние и на их теоретические составляющие в формате произведения дальнейшей разработки, и в процессе правореализации.

Следует подчеркнуть, что в качестве присущих индивиду прав в контексте конкретной правовой системы целесообразно определить не весь провозглашаемый массив декларативных прав, а только те, которые регламентированы на законодательном уровне в соответствующих правовых актах, которыми обеспечена реальная возможность их реализации.

Истинная ценность прав человека, регламентированных на законодательном уровне, выражается в обеспечении абсолютной возможности и всеобщности их реализации при наличии четко выстроенного и скоординированного механизма их обеспечения, отражающего специфические особенности сущностного наполнения обеспечиваемого права. При этом собственно обеспечение осуществления конкретно определенного субъективного права следует определять не только исключительно в качестве полученного конечного результата, но и непосредственно как необходимое следствие его достижения в процессе пользования и распоряжения принадлежащими лицу правами.

Для обеспечения действительного уровня правообладания необходимо гарантировать формирование должных условий организации процесса реализации прав, установления специальных средств и механизма правомерного пользования правами. В регламентированный на законодательном уровне су-

существующий механизм обеспечения защиты нарушенных прав путем применения установленных санкций или санкций, предусматривающих возможность наступления иных негативно выраженных последствий, целесообразно внести соответствующие дополнения в части введения комплекса социально-правовых гарантий для правообладателя.

Институт прав человека находится в неразрывной взаимосвязи с уяснением сущностного содержания таких понятий, как «личность», «человек», «индивид», поскольку без установления их смыслового наполнения возможно появление определенных сложностей в установлении социальной значимости, юридической природы и ценностных особенностей исследуемой категории. Следовательно, целесообразно произвести соответствующее юридическое закрепление правового содержания указанных понятий.

Правопонимание индивида связано не только с его собственным желанием отказаться от вступления либо произвести соответствующие активные действия по вхождению в определенные правоотношения, но и в признании лицом за сложившимися отношениями качества правовых. Указанное положение относится к таким ситуациям, когда вследствие участия в конкретно определенной социальной группе, в которой сложились определенные социальные нормы и регуляторы, индивид, являясь ее членом, принимает в ней непосредственное участие, и его правопонимание подпадает под соответствующее воздействие, но само по себе такое влияние может иметь и особую форму целевой направленности на построение нужного для нее квазиправопонимания. В такого рода группах правопонимание субъекта может иметь выражение в признании в качестве права не столько положений установленных правовых норм, которые имеют законодательное регламентирование, сколько социальных норм, которые наличествуют внутри определенного сообщества. В указанном случае процесс вхождения индивида в правовое регулирование будет находиться под влиянием формирующихся с его участием отношений применительно к указанной социальной группе. Если лица будут принадлежать к общей социальной группе, то возможно их включение в правоотношения, признаваемые исключительно внутри нее, но не со стороны общества и государства. Исключением будут являться только охранительные правоотношения в случаях совершения правонарушения со стороны члена определенной социальной группы, поскольку оно наступит вне зависимости от его воли, где индивид станет субъектом.

Роль правопонимания различна соотносительно периода возникновения и процесса реализации прав в рамках конкретного правоотношения.

На стадии формирования правоотношений значимость правопонимания обусловлена фундаментальностью его основ соотносительно выявления установленных правовых требований в целях дальнейшего позитивного согласования условий и особенностей их будущего построения и развития, связано с процессом осуществления анализа существующих правовых форм, исследования социальных проявлений, которые направлены на выявление проявлений права.

На стадии реализации индивидом прав и обязанностей в формате конкретно определенного правоотношения роль правопонимания прослеживается в уста-

новлении его единообразия, что выступает в качестве основополагающего фактора достижения согласованности и компромисса между сторонами данного правоотношения. Непосредственное понимание каждым конкретно определенным лицом своих обязательств перед обществом в виде организации соблюдения общепринятых соответствующих правил и норм поведения выступает в качестве гарантии формирования в обществе высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Правопонимание имеет важное значение и в правоотношениях, которые являются официальным правом, поскольку возникает необходимость в выполнении обязательных требований, установленных для них правом. Так, согласно позиции В. Г. Графского, практикующий юрист занят не только фактическим применением права, но в какой-то мере также уяснением его смысла и духа, которое невозможно без общих или специализированных профессиональных знаний о данной отрасли права или правовой системе нации в целом [3, с. 115]. Соответственно, достижение необходимого уровня профессионального правопонимания является определенным показателем достижения слаженности правового регулирования и должной согласованности форм права.

Объективность правопонимания соотносительно существующих реалий правовой действительности может найти подтверждение либо быть в последующем опровергнута применительно к уровню правомерности и обоснованности к уже сложившейся системе правоотношений и связана с достижением либо недостижением установленного законодателем правового результата.

Таким образом, первостепенным направлением дальнейшего развития правовой системы должно выступать формирование условий, необходимых для того, чтобы все общепризнанные основные права человека были обеспечены соответствующим комплексом правовых гарантий с учетом особенностей, присущих типу правопонимания.

Список литературы

1. Александрова С. А. Правопонимание и права человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Владимир, 2007. 222 с.
2. Розин В. М. Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ // База данных lib.convdocs.org. URL: <https://lib.convdocs.org/docs/index-237747.html>.
3. Графский В. Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 114–119.
4. Правкина И. Н., Маркова Н. А. Теория государства и права : учебное пособие. М. : Граница, 2021. 144 с.

Иванченко Ю. А.¹,
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ПРАВОПОНИМАНИЯ В ЛЕГИТИМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

С содержательной точки зрения легитимность государственной власти зависит от различных ее составляющих, прежде всего от ее сущности. Идеальным является совпадение содержательной легитимности и легальности государственной власти. Если такое совпадение достигается, проблемы легитимности вообще не возникает: власть воспринимается как позитивное демократическое явление, положительно воспринимаются ее действия, и она эффективно осуществляет свои функции.

Проблема легитимности возникает тогда, когда содержательная легитимность и легальность государственной власти не совпадают.

В юриспруденции к вопросу о соотношении понятий легитимности и легальности следует подходить с учетом существования различных подходов к пониманию права. С позиции нормативного подхода рассматриваемые понятия будут тождественны независимо от содержательных характеристик при условии формального соответствия действующему законодательству. Иная ситуация будет в том случае, если соотношение этих понятий рассматривать с позиции широкого правопонимания, в рамках которого имеет место противопоставление права и закона. В таком случае легитимной будет признаваться лишь та государственная власть, которая опосредована законом, полностью соответствующим праву.

Если рассматривать право как форму нормативного общественного сознания, основанного на представлениях о нормальном и рациональном в реальности, правовой формой легитимации государственной власти является признание общественным сознанием нормальной государственной власти. В этом можно увидеть смысл легитимности: человек и общество в своем нормативном сознании находят, что эта государственная власть соответствует представлениям о нормальном, разумном, справедливом и правильном. Однако мы не придерживаемся такого подхода, так как он не позволяет четко отличить правовые формы легитимации государственной власти от иных форм.

Легитимация представляет собой следствие динамичности процессов, происходящих в обществе и государстве. В силу этого меняются задачи, стоящие перед государственной властью, поэтому правовая легитимация государственной власти – это инициируемый государственной властью процесс. Он является возобновляемым и в неправовом смысле, и в правовом, однако факторы инициации различаются: неправовые формы постоянно действуют, обеспечивая по-

¹ © Иванченко Ю. А., 2022.

вседневную легитимацию, а правовые приводятся в действие в определенных ситуациях, когда в этом возникает необходимость. Правовые формы легитимации государственной власти мы рассматриваем в узком смысле (как юридические формы), иначе разграничить правовые и неправовые формы легитимации будет невозможно.

Необходимость реагирования современной государственной власти на процессы глобализации создают нестандартные формы деятельности и функции государственной власти. К ним мы прежде всего относим неправовые функции. Это, безусловно, не означает, что такие функции государственной власти являются негативными факторами, напротив, довольно часто неправовые функции ведут к позитивным эффектам, например к общественной организации. Иными словами, неправовые функции государственной власти выражены в различных направлениях деятельности государственного аппарата, которые не опосредованы правом [1, с. 20].

И правовым, и неправовым функциям государственной власти, реализуемым в рамках различных направлений, всегда можно найти правовые механизмы, – вопрос в том, насколько они органичны. Для правовых функций они органичны, однако определяющую роль правовых механизмов реализации правовых функций государственной власти не следует понимать упрощенно, исключительно в авторитарном смысле, когда право рассматривается только как инструмент государственной власти.

Важно качественно различать следующие формы правового воздействия. Первая, основная, органичная для права форма – придание определенным нормам, принципам, положениям качества юридических путем предоставления самостоятельного активного поведения и очерчивания допустимых пределов такого поведения. Вторая форма, характеризующая непосредственное «включение» государственной власти в правовую сферу, – наличие в праве норм-обязанностей для тех или иных субъектов совершать определенные действия. Такое различие позволяет обратить внимание на то, что две формы выражают различную степень государственного присутствия в праве, а отсюда – различную степень наличия в нем собственно правовых начал.

Признак любого правового механизма – создание системы условий и ограничений. В отношении неправовых функций государственной власти использование правовых механизмов реализации ведет к разрастанию системы регламентации, парализующему эту функцию. Все дисфункции идут от реализации неправовых функций с помощью права [2, с. 102].

В этом контексте представляют интерес правовые механизмы реализации неправовых функций государственной власти. Неправовые функции, такие как управленческая и посредническая, сами по себе не могут обеспечить правовые механизмы. Поскольку право в их реализации оказывается несущественным, оно может быть любым. Правовые механизмы в неправовой сфере представляют собой способы юридической стабилизации, определенного упорядочивания, в отличие от политических, которые направлены на изменение. Из этого можно сделать вывод, что правовые механизмы реализации государственной власти – это определение ее пределов.

Если исходить из предположения, что государственная власть представляет собой необоснованную власть, то право государства является обоснованием этой необоснованности, т. е. определенной его организации. Юридическое право является инструментом политической власти, поэтому правовые способы организации государственной власти представляют собой правовую самоорганизацию путем юридизации – влияния юридического права на общественные отношения, на развитие общественной жизни, внедрение механизмов юридического права в регулирование отношений, не характерных для государственного вмешательства, посредством юридических средств воздействия [3].

Это отчасти объясняет, почему юридическое право и интересы государственной власти постоянно оказывают противоречивое влияние друг на друга. Право во многом сужает поле государственной власти, например определяет процедуры использования властных полномочий государственными структурами. В то же время государственные инициативы стимулируют изменение отдельных законодательных актов, вступая в противоречие со сложившимся порядком.

Легитимность и легальность государственной власти являются смежными, но не совпадающими понятиями. Легальность проявляется в юридическом оформлении государственной власти, выражается в принятии различного рода нормативных правовых актов, в том числе конституции. Легализованная государственная власть не всегда может быть легитимной, как и легитимная власть – легализованной, однако каждая только что учрежденная власть в первую очередь старается легализовать себя на территории государства, что и происходит в большинстве случаев без особой сложности, в то время как обрести легитимность значительно труднее.

Список литературы

1. Дембицкий А. А. Общая характеристика правовых и неправовых функций государства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 19–26.
2. Актуальные проблемы правовой теории государства : учебное пособие / под ред. В. П. Малахова и А. И. Клименко. М. : Юнити-Дана, 2013. 184 с.
3. Баранова М. В. Правовая коммуникация государства и общества в условиях перманентной юридизации отношений: специфика, проблемы, тренды // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.). Воронеж : Наука-Юнипресс, 2020. С. 81–88.

Правкин И. В.¹,
заместитель начальника кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Проблема природы, сущности и содержания злоупотребления правом как для отечественной правовой теории, так и правовой практики является чрезвычайно значимой. Неоднозначность и дискуссионность данной проблемы определяется достаточно большим количеством монографической литературы, в которой структурно-содержательные аспекты злоупотребления правом определяются в зависимости от используемых методов правопознания.

Качественное расширение методологических подходов общеправовой теории, деидеологизация научного знания, а также усиление внимания к познавательным и практическим проблемам государственно-правового строительства обусловили осмысление проблемы злоупотребления правом в контексте различных типов правопонимания.

В юридической литературе сложилось двойственное восприятие данного феномена. С одной стороны, ряд теоретиков признает необъективность и необоснованность выделения категории «злоупотребление правом» в качестве самостоятельной. С другой стороны, признание злоупотребления правом в качестве категории, имеющей свое рациональное объяснение, порождает ряд дискуссий о ее природе, сущности и содержании.

Аргументируя позиции сторонников данных противоположных теорий, следует указать на их значимость с точки зрения познавательного процесса и обоснованной и подкрепленной практики истины, способной адекватно отражать государственно-правовую реальность. Так, сторонники первой позиции указывают на то, что реализация субъектом своих прав в границах действующего законодательства не может содержательно определяться в качестве злоупотребления правом. Когда действия субъекта выходят за пределы правового поля, речь идет о правонарушении [2; 3, с. 157; 4].

Сторонники данной теории отрицают как целесообразность выделения данной категории, так и недостоверность с точки зрения идентичности очевидностям правовой реальности. Таким образом, право как идейное основание порядка, законности, справедливости и веры не может быть «употреблено во зло». Например, М. М. Агарков полагает, что реализация права не может носить противоправный характер, поэтому те действия, которые называют злоупотреблением права, на самом деле совершаются за пределами права [1, с. 426].

Представители другой концепции указывают на то, что «злоупотребление правом имеет особую правовую природу... всегда совершается на основе права

¹ © Правкин И. В., 2022.

(в то время как правонарушение – это всегда нарушение запрета или неисполнение обязанности) и является недопустимым способом его реализации» [6, с. 7]. Или, например, определяя условия, порождающие злоупотребления правом, указывают, что о противоправном злоупотреблении правом можно вести речь в том случае, если происходит противозаконное причинение вреда, а о правомерном (легальном) – если законодательно безразличны последствия, в том числе и социально вредные [5]. Также особого внимания заслуживает позиция ряда авторов, указывающих на двойственную природу явления злоупотребления правом, которое, не являясь ни противоправным, ни правомерным поведением, тем не менее может содержать в себе признаки как первого, так и второго. Таким образом, разнообразие подходов и общепознавательных принципов, положенных в основу исследования правовых явлений, не позволило выработать унифицированное определение понятия «злоупотребление правом».

Характерный для современной правовой мысли отказ от узконормативистского понимания права как системы общеобязательных формально определенных норм, устанавливаемых и обеспечиваемых государством, обусловил возможность познания права в контексте различных типов правопонимания и концептуальных идей.

Таким образом, особенности понимания природы, сущности и содержания злоупотребления правом определяются тем подходом, который положен в основу понимания природы и сущности права.

В контексте юридического типа правопонимания, основанного на методологии классического юридического позитивизма, содержание которого состоит в функциональной и генетической связи права с государством, познание природы и содержания правовых явлений происходит сквозь призму природы и особенностей юридического права. Юридический тип правопонимания включает в себя нормативистский и легистский типы правопонимания: нормативистский рассматривает право как единую систему установленных и обеспечиваемых государством норм, – в данном случае в буквальном смысле злоупотребление правом представляет собой такое осуществление субъективного права, в результате которого причиняется ущерб правам других лиц; легистский, отождествляя право с законом, трансформирует злоупотребление права в злоупотребление законом.

Социологический тип правопонимания признает существование действующего права не только в юридической, но и в иных, не связанных с государством формах. Основоположник социологической школы права О. Эрлих отмечает, что право нужно искать не в текстах законов, а в жизни, в самом обществе, в образующих его объединениях и союзах, таких как семья и т. д. Право возникает стихийно и является продуктом объективных закономерностей общественной жизни. Таким образом, в данном случае злоупотребление правом возможно в случае несоответствия установленных государством позитивных предписаний существующим идейно-ценностным установкам массового правосознания.

Для естественно-правового подхода базовым является признание того, что права человека, его правовые состояния и качества присущи по его природе. Естественное право предстает в качестве идеала, которому должно соответство-

вать все действующее позитивное право. Сторонники юснатурализма признают в качестве подлинного только естественное право, природа которого носит объективный характер. Таким образом, в данном контексте речь идет о злоупотреблении правом естественным, которое, как правило, смешивается с моралью, нравственностью и религией. Отсутствие четкого критерия разграничения правового от неправового затрудняет адекватное восприятие злоупотребления права в данном контексте.

Вполне очевидно, что проблема злоупотребления правом имеет большое количество аспектов. Ее рассмотрение может быть основано сквозь призму различных типов правопонимания, методологического плюрализма, с позиций морали, нравственности, но очевидно одно: если социальное предназначение права искажается, буква закона противопоставляется его духу, осуществление субъективного права противоречит его предназначению, не соблюден баланс между своими правами и свободами и правами и свободами другого лица или общества в целом, то, безусловно, речь идет о злоупотреблении правом.

Таким образом, злоупотребление правом является самостоятельным сложным видом правового поведения, более глубокое теоретическое исследование которого представляет чрезвычайную значимость как для общеправовой теории, так и для правотворческой и правоприменительной практики.

Список литературы

1. Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 425–437.
2. Головачев Р. А. Нормы о злоупотреблении правом в российской правовой системе // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 3. С. 46–50.
3. Кудрявцев В. Н. Избранные произведения по социальным наукам : в 3 т. Т. I: Общая теория права. Уголовное право. М. : Наука, 2002. 566 с.
4. Малеин Н. С. Юридическая ответственность и справедливость. М. : Манускрипт, 1992. 204 с.
5. Малиновский А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2009. 404 с.
6. Одегнал Е. А. Злоупотребление правом как явление правовой действительности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ставрополь, 2009. 189 с.

*Гарашко А. Ю.¹,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Правопонимание – одно из наиболее значимых понятий юридической науки, описывающее совокупность концептуальных взглядов и представлений о сущности и природе права, его назначении, источниках, связи с государством и человеком.

Так право позиционируется как основной объект правопонимания. Однако как сложно структурированное и полисемантическое явление право обуславливает невозможность формулирования единого конвенционального подхода к своему определению, а значит, детерминирует по отношению к себе плюрализм точек зрения и типов правопонимания.

Между тем, несмотря на многообразие научных школ, концепций, теорий, гипотез, направлений в юридической теории и связанных с ними типов правопонимания, право почти всегда рассматривается как система взаимосвязанных и определенным образом упорядоченных элементов. То есть практически никем не подвергается сомнению то обстоятельство, что право представляет собой систему либо совокупность, обладающую ярко выраженными системными свойствами. Данный факт связан прежде всего с целесообразностью самого права, создаваемого и формирующегося для упорядочения общественных отношений, оптимальной организации жизни общества, структурирования общественных коммуникаций, распределения и поддержания баланса обязанностей граждан, гармонизации жизнедеятельности социума, т. е., по сути, выполняющего системообразующие функции.

Важность анализа системы права в различных типах правопонимания связана с тем, что системность права в каждом из них обладает уникальными особенностями: отличны основные структурные элементы, характер и виды связей между ними, системообразующие факторы (элементы), специфика взаимодействия с внешней средой и в частности с государством и т. д. Такие особенности являются следствием различий в определении права, представлениях о его природе и сущности, складывающихся внутри каждого из основных типов правопонимания.

Далее рассмотрим основные характеристики и свойства системы права в контексте ряда сложившихся базовых теоретико-правовых алгоритмов понимания и познания сущности права.

Система права в контексте позитивистского типа правопонимания

Позитивистское правопонимание как законченная методологическая система взглядов и представлений о природе и сущности права возникло в начале

¹ © Гарашко А. Ю., 2022.

XIX в. как диалектический противовес естественно-правовому (или натуралистическому) типу, обосновывающему право в целом как метафизическую систему, построенную на принципах неформальной логики и диалектики, и представлено работами таких исследователей, как О. К. Бергб, Н. М. Коркунов, Дж. Остин, А. Эсмен, Г. Ф. Шершеневич и др. Однако первичные представления о неразрывной связи и взаимообусловленности права и государства стали формироваться значительно раньше, на заре возникновения первых философских учений и попыток античных мыслителей познать сущность государственно-правовых явлений.

В настоящее время позитивистский тип правопонимания¹ является самым распространенным и признаваемым, что связано с ролью государства и значением функций его органов, служб и организаций в вопросах удовлетворения основных человеческих потребностей, борьбы с социальными конфликтами, устранения противоречий и напряженности в общественных отношениях.

Согласно данному типу правопонимания, право – это система общеобязательных, формально определенных, установленных и охраняемых государством правил поведения, регулирующих общественные отношения. Таким образом, важнейшим первичным элементом системы права выступает норма права. Норма права – это общеобязательное единичное правило поведения, закрепляемое государственными органами власти в нормативных правовых актах (законах и подзаконных нормативных правовых актах) и направленное на достижение правопорядка, установление режима законности.

В общей структуре данной системы нормы объединяются в группы, различные по своему объему. Такими группами могут выступать (по нарастающей) подинституты, институты, подотрасли, отрасли права. Каждая такая группа интегрирует нормы, близкие по своему содержанию и регулирующие сходные общественные отношения. Кроме того, для норм одной группы присущи однородные механизмы влияния и способы воздействия на общественные отношения. Важнейшими из перечисленных составляющих системы права выступают отрасли права, включающие нормы, отличающиеся друг от друга предметом и методом правового регулирования. Отрасли динамичны и адекватны условиям общественной жизни: теряют свою актуальность устаревшие, формируются новые, из данных отраслей выделяются подотрасли и институты и т. д.

Кроме того, структурными элементами системы права выступают частное и публичное, включающие нормы права и отрасли права, отличающиеся друг от друга по роли и объему участия государства в иницилируемых ими правоотношениях, а также материальное и процессуальное, нормы которых дифференцируются по своей содержательной характеристике.

¹ Речь идет о позитивистском типе правопонимания в собирательном значении, объединяющем в себя как непосредственно позитивистский тип, так и неразрывно связанные с ним юридический позитивизм, нормативистский и этатистский типы правопонимания. Главная общая для всех данных типов правопонимания черта, качественно отличающая их от иных типов правопонимания, – практически полная обусловленность системы права государственной волей.

Системообразующим фактором для такой системы выступает государственная воля, отраженная в системе законодательства, являющейся формой для системы права, и проявляющаяся прежде всего в правотворческом процессе.

Таким образом, система права в контексте позитивистского типа правопонимания состоит из норм права, выстроенных и взаимодействующих на основе принципов формальной логики, жесткой детерминированности и объективизма, зависима от вмешательства государства.

Система права в контексте социологического типа правопонимания

Социологический тип правопонимания сформировался в Западной Европе во второй половине XIX в. в рамках школы «свободного» или «живого» права и представлен в трудах таких исследователей, как Л. Дюги, С. Ф. Кечекьян, С. А. Муромцев, Е. Б. Пашуканис, А. А. Пионтковский, Р. Паунд, Н. К. Ренненкампф, П. И. Стучка, А. К. Стальгевич, О. У. Холмс-младший, Г. Ф. Шершеневич, О. Эрлих и др. Право здесь представляет собой комплексный феномен, интегративный социальный институт, практически полностью детерминированный системой общественных взаимодействий.

Основными структурными элементами системы права являются правоотношения, а также поведение людей и факты социальной действительности, формирующиеся ранее нормы права и лишь оформляемые ими в дальнейшем («живое право»). Кроме того, любая юридическая деятельность и решения судей, иных субъектов права также выступают особыми элементами такой системы права. В отличие от основ позитивистского типа правопонимания, система права здесь «живая», состоящая из явлений окружающей жизни, человеческой активности в рассматриваемой области. Поэтому еще одним структурным элементом права выступает правопорядок как наиболее крупный структурный элемент, также представляющий собой подсистему и выступающий результатом деятельности человека в правовой области.

Система права в контексте социологического типа правопонимания – комплексный открытый социальный феномен, активно и постоянно взаимодействующий с окружающими явлениями и трансформирующийся согласно закономерностям такого взаимодействия. Такая организация права органична обществу и общественным отношениям, так как «вырастает» из них, динамична и во многом самоуправяема. Не государственная воля и политические тенденции, а закономерности жизни общества – основная движущая сила развития системы права, делающая ее максимально легитимной, а значит, эффективной в вопросе нормализации социальных отношений.

Кроме того, представители социологической школы сходятся во мнении о принадлежности ей интегративных и адаптивных системных свойств. Так, в данной системе элементы связаны друг с другом многочисленными связями, что позволяет им формировать единую правовую среду. Каждая составляющая системы права приспособляема и гибко отвечает на вызовы внешнего окружения. Поэтому право в той или иной форме существует с момента появления первых людей и до настоящего времени, обладая спецификой в рамках компаративистского исследования, тем не менее наделено единой, поддающейся внешнему исследованию природой.

Системообразующим фактором для системы права в контексте социологического типа правопонимания выступает общественный порядок, так как он объединяет, организует и обеспечивает целесообразность существования права как системы.

Таким образом, система права в контексте социологического типа правопонимания – органичное обществу комплексное социальное образование, существующее и функционирующее на основе законов жизнедеятельности человека.

Система права в контексте исторического типа правопонимания

Данный тип правопонимания появился в конце XVIII – начале XIX в., выступив оппозицией для одних и альтернативной для других существующих на тот момент школ права. Так, разделяющие исторический взгляд на право ученые (О. фон Гирке, Г. фон Гуго, Р. фон Иеринг, Г. Ф. Пухта, Ф. К. фон Савиньи и др.) полагали, что оно представляет собой исключительно исторический феномен, результат развития опыта прошлых поколений человечества. Право формируется в результате стихийного процесса правообразования, появляется постепенно и незаметно для непосредственного наблюдения, органично народному укладу, подобно национальному языку, религии, обычаям, искусству, науке или определенным видам игр.

Как и в случае с позитивистским типом правопонимания, данная научная школа стоит на позиции первичности и приоритетности нормы права как основного элемента его системы. Однако, в отличие от позитивистов, представители данной концепции полагают источником права не нормативный правовой акт, исходящий от государства и выражающий его волю, а «дух и волю народа», общественно-правовые традиции, обычаи и уклады. Все государственные законы рассматриваются как производные от правовых обычаев.

Система права органичная, замкнутая и реакционная, основана на принципах самоорганизации и самоуправления, так как уникальна для каждого народа и формируется на основе внутренних ресурсов этого народа без влияния иных этносов. Стихийность – основная характеристика развития такой системы права, по своей природе непредсказуемой и противоречивой.

Кроме того, заслугой представителей исторической школы права является аргументированная демонстрация исторической преемственности и хронологической обусловленности, существующих в каждый период времени системы права, т. е. обращение непосредственно к природе права. Соответственно, рассматриваемая система права, несмотря на стихийность своего образования, обладает генетическим свойством «памяти».

Системообразующим фактором для системы права выступает «народный дух» (внутренние незаметно и незакономерно действующие естественные силы человеческого бытия), а появление составляющих такой системы вызывается постепенно формирующимися потребностями в решении социальных конфликтов.

Таким образом, система права в контексте исторического типа правопонимания является продуктом истории, в большей степени бессознательным, органичным и естественно формирующимся согласно общественному укладу.

Выше представлены основные, но далеко не все существующие типы правопонимания теоретико-правовой науки (следует отметить также марксистское, коммуникативное, реалистское, философское, либертарно-юридическое, юс-натуралистское, социоцентристское, феноменологическое, интегративное типы правопонимания). Тем не менее анализ изложенных концепций о системе права достаточен для возможности констатации наличия в праве сложных системных связей, позволяющих охарактеризовать его как интеграционное образование, имеющее свои уникальные, в том числе системные, особенности, обусловленные ракурсами различных школ права.

Васечко А. А.¹,
доцент кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ ДОГОВОРА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Проблема правопонимания в современных условиях приобретает все большую актуальность. Это вызвано глубокими изменениями объективной правовой реальности, а также методологическим кризисом комплекса правовых наук, девальвацией традиционных гносеологических установок, попытками представителей современного философско-правового знания переосмыслить базовые правовые ценности [7, с. 102]. Несомненно, проблема правопонимания является определяющей в юридической науке.

В конце XX в. в России ускорились процессы демократизации общества, активно войдя и в правовую сферу жизни. Одним из наиболее значимых последствий этих процессов стал переход от позитивистского понимания права как совокупности общеобязательных правил поведения, установленных и охраняемых государством и выражающих волю господствующего класса, к естественно-правовому пониманию в качестве системы нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженных большей частью в законодательстве и регулирующих общественные отношения.

Если основным инструментом разрешительного метода регулирования, характерного для позитивистского понимания права, является юридическая норма, то при общедозволительном методе, характерном для естественно-правового понимания права, главным инструментом становится договор. Договор автоматически оказывался отраслевым явлением в условиях господства, с одной стороны, узкопозитивистского подхода, сводившего все в праве к нормам законов и подзаконных актов, а с другой, «классических», «традиционных» представлений о договорной свободе, договорном равноправии и прочих признаках, допускавшихся лишь в международном и гражданском праве, частично в трудовом. Однако такой теоретико-юридический подход уже не отвечает реалиям правовой жизни и не может удовлетворить юридическую науку, поскольку не в состоянии полностью раскрыть сущность многих правовых явлений [2, с. 34].

Сегодня мало кто из ученых и правоведов станет отрицать существование широкого типа правопонимания. Оптимальные пути решения проблем правопонимания нередко усматриваются в смешении традиционных научных школ (позитивизм, теория естественного права, историческая школа права) и создании на этой основе «интегрированной, единой юриспруденции» [1, с. 56–57].

Другим способом решения проблемы правопонимания западным и некоторым российским авторам видится возможность развития и совершенствования теорий, которые возникают на основе и в пределах традиций естественного

¹ © Васечко А. А., 2022.

права, юридического позитивизма. В связи с этим перед правоведами встает одна из сложнейших и вместе с тем интереснейших задач формирования современного типа правопонимания, основанного на базе методологического плюрализма и рассмотрения явлений в условиях множественности теоретико-правовых воззрений.

С позиций позитивизма договор понимался прежде всего как акт согласия, совершенный в определенной форме, устанавливающий в рамках, очерченных законом, взаимные права и обязанности его участников, регулирующий их дальнейшее поведение и обеспеченный в случае его нарушения возможностью применения мер государственно-принудительного воздействия в целях установления, изменения или прекращения юридических отношений, либо как соглашение, устанавливающее правовые нормы. Кроме того, для позитивистов важна форма выражения права, поэтому договор зачастую понимался как документ (акт).

Социологический подход к праву является новым направлением, рассматривающим право в связи с реальной социальной практикой. Такой подход основан на взаимодействии правовых и социальных факторов, принимающих участие в жизни права на всех этапах его функционирования [4, с. 93]. Правовые явления рассматриваются во взаимосвязи с человеком, возникающими между людьми общественными отношениями и общественными явлениями: «Для социологического подхода право есть не просто нормативное установление, приказ, „воля“... а то, что реально определяет поведение субъектов, их права и обязанности» [3, с. 13]. Общество под воздействием множества политических, экономических, культурных и иных факторов само формирует и создает право, а государство, завершая процесс, только оформляет его. В контексте социологической мысли договор представляет собой самый естественный способ урегулирования общественных отношений и сбалансирования интересов членов общества. Этот тезис получил развитие в западной буржуазной традиции права (Гуго Гроций, Дж. Локк, И. Кант, Г. Гегель), в теории общественного договора. В середине XVII в. Локк упоминает теорию общественного договора, в соответствии с которой в основе всякого мирного образования государства лежит согласие народа, т. е. не что иное, как договор. По Канту, общественный договор заключают между собой морально развитые люди: они отказываются от свободы беспорядочной и необузданной, чтобы обрести подлинную свободу в правовом состоянии. По Гегелю, незыблемость договора и равенство людей как субъектов права, их юридическая свобода, которые к тому же заложены в основе договора, суть правовая основа гражданского общества – социального пространства, где люди взаимодействуют относительно свободно, без непосредственного вмешательства государства. Договор – это то, что более всего соответствует как собственным интересам, так и общему благу, отвечая социальным потребностям людей. Этот баланс и уравновешенность интересов членов общества и позволяет мирно сосуществовать человеку в окружении себе подобных. Именно в условиях отсутствия принуждения и при наличии возможности удовлетворить свои интересы человек чувствует себя комфортно, а значит, договорные нормы права более всего соответствуют общественному мнению.

С позиций философско-правового подхода договор представляет собой определенную степень свободы, но в то же время предполагает ее ограничение. В связи с этим актуальным становится рассмотрение договора с аксиологических позиций. Ценность договора состоит в его регулятивном воздействии на общественные отношения, проявляющемся в идее меры. Одним из критериев меры и ее воплощений является компромисс, который характеризует «...факты совместимости различных волей, усилий, требований и норм, актуализирующихся в конкретной правовой ситуации» [5, с. 132], и составляет суть договора. Результатом регулятивного воздействия договора является порядок – особое качественное состояние правовой действительности, которое выражается в гармонии, стабильности, организованности.

Несмотря на очевидные преимущества широкого типа правопонимания объектов правовой действительности, некоторые представители научного сообщества полагают, что плюралистический подход, вытекающий из парадигмы либерализма, способствует распредмечиванию права [6, с. 183]. Действительно, в рамках различных типов правопонимания договор имеет множество различных смыслов, что не позволяет выработать единого определения понятия договора, однако же способствует раскрытию его природной сущности. Соответственно, позитивизм не обеспечивает удовлетворительного понимания договора, его ценности и значения в жизни всех и каждого.

Плюралистический подход представляет собой не простую сумму элементов различных типов правопонимания, – это методология, которая при разумном и умеренном использовании не вырождается в демагогию и пустоту, а позволяет всесторонне изучить правовые явления.

Список литературы

1. Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М. : Издательство Московского университета : Инфра-М : Норма, 1998. 622 с.
2. Васечко А. А. Методологическое многообразие как основа исследования договора // Философские исследования и современность : сборник научных трудов по итогам постоянно действующего семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции». Т. 1. М. : Московский университет МВД России, 2012. С. 33–45.
3. Казаков В. Н. Правовой порядок в России: вопросы теории и практики. М., 2003.
4. Лапаева В. В. Конкретно-социологические исследования в праве. М. : Юридическая литература, 1987. 144 с.
5. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие для вузов. Екатеринбург : Деловая книга ; М. : Академический проект, 2002. 448 с.
6. Сорокин В. В. Тупики плюралистического правопонимания // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 2. С. 183–185.
7. Туркулец А. В., Туркулец С. Е. Правопонимание: проблема типологии // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 4–5. С. 102–109.

*Давидов Д. С.¹,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

*Павлова А. В.²,
курсант факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВИДЫ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЗИТИВИСТСКОГО ТИПА ПРАВОПОНИМАНИЯ

Позитивизм как научное течение появился в период важнейших научных открытий, которые своим началом имели эмпирические методы познания. Если говорить о правопонимании позитивистского типа, то это концепция, которая возникла из теории классического позитивизма, смысл которого состоит в признании закона (права) единственным источником знания. Суть позитивизма состоит в том, чтобы признавать только нормы позитивного права и приравнивать любое право к нормам, действующим в данном обществе в данное время, акцентируя внимание на актуальности данных норм безотносительно того, объективны они или нет.

Позитивизм делится на три направления: социологический, легистский и психологический [1]. Разумно говорить о появлении юридических коллизий в праве, а также о способах их разрешения в концепциях легистского и социального направления. Юридические коллизии – это расхождения или противоречия между одним или несколькими нормативными правовыми актами, регулирующими одни и те же либо схожие общественные отношения, а также противоречия, возникающие в процессе применения права и осуществления компетентными органами и должностными лицами своих полномочий [2].

Социологическое правопонимание развивалось в рамках исторической школы права. Сущность социологического правопонимания состоит в том, что само право должно быть неизменным, устойчивым и постоянным, но вопреки этому оно не должно стоять на месте без развития. Появление социологического правопонимания возникло как реакция недостатка легистского подхода к праву.

Если говорить о легистском типе правопонимания, то он выделяет государство как источник права. В данном подходе понятие «право» определяется через понятие «государство». Государство первично, право вторично.

¹ © Давидов Д. С., 2022.

² © Павлова А. В., 2022.

Российское законодательство представляет собой сложную многоуровневую систему, которая содержит в себе множество противоречий, разногласий и противоречивостей. С годами законодательство Российской Федерации существенно изменяется и дополняется, но, несмотря на это, оно пока остается крайне несовершенным и пробельным, из-за чего нередко возникают конфликты в нормативно-правовой области.

Как и раньше, в современной правоприменительной практике существует проблема противоречивости одного закона другому действующему на территории одной и той же страны. Раньше такие проблемы возникали в связи с расхождением политических мнений действующего руководства власти с его предшественниками. Здесь можно говорить как о правителях, так и об их подчиненных, наделенных определенной правотворческой властью, времен монархической России. Но в современности, когда в большей части стран мира установлен такой политический строй, как демократия, смена одной политической мысли на другую или противоречия мыслей двух или более политических деятелей встречаются намного чаще.

В современной науке выделяют целый ряд причин возникновения юридических коллизий. Правоведы разделяют данные причины по их характеру на объективные, которые преимущественно рассматриваются в концепции социального правопонимания, и субъективные, которые в большей степени акцентируют внимание на легистском подходе правопонимания.

К объективным причинам появления юридических коллизий относятся противоречивость, изменчивость регулируемых правом общественных отношений, социально-экономические и политические кризисы [3]. При изучении объективных причин появления противоречий действующих норм можно выделить три группы факторов появления коллизий:

1. Динамическое развитие общественных отношений. Общественные отношения, как и само общество, должны постоянно развиваться. При интенсивном развитии и возникновении новых общественных отношений действующие нормы не успевают видоизменяться, иногда они устаревают, но продолжают действовать, что и создает факт возникновения юридической коллизии.

2. Протяженность отношений в пространстве. Большинство стран мира имеют разделение на административно-территориальные единицы, некоторые страны, в том числе и Российская Федерация, разделены еще и на национально-государственные округа. Такое деление способствует возникновению юридической коллизии, так как при возникновении схожих общественных отношений на разных территориях страны возможна такая ситуация, что правовая норма одного административного или национального округа может противоречить норме другого ввиду принятых на данной территории традиций и обычаев.

3. Необходимость дифференцированного регулирования общественных отношений. Сами общественные отношения предполагают их регулирование разными правовыми средствами [4]. Объективные причины коллизий обусловлены не только спецификой регулируемых отношений, но и особенностями самого процесса правотворчества.

Рассмотрев объективные причины возникновения коллизий, целесообразно приступить к рассмотрению субъективных причин:

1. Проблема модернизации законодательства. Действующее законодательство или его отдельные нормы устаревают и требуют доработки, изменения или отмены ввиду возникновения новых или развития старых общественных отношений.

2. Низкий уровень правовой культуры населения и правотворческих органов. Влечет за собой возможность назначения или избрания некомпетентного субъекта правотворческой деятельности, что создает реальную угрозу возникновения юридической коллизии.

3. Присутствие правового нигилизма. Подразумевает под собой отрицание права как социального института и системы правил поведения как части эффективного регулирования отношений между людьми.

Факторы, оказавшие влияние на эти причины:

1) проблема регламентации компетенции правотворческих органов между собой. К примеру, нормативные правовые акты МВД России могут противоречить актам, издаваемым Росгвардией. Такой случай может встретиться и в правотворческой деятельности федерального органа и, например, регионального или районного;

2) отсутствие правовой регламентации вопросов предоставления лицам, субъектам правотворчества прав в области правотворческих полномочий. Может привести к предоставлению отдельных полномочий некомпетентным лицам;

3) недостаток либо отсутствие информации о регламентации какого-либо вопроса, о возникающих или развивающихся правоотношениях;

4) отсутствие полной и четкой систематизации нормативных правовых актов, что затрудняет поиск, а следовательно, изменение или отмену устаревшего или противоречащего закону или любой другой нормы права. Коллизию может вызвать планирование их издания;

5) проблема неквалифицированности лиц, наделенных правотворческими полномочиями, а также недостаточности базовых и специальных знаний.

К видам юридических коллизий относятся:

- противоречие между нормами права;
- противоречие между отдельными нормативными актами (между конституцией и федеральным договором или нормой международного права);
- противоречие между актами применения права;
- противоречие между актами толкования (толкование одного субъекта может кардинально отличаться от толкования другого, что приводит к разному пониманию, а следовательно, противоположному применению);
- противоречие между компетенцией или отдельными полномочиями субъектов применения;
- противоречия между юридическими процедурами.

В современной юридической науке выделяют следующие способы устранения юридических коллизий:

- квалифицированная экспертная комиссия по созданию нормативных правовых актов или закона;

- принятие нового акта для ликвидации или изменения ненадлежащего закона;
- внесение изменений или дополнений в действующие акты;
- обжалование в судебном порядке или опротестование прокуратурой;
- обращение в суд для устранения противоречий нормативных актов или противоречий толкования какого-либо нормативного акта;
- отмена устаревшего акта;
- создание согласительной процедуры для проверки отсутствия факта и возможности возникновения коллизии;
- систематизация законодательства.

Проблема возникновения юридических коллизий всегда будет актуальной. Но такие проблемы могут эффективно решаться различными способами. На наш взгляд, необходимость своевременного устранения данных фактов является основной задачей любого правотворческого органа. Предупреждение коллизии необходимо как для полной и правильной деятельности отдельного лица, так и для взаимодействия каждого из них.

Таким образом, можно говорить о том, что проблемы появления юридических коллизий рассматриваются в большей степени в социологическом типе правопонимания, а способы их устранения и разрешения – преимущественно в концепции легистского типа правопонимания.

Список литературы

1. Горохова С. С. Юридическая техника : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 317 с.
2. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права : учебник : в 2 т. Т. 2: Право. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 648 с.
3. Пресняков М. В. Проблемы правовой определенности конституции // Гражданин и право. 2016. № 9. С. 9–23.
4. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 510 с.

*Лановая Г. М.¹,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

СУВЕРЕНИТЕТ ЛИЧНОСТИ: ПОНИМАНИЕ В ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА И ТЕОРИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Появление понятия «суверенитет личности» в общей теории права является закономерным следствием переосмысления представлений о субъекте, сложившихся в догматической юриспруденции. В условиях гуманизации правовой науки широкое распространение получает мнение о том, что любое лицо, чтобы быть субъектом права, должно быть суверенным. Суверенитет рассматривается в качестве условия, дающего возможность лицу распоряжаться своими правами, и это придает актуальность изучению суверенитета не только в качестве признака государства, но и в более широком плане – как свойства любого субъекта права.

Несмотря на то, что текстуально содержание понятия «суверенитет личности» раскрывается по-разному [2; 3; 9, с. 14–17; 10, с. 275–278], большинство исследователей, в сущности, указывает на одни и те же признаки:

1) суверенитет личности – это способность к свободному волеизъявлению и свободному распоряжению принадлежащими человеку правами, проявляющаяся в его отношениях с другими субъектами;

2) такая способность предполагает неподчиненность и неподконтрольность носителя суверенитета другим субъектам, но именно в юридическом смысле: речь идет прежде всего о том, что правомерно действующий субъект не может быть лишен возможности реализации его прав или принужден к такой реализации;

3) суверенитет личности не предполагает абсолютной свободы. Сувереном является тот, кто «способен действовать... в границах своей свободы» [9, с. 14]; границы суверенитета определяются установленными для человека правовыми нормами пределами осуществления его интересов в тех общественных отношениях, в которые он вступает;

4) провозглашение того, что личность является носителем суверенитета, влечет за собой признание необходимости защищать человека от произвола неправового государства, незаконного ограничения его прав и свобод;

5) как следствие, суверенитет личности оказывается неразрывно связанным с естественными правами человека и их осуществлением;

6) значимым признаком суверенитета личности является его связь с суверенитетом государства. Предполагается, что личность может оставаться суверенной только в суверенном государстве, способном поддерживать установленный в нем порядок, не только признающим права и свободы человека и

¹ © Лановая Г. М., 2022.

гражданина, но и гарантирующим их реализацию как юридическими, так и иными средствами;

7) суверенитет является таким свойством личности, специфика проявлений которого в любой из сфер ее жизнедеятельности определяется прежде всего социальными факторами.

Несмотря на то, что многие ученые характеризуют понятие «суверенитет личности» в качестве несущего специфическую смысловую нагрузку (не являющегося синонимичным понятиям «свобода личности», «субъективное право», «правовое положение личности» и т. д.), с их мнением вряд ли можно согласиться. О том, что его, по крайней мере, нельзя считать однозначным, свидетельствуют признаки, указанием на которые интересующее нас понятие раскрывается.

В частности, указание на то, что суверенитет личности – это способность к свободному волеизъявлению и свободному распоряжению принадлежащими человеку правами, проявляющаяся в его отношениях с другими субъектами, позволяет согласиться с мнением А. В. Полякова о том, что «суверенитет, по своей сути, представляет собой... дееспособность» [9, с. 14].

Неподчиненность и неподконтрольность носителя суверенитета другим субъектам в юридическом смысле – не что иное, как правовая свобода, которая никогда не является абсолютной и границы которой определяются установленными для человека пределами осуществления его интересов в тех общественных отношениях, в которые он вступает с другими субъектами права.

С признанием личности суверенной связывается необходимость защищать человека от произвола неправового государства, незаконного ограничения его прав и свобод, однако то же самое в полной мере относится и к правам человека, назначение которых исследователи видят в том, чтобы «оберегать человеческую субъектность и, следовательно, защищать ее носителей от насилия и угнетения» [5, с. 7].

Несмотря на то, что понятие «суверенитет личности» стало неотъемлемой частью понятийного аппарата общей теории права, оно не характеризует личность в таких аспектах, в которых ее невозможно было бы охарактеризовать посредством других понятий. Введение интересующего нас понятия в научный оборот мало что прибавляет к описанию человека как субъекта права, не позволяет сказать что-либо новое о его положении в системе правоотношений (необходимо подчеркнуть, что, в отличие от него, понятия «суверенитет государства», «суверенитет народа» и «суверенитет нации» в общей теории права несут и специфическую смысловую, и вполне определенную функциональную нагрузку).

Анализ публикаций, в которых поднимаются проблемы, так или иначе связанные с правовыми свойствами человека, показывает, что в ряде случаев термин «суверенитет личности» не соотносится с рассмотренным нами понятием общей теории права. При этом есть основания утверждать, что помимо понятия «суверенитет личности» существует одноименный концепт, имеющий значение одного из базовых для теории права человека.

В отличие от общей теории права, в теории права человека [1, с. 274–291; 6; 8, с. 190–214] под суверенитетом личности понимается комплексное свойство –

сложная система характеристик, проявляя которые человек заявляет о том, что сам выступает источником права.

Если в общей теории права носителем суверенитета признается любой (или, по крайней мере, любой дееспособный) человек, то теория права человека исходит из того, что суверенитет – свойство индивида, который заявляет о себе как о «правовой личности», т. е. как «о некоторой социальной качественности, присущей не каждому человеку, а лишь человеку, поднявшемуся на определенный уровень социальной развитости и социальной значимости» [7, с. 67]. Приобретая такую «социальную качественность», человек оказывается способным творить право. Последнее – право человека – предстает результатом «индивидуальной, самостоятельной и не принужденной духовной переработки общественных требований, ценностей, правовых норм, отдельных прав» [8, с. 191].

В контексте теории права человека суверенитет личности предстает основанием права человека: во-первых, в силу того, что он обуславливает возникновение этого права как возможности (с ним связывает появление права и сам человек, который идентифицирует себя в качестве его источника именно тогда, когда ощущает собственную суверенность, и общество, признающее лишь право того человека, который является суверенной личностью); во-вторых, в силу того, что он является импульсом актуализации этого права, приведения его в действие (право человека реально только тогда, когда заключенные в нем возможности осуществляются, т. е. когда потенциальное в нем превращается в действительное).

Возникновение права человека как возможного тождественно вхождению человека в правовую реальность, знаменующему собой его превращение в субъекта правовой жизни. Актуализация названного права протекает в форме реализации человеком принадлежащих ему прав и свобод.

Особо следует подчеркнуть то, что суверенитет в теории права человека признается таким же неотчуждаемым свойством правовой личности, каким в юридическом смысле для индивида является правосубъектность. Однако если признание индивида правосубъектным в общей теории права превращает его в физическое лицо, т. е. в абстрактную величину, то признание личности носителем суверенитета в теории права человека способствует ее персонализации.

Неотчуждаемость суверенитета как свойства личности означает, что право человека является феноменом, существование которого не зависит от признания его обществом или государством. То, что источником права признается человек, означает, что границы его права устанавливаются в конечном счете им самим: где именно они проходят, зависит от того, в какой мере человек способен противостоять давлению, оказываемому на него обществом и теми социальными группами, к которым он принадлежит.

Несмотря на то, что суверенитет – это свойство, неотчуждаемо присущее правовой личности вне зависимости от того, признают ли его другие субъекты права, проявляется оно только во взаимодействии с другими субъектами. В этом плане показательно то, что только по характеру взаимодействия индивида с другими субъектами права можно определить, действительно ли он предстает суверенной личностью, способной проявлять собственную волю и

настаивать на признании и реализации собственных притязаний, творя право и приводя его в действие.

В теории права человека суверенитет является таким свойством личности, которое охватывает собой целый комплекс характеристик. К числу наиболее значимых из них относятся следующие:

1. Самопринадлежность. Названная характеристика личности предполагает, что она «пользуется полным и исключительным правом контроля и использования себя и своих возможностей» [4, с. 40]. При этом для суверенной личности возможности использования самой себя и принадлежащего ей в качестве собственного всегда изначально являются неограниченными и безраздельными, а их фактическая ограниченность на практике выступает результатом самоограничения, самоконтроля: стремясь к продуктивному для себя взаимодействию с другими, личность осознает необходимость самоограничения и сознательно идет на него.

2. Способность к самоактивизации в качестве субъекта правовой жизни. Ощущая собственную зависимость от требований, исходящих от других субъектов, личность пытается воссоздавать такой правовой дискурс, в котором она сама выступала бы творцом правил или, по крайней мере, имела бы возможность на них влиять. Самоактивизация суверенной личности возможна только как предъявление ею собственных притязаний и настаивание на них как на своих субъективных правах, при этом конечной целью проявления активности выступает расширение границ права человека в объективном смысле (прежде всего как системы правоотношений).

3. Самостоятельность. О суверенности личности можно вести речь лишь тогда, когда она обладает не только возможностью, но и способностью самостоятельно делать выбор в пользу одной из альтернатив (в том числе самостоятельно решать «вопрос о том, насколько права, общественное право, в полном объеме или в отдельной их части необходимы самому человеку» [8, с. 191]), а также претворять его в жизнь собственными усилиями. Принципиально значимо, что суверенная личность сохраняет свою самостоятельность в том числе и в условиях оказываемого явного и скрытого воздействия со стороны других людей или под давлением обстоятельств. Самостоятельность для личности невозможна без внутренней гармонии, которая, в свою очередь, во многом зависит от целостности духовно-ценностной системы личности.

4. Способность прогнозировать последствия своего правового выбора и нести за них ответственность. Признание того, что суверенная личность самостоятельна в своем выборе, не следует воспринимать как «безусловную франшизу» от ответственности за нарушение признанных действующим правом интересов других суверенных личностей. Делая выбор, человек одновременно выбирает и те правовые последствия, которые он за собой влечет. При этом то, что зачастую выбор одной суверенной личности затрудняет реализацию того, что выбирает для себя другая суверенная личность, – ситуация абсолютно нормальная. Собственно, именно ее нормальность, стандартность и обыденность наряду со способностью личности прогнозировать последствия своего правового выбора и нести за них ответственность обуславливают востребованность

общественного (общего) права как системы регулирования отношений между людьми.

5. Автономность. Говоря об автономности, под ней чаще всего понимают независимость, однако, рассматривая автономность именно в качестве одной из характеристик в содержании суверенитета личности, было бы неправильно отождествлять ее с независимостью. Автономность означает способность к проявлению инициативы, целеполаганию, саморегуляции и самостоятельности человека в своих решениях в условиях включенности в систему социальных отношений. Автономность не делает личность предоставленной самой себе, она делает возможными для нее гармоничные отношения с другими.

6. Несамодостаточность. Суверенной личности недостаточно самоидентификации себя в качестве обладающего перечисленными характеристиками субъекта права. Принципиально значимым для нее является осознание, во-первых, того, что в качестве субъекта, обладающего суверенитетом, ее идентифицируют другие субъекты права, во-вторых, того, что вне правового взаимодействия с другими личность неспособна удовлетворить собственные интересы и потребности. Одновременное осознание первого и второго делает для человека возможным существование в качестве субъекта не только индивидуальной, но и групповой, а также общественной правовой жизни.

Необходимо подчеркнуть, что в теории права человека «суверенитет личности» – это именно концепт, а не понятие. Во-первых, в данном случае речь идет о многомерной смысловой конструкции, а не об образе, фиксирующем определенный набор существенных признаков. Во-вторых, мы имеем дело с инвариантом, функционирующим в строго определенном контексте и испытывающим на себе влияние данного контекста. В-третьих, содержание интересующей нас смысловой конструкции отражает сложный комплекс идей (и именно поэтому раскрыть содержание концепта «суверенитет личности» оказывается гораздо сложнее, чем содержание одноименного понятия общей теории права).

Рассматриваемый концепт для теории права человека является одним из базовых – прежде всего в силу того, что без его использования невозможным оказывается «оязыковление» основополагающих для нее идей, в частности:

- идеи о том, что человек является источником права;
- идеи о первичности права в субъективном смысле по отношению к праву как норме;
- идеи о недопустимости подмены права как возможности, необходимой для самого индивида, теми возможностями, которые признаются обществом и государством значимыми для каждого;
- идеи о неотчуждаемости права от человека;
- идеи о первостепенной значимости для отстаивания и осуществления прав активности самого человека (а не их декларирования и гарантирования государством).

Отдельно следует сказать о том, осмысление содержания концепта «суверенитет личности» принципиально значимо для понимания логики построения теории права человека. Это также дает основание говорить о рассматриваемом концепте как о базовом для названной теории.

Значимость концепта «суверенитет личности» в качестве многомерной смысловой конструкции, интегрирующей в себе множество идей, для теории права человека и малозначимость его для общей теории права свидетельствуют о том, что названные теории исходят из разных базовых установок в решении вопроса о месте человека в праве. Если в первой право выступает имманентным свойством человека [7, с. 498], то для второй характерно рассмотрение человека в качестве носителя статуса, формально установленного нормами права, заключающего в себе набор прав и обязанностей. Если в первой человеку отводится важная роль в воспроизводстве права, то вторая сводит его роль в праве к реализации императивных требований, а также использованию или неиспользованию по своему усмотрению возможностей удовлетворения гипотетически существующих у личности потребностей правомерными способами, признанными обществом и государством.

Несмотря на то, что в условиях провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью теория права человека способна и должна стать фундаментом общей теории права, в действительности она таковой не является. При этом, поскольку именно общая теория права выступает доктринальной основой действующего права, несмотря на то, что гуманизм провозглашается и принципом современного права, и принципом деятельности государственного аппарата, в реальности идеология, в рамках которой право и государство развиваются и функционируют, оказывается не антропоцентричной, а социоцентричной.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Тайна и сила права // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 : Линия права. Концепция: Сочинения 1990-х – 2009 годов. М. : Статут, 2010. С. 190–322.
2. Бляхман Б. Я. Суверенитет личности: политико-правовая конструкция в системе критериев формирования и функционирования гражданского общества // Право и образование. 2007. № 1. С. 55–61.
3. Боева М. А., Геляхова Л. А. Суверенитет личности: понятие, признаки, гарантии // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 19–22.
4. Горбунов А. С. Проблема суверенитета личности в обществе массовой коммуникации // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2015. № 1. С. 40–46.
5. Игнатьев М. Права человека как политика и как идолопоклонство. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 216 с.
6. Клименко А. И. Теория права человека в системе правовой идеологии // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. Современное Российское государство: движущие силы и тенденции развития : сборник научных статей. М. : Московский университет МВД России, 2007. С. 162–174.
7. Малахов В. П. Концепция философии права. М. : Юнити-Дана, 2007. 751 с.
8. Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018. 271 с.

9. Поляков А. В. Эффективность правового регулирования: коммуникативный подход // Эффективность правового регулирования / под общ. ред. А. В. Полякова, В. В. Денисенко, М. А. Беляева. М. : Проспект, 2017. С. 11–25.

10. Правкина И. Н. Суверенитет личности в частном праве // 25 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: традиции и новации частноправового развития: Материалы международной научно-практической конференции (Тамбов, 29–30 ноября 2019 г.). Тамбов : Принт-сервис, 2019. С. 273–279.

Репьев А. Г.¹,
 профессор кафедры
 государственно-правовых дисциплин
 Академии управления МВД России,
 доктор юридических наук, доцент

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ВОСПРИЯТИИ НОРМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Вопросы правопонимания во все эпохи развития юридической мысли представляли собой актуальное и проблемное поле. Сегодня подходы к постижению права, с одной стороны, относительно устоялись и, казалось бы, вряд ли вокруг них возможно возникновение какой-либо острой дискуссии; с другой, общее понимание права едва ли ограничивается классическими (естественной, нормативной и др.) и даже постклассическими концепциями, включая отечественные, основанные на интегративной теории (коммуникативная теория права А. В. Полякова [17], реалистический позитивизм Р. А. Ромашова [18] и др.).

Воспринимать сам феномен права можно по-разному: для одних это совокупность дозволений, индивидуальных возможностей по получению материальных, духовных и иных благ; для других – система взаимосвязанных, формально закрепленных правил поведения, устанавливаемых волей компетентных органов государства и обязательных для соблюдения. Полагаем, одной из задач науки теории права и государства на современном этапе должен стать поиск связующих скреп между юридической догмой и эмпирической составляющей правоведения, которая, к сожалению, все чаще стала находить свое отражение лишь в отраслевых и специальных юридических областях знания. Подобный призыв к методологии исследований в области теории права несколько лет назад выдвинул И. Л. Честнов, назвав его «практическим поворотом» [21].

В этом аспекте взгляд на право обращает нас к ключевому, фундаментальному его пониманию как средства воздействия на общественные отношения. Первичным элементом будет норма права, которая не должна рассматриваться исключительно как вербальный или невербальный знак, который фиксирует допустимый или запрещенный вариант поведения. Правовая норма – это прежде всего предписание, реализуемое или нереализуемое в конкретных поведенческих практиках. Следовательно, актуальным становится осмысление восприятия нормы российского права с некоторых гносеологических позиций.

Известно, что гносеология как теория познания сосредоточена на выявлении условий его истинности. Последнее означает адекватное отражение объекта в сознании познающего, воспроизведение его таким, каким он существует в действительности [20, с. 226]. Следует отметить, что ключевой вклад в развитие истинностного подхода к пониманию права внес В. М. Баранов. Ученый справедливо полагает, что «истинность – интегративное свойство нормы права, выражающее проверяемую практикой... меру пригодности ее содержания и формы» [14, с. 14]. Убеждены, что статус истинной правовой нормы связан с опре-

¹ © Репьев А. Г., 2022.

делением критериев истины и ее содержанием (абсолютная или относительная истинность).

Остановимся на первом компоненте и попробуем развить теоретическую концепцию истинности, предложенную В. М. Барановым. Для этого добавим к ключевому качеству истинности права – его практической проверяемости – не менее важные составляющие: объективную достоверность и социальную обоснованность. Попытаемся аргументировать предложенные критерии истинности.

Достоверность в самом общем смысле может рассматриваться как синоним истинности. Однако мы убеждены, что достоверность – более широкое явление, включающее в себя требования доказательности и бесспорности. Следовательно, объективная достоверность как критерий истинности правовой нормы означает допустимость ее подтверждения эмпирическим путем: сбором и анализом данных о практике реализации или, к примеру, принятием экспериментального правового предписания.

Экспериментальная правовая норма, по нашему мнению, – это нормативное предписание, сложившееся в результате специализации правового регулирования на основе учета особенностей определенного его вида, направленное на пробное установление властного веления, характеризующегося избирательной юридической силой в отношении конкретно установленных субъектов общественных отношений, временных и территориальных границ.

Генеральной целью принятия экспериментальной правовой нормы являются экспертная оценка способа регулирования сложившихся специфических общественных отношений и юридическая помощь органам власти для последующего истинного, непротиворечивого, социально справедливого воздействия базового правового предписания.

Социальное обоснование как критерий истинности правовой нормы выступает не менее важным компонентом. Оно предполагает обсуждение и анализ целесообразности использования того или иного нормативного предписания в сложившихся условиях, сравнение возможных альтернатив применения средств и способов правового регулирования и выбор из них наиболее эффективных. К примеру, одной из популярных тем общественного обсуждения стала проблематика правового регулирования участия в дорожном движении средств мобильности, использующихся на основе искусственного интеллекта. Возникнув на основе общемировой социально-экономической действительности, данная сфера нуждается в объективном соотнесении с международным опытом. Многие государства озаботились необходимостью сокращения затрат на транспортные перевозки, снижения аварийности и смертности на дорогах, что обусловило посыл по допуску к участию в дорожном движении беспилотных транспортных средств. Россия не осталась в стороне от этой тенденции и, прежде чем внести соответствующие изменения в нормативную правовую базу, регламентирующую безопасность дорожного движения, начала испытания подобных технологий [3]: изначально – в г. Москве и Республике Татарстан, а на сегодняшний день – еще в девяти регионах [15]. Поскольку эксплуатация беспилотных транспортных средств неминуемо сопряжена с рисками, необходимостью проработки соответствующей юридической составляющей (определение нового

правового статуса субъекта, осуществляющего управление; возможность наступления юридической ответственности в случае причинения ущерба и пр.), правовые положения должны быть социально обоснованы опытным путем, что и было заложено в текст соответствующего законопроекта [16].

Переходя от критериев истинности к ее содержанию как абсолютной или относительной, оговоримся, что это всегда будет неким оценочным свойством. Относительный статус истинности правовой нормы обусловлен тем, что в нем практически невозможно отразить регулируемые общественные отношения полностью, исчерпывающе, окончательно. Истину правового предписания можно констатировать лишь в очерченных пределах. Приведем лишь один пример. Частью 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации определено: «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» [1]. Между тем Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что сама «Конституция Российской Федерации предполагает возможность установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан» [7–11]. Приведенный перечень решений высшей судебной инстанции, далеко не полный, иллюстрирует широту и разнообразие оснований введения подобного режима ограничения доступа к информации. Следовательно, относительный статус истинности правовой нормы обеспечивает качество декларативности внутреннего содержания данного предписания и его регулятивного действия.

С учетом превалирования в феномене «истинность правового предписания» относительности она, полагая, может и должна стремиться к конкретности. Конкретность в диалектической традиции понимается как качество полноты явления, его содержательность. Тотальная абстрактность правовой нормы приводит не только к неопределенности, расплывчатости правовых требований, созданию «каучуковых» правил и норм, но и к установлению обманчивых правовых предписаний. Так, относительно истинности содержания правовой нормы они, полагая, могут быть условно реальными или полностью ложными.

В качестве примера первого из названных видов можно привести норму ст. 135 Конституции Российской Федерации, предполагающей возможность созыва Конституционного Собрания для решения вопроса о пересмотре положений гл. 1, 2 и 9 данного закона [1]. До настоящего времени, к сожалению, не определены порядок формирования данного института, его конституционно-правовой статус, структура и функциональные возможности деятельности. Разработан лишь проект соответствующего федерального конституционного закона, перспективы принятия которого неочевидны [4]. Условный характер истинности данного предписания нами воспринимается по причине отсутствия фактически сложившихся общественных отношений, требующих своего разрешения путем применения данной нормы. Ввиду того, что не имелось потребности в созыве данного органа в исторической ретроспективе, мы можем лишь допускать гипотетическую возможность ее возникновения в обозримом будущем.

Нельзя в том же ключе высказаться о примерах абсолютной ложности ряда правовых норм, поскольку отношения, регулируемые ими, действительно требуют конкретного воздействия со стороны права. Речь идет о норме ч. 6 ст. 79 УК РФ, устанавливающей, что «контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом» [2]. Спрятанная за ширму эффектного наименования структура, которая могла бы осуществлять деятельность по предупреждению со стороны указанных граждан преступлений, фактически отсутствует.

По некоторым данным, в процессе работы над формулировкой данного нормативного положения планировалось создание так называемой службы probation, которая могла бы обеспечить полноценную ресоциализацию лиц после воздействия на них пенитенциарной системы (оказание психологической помощи, предоставление возможности пройти профессиональную переподготовку, обеспечение консультационной юридической поддержки и пр.). Реализация планов не была завершена. На существующие субъекты профилактики противоправных деяний в лице сотрудников полиции, уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России соответствующие обязанности по контролю за их поведением не возложены [5–6].

Практика отдельных регионов свидетельствует, что вопрос передачи соответствующих обязанностей решается по субъективному усмотрению, неединообразно, с превалированием делегирования ее участковым уполномоченным полиции [12–13]. Между тем последние, не обладая реальными юрисдикционными полномочиями по осуществлению контроля за поведением указанных граждан, не будучи процессуально защищенными в рамках этой деятельности, и без того имеют шесть категорий лиц, в отношении которых необходимо осуществлять профилактическую работу.

Уместно, полагаем, здесь обозначить риски, образующиеся вследствие сложившейся ситуации, поскольку преступления, совершаемые лицами, имеющими преступный опыт, давно перестали быть гипотетически предполагаемым явлением. Существовавшая на протяжении нескольких лет динамика снижения числа ранее судимых лиц, повторно совершивших уголовно наказуемое деяние, по итогам десяти месяцев 2021 г. сменилась ростом на 6,2 % (до 3 912 деяний по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.). Каждое второе (52,0 %) преступление в нашей стране совершается лицом, не только имеющим преступный опыт, но и в период непогашенной судимости.

Чтобы быть эффективной, правовая норма в обязательном порядке должна быть отражением истинности как с позиции социального обоснования за счет корреляции с существующим уровнем развития правовой системы, так и со стороны объективной достоверности, учитывать развитие правоприменительной практики и пр.

Неистинный или, по-другому, обманчивый вариант конструирования правовой нормы, в том числе без четкого и однозначного указания на источник правового регулирования, обеспечивает декларативность восприятия ее содержания, детерминирует серьезные риски интерпретации и дефекты правореализации. Среди них и нарушение основополагающих прав человека (на жизнь,

здоровье, личную неприкосновенность, доступ к информации), и коррупциогенные факторы.

Абсолютно ложный вариант конструирования правовой нормы должен быть полностью исключен. Примеры законодательства, содержащие отсылки к несуществующим правовым положениям, особенно в тех сферах общественных отношений, которые касаются национальной безопасности, обеспечения правопорядка и защищенности граждан, требуют скорейшего дополнения.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 13. Ст. 1995.

4. Проект федерального конституционного закона № 1046036-7 «О Конституционном Собрании Российской Федерации» (ред., внесенная в Государственную Думу Федерального Собрания, текст по сост. на 28.10.2020) // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1046036-7> (дата обращения: 10.12.2021).

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 729 «Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности» (ред. от 23.04.2012) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 18. Ст. 2224.

6. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2015 г. № 15-П // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2000 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2003 г. № 173-О // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 г. № 3-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

11. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2011 г. № 1063-О-О // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по написанию.

12. Апелляционное постановление Суда Чукотского автономного округа от 14 февраля 2017 г. по делу № 22к-2/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-sud-chukotskogo-avtonomnogo-okruga-chukotskii-avtonomnyi-okrug> (дата обращения: 10.12.2021).

13. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 16 августа 2018 г. по делу № 22-925/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e5kBOYRuAWWJ> (дата обращения: 10.12.2021).

14. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1989. 400 с.

15. Гайва Е. За рулем – автомат // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/02/19/rossiia-predlozhila-peresmotret-konvenciiu-o-dorozhnom-dvizhenii.html> (дата обращения: 10.12.2021).

16. Проект федерального закона № 710083-7 «Об опытной эксплуатации инновационных транспортных средств и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/710083-7> (дата обращения: 10.12.2021).

17. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование) : дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. докл. СПб., 2002. 94 с.

18. Ромашов Р. А. Правовой реализм и реалистический позитивизм: теория и практика // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 57–64.

19. Состояние преступности в Российской Федерации // МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/27024130> (дата обращения: 10.12.2021).

20. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев и др. М. : Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

21. Честнов И. Л. Практический поворот в современной философии права // Российский журнал правовых исследований. 2017. Т. 3. № 1 (10). С. 69–76.

*Медушевская Н. Ф.¹,
профессор кафедры философии
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ИДЕЯ ЦЕЛОСТНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ МЫШЛЕНИИ

Идея целостности не является новой в социально-гуманитарной мысли. Она возникла еще в ранней классике древнегреческой философии.

Во-первых, античная философия уже с начала своего возникновения стремится выявить ту целостность, которая в дальнейшем будет разрушена наукой, поделившей все исследуемое бытие на отдельные фрагменты, изучаемые по отдельности каждой возникающей областью научного знания. В современной философской литературе отмечается, что с момента своего зарождения философия объединяет три взаимосвязанных момента: содержание, метод и цель: «Что касается содержания, то философия хочет объяснить тотальность вещей, реальность во всех ее частях и моментах без изъятия. Выделяя частные науки, мы хотим подчеркнуть, что речь идет об объяснении частей, секторов реальности. Но уже вопрос первого из философов: что есть начало всех вещей? – полагает предметом бытие, реальность как целое. И мы увидим, что бытие как целое открывается через это первоначало, т. е. „первое“ почему всех вещей» [9, с. 11].

Во-вторых, для античной философской мысли характерно определение целостности через выявление совокупности взаимосвязанных рациональных категорий. Собственно, благодаря этой особенности древнегреческая философия стала колыбелью всей современной науки.

Опираясь на данные методологические установки, рассмотрим идею целостности в современном юридическом мышлении в различных аспектах.

Онтологический аспект

При характеристике правового бытия современности отмечаются его вариативность и многоуровневость, что затрудняет целостное воспроизведение права. Многомерность мира эпохи постмодерна характеризуется мозаичностью, фрагментарностью, бессистемностью, и это усиливается в 80-е гг. XX в. с помощью игровых элементов и изображения карнавальности действительности. Онтологизация иррационального элемента в постмодерне превращает мир из реальности в кажимость, «фантом сознания» [3, с. 22]. Поэтому многие современные ученые-правоведы обращают внимание на рост мифологизации правовых понятий, теорий и концепций.

Постмодернистская культура в целом разрушает и плюрализировать нормативность, поэтому нормативные системы могут противостоять друг другу, что хаотизирует действительность. Для правопонимания постмодерна характерны релятивизм, бессистемная толерантность, мультикультурализм, размывающий специфику национальной идентичности, замена научной истины правдоподобием.

¹ © Медушевская Н. Ф., 2022.

Однако если реальность оценивается и мыслится фрагментарно и разнопланово, каждому фрагменту может соответствовать свой дискурс в понимании правовой реальности, ее структуры и содержания.

В отличие от постмодернистского правопонимания и постмодернистской культуры в целом, концепция метамодерна не предлагает определенных путей решения, она только намечает те изменения, которые происходят в социально-экономической и культурной жизни. С одной стороны, принцип самоиронии, свойственный метамодерну, цинизм, идеология постправды применительно к правовой культуре неспособны преодолеть хаос современного бытия, усилить социальную ответственность и решить проблему справедливости. С другой стороны, появление новой культурной доминанты метамодерна свидетельствует об усталости цивилизованного мира от неопределенности, нестабильности, разрушения привычных ценностных ориентаций, усиления формализованности права. Она прокладывает пока еще тропинку к живому индивиду с его неповторимым внутренним миром, к человекоориентированной правовой культуре.

На интерпретацию права как целостности обращает внимание Р. Дворкин. В его трактовке целостность права заключается в следующем:

- принятие законных прав человека;
- ограничение закона;
- обеспечение некоторого равенства граждан;
- следование принципам права морали и нравственности;
- принятие коллективного принуждения как политической добродетели;
- целостность права как защита от коррупции, пристрастности и обмана

[2, с. 242–293].

Гносеологический (эпистемологический) аспект

С точки зрения гносеологии постмодернизма «любые притязания на объективность и истину могут быть деконструированы» [2, с. 31]. Так, с позиции критической правовой теории все решения в области права лишены объективности, они зависят от политической конъюнктуры и выражают личные интересы. С. Хикс пишет: «Закон – это оружие, предназначенное для использования на социальной арене субъективных конфликтов, арене, управляемой конкурирующими стремлениями и принудительным утверждением интересов одной группы над интересами другой» [13, с. 33].

В гносеологическом плане постмодернизм ориентирует правоведа на лингвистику, юридическую технику и искусство аргументации. В этом нет ничего плохого, пока эти тенденции не онтологизируются. Подчеркивается, что в сфере образования нет смысла обращаться к классическим работам, следует концентрировать свое внимание на работах представителей цветных рас и женщин. Тематами здесь должны быть прежде всего угнетаемые и малообеспеченные слои населения. Не существует целостности научной теории и науки, – ее и не может быть, как не может быть монополии на истину и общепризнанной методологии. Постмодернизм приковывает внимание исследователя к альтернативности в методологии познания.

С точки зрения постмодерниста наше правовое мышление воспроизводит не ту реальность, которая существует независимо от нас, а ту, которая нам являет-

ся. Происходит некая мистификация правового бытия, которое иллюзорно фиксируется в мышлении. При этом дискурс принципиально фрагментарен, он не способен отразить социальный мир в его целостности [4, с. 79–105]. Тотальность является порождением Логоса, который принципиально не приемлет постмодернист (критика логоцентризма в трудах Ж. Деррида).

Стремление к эпистемологической целостности проявляется в процессе возникновения так называемых гибридных методологий. В качестве примера можно привести методологию изучения ментальностей, которая теоретически обоснована в школе «Анналов» (Л. Февр). Она может быть использована и используется в историко-правовых исследованиях, позволяет обратиться к живому чувствующему индивиду, окрашивающему своей коллективной ментальностью историко-правовой процесс в новые тона, дополняя фактологическую иллюстративность истории живой историей социальных групп и отдельных субъектов.

Целостность истории права не только достигается за счет всестороннего анализа событийности, но включает в себя и субъективную составляющую: человеческие переживания, эмоции, ценностные ориентиры, интуитивные действия, волевые движения, коммуникативное многообразие. Историки школы «Анналов» не исключают вплетение в теоретическую канву своего нарратива и фантастических образов, и сновидений, и анекдотов, шуток, намеков и полунамеков, которые интерпретируют историю права не абстрактно-аналитически, а смыслонаполненно в целях полномасштабного и многоаспектного отображения историко-правовой реальности конкретного времени. Так, Ж. Ле Гофф особое внимание уделяет неосознаваемому и неосознанному, здравому смыслу, автоматизмам и бытовому поведению. Он пишет: «Формирование ментальных образов, сферы человеческого воображения, которое очень бурно развивалось в Средневековье, – принципиальная составляющая процесса складывания Европы и как реальности, и как идеи» [6, с. 14].

Если применить термин «структура чувства», широко используемый в метамодернизме, к праву как феномену культуры, то следует рассматривать его как восприятие, эмоцию, способную выразить совместный социальный опыт. Другими словами, это попытка по-новому осмыслить право в эпистемологических терминах, обратившись прежде всего к восприятию правового, его укоренению во внутреннем мире индивида, субъективизации права и превращению его в эмоционально-психологическое явление, основанное на коммуникативных актах и коллективном внутреннем опыте. Опираясь на «структуру чувства», авторы метамодерна еще больше отходят от рациональности, постигая и углубляясь в средства внерационального восприятия действительности [7].

Конечно, современная постнеклассическая наука настаивает на плюрализме методологических стратегий, которые включают не только традиционные и новые методологии социально-гуманитарных наук, но и многое из того, что свойственно методологии естественных наук, а также способы описания и интерпретации исторического процесса и современности, связанные не только с классической, неклассической и постнеклассической рациональностью, но и с метафорическими, интуитивными и рефлексивными способами описания изучаемых объектов.

Антропологический аспект

Антропологизация теоретической мысли начинается с классического этапа древнегреческой философии: «С приближением V в. до Р. Х. бывшее равновесие продолжало смещаться в сторону человека» [11, с. 27]. Начиная с конца XIX – начала XX вв. принципиально меняется способ понимания индивида. В силу стремительного развития научного знания (вспомним, что на рубеже веков осуществлялась третья глобальная научная революция, начавшаяся с революции в физике) оказалось, что понимание человека стало раздробленным и не обладало целостностью. Биология, психология, культурология, экономика и другие науки обращались к человеку, рассматривая его подчас с кардинально противоположных позиций и делая принципиально разные выводы. Кстати, эта позиция нашла выражение и в различных философских трактовках человека, который рассматривался уже не столько в традициях античного мира как человек разумный – *homo sapiens*, сколько в иных дискурсах: *homo faber*, *homo degenerativus*, *homo symbolicus*, *homo ludens*, *homo economicus* и т. д. Все эти версии человека, с одной стороны, свидетельствуют о сложности человеческой природы и ее экзистенции, с другой стороны, обнаруживают расчлененность современного научного знания, отсутствие в нем целостности, фрагментарность понимания человеческого. Несмотря на попытки философии синтезировать и интегрировать эти антропологические версии, задача оказалась неисполненной, о чем говорит постмодернистский дискурс, сформировавшийся во второй половине прошлого столетия.

В новой культурной логике метамодерна специфической ориентационной особенностью является обращение к «структуре чувства», о которой уже говорилось выше. Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер в работе «Заметки о метамодернизме» пишут: «В соответствии с нашим определением, метамодернизм представляет собой структуру чувства, возникшую в 2000-х гг. и ставшую доминантной культурной логикой западных капиталистических обществ» [8, с. 45–46].

Иррациональное в праве эпохи модерна, его усиление и размытость, неопределенность и хаотичность в эпоху постмодерна приняли несколько иные очертания в метамодернизме. Возврат к человеку, который пытается осуществить метамодернизм, выявляя «структуру чувства», знаменует поворот к живому индивиду, у которого «есть право на неприкосновенность того, что он не хочет никому раскрывать, право на тайны, которые он не желает сообщать или обсуждать» [1, с. 351]. Иррациональное все больше рассматривается в антропологическом нарративе.

Аксиологический аспект

Анализируя концепцию Р. Дворкина, Р. Уакс отмечает позицию ученого, который, обратившись к понятию целостности в праве, пишет, что «только то сообщество, что поддерживает идеал целостности, может быть подлинным, морально оправданным, ассоциативным сообществом – потому что осуществляемые им акты выбора связаны с обязательствами, а не применением голой силы» [12, с. 87].

Постмодернизм традиционно разрушает целостность тех аксиологических понятий, которые ранее считались объективно существующими в сфере объек-

тивированной духовности: «Ценности являются продуктом социальной субъективности. Следовательно, в культуре ни одна из коллективных ценностей не имеет привилегий» [13, с. 37].

Современная правовая культура ищет пути возврата к человеку, живому чувствующему индивиду. Иррациональное все в большей степени укрепляет свои позиции, используется в политических стратегиях, в создании новых представлений о справедливости и свободе. Тем не менее вопрос о путях развития правовой культуры на сегодняшний день остается открытым.

В. Д. Зорькин, выступивший на IX Петербургском международном юридическом форуме с лекцией, отметил: «Ответом на вызовы постмодернистского права стала доктрина национальной идентичности, которая в разных правовых системах называется по-разному, но в своей основе сводится к осознанию значимости ценностно-нормативного фундамента конституционной системы того или иного государства» [5].

Многие современные ученые-юристы ищут ответ на вызовы цивилизованного мира в интегративном правопонимании, которое, оставаясь проектом, может считаться поиском целостности в современном правовом мышлении. Отмечается, что в этом новом правовом подходе «в иерархии ценностей на первом месте находятся такие ценности, как достоинство личности, справедливость. Кроме того, к ним можно отнести свободу и равенство» [10, с. 279]. Возможно, это и так. Но вместе с тем сомнение вызывает тот факт, что до сих пор, несмотря на значительное число конференций, научных статей и монографий, эта идея так и остается идеей, а интегративное правопонимание все еще пребывает в состоянии неопределенности, оставаясь дискуссионной научной гипотезой.

Список литературы

1. Бауман З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности / пер. с англ. А. И. Самариной ; науч. ред. Т. Н. Раков. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
2. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Издательство Института Гайдара, 2020. 592 с.
3. Общество в постнеклассической картине мира : курс лекций / сост. и ред. Н. Ф. Медушевская, Н. В. Галанина. Ижевск : Шелест, 2019. 216 с.
4. Золкин А. Л. Социокультурные проекты современности: модерн и постмодерн // Социальная философия : учебное пособие / под ред. Н. Ф. Медушевской, Н. В. Галаниной. Ижевск : Шелест, 2018. С. 79–105.
5. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-rozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 10.12.2021).
6. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / пер. с франц. А. И. Поповой ; предисл. А. О. Чубарьяна. СПб. : Александрия, 2018. 398 с.
7. Медушевская Н. Ф. Право в культурной логике постмодерна // Право — явление цивилизации и культуры. Вып. III / отв. ред. М. В. Немытина. М. : РУДН, 2021. С. 166–173.

8. Метамодернизм. Историчность. Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. Ван ден Аккера, Т. Вермюлена, Э. Гиббонс. М. : Рипол-Классик, 2019. 494 с.

9. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1: Античность. СПб. : Петрополис, 1994. 336 с.

10. Современное правопонимание : курс лекций / отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 368 с.

11. Тарнас Р. История западного мышления / пер. с англ. Т. А. Азаркович. М. : Крон-Пресс, 1995. 448 с.

12. Уакс Р. Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Издательство Института Гайдара, 2020. 176 с.

13. Хикс С. Объясняя постмодернизм / пер. с англ. А. С. Шуваловой. М.: Рипол-Классик, 2021. 320 с.

*Лопатина Т. М.¹,
заведующая кафедрой
уголовно-правовых дисциплин
Смоленского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

ЭЛЕКТРОННАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ ПРАВООТНОШЕНИЯ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Личность – понятие многогранное и может характеризоваться в различных аспектах: с позиции философского подхода – как разумное, обладающее духовностью существо; с позиции естествоведческого подхода – как биологическое существо, обладающее сознанием; с позиции этимологического подхода – как индивидуум с присущими только ему индивидуальными свойствами; с позиции общесоциального подхода – как носитель всех общественных отношений; с позиции политического подхода – как существо, стремящееся к высшей форме политической организации – государству; с позиции юридического подхода – как лицо, обладающее соответствующим правовым статусом.

В зависимости от объема достигнутых человечеством знаний и уровня научно-технического прогресса в обществе понятие «личность» употребляется в широком и в узком понимании. В узком смысле с правовых позиций личность – это человек – носитель прав и обязанностей, позволяющих ему быть субъектом общественного отношения. В широком смысле личность – это субъект права и субъект правоотношений с присущим ему правовым статусом личности, включающим правоспособность, связанную прежде всего с комплексом естественных прав.

Субъект права как базовая категория общей теории права и отраслевых юридических наук является носителем предметно-практической юридической деятельности. С учетом этих обстоятельств предполагается рассмотрение проблемы правосубъектности в эпоху цифровой реальности и возникновения нового типа общественных, в том числе правовых, отношений – отношений виртуального социума. Физическое лицо традиционно было бумажным образом человека. В эпоху цифровых технологий электронная личность – это виртуальный образ физического лица, который оцифрован, и на этой базе создан его аватар – электронный двойник. Этот электронный двойник постепенно становится несвободным от электронной сети, в которой он наделяется определенным набором прав и возможностей их реализации. Физическое лицо – человек, сдавший биометрию и давший согласие на сбор и обработку персональных данных, загоняет себя в электронно-контрольный модуль, который связывает его и миллионы ему подобных аватаров с электронной сетью.

Как при этом соотносятся понятия «субъект права» и «субъект правоотношения»? С позиции традиционного подхода субъект права и субъект правоотношения рассматриваются как тождественные термины, а субъект права рассматривается как элемент правоотношения. Выделяется единое лицо: субъект – носитель прав и обязанностей и субъект правоотношения (реализатор прав и

¹ © Лопатина Т. М., 2022.

обязанностей). Во второй половине XX в. начался процесс оспаривания такого подхода и отказа от отождествления указанных понятий [1, с. 16; 14, с. 69]. В основе нового осмысления соотношения обозначенных понятий положена характеристика юридического содержания правоотношения как взаимодействия субъективных прав и корреспондирующих обязанностей, а не субъектов, которые остаются в тени. Рассмотрение с этих позиций электронной личности как субъекта правоотношения представляет интерес в плане углубления общей теории права при решении вопросов правового регулирования общественных отношений с использованием технологии искусственного интеллекта.

Сегодняшний цифровой мир изменяет представление о личности человека. Личность индицируется по атрибутам и характеризуется определенными действиями, любое из которых оставляет свой след в интернете (электронное письмо, билет на поезд и т. п.), и по такой следовой цепочке можно создать профиль пользователя. Пользователи сети – это обычные люди, которые могут не представлять принципы действия интернета, но которые имеют цифровую тень в виде персональных данных, хранящихся у работодателя, в банках, в пенсионных фондах, в медицинских организациях и т. д. Они пользуются сетью как средством коммуникации аналогично радио, телефону, телевидению. Их электронный профиль идентичен фактическому. Это категория законопослушных пользователей.

Но существует и другая категория – фейковые электронные личности, которые сложно отличить от настоящих, поскольку они имеют необходимые атрибуты человека (имя, фамилию, отчество, банковские счета, кредитные карточки). Часть таких атрибутов может быть реальной, часть – принадлежащей другим людям, часть – несуществующей. Фейковые личности подразделяются на придуманных персонажей, реальных личностей, живущих под псевдонимами (сценическими, литературными или условными именами – никнеймами), и ботов. Качественно созданная фейковая личность содержит следы подтверждения деятельности как в сети, так и в реальном мире (регистрации, комментарии, отчеты о поездках и т. п.), что формирует полное доверие к ней. Правоохранительные органы и коммерческие структуры столкнулись с проблемой «кражи личности», т. е. с похищением персональных данных в целях мошенничества, например для получения кредита, или создания электронной личности с нуля в целях, к примеру, трудоустройства.

Современная модель фейковой личности – бот, сокращенное от «робот». Основная задача любого бота – освободить человека от тяжелой однообразной работы. Применение таких роботов экономит рабочее время, увеличивает производительность труда и привлекательно для компаний: «На Всемирном экономическом форуме в Давосе было заявлено, что к 2020 г. искусственный интеллект отберет у человека 5,1 млн рабочих мест» [15]. Более того, в настоящее время создано первое электронное юридическое лицо, которое управляется не советом директоров или генеральным директором, а при помощи «самоуправляемых контрактов» [2], а «человекоподобная роботесса София, разработанная гонконгской компанией Hanston Robotics, получила подданство королевства Саудовская Аравия» [3]. Возникает вопрос: электронное физическое и юридическое лицо следует рассматривать объектом или субъектом правоотношения?

Среди ученых выделяется группа тех, кто считает роботов новым объектом права и не признает их правосубъектность в правовой науке [4, с. 28; 5, с. 27; 8, с. 667; 10, с. 58; 12, с. 529], и группа с альтернативной позицией, представители которой не исключают возможности приобретения роботом субъективных прав и юридических обязанностей [7; 13, с. 42; 11, с. 358]. Существующие дискуссии являются результатом мизерного уровня правового регулирования процесса создания, эксплуатации и деятельности роботов. На международном уровне попытка формулирования ответа на вышеобозначенный вопрос была предпринята в Резолюции о правовом статусе роботов, принятой Европарламентом в 2017 г. [9]. Однако резолюция не является правовым актом, обязательным к исполнению государствами – членами ЕС. Подобная ситуация существует и в российской правовой системе, не признающей правосубъектность роботов с технологиями искусственного интеллекта. Тем не менее предпринимаются попытки в этой сфере. Примером может служить Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. №123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных”».

В правовой доктрине рассматривается вопрос о возможности наделения правосубъектностью не всех роботов, а только высокотехнологичные автономные компьютеризированные системы с присвоением им статуса «электронного лица», применять этот статус «следует в тех случаях, когда роботы принимают самостоятельные решения или каким-либо иным образом взаимодействуют самостоятельно с третьими лицами» [9]. Высокотехнологичные автономные компьютеризированные системы обладают возможностью принимать решения и реализовывать их вовне, независимо от внешнего контроля. Следовательно, де-юре автономность таких систем означает следующее: если робот с технологиями искусственного интеллекта обладает правом принятия решения, значит, он должен иметь корреспондирующую праву обязанность нести юридическую ответственность за свои действия.

По мнению М. Дельву, «понятие „электронное лицо” сродни „юридическому лицу” – это юридическая формулировка, а не биоэтическая или философская констатация» [6, с. 5]. Д. Робертсон считает, что с позиции правосубъектности понятие электронного лица «противопоставляет живого человека и неживого негуманоидного субъекта. В связи с чем предлагается наделить робота новым видом правового статуса, который не соответствует правовому статусу ни человека, ни вещи» [6, с. 5]. Логика проста: роботизированные системы с элементами искусственного интеллекта создаются по образу и подобию человека и могут обладать элементами интеллекта, схожими с человеческими, а значит, могут наделяться подобием прав и обязанностей, которые определили бы их юридический статус. Реализация подобного предложения повлечет пересмотр отдельных институтов права (правовой ответственности, налогообложения, права интеллектуальной собственности, безопасности электронной личности и др.).

Вместе с тем прогноз о возможности достижения искусственным интеллектом такого уровня, что он позволит превзойти человеческий, не стоит сбрасывать со счета. Не стоит и относиться к этому как к далекой перспективе. Представляется, что интеллектуальное превосходство машин может усложнить контроль людей над своими собственными творениями, а статус людей и роботов будет одинаковым – виртуальный и бесправный. К примеру, «японское Министерство экономики, торговли и промышленности создало серию руководств, адресованных безопасности роботов следующего поколения» [16].

Присуждение прав и обязанностей неодушевленному субъекту может казаться странным, но сегодня уже есть примеры, когда корпорации создают фиктивные юрлица и наделяют их определенными правами и обязанностями. Возможно, высокотехнологичным автономным компьютеризированным системам позволительно предоставлять статус корпорации, директором в которой выступит создатель робота. В таком случае робот должен рассматриваться не как субъект, а как юридический объект, имеющий электронное лицо, т. е. будет присутствовать сочетание субъекта и объекта права.

Таким образом, соотношение понятий «субъект права» и «субъект правоотношения» помимо теоретико-научного имеет практическое значение для регулирования общественных отношений, возникающих и реализуемых с использованием технологии искусственного интеллекта.

Вопрос правосубъектности робота рассматривается в правовой науке двояко. Одна группа авторов считает, что наделение роботов правосубъектностью невозможно по причине контролируемого волеизъявления и отсутствия самостоятельного поведения, другая – предполагает, что присвоение роботу статуса субъекта правоотношения позволит решать вопросы ответственности за их неконтролируемое поведение, выступающее как результат самостоятельно принятого решения. Третья группа авторов полагает, что, поскольку робот не является полностью автономным субъектом права, невозможно наделить робота правосубъектностью в силу того, что цифровые технологии не достигли необходимого уровня развития. Однако в процессе совершенствования цифровых технологий и уровня развития роботостроения ситуация может измениться, а вопрос о наделении робота правосубъектностью станет возможным.

Список литературы

1. Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1972. 160 с.
2. Вашкевич А. М. Машиночитаемое право: право как электричество. М.: Симплоер, 2019. 256 с.
3. Впервые в истории робот получил гражданство // Hi-News.ru. URL: <https://hi-news.ru/technology/vpervye-v-istorii-robot-poluchil-grazhdanstvo.html> (дата обращения: 10.12.2021).
4. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

5. Горохова С. С. К вопросу о необходимости института правосубъектности искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 3 (61). С. 23–33.
6. Морхат П. М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. 2018. № 4. С. 1–8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25647 (дата обращения: 15.12.2021).
7. Ибрагимов Р., Сурагина Е. Право машин. Как привлечь робота к ответственности // Корпоративный юрист. 2017. № 11. URL: <https://e.korpurist.ru/599113> (дата обращения: 18.12.2021).
8. Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 664–684.
9. Нормы гражданского права о робототехнике : Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. // Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: http://robopravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 20.12.2021).
10. Тиунова А. И. Робот как субъект правоотношения – миф или реальность? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 2 (28). С. 57–59.
11. Ужов Ф. В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.
12. Харитонов Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 524–549.
13. Черкасов В. Н. Новый субъект права? // Базис. 2017. № 1. С. 41–44.
14. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014. 336 с.
15. Уэйкфилд Дж. Европарламент решает, считать ли роботов «электронной личностью» // BBC News. Русская служба. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38597214> (дата обращения: 10.12.2021).
16. Права роботов: когда разумную машину можно считать «личностью»? // Рамблер. URL: https://news.rambler.ru/world/36092625/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.12.2021).

Дубинина Е. Н.¹,
 доцент кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

Ушаков М. А.²,
 заместитель начальника кафедры
 физической подготовки
 учебно-научного комплекса
 специальной подготовки
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

ЮРИДИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

В настоящее время человечество находится в процессе глобальной перестройки общества, связанной с модернизацией всех существующих конструкций, систем и сфер жизнедеятельности. В XXI в. мы можем наблюдать переход от постиндустриальной стадии развития к стадии информационного общества. Современное информационное общество представляет собой реализацию концепции современной исторической эволюции, новой вехой в развитии человечества и мирового сообщества, признает информацию, ее получение, обработку, хранение главными критериями успешного функционирования современного мира [5].

Каждое исторически конкретное общество, современное информационное общество в том числе, объективно требует строго определенной меры социального регулирования, иначе неизбежны отрицательные последствия для социальной системы – ее неорганизованность или, наоборот, излишняя регламентация. Эта мера, выражающая объем и интенсивность социального регулирования, зависит от этапа развития общества, уровня его внутренней организованности. Такая мера тем значительней, чем сложнее общественные отношения и выше социально обусловленная необходимость.

Регулирование связывается с потребностью выражения и обеспечения объективных социальных интересов в поведении людей. В процессе регулирования формируются все более относительно обособленные регулятивные механизмы. Необходимо отметить, что по мере развития социальной жизни происходят изменения качества регулирования, усложнение и совершенствование регулятивных механизмов – процесс, который является как бы ответом социального регулирования на потребности экономического развития, всего общественного развития на нужды социального прогресса, в том числе на необходимость выражения и обеспечения социальной свободы: «Назначение нормативно-регуля-

¹ © Дубинина Е. Н., 2022.

² © Ушаков М. А., 2022.

тивной системы – поддержание общественного порядка, обеспечение такой согласованности в действиях людей, которая обеспечивала бы их максимально эффективное взаимодействие для осуществления своих потребностей. Нормативно-регулятивная система общества как всякая система несет в себе избыточность, обусловленную необходимостью поддержания достигнутой упорядоченности социальных связей в условиях быстро развивающегося общества» [3, с. 14].

Регулирование общественных отношений посредством юридического права является наиболее простым и строгим способом упорядочения общественной жизни. Государственное (юридическое) право проистекает из самого существа государства. Оно формируется и развивается таким образом, чтобы, во-первых, иметь целенаправленный, организованный, потенциально результативный характер; во-вторых, осуществляться при помощи целостной системы средств, реально выражающих саму материю позитивного права как нормативного институционального образования – регулятора. В этом и состоит сущность сложного процесса юридизации общественных отношений. Правовое регулирование с помощью норм юридического права всегда осуществляется посредством своего инструментария – особого, свойственного только праву механизма, призванного юридически гарантировать достижение целей, которые ставил законодатель, издавая или санкционируя юридические нормы, в рамках определенных типов и моделей юридического воздействия на общественные отношения. Современный период характеризуется тем, что система средств юридизации используется во всей своей полноте применительно к новым явлениям информационного общества, юридизируются информационные и цифровые процессы.

Информация в современном обществе становится основным ресурсом, а современные компьютерные технологии позволяют этот ресурс добывать и управлять им, юридизировать основные характеристики и механизмы его использования, постепенно формируя информационное право. Производство, преобразование и получение информации давно стали основным видом деятельности большинства людей. Информационная среда, созданная непосредственно человеком, становится новой средой обитания человека. Информационный прогресс позволил человеку полностью оптимизировать свою жизнь, юридизация информации и перераспределения ее процессов постепенно формирует новую сферу юридического права – право информационное. На данный момент абсолютное большинство людей перенесло почти всю свою жизнь в виртуальную среду посредством использования интернета. Информационное пространство призвано обеспечить эффективное и беспрепятственное взаимодействие людей по всему миру, а также обеспечить доступ к мировым информационным ресурсам для удовлетворения потребностей и интересов в продуктах и услугах современного информационного общества.

Информационное общество и информационное право тесно связаны, что проявляется во множестве аспектов, среди которых можно выделить следующие:

1. Информация – приоритетный продукт человеческой жизнедеятельности, основа для построения общества в целом, катализатор развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

2. Главенствующая роль информации и получение на ее основе знаний в жизни общества и государства.

3. Возрастание количества информационно-коммуникационных технологий, товаров и услуг научно-технического прогресса в валовом внутреннем продукте и их использование во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

4. Создание глобального информационного пространства и развитие информационной экономики, электронного правительства, всемирных социальных сетей и мессенджеров.

5. Обеспечение безопасности информационного общества, информационной безопасности, усиление роли защиты интеллектуальной собственности.

Помимо положительных аспектов информационное общество, а вместе с ним и юридизация информационного пространства, несомненно, таит в себе опасные тенденции, представляющие угрозу современному человечеству. К ним можно отнести:

- возрастание влияния средств массовой информации на сознание, мышление и действия людей;
- возникновение информационных войн как нового вида ведения военных действий без применения оружия. В связи с этим ставится вопрос об отборе достоверной, качественной, безопасной информации;
- проблемы с адаптацией к информационной среде у людей старшего поколения, трудности в организации жизнедеятельности;
- незащищенность личной информации и персональных данных.

Одним из признаков информационного общества является единое информационное пространство. Главным нормативным правовым актом, отражающим сущность и определение данного явления, является Концепция формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов, принятая решением Президента Российской Федерации от 23 ноября 1995 г. № Пр-1694. Согласно данной концепции, единое информационное пространство (ЕИП) – это совокупность систем и баз данных, технологий, связанных с их обеспечением, ведением и использованием, обеспечивающих информационное взаимодействие граждан, организаций и объединений, государства и его органов между друг другом и непосредственно внутри своего объекта [1]. Также информационное пространство своей целью провозглашает удовлетворение всех информационных потребностей и интересов личности, общества и государства.

ЕИП состоит из информационных ресурсов, организационной структуры и различных способов информационного взаимодействия, совокупности ИКТ и нормативных документов, обеспечивающих обществу доступ к информационным ресурсам в целях удовлетворения информационных потребностей [2].

ЕИП представляется не только как структура, спонсируемая за счет государственного бюджета, но и как объединение разного рода связей, обуславливается наличием в информационном пространстве различных историко-культурных, политических, социальных и экономических связей, а также наличием единого языка взаимодействия и общих географических и политических границ [4].

Информационная революция в XXI в. стала катализатором развития современного информационного общества и, как следствие, единого информационного пространства, стала основой появления информационного права. Конечно, данные явления обуславливают резкий эволюционный скачок в истории человечества, повлиявший абсолютно на все сферы жизнедеятельности человека, на конструкцию государства и его функционирование. Благодаря вышеупомянутому явлению каждый член общества получил возможность проявить свои индивидуальные качества, высказать предпочтение определенной деятельности, получил возможность беспрепятственного взаимодействия с другими людьми, объединениями и государством в целом. Процессы информатизации оптимизировали работу государства и его институтов, а также привнесли свои риски, появился новый вид преступности, под угрозой оказались общественные отношения, складывающиеся непосредственно в информационной среде. Актуальными остаются вопросы развития информационной инфраструктуры, снижения неравенства между социальными группами в вопросах использования и производства информации, существенного изменения личностного и общественного сознания, а также обеспечения информационной безопасности.

Список литературы

1. Андреева Г., Титова Т. Формирование информационного пространства Содружества Независимых Государств: аспекты правового обеспечения. М., 2004.
2. Батыршин Р. И. Телерадиокомпания «Мир»: формирование единого информационного пространства стран Содружества. М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2011. 85 с.
3. Догадайло С. Ю. Право и социальные нормы: опыт системного анализа // Проблемы государственного строительства и права. Ч. 2 / под общ. ред. Г. В. Мальцева. М., 2002.
4. Колин К. К. Информатизация общества и социальная информатика // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3. С. 6–11.
5. Смирнова В. Р., Шарыпова Т. Н. Понятие информационного общества, его основные характеристики // Colloquium-journal. 2021. № 12 (99). С. 13–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-informatsionnogo-obschestva-ego-osnovnye-harakteristiki> (дата обращения: 07.12.2021).

*Грошев С. Н.¹,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук*

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. К ВОПРОСУ О ЗАЩИТЕ ПРАВ МУЖЧИН

Служба в силовых структурах, в частности – в органах внутренних дел, является достаточно сложной как с физиологической, так и с психологической стороны, сопряжена с определенными опасностями для жизни и здоровья, требует значительных физических трудозатрат. В связи с этим служба в органах внутренних дел традиционно считается мужским занятием. Кандидаты на поступление на службу в органы внутренних дел проходят тщательный отбор, сдают тесты на физическую силу и выносливость, чтобы подтвердить способность лица осуществлять охрану правопорядка и обеспечение национальной безопасности.

Стоит отметить, что сотрудники органов внутренних дел наделены уникальным правом применять физическое насилие в отношении правонарушителей, если того требует обстановка. Сотрудники МВД России должны, помимо названных выше качеств, быть способны к психологическому контролю над собой во время кризисных ситуаций, связанных, например, с задержанием преступника и необходимостью применить физическую силу, спецсредства или огнестрельное оружие.

Не являются исключением и сотрудники органов внутренних дел, которые не задействованы в непосредственной охране правопорядка в общественных местах и не входят в состав оперативных подразделений, но задействованы в службах тыла, дознания, следствия и т. д. Даже «кабинетные» сотрудники в некоторых кризисных ситуациях могут быть привлечены к службе, которая связана с непосредственным контактом с правонарушителями, а также задействованы в различных мобилизационных мероприятиях, где от сотрудника понадобятся выдержка, сила, выносливость и т. д.

В связи с этим можно с полной ответственностью заявлять, что преимущественно мужская гендерная группа соответствует тем требованиям, которые предъявляются к сотруднику органов внутренних дел. Соответственно, разнотипность физических испытаний мужчин и женщин при приеме на службу не соответствует специфике деятельности сотрудников органов внутренних дел, так как гендерный аспект при охране правопорядка, обеспечении общественной безопасности никак не влияет на объем обязанностей, возложенных на сотрудника. То есть сотрудникам-мужчинам и сотрудникам-женщинам приходится выполнять одинаковые обязанности, но нередко сотрудники органов внутренних дел, принадлежащие к женской гендерной группе, из-за особенностей жен-

¹ © Грошев С. Н., 2022.

ского организма попросту неспособны, например, служить в наружных службах, заниматься непосредственным задержанием преступников, выезжать в служебные командировки и т. п.

Ситуация, в которой юридически декларировано равенство прав сотрудников обеих гендерных групп, но де-факто не соблюдено равенство обязанностей, приводит к тому, что тяготы несения службы, которые выражаются в повышенной физической и психологической нагрузке, ложатся на плечи мужчин-сотрудников. Подобная тенденция также приводит к тому, что в органах внутренних дел складываются «женские» должности: дознаватель, следователь, – и «мужские»: участковый, оперуполномоченный, сотрудник наружных служб. В последнее время служба в полиции крайне популярна у женщин. Кандидатов-девушек на поступление в образовательные организации системы МВД России существенно больше, чем кандидатов-юношей. Это не может не вызывать обеспокоенность, так как если допустить то, что в органах внутренних дел среди аттестованного состава будет хотя бы половина сотрудников-женщин, можно прогнозировать существенное снижение качества деятельности полиции, по крайней мере, тех структурных подразделений, которые непосредственно вовлечены в охрану общественного порядка.

В заключение необходимо отметить, что в качестве меры, способной снизить надвигающийся гендерный дисбаланс в органах внутренних дел, можно предложить единое для мужчин и женщин вступительное физическое испытание, не градируемое в зависимости от гендерной принадлежности. Эта мера способна снизить служебное давление на мужскую гендерную группу сотрудников органов внутренних дел, защитив их служебно-трудовые права, и повысить их защищенность.

Список литературы

1. Кузнецова О. В. Женщины-сотрудники на службе в правоохранительных органах // Вестник научных конференций. 2017. № 10-2 (26). С. 61–66.
2. Костюков А. В. Совершенствование физической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации с помощью средств и методов прикладной гимнастики // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2020. № 1 (14). С. 117–122.
3. Меняйло Д. В. Роль женщины в истории органов внутренних дел // История государства и права. 2019. № 9. С. 46–50.
4. Романова В. В. Служба женщин в органах внутренних дел: правовые и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11. М., 2007. 231 с.

Исаев А. А.¹,
начальник кафедры
социально-гуманитарных
и экономических дисциплин
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат философских наук, доцент

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Наличие дисциплины «философия права» в структуре высшего юридического образования закономерно и вызвано необходимостью особого взгляда на проблему правотворческой и правоприменительной деятельности. В данном случае действует принцип «новое – это хорошо забытое старое». Известно, что курс философии права был одним из обязательных предметов в системе юридического образования дореволюционной России. Лучшие русские правоведы и философы постоянно обращались к философско-правовой проблематике. Поэтому с гордостью можно сказать, что русская философско-правовая школа является одной из самых значительных по глубине содержания и многообразию решаемых вопросов. А. П. Любимов отмечает: «Исследования в области философии права имеют давние и богатые традиции. На протяжении уже нескольких веков она, будучи самостоятельной научной и учебной дисциплиной, занимает видное место в юридическом образовании западных университетов. Определенный опыт изучения и преподавания этой дисциплины был накоплен и в дореволюционной России. Однако в советское время этот опыт был утрачен» [5, с. 15].

В современной России возрождается интерес к данному направлению научной деятельности. Это объясняется необходимостью переосмысления социальной действительности, в том числе и права как ее неотъемлемой составляющей. Глобальность этого переосмысления однозначно предполагает философский подход к сложившимся социальным реалиям. Простое обращение к правоприменительной практике не позволит создать общую картину правовой реальности, сложившейся в нашей стране в настоящее время. Такое внимание к философии права не ограничивается научным интересом специалистов к ее проблемам. Она должна прочно закрепиться в учебных планах по юридическим специальностям и направлениям подготовки.

Авторы из Северо-Кавказского федерального университета обращают внимание на возрастающую потребность изучения будущими юристами философии права: «В современных условиях значение философско-правовой подготовки заметно усиливается. Изменения, наметившиеся в российском обществе после слома тоталитарных традиций, невозможно изучать без рассмотрения перемен в правовой области. Современная правовая действительность нуждается в новом философском осмыслении» [6, с. 3].

Проблема существования феномена права в человеческом обществе в полной мере может быть осмыслена не только с чисто юридической точки зрения.

¹ © Исаев А. А., 2022.

Философия, этика, психология, социология и другие социальные и гуманитарные науки обращаются к анализу данного социального феномена. Проблемы онтологии права, закономерности его присутствия в общественных отношениях, роли естественных прав человека в формировании позитивного права и другие вопросы подобного характера не могут быть решены и объяснены без применения философской методологии в исследовании права. Поэтому закономерно и логично изучение дисциплины «философия права» после прохождения обучающимися полного курса философии, которая, как известно, изучается во всех вузах Российской Федерации.

В юридических вузах рекомендуется знакомить обучающихся с философско-правовой проблематикой либо в рамках изучения темы «социальная философия», либо в специально отведенной для рассмотрения данных проблем и вопросов теме в курсе философии. Это необходимо для формирования еще на младших курсах у будущих юристов мировоззренческого понимания места права в структуре социальной реальности. Дисциплина «философия права» же призвана закрепить это понимание и более глубоко и серьезно выработать у обучающихся осознание места и роли права в жизни человека и общества. Отсюда закономерный вывод, что данная дисциплина должна изучаться на старших курсах.

Богатое наследие оставила нам и немецкая классическая философия. Такие работы, как «Метафизика нравов» И. Канта [1, с. 9–300] и «Философия права» Г. Гегеля [1, с. 301–666], с уверенностью можно назвать классическими в области данной учебной дисциплины.

Право – это не только свод законов, установленных государством, которое следит за их соблюдением. Если бы это было так, люди были бы подобны животным в зоопарке, поведение которых ограничено пространством их клетки. Право заключено в самой сущности человека как общественного существа, в его внутреннем мире. Это так называемое естественное право, отличающееся от позитивного, выраженного в нормах, утвержденных государством. Что бы ни утверждали позитивисты, естественное право является необходимой основой установления и реального воплощения в жизнь юридических законов. Исходя из этого можно с полной уверенностью сказать: чем сильнее принуждение со стороны государства, тем слабее его законы отвечают требованиям естественно-правовых норм.

Курс философии права призван помочь обучающимся разобраться как в историческом наследии данной проблематики, так и во всех основных современных взглядах на проблему сущности права и его роли в жизни общества и каждого человека. «В философии права, – пишет В. С. Нерсисянц, – исследуется право в целом, право как определенная универсальная целостность, весь правовой универсум, весь мир права, все правовое охватывающее и сущность права, и формы внешнего проявления этой сущности (правовые явления)» [4, с. 1]. Почему именно философия права необходима для более глубокого постижения права, почему недостаточно теоретико-правового подхода к этому вопросу? В. П. Малахов предлагает два аргумента. Первый: «...только философствуя, активно подключившись к сложнейшему интеллектуальному процессу проникно-

вения в существо феномена права, можно понять, что такое философия права, каково ее назначение, познавательные и конструктивные возможности» [3, с. 4]. Второй: «...верное и полное представление о праве можно получить, только подключив к философствованию индивидуальное правосознание, приучившись к рассуждениям по логике самого правосознания и в его понятийно-категориальном каркасе» [3, с. 4]. Таким образом, в соединении философствования и индивидуального правосознания мы обретаем истину сущности права. Это та цель, к которой должен стремиться обучающийся в своей познавательной деятельности (которая, как известно, является целеполагающей), изучая дисциплину «философия права».

Предназначение философии права в системе юридического знания четко обозначил Г. Ф. Шершеневич: «Философия права, составляя часть философии вообще, не должна отличаться от целого ни по своим задачам, ни по своим методам. Отличие ее не качественное, а только количественное: среди юридических наук философия права призвана играть в миниатюре ту же роль, какая выпала на долю философии в отношении всего человеческого знания» [7, с. 20]. Следуя логике Шершеневича и учитывая, что философия, выполняя мировоззренческую функцию, формирует общую картину мира, можно утверждать, что философия права должна формировать общую правовую картину социальной действительности и указывать методологические направления изучения права.

Наряду с позитивным отношением к данной дисциплине и признанием необходимости ее изучения юристами могут возникнуть и настороженные, нейтральные или сомневающиеся в ее необходимости точки зрения. Причиной возникновения подобных взглядов может стать отвлеченность философско-правовых размышлений от конкретной юридической практики. Как пишут авторы из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, «философия права относится к наиболее абстрактной форме осознания и познания права как социокультурного относительно самостоятельного образования, системе знаний о мировоззренческих истоках и фундаментальных закономерностях развития права» [2, с. 140]. Другой причиной отстраненности от философии права может стать ее неопределенность как самостоятельной научной дисциплины: «В современном сложившемся правовом научном знании и системе преподавания права философия права не выделяется как самостоятельная научная дисциплина. Чаще обращается внимание на ее междисциплинарный характер. Философия права может рассматриваться и как часть или раздел философского знания наряду с философией истории, математики» [2, с. 140]. Однако подобные причины, на наш взгляд, не снижают ценности философии права как учебной дисциплины в структуре юридического образования и не послужат поводом для ее исключения из учебных планов подготовки юристов с высшим образованием.

После анализа различных точек зрения и подходов к изучению философии права сделаем ряд выводов. Во-первых, возрождение интереса к философии права в нашей стране есть восстановление исторической справедливости и последовательности в этой области знания. Во-вторых, сама сегодняшняя правовая реальность указывает нам на необходимость применения философской ме-

тодологии в ее оценке и познании. В-третьих, профессиональный юрист сегодня – это не только знаток законов, но и специалист, трезво оценивающий сегодняшнюю правовую систему страны и умеющий выстраивать перспективы развития законодательства и правоприменения. Такая компетенция формируется в том числе в результате изучения дисциплины «философия права».

Понимание важности этой дисциплины имеется как у философов, так и у правоведов, благодаря чему не складывается ситуация, связанная с конфликтом интересов. Можно с уверенностью констатировать, что такое понимание будет способствовать дальнейшей познавательной и научно-исследовательской популяризации философско-правовых проблем.

Список литературы

1. Немецкая классическая философия : в 2 т. Т. 1: Право и свобода. М. : Эксмо-пресс, 2000. 782 с.
2. История и философия науки : в 4 кн. : Кн. 4: История и философия экономической науки. История и философия права. История и философия исторической науки : учебное пособие / Л. А. Тутов, М. А. Сажина, Г. А. Белов [и др.]. М. : Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2010. 272 с.
3. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Философия». М. : Юнити-Дана, 2017. 391 с.
4. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. М. : Норма, 2005. 656 с.
5. Любимов А. П. Философия права : учебник для вузов / А. П. Любимов. М. : Юрайт, 2021. 257 с.
6. Философия права : учебное пособие (практикум) / под ред. А. М. Ерохина, В. Е. Черниковой, И. С. Бакланова. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2019. 136 с.
7. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб. : Лань, 2001. 528 с.

*Алексеева Л. А.¹,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук*

*Лысак М. В.²,
курсант
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова*

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ИНСТАНЦИЙ КАК ИСТОЧНИК ПРАВА

Юридическая природа правовых позиций берет свое начало с разъяснений Конституционного Суда Российской Федерации. Вместе с тем в настоящее время отсутствует единое определение понятия «правовые позиции» как в юридической литературе, так и в иных источниках.

Поскольку законодательного закрепления понятия не существует, имеет место ряд доктринальных точек зрения. Профессор Н. В. Витрук понимает под правовыми позициями судебное умозаключение, в рамках которого разъясняется сущность нормативных правовых актов, которое позволяет ликвидировать неопределенность в законе и принять итоговое судебное решение. По мнению М. С. Саликовой, правовая позиция понимается как совокупность выводов и доводов по индивидуальной проблеме, которые имеют прецедентный характер для последующих дел, а в последующем наделяются юридической силой, как и конституционные решения. Г. А. Гаджиев рассматривает правовую позицию как результат толкования нормы, которая в последующем отражается в мотивировочной части судебного решения [3]. Заслуживает внимания точка зрения на правовые позиции как на «систему правовых аргументов, положенных в основу решения Конституционного Суда Российской Федерации» [1, с. 78]. Однако не стоит отождествлять понятия «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» и «решение Конституционного Суда Российской Федерации», так как свое отражение правовые позиции находят только в итоговых решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что правовые позиции представляют собой определенные выводы по конкретной ситуации, которые излагаются высшими судебными инстанциями по делу и обладают юридической силой для субъектов права.

Рассматривая различные аспекты, связанные с определением источника формирования правовых позиций, большинство юристов отмечает, что непосредственно их формирование связано с судебной инстанцией. Следовательно, к источникам можно отнести пленумы Верховного Суда Российской Федера-

¹ © Алексеева Л. А., 2022.

² © Лысак М. В., 2022.

ции, а также обзоры юридической практики по актуальным проблемам. Продвижение данной идеи осуществил профессор Р. С. Бевзенко, который рассматривал правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как функцию в рассмотрении судами значительного числа споров.

Выделяя обязательные признаки правовых позиций, можно отметить, что они обладают общеобязательным характером, являются регулятором общественных отношений, выступают мерой объективной оценки конституционности изучаемого акта, средством для преодоления конституционно-правовой неопределенности, являются регулятором правотворчества, носят государственно-властный характер [1, с. 78]. В то же время правовые позиции характеризуются меньшей формальной определенностью, чем обычаи делового оборота, которые признаны источником гражданского права. Правовые позиции не отражают личной заинтересованности суда в исходе дела, а формируются по собственному убеждению, в основе которого лежат действующее право и правовые принципы.

К данным признакам следует добавить, что правовая позиция содержит широкий спектр выводов и взглядов Конституционного Суда Российской Федерации на рассматриваемое дело. В большинстве случаев правовая позиция – это интерпретация акта. Однако необходимо отметить, что в правовой позиции высшей судебной инстанции отражается официальная точка зрения органа государственной власти по конкретной ситуации. Проблема представления правовой позиции как итогового решения Конституционного Суда Российской Федерации зачастую встречается в юридической литературе. Однако правовая позиция и итоговое решение могут не совпадать по форме, поскольку одно решение может содержать в себе две и более правовые позиции.

Необходимо указать на имеющую место проблему применения правовых позиций в неитоговых решениях суда в форме определений [4]. В связи с принятием новой редакции Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» было принято огромное количество определений, разъясняющих конституционно-правовой смысл правовых норм, выявленных судом. Разрешение проблемы видится в дополнении нормы ч. 5 ст. 75 указанием на обязательное исполнение решения не только субъектами права, но и судебными инстанциями. Такая регламентация позволит обеспечить юридическую определенность правового регулирования.

Стоит отметить имевшее место употребление правовой позиции в региональных законах республик Бурятия, Саха (Якутия), Карелия. В законе Республики Бурятия от 25 октября 1994 г. «О Конституционном Суде Республики Бурятия» было указано, что решения Конституционного Суда выражают правовую позицию, которая соответствует региональной Конституции [2]. Правовые позиции играют огромную роль в решениях конституционных судов субъектов Российской Федерации, если они не противоречат конституции и выступают результатом оценки документов субъектов Российской Федерации. В связи с этим данные решения можно считать интерпретационными актами, которые фактически выступают источниками права. Основным различием между правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и правовыми

позициями региональных конституционных судов субъектов является то, что конституционные суды субъектов Российской Федерации ограничены предметом ведения и не имеют права выходить за рамки правового статуса субъекта Российской Федерации.

Правовые позиции, по мнению Ю. А. Тихомирова, обладают следующими признаками:

- выражают интересы спорящей стороны;
- разработаны непосредственно судом;
- определены статусом государственного органа или должностного лица;
- выражены отрицательно от имени государства [5].

Продолжительный опыт Конституционного Суда Российской Федерации свидетельствует о том, что существует система правовых позиций, которые уже установлены и применяются в определенной ситуации. Определена структура взаимосвязанных и взаимозависимых установлений в строго иерархическом порядке, в верхней части которой определена правовая позиция. Следовательно, если применяется новое разъяснение, то предыдущее утрачивает свою юридическую силу. Представляется, что правовая позиция – это, несомненно, инструмент нормотворчества суда.

Судебный прецедент во многом обладает теми же признаками, что правовые позиции, однако до сих пор возникают дискуссии в понимании соотношения данных явлений. Так, Конституционный Суд Российской Федерации при вынесении решений в ряде случаев называет свои доводы правовыми позициями. Благодаря правовой позиции устанавливается конституционность законодательных актов и выявляется смысл Конституции. Конституционный Суд Российской Федерации интерпретирует конституционную норму, разъясняя ее смысл. Выработанное разъяснение может выступать образцом для разрешения иных ситуаций путем вынесения определения. В итоговом решении суда правовая позиция разъясняется в мотивировочной или резолютивной части. В последующем Конституционный Суд Российской Федерации пользуется данными разъяснениями и может также дополнить или изменить их. При этом использование позиции суда способствует единству правоприменительной практики и является обязательным элементом осуществления правосудия. Так, п. 3 ч. 3 ст. 310 КАС РФ («неправильное истолкование закона, в том числе без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Президиума Верховного Суда Российской Федерации») понимается как неправильное применение норм материального права, что в конечном счете выступает в качестве основания для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке.

При обнаружении пробела в праве у судьи нет возможности в применении определенного закона, однако на основе принципов права их необходимо преодолевать. В таком случае помогают сформулированные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации на основе правовой базы. В отличие от судебного прецедента, правовые позиции не завершают процесс рассмотрения дела, а аргументируют решение суда. На основании этого большин-

ство судей также разъясняют определенную ситуацию, в результате чего и формируется правовая позиция по делу. В основу разъяснений входят профессиональные мировоззрения, которые позволяют в большинстве случаев преодолевать пробелы и разрешать противоречия в законодательстве.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что разъяснение судей может оказывать воздействие на устранение пробелов в законодательстве. Например, постоянно поступающие жалобы граждан в Конституционный Суд Российской Федерации о социальном обеспечении позволили судьям сформулировать доводы относительно данной проблемы и решить ее, мотивируя тем, что в полномочия законодателя входит изменение условий социального обеспечения, но последний должен исходить из «недопустимости издания законов, отменяющих или умоляющих права граждан» [3].

Особое внимание следует уделить правовым позициям международных судов. Практика свидетельствует о наличии большого количества правовых позиций, которые влияют на развитие международной юриспруденции. Европейский суд по правам человека в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. регламентирует понятия «мнение» и «позиция», что отражает особое мнение судьи и иных участников судебного разбирательства.

В Статуте Международного суда ООН, который регламентирует его деятельность, употребляются понятия, схожие с понятием «правовые позиции». К ним необходимо отнести, например, особые мнения судьи, выносимые по определенному делу. По нашему представлению, в регламентах суда СНГ также содержатся аналогичные понятия: «доводы участников процесса», «правовое обоснование».

Таким образом, правовая позиция – это не полноценное решение суда, а лишь содержание мотивировочной части последнего, однако ее признание источником права позволит применять позиции суда в различных отраслях, что позволит облегчить решение правоприменительных проблем.

Список литературы

1. Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77–86.
2. Закон Республики Бурятия от 25 октября 1994 г. № 42-1 «О Конституционном Суде Республики Бурятия» // АО «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/802054987> (дата обращения: 07.12.2021).
3. Зеленкевич И. С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как форма выражения правовой доктрины в российском праве // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2018. № 29. С. 67–71.
4. Луць Л. А. Аргументация и судебные правовые позиции // Юридическая техника. 2017. № 7-1. С. 19–22.
5. Миронова Е. А. К вопросу о понятии «правовая позиция» // Контентус. 2019. № 8 (85). С. 55–62.

Колосова Н. В.¹,

*заместитель начальника отдела
организации охраны объектов,
подлежащих обязательной охране,
Управления вневедомственной охраны
войск национальной гвардии
Российской Федерации по Смоленской области*

Якутин А. В.²,

*преподаватель центра профессиональной подготовки
УМВД России по Смоленской области,
кандидат исторических наук, доцент*

Якутина О. Л.³,

*доцент кафедры естественнонаучных
и гуманитарных дисциплин
Смоленского филиала
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова,
кандидат философских наук*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ

Коренная трансформация социально-экономического и политического облика России в начале 90-х гг. XX в. привела к появлению и развитию разнообразных рыночных институтов. Одним из таких институтов, призванных защищать коммерческую деятельность от незаконных посягательств, стала частная охрана. Правовым основанием появления частных охранных организаций стал Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». В соответствии с этим нормативным правовым актом работники частных охранных организаций получили право использовать в своей профессиональной деятельности как специальные средства, так и короткоствольное огнестрельное оружие.

Частным охранным организациям в соответствии с нормами Закона в целях охраны разрешается предоставление следующих видов услуг:

- защита жизни и здоровья граждан;
- охрана объектов и имущества (в том числе при его транспортировке), находящихся в собственности, во владении, в пользовании, хозяйственном ведении, оперативном управлении или доверительном управлении;
- охрана объектов и имущества на объектах с осуществлением работ по проектированию, монтажу и эксплуатационному обслуживанию технических

¹ © Колосова Н. В., 2022.

² © Якутин А. В., 2022.

³ © Якутина О. Л., 2022.

средств охраны, перечень видов которых устанавливается Правительством Российской Федерации, и с принятием соответствующих мер реагирования на их сигнальную информацию;

- консультирование и подготовка рекомендаций клиентам по вопросам правомерной защиты от противоправных посягательств;
- обеспечение порядка в местах проведения массовых мероприятий;
- обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах;
- охрана объектов и имущества, а также обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены обязательные для выполнения требования к антитеррористической защищенности.

В подавляющем большинстве частными охранными организациями обеспечивается безопасность образовательных учреждений, в том числе и дошкольных, а также охрана мест летнего отдыха детей.

Так, на территории 18 субъектов Центрального федерального округа силами частных охранных организаций осуществляется охрана 6 060 школ из 10 990 и 4 760 дошкольных образовательных учреждений из 9 518.

Тем временем, в период с 2017 по 2021 г. зафиксирован двукратный рост вооруженных нападений на учеников и преподавателей в учреждениях образования:

- 5 сентября 2017 г. ученик средней школы № 1 в г. Ивантеевке Московской области напал на учительницу с кухонным топором, при этом устроил стрельбу из пневматического пистолета и разбросал дымовые шашки. В итоге от противоправных действий ученика пострадали учитель и три учащихся;

- 1 ноября 2017 г. в московском колледже были обнаружены тела учителя основ безопасности жизнедеятельности и учащегося учебного заведения. Следствием было установлено, что погибший ученик, убив преподавателя, выложил фотоотчет своих действий в социальной сети «ВКонтакте», а затем совершил суицид;

- 29 ноября 2017 г. в средней школе г. Высоковска Московской области учащийся несколько раз ударил ножом своего одноклассника. Причиной совершенного противоправного деяния были названы издевки в адрес напавшего;

- 15 января 2018 г. в средней школе г. Перми ученик вместе со своим товарищем совершили нападения с использованием ножей на учеников четвертого класса. В результате нападения пострадали девять учеников и преподаватель. Несовершеннолетние преступники также причинили ранения друг другу. Обоим нападавшим следственные органы предъявили обвинения в покушении на убийство двух и более лиц;

- 19 января 2018 г. в средней школе пос. Сосновый Бор Республики Бурятия учащийся совершил нападение на учеников и учителя, используя в качестве оружия топор. Преступник попытался поджечь здание школы. От его действий пострадали шестеро учеников школы и учитель. Несовершеннолетний преступник после задержания предпринял попытку суицида;

- 18 апреля 2018 г. в средней школе г. Стерлитамака Республики Башкирия ученик совершил нападение с ножом на учителя и одноклассницу. Совершив

противоправный поступок, несовершеннолетний преступник разлил бензин и поджег класс. Пострадали четверо человек. Преступник был задержан;

- 17 октября 2018 г. студент Керченского политехнического колледжа совершил вооруженное нападение в стенах своего учебного заведения. Преступник взорвал самодельное взрывное устройство на первом этаже здания колледжа, а после этого начал расстреливать людей из помпового ружья, которым владел на законных основаниях. 20 человек погибли, сам же преступник совершил суицид;

- 14 ноября 2019 г. ученик Колледжа строительства и жилищно-коммунального хозяйства г. Благовещенска совершил нападение на своих товарищей с огнестрельным оружием в стенах учебного заведения. Погиб один студент, а сам преступник совершил суицид после того, как его удалось заблокировать в одной из аудиторий;

- 11 мая 2021 г. в г. Казани бывший ученик школы убил при помощи огнестрельного оружия 11 человек;

- 20 сентября 2021 г. в г. Перми студент первого курса юридического факультета, используя легально приобретенный дробовик, убил шестерых и ранил 28 человек на территории Пермского государственного университета.

Названные выше факты свидетельствуют как о росте агрессивности и противоправного поведения в молодежной среде, так и о существенных недостатках в организации охраны учебных заведений в стране.

В учебных заведениях охранники несут службу без оружия, а во многих случаях и без специальных средств. Сама же подготовка работников охранных организаций к работе на объектах образования заключается в том, что они, заступая на службу, приводят в порядок свой внешний вид и форменное обмундирование и перечитывают свои должностные обязанности. Их готовность к несению службы проверяется руководителем охранной организации в ходе инструктажа перед заступлением на пост.

Работа частных охранников в учебных заведениях требует комплексной подготовки. Претенденту необходимы стрессоустойчивость, коммуникабельность, гибкость, умение адаптироваться, толерантность, четкое понимание юридических аспектов своей деятельности. Работа в учебных заведениях предполагает прохождение через контрольно-пропускной пункт большого количества людей в короткий промежуток времени. Ввиду этого обстоятельства охраннику необходимо осуществлять мониторинг проходящих на предмет возможного умысла на осуществление противоправных действий. Однако при кажущейся очевидности цели ее достижение представляется непростой задачей. Так, учебные заведения стремятся минимизировать свои затраты, в том числе и на охрану, выставляя недостаточное количество охранников и не уделяя внимание должному техническому оснащению объекта. В связи с этим осуществление досмотровых мероприятий на входе в административное здание представляется фикцией.

Не менее важным фактором обеспечения качественной работы охраны учебных заведений является наем на работу охранников, имеющих соответствующий опыт работы в силовых структурах. Однако, как свидетельствует

практика, на работу в частные охранные организации устраиваются лица, не прошедшие срочной армейской службы, не имеющие профессионального образования, пенсионеры, а также испытывающие трудности с трудоустройством на более высокооплачиваемую работу. Что же касается учреждений образования, на работу охранниками в них изначально набираются граждане с довольно низкой профессиональной подготовкой, так как лимит денежных средств на оплату услуг охраны является достаточно скромным.

Отдельно следует отметить, что газовое, перцовое и огнестрельное оружие охранникам в школах и других учебных заведениях иметь при себе не разрешается, так как на объекте повсеместно находятся несовершеннолетние дети. Последние же чрезвычайные происшествия в учебных заведениях продемонстрировали, что безоружные частные охранники совершенно бессильны против преступника, вооруженного огнестрельным оружием.

В связи с этим сегодня назрела необходимость пересмотра действующей практики осуществления охранных мероприятий в учебных заведениях, – количество и резонанс произошедших в их стенах чрезвычайных происшествий становится государственной проблемой.

Соответственно, в сложившихся обстоятельствах необходимо изучить вопрос о возможности осуществления охраны учебных заведений не частными охранными организациями, а государственными правоохранительными органами. В качестве альтернативы частным охранным организациям можно рассматривать ВОХР (вневедомственную охрану), входящую как структурное подразделение во все территориальные органы Росгвардии. Благодаря тому, что многие работники ВОХР являются бывшими сотрудниками правоохранительных органов, они обладают необходимой правовой грамотностью и должными морально-деловыми качествами, выработанными за годы службы в соответствующих подразделениях. Эта категория работников ВОХР наиболее подготовлена к действиям в чрезвычайных обстоятельствах. Кроме того, в этом случае обеспечиваются экстренная связь работников ВОХР с группами задержания ОВО ВНГ России и, следовательно, оперативное реагирование на возникшие происшествия.

Таким образом, сегодня требуется существенная переработка текущей практики охраны учебных заведений. Необходимо внедрение современных технологий в области мониторинга проходящих людских потоков, работы в условиях большого скопления людей и методик своевременной нейтрализации злоумышленников. Также требуется всеобъемлющая правовая подготовка охранников учебных заведений, требующая глубоких знаний юридических норм и способности применять свои знания и умения в строгом соответствии с законодательством, регламентирующим охранную деятельность.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385 (дата обращения: 09.12.2021).

2. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679 (дата обращения: 09.12.2021).

3. Федеральный закон от 3 июня 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200506 (дата обращения: 09.12.2021).

4. Административный регламент Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия : утвержден приказом Росгвардии от 14 января 2020 г. № 8 // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

5. Приказ Росгвардии от 25 ноября 2019 г. № 387 «Об утверждении Порядка проведения территориальными органами Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации периодических проверок частных охранников и работников юридических лиц с особыми уставными задачами на пригодность к действиям в условиях, связанных с применением огнестрельного оружия и специальных средств» // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: по расписанию.

Утяшов Э. К.¹,
доцент кафедры
теории права, государства
и судебной власти
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент

ОБОСНОВАНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВА КАК РЕГУЛЯТОРОВ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕЖИМА ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ)

Предмет правового регулирования режима военного положения составляют обширные сферы социальной жизни, в основе которых лежат не только административные, но и конституционные, финансовые, налоговые, трудовые, гражданские, жилищные отношения, в том числе в сфере социальной помощи. При вовлечении норм права соответствующих отраслей в сферу действия, определяемую режимом военного положения, они становятся комплексными в том смысле, что эти нормы не связаны единым методом и механизмом реализации, почти все они имеют самостоятельное место в системе основных отраслей права. Режим военного положения, охватывая определенный массив общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования самостоятельных отраслей права, составляет свою особенную материю, так как регулирует их через призму собственных решений исходя из целей его осуществления. Взаимосвязь разноотраслевых общественных отношений, возникающих в условиях военного положения, приводит к изменению их содержания, придает им признаки, которыми они не обладали вне указанного взаимодействия. Подобное комплексное регулирование имеет целью концентрированное воздействие на отношения, составляющие режим военного положения, одной из задач которого является своевременное и разумное реагирование на быстро меняющиеся общественные отношения, требующие специального правового воздействия, обладающие существенным значением для жизни личности, общества и государства.

Можно сделать следующий вывод: предметом правового регулирования режима военного положения выступают общественные отношения различного отраслевого содержания и их множественные связи, объективно подпадающие на относительно недолгий период времени под целенаправленное концентрированное воздействие его правовых норм в целях достижения целей его установления. Это своего рода сфокусированная обособленная материя, попадающая в сферу комплексного ограничительного регулирования.

Схематичная и относительно непродолжительная вовлеченность норм различных отраслей права в предмет правового регулирования, составляющего режим военного положения, неизбежно приведет к юридическим коллизиям, выявит пробелы в законодательстве, поставит вопросы о необходимости устра-

¹ © Утяшов Э. К., 2022.

нения иных дефектов правового регулирования, конкретизации ряда норм. Нечто подобное мы наблюдали при осуществлении правового режима ограничений в период пандемии COVID-19. Государство в лице его правотворческих и правоприменительных органов будет поставлено перед выбором: провести кардинальную конкретизацию всего массива нормативных правовых актов в целях сужения объема содержания имеющихся предписаний либо дать возможность правоприменителю самому принимать решения, в том числе осуществлять индивидуальное регулирование в пределах относительно определенных норм и оценочных понятий, самостоятельно преодолевать имеющиеся коллизии и пробелы.

Первый вариант, связанный с конкретизацией действующих норм права, предполагает, что законодатель и иные правотворческие органы должны дать ответ на следующие вопросы: агрессия ли это или «угроза агрессии»; какими силами осуществляется агрессия, будет ли применяться ядерное оружие или иные виды оружия массового поражения; будет ли она носить тотальный характер, направленный на массовое уничтожение людей и экономического потенциала государства, или же примет демонстрационный характер возможностей уничтожения военных сил и средств, – а также масса других, которые невозможно предвидеть в мирное время. От ответа на подобные вопросы будет зависеть содержание формируемых норм права военного положения. Вывод кажется очевидным: неясность даже умозрительного охвата возможного вектора развития событий в условиях войны, невозможность их предусмотреть в качестве фактических условий и обстоятельств в гипотезах норм права препятствуют созданию четких и ясных для адресатов права норм.

Если же попытаться детализировать содержание правовых норм и создавать их с расчетом возможности применения их на все возможные фактические отношения, возникающие в условиях войны, то это приведет к формированию значительного числа нормативных правовых актов. Это непродуктивно, поскольку законодатель не будет успевать за изменениями действующего законодательства и общественных отношений, в связи с чем нормативные правовые акты будут: устаревать, порождать правовые коллизии и пробелы; сковывать инициативу адресатов правовых норм; запутывать и затруднять принятие решений при динамично изменяющейся обстановке; порождать бюрократизм в ходе осуществления управленческой деятельности государства; порождать необходимость систематизации в форме кодификации или консолидации, где нормы права опять же будут носить обобщенный характер [7].

Рациональным и оправданным решением большинства вопросов, возникающих в правовом и индивидуальном регулировании в условиях исследуемого правового режима, представляется доктрина интегративного правопонимания. Эта концепция исходит из определенной иерархии форм права: основополагающих принципов права, международных договоров, нормативных правовых актов, обычаев. Интегративное правопонимание, основанное прежде всего на принципах и нормах права, содержащихся в единой и многоуровневой системе форм международного и внутригосударственного права, должно способствовать предсказуемой правотворческой деятельности, стабильной и единообраз-

ной правоприменительной практике, оперативному и эффективному разрешению конкретных ситуаций [6, с. 80], возникающих в том числе в условиях правового режима военного положения.

В отличие от иных регуляторов, принципы права имеют большую степень абстрактности, охватывают значительно больший, а зачастую и весь круг правоотношений той или иной сферы, формируют направления правового регулирования, значительно меньше подвержены изменениям. Принципы права как регуляторы общественных отношений напрямую закреплены в российском оборонном законодательстве: в ст. 2 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» [1], ст. 19 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» [2], ст. 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [3].

В интегративном правопонимании под принципами права понимают «теоретическое обобщение наиболее существенного, типичного, выражающего закономерности, находящиеся в основе какой-либо системы» [6, с. 85]. Сторонниками данного типа правопонимания принципы относятся к самостоятельной форме права, определяют сущность, универсальный характер, ожидаемость и предсказуемость правотворческих и правоприменительных процессов. Они характеризуются высоким уровнем обобщения, фундаментальностью, возможностью их осуществления во всех сферах общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

Следует признать, что принципы, являясь самостоятельной формой права, могут осуществляться напрямую. Такое решение освобождает правоприменителя – органы государственной власти и военного управления – от поиска юридических норм, которых может и не быть.

Правоприменитель, особенно при пробелах в законодательстве, обилии оценочных, абстрактных, относительно определенных норм, будет вправе принимать соответствующие решения, сославшись на общие принципы. Это подтверждается не только теоретическими выводами, вытекающими из содержания интегративного правопонимания, но и законодательным закреплением принципов права в вышеназванных нормативных правовых актах, а также правовыми позициями российских судов.

Не претендуя на исчерпывающий перечень, в рамках проводимого исследования можно сформулировать ряд основополагающих принципов права, лежащих в основе правового режима военного положения:

1. Принцип соответствия принимаемых мер Конституции Российской Федерации (законности). Данный принцип предусматривает, что решения государственных органов и законодательные акты и акты подзаконного характера в условиях военного положения должны соответствовать духу и букве Основного закона. Например, ч. 3 ст. 35 Конституции Российской Федерации предусматривает, что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения. Это положение трансформировано в п. 2 ст. 55 Земельного кодекса Российской Федерации.

Однако в оборонном законодательстве содержатся другие нормативные предписания: об изъятии имущества с последующей выплатой государством его стоимости [1, ст. 7]; о последующей компенсации собственникам понесенных ими расходов в порядке, устанавливаемом Правительством Российской Федерации [2, ст. 9]; о возмещении государством убытков в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации [4, ст. 10].

2. Принцип соразмерности вводимых ограничений прав и свобод граждан целям установления режима военного положения. Одним из критериев поиска баланса допустимого ограничения прав в частной сфере, политических и социальных прав и свобод является объем сил и средств, необходимых государству для отражения агрессии. Если режим военного положения является следствием войны, то он допускает мобилизацию экономики, в том числе ее частного сектора. Предполагается установление пределов ограничения ряда прав граждан, к примеру в свободе перемещения, совести и вероисповедания, договорных отношений, проведения публичных акций.

Если в режиме военного положения факт агрессии квалифицируется как вооруженный конфликт, нет смысла проводить мобилизацию частной сферы и массового ограничения граждан.

3. Принцип разумности и своевременности принимаемых решений, «своего рода „мостик”, т. е. переход от неопределенности к определенности с помощью начал разумности. Нормы режима военного положения... характеризуются значительным наличием относительно определенных норм... принцип разумности в конкретной правоприменительной ситуации способен обеспечить точность правового усмотрения, это достигается при помощи таких категорий, как: „разумные действия”, „разумные сроки”, „разумные интересы”, „разумное решения”, „разумная компенсация” и т. д.» [5, с. 43]. Содержанием такого принципа является баланс интересов и целесообразность действий субъектов в правовом регулировании.

Соответственно, своевременность предусматривает всесторонний актуальный анализ, который должен соответствовать поставленным срокам, а принимаемое решение – учитывать время, необходимое на осуществление.

Также к правовым регуляторам следует отнести принципы профессионализма, прогнозируемости и обозримости динамики развития общественных отношений, военной необходимости и ряд других.

Таким образом, принципы права, являющиеся центральным звеном интегративного правопонимания и самостоятельной формой права, что прямо закреплено в законодательстве о военном положении, могут быть дополнительными и эффективными регуляторами общественных отношений, возникающих в сфере осуществления обороны государства. Применение принципов права позволяет облечь решения в правовую форму, избежать произвола и обеспечить эффективность правового регулирования.

Список литературы

1. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 5. Ст. 375.

2. Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

3. Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 13. Ст. 1475.

4. Федеральный закон от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 9. Ст. 1014.

5. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2 (194). С. 32–44.

6. Принципы права: проблемы теории и практики: Материалы XI международной научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 2: (разделы V–X). М. : РГУП, 2017. 368 с.

7. Утяшов Э. К. Принципы права и правовые режимы: на примере правового режима военного положения. Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 38–50.

Беляева О. В.¹,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ И МЕСТО ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Правовая система Российской Федерации стремительно развивается, однако все еще существуют некоторые широко применяемые аспекты права, определения которых не закреплены в законодательстве. К их числу как раз и относятся юридические факты, презумпции и фикции, которые широко применяются на практике, однако мало изучены в теоретическо-правовых аспектах.

Следует учитывать, что в узком смысле под юридическим фактом понимают определенную фактическую предпосылку, которая повлекла за собой возникновение, изменение или прекращение определенного правоотношения. Если же раскрывать данный термин шире, то под ним понимают «...всякие фактические обстоятельства, имеющие правовое значение, в частности элементы фактического состава» [3, с. 275].

Обратим внимание: не любые фактические обстоятельства являются юридическим фактом, а только те, которые имеют правовое значение и, по мнению В. Б. Исакова, обладают определенными признаками, среди которых он отмечает: конкретность; наличие выраженности вовне; информативность в отношении общественных отношений, охватываемых правовым регулированием. Также они «...прямо или косвенно предусмотрены нормами права; должны быть зафиксированы в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме; вызывают предусмотренные законом правовые последствия» [4, с. 171].

В свою очередь, Ю. П. Степнова добавляет к этому, что юридические факты помогают конкретизировать норму права, применимую к субъектам, и они становятся «носителями субъективных прав и обязанностей» [10, с. 36], при этом правовое отношение возникает, изменяется или прекращается.

Можно утверждать, что подобным образом суть юридического факта расценивает большинство ученых, однако иначе все обстоит с так называемыми общерегулятивными правоотношениями юридической ответственности, поскольку далеко не все юристы придерживаются данной концепции. Будучи сторонниками концепции общерегулятивных правоотношений, в том числе и юридической ответственности, мы не будем останавливаться на ее доказывании, — это не является целью исследования. Отметим лишь, что общерегулятивные отношения возникают «непосредственно из закона» [9, с. 120], при этом в роли юридического факта здесь выступает сам факт издания этого нормативного правового акта.

¹ © Беляева О. В., 2022.

Сам факт вступления закона в силу порождает у лиц, на которых он распространяет свое действие, соответствующие права и обязанности. Последние и составляют суть правоотношений, именуемых общими.

При этом, по мнению Н. И. Матузова [6, с. 116], общерегулятивные правоотношения возникают преимущественно на основе конституционных норм.

С такой точкой зрения не согласен В. Б. Исаков, который выделяет и иной фактический состав, включающий в себя, например, факт достижения определенного возраста (реализация права на труд) [4, с. 173].

Таким образом, наиболее важной проблемой является определение момента, с которого субъект становится участником общерегулятивного правоотношения. Именно появление дополнительно к изданию и вступлению в силу закона иных юридически значимых фактов приводит к тому, что субъект права становится субъектом общерегулятивного правоотношения. Речь здесь идет прежде всего о юридических фактах и событиях (относительных и абсолютных). Например, достижение возраста 14 или 16 лет делает субъекта участником общерегулятивных правоотношений.

Типичным примером общерегулятивного правоотношения выступает гражданство, которое, с одной стороны, юридический факт-состояние, а с другой – факт-правоотношение. Последнее определение характеризует правовую связь участников в обобщенном виде, поэтому юридическое значение имеет сам факт существования (или отсутствия) того или иного правоотношения. Поскольку общерегулятивные отношения не могут выступать в качестве индивидуальных, для их возникновения предусмотрен особый юридический факт. По этой причине основания их возникновения не всегда укладываются в общую теорию юридических фактов.

Конституционалисты достаточно охотно приняли тезис о том, что общерегулятивные правоотношения возникают на основе Конституции Российской Федерации [5], ее норм [8, с. 133].

Иная ситуация с цивилистами, поскольку сама правовая природа гражданских правоотношений вытекает из конкретных договоров и сделок [7, с. 145]. Тем не менее в ГК РФ существование общерегулятивных правоотношений прямо подтверждается, например ст. 209 указывает, что «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственником свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц» [2]. Из ст. 1064 ГК РФ [1] («Общие основания ответственности за причинение вреда») следует требование бережно относиться к имуществу других лиц.

Таким образом, для вступления в общерегулятивное гражданское правоотношение достаточно одного факта – достижения определенного возраста. Анализируя различные точки зрения по поводу возникновения общерегулятивных правоотношений различного отраслевого характера, в качестве компромисса предлагаем определить, что если речь идет о запретах наиболее общего характера («не убей», «не укради» и т. п.), то для возникновения правоотношения достаточно вступления в законную силу нормативного правового акта, закрепившего подобный запрет. Если же для возникновения правоотношения необходи-

мо наличие иных фактических обстоятельств, то можно говорить уже об относительно определенных либо конкретных правоотношениях. Например, обязанности, предусмотренные ст. 185 УК РФ [11], распространяют свое действие только на лиц, обладающих особым правовым статусом (должностных лиц).

Своей спецификой обладают предпосылки для возникновения поощрительного правоотношения ответственности: «Заслуга – фактическое юридическое основание государственного поощрения». Для его возникновения требуются факт поощряемого поведения и наличие акта применения права, который должен вынести уполномоченный орган. Юридические факты, лежащие в основе поощрительного правоотношения ответственности, разнообразны. Содержатся они в гипотезе поощрительной нормы и указывают на общие условия получения награды, т. е. их можно определить как относительно определенные.

В механизме юридической ответственности юридические факты выполняют определенные функции, направленные на возникновение, изменение или прекращение правоотношений, в том числе и правоотношений юридической ответственности. Их основное предназначение – трансформировать модель правоотношения, которая закреплена в норме права, в реальное существующее общественное правоотношение и в дальнейшем обеспечить его динамику. Закрепление юридических фактов в нормах права сразу ориентирует субъекта на понимание правовых последствий, которые возникнут в этом случае, что говорит о том, что юридические факты своим существованием участвуют в осуществлении регулятивной функции в механизме юридической ответственности путем предварительного воздействия.

Правоотношения имеют свойство постоянно изменяться, поэтому в праве была разработана теория, связывающая движение разнообразных правоотношений, – теория юридических фактов. Несмотря на всю необходимость, юридические факты в то же время выступают в роли основных проблем в практике.

На основе этого существуют целые классификации видов юридических фактов:

- по характеру наступающих последствий – правообразующие, правопрекращающие, правоизменяющие, универсальные. Данные факты имеют свойства образовывать, изменять, прекращать правоотношения [12, с. 33];

- по волевому признаку – события и действия. События представляют собой обстоятельства, не зависящие от воли и сознания людей. Действия – это факты, зависящие от воли людей, так как они совершаются ими. По продолжительности действия подразделяются на кратковременные и длящиеся;

- по количественному составу – простые и сложные. В простых факты относятся к одной отрасли права, в сложных входят факты различных отраслей;

- по значению – положительные и отрицательные. Возникают различные проблемы из-за несоблюдения правильных действий, таких как установка, удостоверение и доказательство правовой силы юридических фактов. Важно правильно владеть юридическими фактами и разграничивать их, а также доказательства о них самих.

Рассмотрим юридические факты на примере органов внутренних дел. Своеобразие административного права позволило определить искомое понятие:

юридическим фактом в административном праве является конкретное обстоятельство, предусмотренное нормами права, которое по воле субъекта либо помимо его воли приводит в динамику административно-правовые отношения в сфере государственного управления. Таким образом, для возникновения, изменения или прекращения конкретного правоотношения необходим еще юридический факт, т. е. то фактическое обстоятельство (действие, событие), с которым административно-правовая норма связывает наличие того или иного административного правоотношения в сфере государственного управления.

Следовательно, чем больше будет предоставлено юридических фактов, тем выше степень законной реализации прав и обязанностей сотрудников органов внутренних дел в своей правоохранительной деятельности.

Юридические факты – это те или иные конкретные жизненные обстоятельства, связывающие нормами права возникновение, изменение, прекращение правоотношений. Юридические факты вместе с нормами являются предпосылками правовых отношений. Также стоит отметить, что без них правоотношения были бы невозможны в принципе, ведь умение работать с данными фактами является неотъемлемой частью правовой культуры. Правовые нормы не могут существовать в полной мере без юридических фактов, так как сами по себе они не устанавливают, не изменяют и не прекращают правоотношения. Итак, юридические факты – это звено, которое связывает правовую норму с гражданским правоотношением, их называют основаниями гражданских правоотношений. Зачастую нужны не один-два, а несколько юридических фактов, – это множество называется юридическим составом.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что юридические факты – не разрозненные явления правовой действительности, а определенная ее подсистема с присущими ей связями. Чем богаче и совершеннее правовая система, тем точнее она выявляет и фиксирует существенные стороны объективной реальности, тем богаче содержание фактов, выраженных на языке этой системы.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 08.07.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 26.10.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Зимин А. Н. Юридическая норма и юридический факт // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 1. № 11 (28). С. 272–281.
4. Исаков В. Б. Юридические факты как вид юридического ограничения // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 170–174.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

6. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Дело, 2020. 526 с.
7. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 413 с.
8. Нудненко Л. А. Конституционное право России : учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 531 с.
9. Орлова В. В. Сложные юридические факты как элементы механизма правового регулирования // Молодой исследователь: вызовы и перспективы: Сборник статей по материалам LXX международной научно-практической конференции. М. : Интернаука, 2018. С. 119–120.
10. Степнова Ю. П. О юридических фактах в механизме юридической ответственности // Актуальные проблемы юриспруденции: Сборник статей по материалам XXXVIII международной научно-практической конференции. Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2020. С. 34–38.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13 июня 1996 г. (ред. от 08.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
12. Хегай М. В., Працко Г. С. Юридические факты и их виды // Развитие юридической науки и проблема преодоления пробелов в праве: Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. М. : Конверт, 2019. С. 32–33.

Шумилов А. Н.¹,

заместитель начальника

юридического управления (по договорной работе)

ПАО «Нижнекамскнефтехим»,

кандидат юридических наук

ИМИДЖ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ РЕСУРС ЭФФЕКТИВНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В современных условиях реализации правоприменения, когда повышения эффективности деятельности правоохранительных органов требуют новые вызовы общества, остро встает вопрос поиска и использования внутренних резервов, необходимых и достаточных для решения повседневных задач. Одним из таких внутренних резервов является имидж правоприменителя, который имеет соответствующую специфику воздействия.

Прежде чем обратиться к выявлению специфики воздействия имиджа субъектов правоприменения на правоприменительную деятельность разных типов и в разных сферах, необходимо определить возможные алгоритмы создания и функционирования имиджа. Приведем этапы такого конструирования от В. Е. Беленко:

«1. „Оценка аудитории”: определение целевой аудитории, ее сегментов. Понимание и формулировка ожиданий аудитории.

2. „Изучение объекта”: анализ реальных качеств объекта имиджа.

3. „Коррекция характеристик объекта”: сравнение этих качеств с ожиданиями аудитории, отбор тех характеристик, которые востребованы получателями сообщения (они лягут в основу образа), выбор дополнительных характеристик.

4. „Планирование”: разработка стратегии работы с имиджем, поиск эффективных тактик и технологий донесения составляющих имиджа до целевой аудитории.

5. „Символизация”: перевод выбранных характеристик в разные знаковые контексты (визуальный, вербальный, событийный и др.).

6. „Презентация имиджа”: реализация спланированного, его коррекция, исходя из текущей обратной связи» [1, с. 51].

Благодаря этой классификации можно составить представление об идеях, заложенных в основании построения модели имиджа как фактора повышения эффективности правоприменительной деятельности. Необходимость формирования такой модели обусловлена тем, что она позволяет влиять на большинство правовых процессов, повышать авторитет государственной власти, воздействовать на уровень преступности, тем самым реализуя в том числе и его управленческие возможности.

На наш взгляд, модель формирования имиджа как фактора повышения эффективности правоприменительной деятельности и его управленческого качества является итогом прохождения следующих этапов:

1) осознание представителями власти на основе первичного анализа мониторинга статистических показателей необходимости изменений в определенных направлениях правоприменения в целях повышения его эффективности;

¹ © Шумилов А. Н., 2022.

2) дифференцированный анализ сложившихся представлений о правоприменительной деятельности государства, существующих проблемах восприятия и коммуникации, возможных причинах нарушения законности, обусловленных недостатками правоприменительной деятельности;

3) сбор и исследование точек зрения представителей социальных групп по вопросам определения способов преодоления сложившихся трудностей, выявление ожиданий граждан, рассмотрение социальных инициатив и предложений;

4) разработка содержания имиджевого конструкта на основе полученных сведений: определение субъектов, объектов, иных составляющих, способов и методов воздействия на целевую аудиторию, предполагаемых результатов, периода реализации, тактики и стратегии формирования имиджа;

5) подготовка проектов соответствующих нормативных правовых и иных правовых актов;

6) реализация имиджевого конструкта, включающая принятие и вступление в юридическую силу указанных выше официальных документов, создание необходимых обеспечительных государственных структур, распространение правовой идеологии в рассматриваемой сфере среди граждан, использование иных факторов формирования имиджа, к которым можно отнести деятельность по управлению социальным мнением (public relation), политические технологии, иную имиджеформирующую информацию (слухи, визуальная информация), рекламу, профессиональную и общественную деятельность;

7) контроль и надзор за порядком реализации государственной имиджевой инициативы, а при необходимости – корректировка целей и поставленных задач, способов их достижения;

8) мониторинг сконструированного имиджа, оценка результатов, выяснение способствующих результату причин и условий, прогнозирование развития воздействия имиджа на социум, анализ закрепления положительных имиджевых образов государства в сознании людей на уровне стереотипов восприятия.

Модель связана с использованием внешних факторов, обуславливающих формирование имиджа, и его управленческих качеств. Наряду с этой моделью для повышения эффективности правоприменения необходимо использовать модель имиджа в действии, отражающую особенности ее функционирования и реализации. Модель функционирования имиджа как управленческого ресурса и фактора повышения эффективности правоприменительной деятельности представляет собой, по сути, идеальную концепцию осуществления воздействия на общество в целях достижения заранее поставленной цели формирования позитивного отношения к субъектам правоприменения.

Эта модель представляет собой определенную последовательность этапов реализации.

Первый этап связан с деятельностью по формированию позитивного имиджа правоприменительной деятельности. Имидж влияет не только на сознание, но и на подсознание целевой аудитории, создавая устойчивое представление о необходимости и правильности правоприменительной деятельности, ее соответствии внутренним побуждениям и ощущениям людей.

Если воздействие целенаправленно и достаточно продолжительно, у людей закономерно складывается доверительное и позитивное отношение к правоприменительной деятельности.

На втором этапе такое отношение постепенно перерастает в признание и поддержку существующей государственной власти, целям и функциям которой и служит правоприменение. Власть государства становится более легитимной, общество сознательно и добровольно поддерживает ее начинания, признает правильной проводимую правовую политику.

Третий этап связан с завершением формирования целостной правовой культуры и ведет к постепенному снижению уровня правового нигилизма и негативизма в обществе.

Согласно авторской позиции и исходя из учета динамики жизни современного общества (нарастания информационного воздействия, расширения сферы влияния СМИ и доминирования клипового мышления), все разнообразие имеющих место факторов способна объединить системообразующая составляющая имиджа как фактор эффективности правоприменительной деятельности, представляющий собой в том числе весомый управленческий ресурс.

Предложенные модели возникновения и функционирования имиджа как детерминанты эффективности правоприменения ориентируют на систематическое использование этого инструмента повышения эффективности деятельности органов государственной власти.

Исходя из рассмотренных моделей формирования имиджа и его функционирования как фактора повышения эффективности правоприменительной деятельности, рассмотрение имиджа как результата синтеза действия совокупности факторов эффективности правоприменительной деятельности следует сконцентрировать на его основных функциях, среди которых представлена и та, которая обеспечивает его синтезирующий характер.

Имидж сам по себе, как практически любое юридическое явление, – функциональный феномен. Он важен не как цель, а как средство достижения социально полезной цели, но в своей функциональности он достаточно дифференцирован, т. е. может быть представлен как совокупность функций, среди которых наиболее существенными можно назвать следующие:

- регулятивная функция (позитивный имидж субъекта правоприменительной деятельности способен нормализовать и оптимизировать отношения в обществе, а также вызвать стремление членов социума к оказанию поддержки и помощи представителям государственной власти);

- функция идеализации, заключающаяся в обеспечении режима наибольшего благоприятствования восприятию образов государства, власти, политико-правового строя, проецированию на сознание общества тех характеристик, которые являются наиболее предпочтительными для конкретной правовой цели;

- охранительная функция, под влиянием положительно настроенных членов общества находящая выражение в способствовании борьбе с правонарушениями, профилактике профессиональной деформации, бюрократии, иных дисфункций государства;

- правовоспитательная функция (противостояние правовому нигилизму); также связана с повышением уровня и качества правового образования, воспитания граждан в духе уважения права и власти государства;
- функция легитимации и социальной толерантности правоприменительной деятельности и государственно-правовой политики;
- функция повышения качественного уровня реализации права, правотворческой политики (социальные ожидания обеспечивают стремление представителей власти соответствовать этим ожиданиям);
- функция улучшения показателей работы и повышения продуктивности деятельности не только в сфере правоприменения, но и в пределах реализации основных направлений деятельности органов государственной власти и местного самоуправления;
- коммуникативная функция, обеспечивающая улучшение и динамику взаимоотношений общества и власти;
- семиотическая функция, или функция идентификации и атрибуции субъектов правоприменительной деятельности (позитивный имидж и форменное представление, единые для сотрудников подразделения, осуществляющего правоприменение, позволяют выгодно отличать их от сотрудников других ведомств);
- функция стимуляции в поддержании репутации, связанная в том числе с рекламой государственной службы, различных государственных институтов. Актуальна в ситуации потери государством легитимности и необходимости подбора таких средств и инструментов, которые позволили бы поддерживать правопорядок и законность, противостоять росту преступности, реализуя применение правовых норм, обеспечивать набор в ведомственные учебные заведения для пополнения кадрового состава государственных правоприменительных органов;
- интегративная функция имиджа, связанная с его способностью объединять ряд факторов или явлений, соответственно, синтезируя результат их суммарного воздействия на объект познания.

Рассмотрим специфику системообразующей функции на основе анализа совокупности свойств и характеристик имиджа.

Сегодня имидж обеспечивает представление о каком-либо явлении или объекте. Концентрация факторного воздействия в едином центре позволяет оперативно и качественно управлять таким воздействием, достигая поставленных целей и задач, нивелируя нежелательные условия существования объекта изучения и редуцируя проводимые в его отношении прогностические операции.

Представляя собой образ, перцепцию и представление, имидж рассматривается нами как ключевой системообразующий фактор, обеспечивающий эффективность правоприменения. Выделенные группы факторов, воздействующие на субъекты и объекты правоприменения, имеющие юридическую или иную природу, в итоге обеспечивают формирование синтезированного образа правоприменительной деятельности, от которого в немалой степени зависят ее эффективность и результативность.

В вопросе формирования позитивного образа правоприменения факторы, оказывающие влияние на продуктивность и оптимальность работы субъектов

правоприменительной деятельности (как юридические, так и неюридические), формируют тот уровень структуры имиджа, на котором существует представление, создаваемое в основном самими носителями или иными лицами в отношении носителей имиджа. Так, оперативность действий и решений, принимаемых субъектами правоприменительной деятельности, деbüroкратизация и деформализация в совокупности детерминируют эндогенную часть имиджа как интегративного фактора обеспечения эффективности правоприменительной деятельности.

В свою очередь, юридические и неюридические факторы, влияющие на тех лиц, в отношении которых применяются нормы права, формируют тот уровень структуры имиджа правоприменительной деятельности, на котором представление о явлении создается представителями общества, испытывающими на себе или наблюдающими воздействие этой формы реализации права. Уровень правовой культуры и образованности граждан, воспринимаемые ими эстетические составляющие правоприменения и другие факторы в совокупности обуславливают экзогенную часть имиджа как уникального интегративного фактора обеспечения эффективности правоприменительной деятельности.

Интегративная функция имиджа связана прежде всего с его способностью воздействовать на сознание членов общества. В каждой из групп факторов присутствует детерминирующий сознательную деятельность импульс (правовая культура социума, общая культура, правосознание сотрудников правоприменительных органов, правовая грамотность и т. д.).

Помимо формирования на основе мыслительных процессов и образов имидж можно рассматривать как синтезирующую составляющую действия совокупности других факторов, в том числе в связи с ее синергетичностью. Внешнее представление о качественной, профессиональной и продуктивной правоприменительной деятельности является не простой суммой факторов, а принципиально новым знанием, хотя и включающим в качестве элементов различные условия и детерминанты, но преобразующим их в единое целое (создание такого нового содержания в системе известно в науке как эффект эмерджентности).

Однако для возникновения успешного имиджа правоприменителя недостаточно информации только о его профессионализме или высокой духовной культуре; необходима система факторов. Кроме того, синергетичность как способность к саморазвитию обуславливается стохастичностью появления и создания образных представлений, их зависимостью от вероятностного развития общественных отношений. Наличие до конца не известной переменной приводит к определенной степени нестабильности системы.

Сформировавшись, имидж становится в значительной степени независимым от тех факторов, из совокупности результатов действия которых он складывался. Такое представление об эффективности работы может сложиться, например, в отношении органа власти, прежние сотрудники которого уже сменились, а новые еще не обладают соответствующими профессиональными качествами.

Способность к интегрированию и саморазвитию придает имиджу значение уникального управленческого ресурса, объединяющего систему факторов и

условий функционирования объекта познания. Эта система факторов не является суммативной, в которой отдельные компоненты могут быть исключены или дополнены без существенного воздействия на качество всей системы, хотя в них и имеются определенные интегративные свойства. В этом исследовании речь идет о целостной системе.

Специфику такой системы обеспечивают интегративные качества компонентов системы. Для этой системы характерна высокая активность целого по отношению к ее компонентам. Для целостной системы характерна гибкость, самовоспроизводимость и саморазвитие, т. е. синергетичность. Вместе с тем представление о синергетичности имиджа позволяет приблизиться к возможной траектории его дальнейшего развития и реализации, предвидеть направления и характер воздействия на правоприменение как сложную человекомерную социальную систему с вероятностной, а не однозначной связью между ее компонентами.

Свойства внешне формируемого образа, складывающегося за счет системы факторов и обладающего рассмотренной выше структурой и уровнями восприятия, позволяют влиять на результативность правоприменения.

Приведенный анализ имиджа как результата синтеза действия совокупности факторов эффективности правоприменительной деятельности позволяет резюмировать: синергетичность имиджа придает сумме различных факторов качественно новое значение (эффект эмерджентности), самостоятельность и несводимость к простой совокупности факторов, что способствует использованию имиджа как управленческого ресурса в условиях вероятностного разнообразия социальной жизни.

Чем дифференцированнее функциональная характеристика имиджа как правоприменителя, так и правоприменительной деятельности, тем существеннее становится роль имиджа как управленческого ресурса, фактора повышения эффективности правоприменительной деятельности, в том числе за счет свойств самого правоприменителя.

Список литературы

Беленко В. Е., Беленко М. П. Имиджелогия: стратегии и тактики имиджевой коммуникации : учебное пособие. Новосибирск : Новосибирский государственный технический университет, 2010. 138 с.

*Михайлова Н. В.¹,
профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Существует множество оригинальных теорий, отражающих разные стороны правовой действительности, «многообразие форм проявления сущности порождает и множество походов к пониманию права» [12, с. 257].

Процесс понимания права, или правопонимание, является базой правосознания и подтверждает взаимосвязь правопонимания и правосознания. Важнейшим элементом правосознания является процесс осознания правовой действительности, включающий в себя не только понимание, но и освоение, накопление знаний о правовой действительности.

Вопросы правопонимания и правосознания наиболее ярко проявляются в точках бифуркации развития общества и государства. Такой точкой в истории России, безусловно, являются годы Великой российской революции (1905–1922 гг.), причем в это время прослеживается теснейшее взаимодействие правопонимания и правосознания. В ходе революционных событий двух первых десятилетий XX в. правовое сознание большинства населения России претерпело заметные изменения – от правового нигилизма к осознанию собственных прав, интересов и возможности их правовой защиты. Правовая политика российского государства на каждом из трех этапов развития революции (становления конституционной монархии, формирования республиканского строя, становления советской государственности [3, с. 17]) в определенной степени укрепила веру российских граждан в верховенство закона и обеспечила включенность в правовую систему самых широких слоев населения. Выдающиеся юристы «серебряного века» российской юриспруденции уделяли серьезное внимание исследованию проблем правопонимания и правосознания.

В разное время в России доминировало несколько научных школ. В Российской империи правопонимание в основном концентрировалось в рамках позитивного права. Так, Г. Ф. Шершеневич понимал под правом то, что государство «приказывало» считать таковым. Однако конец XIX – начало XX в. ознаменовано возрождением естественного права, которое вобрало в себя достижения исторической и позитивной школ. Задачами, которые ставили перед собой приверженцы идеи восстановления естественного права, выступали освобождение права от жесткого политического влияния и приведение его в соответствие с нравственными ценностями личности. Соответственно, критерием правовой нормы должна была стать идея приоритета личности [4, с. 217–218].

¹ © Михайлова Н. В., 2022.

Л. А. Тихомиров в работе «Критика демократии» писал: «В русском способе мышления (говоря об интеллигенции), – характеристичны две стороны: отсутствие вкуса и уважения к факту и, наоборот, безграничное доверие к теории, к гипотезе, мало-мальски освещающей наши желания. Это должно происходить, очевидно, от малой способности мозга к напряженной умственной работе. Голова, слишком быстро устающая, не может справиться с мириадами фактов, наполняющих жизнь, и получает к ним нечто вроде отвращения. Гипотеза, напротив, ее радует, давая кажущееся понимание явлений без утомительного напряжения. Эти явления естественны в народе, так недавно начавшем учиться» [13, с. 42].

Политические силы любой революции формируют свое понимание права, это верно отмечено П. Б. Струве в работе «Политика, культура, религия, социализм»: «Строгое социологическое понятие революции немыслимо без отнесения этого понятия к другому основному социологическому понятию – права. Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящееся исходной точкой нового правообразования. Революция ниспровергает одно право и воздвигает другое. Революция есть бунт, коему присущ умысел быть, или стать правообразующим фактом, или еще короче: удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом» [10, с. 439].

На стыке первого и второго этапов Великой российской революции происходит свержение самодержавия и начинается создание новых республиканских форм власти, соответствующих форме правления современной цивилизации. Государственная дума, деятельность которой ассоциировалась с монархической формой правления, не смогла стать таким органом, хотя ее формирование происходило на основе выборов, что отражает требование к республиканской форме правления. Однако закон о выборах в Государственную думу, опубликованный 11 декабря 1905 г., и дальнейшие внесенные в него изменения [1] представляли собой избирательную систему, основанную на выборах не прямых, и должны были проходить по куриальной системе, в рамках которой происходило выделение избирателей по сословному, имущественному, национальному, расовому или какому-либо иному общественному цензу.

С 12 мая по 19 июля 1917 г. состоялось еще восемь частных совещаний Думы, уже не имевших ни юридического, ни политического значения. Тем не менее был создан Временный комитет Государственной думы, который вместе с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов сформировал Временное правительство. Советы являлись представительными органами народной власти, избираемыми населением на определенный срок. На втором этапе Великой российской революции нетрудовые классы (буржуазия, интеллигенция, служащие, учащиеся) на практике не имели возможности воспользоваться избирательным правом, хотя формально они не были лишены его, так как выборы в советы проходили не по территориальному, а по производственному принципу [6, с. 129].

Одной из первоочередных задач Временного правительства, которую поддерживало большинство политических сил революции (в том числе и большевики), был созыв Учредительного собрания. Опираясь на настроение революционных масс, их правосознание, Временное правительство объявило о выбо-

рах в Учредительное собрание, которое и должно было организовать республиканскую власть как по форме, так и по содержанию. Сама же Государственная дума была официально распущена 6 октября 1917 г. в связи с назначением даты выборов во Всероссийское учредительное собрание. 20 июля 1917 г. было принято постановление Временного правительства «Об утверждении положения о выборах в Учредительное собрание» [9].

25 марта принимается решение о необходимости образовать Особое совещание для подготовки проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Этот орган приступил к работе 25 мая. В результате был принят самый демократичный для того времени закон о выборах – всеобщих, равных и прямых при тайном голосовании. Избирательные права получили все граждане старше 20 лет, в том числе женщины, военнослужащие, были отменены имущественный ценз, цензы оседлости и грамотности, ограничения по вероисповедному или национальному признакам [5].

На этапе становления республиканской формы правления в качестве консультационного органа было создано Юридическое совещание, которое начало свою работу 8 марта 1917 г. Его возглавляли выдающиеся юристы того времени: В. А. Маклаков (адвокат), Ф. Ф. Кокошкин (основоположник конституционного права), Н. И. Лазаревский (разработчик проекта конституции республиканской России) [8, с. 41].

Юридическое совещание стало ключевым звеном в системе законотворческой деятельности Временного правительства, через его рассмотрение прошли все важные законопроекты, касающиеся социальной сферы и местного самоуправления [7]. Всего за время своей деятельности Юридическое совещание приняло и передало на рассмотрение Временному правительству 56 законопроектов.

1 сентября 1917 г. постановлением Временного правительства Россия была провозглашена республикой. Все вопросы устройства России в будущем должно было решить Учредительное собрание, укоренившееся в сознании революционных масс как орган власти республиканской России. 12 сентября было созвано Всероссийское демократическое совещание, на расширенном заседании президиума которого было принято решение о создании Временного совета республики (Предпарламента) – республиканского органа, пришедшего на смену Государственной думе.

Общественное мнение о Предпарламенте было неоднозначным. Большевики разделились на сторонников использования этого органа как средства мирного развития революции (которых возглавлял Л. Б. Каменев) и тех, кто разделял точку зрения Л. Д. Троцкого о том, что подобранное представительство не отражает реального соотношения сил, призвано подменить собою действительное волеизъявление народа, создать опору правительству, неспособному проводить необходимые реформы. Такое противостояние закончилось объявлением бойкота работе Предпарламента со стороны большевиков. Оценивая это событие, меньшевик Н. Н. Суханов писал, что для них это была «подавляющая часть рвущегося в бой, пышущего классовой ненавистью пролетариата, а также истерзанной солдатчины, а также отчаявшихся в революции крестьянских низов» [11, с. 237–238]. В конечном счете Временный совет не смог достичь социального сотрудничества,

специфические социальные интересы различных групп населения России проявлялись все более ярко, нарастала социальной конфронтация.

Таким образом, попытка создания органов власти республиканской формы правления не увенчалась успехом на втором этапе Великой российской революции. Заметим, что, с одной стороны, в этой работе в русле правового обеспечения формирования республиканских органов власти нашло отражение правопонимание ведущих отечественных юристов, а с другой – правосознание левых слоев российского общества мешало этому процессу, отвергало парламентскую республику как форму правления. В. И. Ленин, большевистский лидер, утверждал, что необходима «не парламентская республика, – возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» [2, с. 115]. Вопрос о формировании республиканской формы правления разрешился в рамках третьего этапа Великой российской революции – в процессе становления советской государственности.

Список литературы

1. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / под общ. науч. ред. А. В. Иванченко. М., 2008. 860 с.
2. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы) // Полное собрание сочинений. Т. 31: Март – апрель 1917. М. : Издательство политической литературы, 1969. С. 113–118.
3. Михайлова Н. В. История государства и права России (XIX – начало XXI в.) : учебное пособие. М. : Кнорус, 2014. 376 с.
4. Палеха Р. Р. Современное отечественное правопонимание: состояние и перспективы развития : монография / авт. вступ. ст. Ю. В. Сорокина. М. : РАП, 2010. 230 с.
5. Протасов Л. Г. Всероссийское учредительное собрание. История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 368 с.
6. Революция и гражданская война в России, 1917–1923 гг. Энциклопедия : в 4 т. Т. 4: Русская армия – «Ястреб». М. : Терра, 2008. 558 с.
7. Редких С. В. Процедура нормоконтроля в деятельности Юридического Сопровождения Временного правительства // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 31 (169). С. 111–114.
8. Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия / под ред. В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2010. 1086 с.
9. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате, 1917. Ст. 916.
10. Струве П. Б. Политика, культура, религия, социализм. М. : Республика, 1997. 526 с.
11. Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. Т. 3. М. : Республика, 1992. 416 с.
12. Сырых В. М. Логическое основание общей теории права : в 2 т. Т. 1: Элементный состав. М. : Юстицинформ, 2000. 528 с.
13. Тихомиров Л. А. Критика демократии / вступ. ст. и коммент. М. Б. Смолина. М. : Москва, 1997. 672 с.

Журов А. Н.¹,
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент

«ПОЛИЦИЯ ЕСТЬ ДУША ГРАЖДАНСТВА...» ФУНКЦИИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В.

Формирование «регулярного» государства в России в период становления абсолютизма в начале XVIII в. потребовало создания характерных для этой формы правления государственных структур: регулярной армии, прокуратуры, полиции, и если образованием армии европейского образца Петр I озаботился уже с первых лет своего правления, то становление новых органов охраны общественного порядка происходит лишь на заключительном этапе его правления, когда победы в Северной войне позволили больше внимания, сил и средств направить на укрепление внутреннего развития страны.

Как и во многих своих начинаниях, при создании отечественной регулярной полиции Петр I обращается к европейскому опыту, прежде всего к французскому. Трудно сказать, был ли император лично знаком с трудом французского основателя «полицейстики» Н. Деламара «Трактат о полиции», но в «Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» он во многом повторяет его идеи, наделяя российскую полицию достаточно обширным перечнем функций, далеко не всегда связанных с охраной общественного порядка и борьбой с преступностью.

Многозадачность отечественной полиции подтверждается и в «Регламенте, или Уставе Главного магистрата» 1721 г., в соответствии с которым полиция «споспешествует в правах и в правосудии, рождает добрые порядки и нравов учении, всем безопасность подает от разбойников, воров, насильников и обманщиков и сим подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет, и принуждает каждого к трудам и к честному промыслу, чинит добрых досмотрителей, тщательных и добрых служителей, города и в них улицы регулярно сочиняет, препятствует дороговизне, и приносит довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишество в домовых расходах, и все явные погрешения, призирает нищих, бедных, больных и прочих неимущих, защищает вдовиц, сирых и чужестранных по заповедям божьим, воспитывает юных в целомудренной чистоте и честных науках; вкратце ж над всеми сим полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [2, № 3708, с. 297].

Непосредственно разрабатывая «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру», Петр I неспроста ставит на первое место функцию строительного надзора. В документе было указано, что столичная полиция

¹ © Журов А. Н., 2022.

должна «...смотреть, дабы все строение было регулярно построено, по Его Царского Величества Регламенту... також бы никакое строение за линию, или из линии строилось, но чтоб улицы и переулки были ровны и изрядны» [2, № 3203, с. 570]. Новая столица государства возводилась по-европейски, в соответствии с разработанным регулярным планом. Активное участие в возведении города принимали европейские архитекторы, приглашенные на российскую службу. Помимо жилых строений ставилась задача создания современной по тем временам городской среды, включавшей в себя уличное освещение, водоснабжение, организацию торговли и т. д. Такой подход к строительству был непривычен российскому обывателю, поэтому, по мнению Петра I, требовался особый контроль за этим со стороны органа, наделенного серьезными властными полномочиями.

Таким органом и становится полиция во главе со своим руководителем – генерал-полицмейстером А. М. Девиером. За короткий промежуток времени им издается более 20 нормативных правовых актов, регламентирующих процесс застройки Санкт-Петербурга. 31 августа 1721 г. был издан именной указ «О порядке строения каменных домов в Санкт-Петербурге», который установил подробный регламент осуществления строительных работ, надзор за правильностью проведения которых возлагался на полицию [2, № 3822, с. 433].

Как надзорный орган в сфере строительства, полиция обладала целым набором мер воздействия на нерадивых застройщиков. Хотя определения санкций в нормативных правовых актах первой четверти XVIII в. были порою не слишком определенными, мы видим вполне конкретные указания на применение к нарушителям штрафных санкций, изъятия имущества в казну, на слом возведенных сооружений без компенсаций затрат на их строительство. Как неоднократно указывалось в воспоминаниях современников, в первые годы строительства Санкт-Петербурга «неуказные» здания и целые кварталы сносились десятками, а нерадивых застройщиков в соответствии с законом ждали суровые кары, вплоть до конфискации имущества и даже ссылки в Сибирь.

Строительный надзор полиции распространялся не только на сухопутные строения, но и на водные коммуникации – реки и каналы, находящиеся в Санкт-Петербурге, как это можно видеть из именного указа «Об укреплении берегов реки Невы и других речек и о порядке строения каменных домов в Санкт-Петербурге», объявленного генералом-полицмейстером 24 июня 1721 г. [2, № 3799, с. 403].

Другой функцией регулярной полиции в городах Российской империи становится пожарный надзор. Еще «Наказе о Градском благочинии» 1649 г., принятом при царе Алексее Михайловиче, уделялось достаточное внимание этому вопросу. В обозначенных нами выше «Пунктах» полиции было предписано «по всякую четверть года, у жителей осматривать печи, комели, в поварнях очаги, бани и прочее, где огонь водится, и предстерегать, дабы недосмотрением хозяйским какова бедства от пожару не учинилось» [2, № 3203, с. 570]. Опасность возникновения пожаров приводила к применению ограничений. Так, в 1719 г. распоряжением генерал-полицмейстера петербургским обывателям было предписано топить бани только один день в неделю – в субботу. Полицейские же должны были надзирать за соблюдением этого правила.

Со строительным надзором связаны также и функции полиции в сфере обеспечения городского благоустройства. Вслед за ведущими европейскими столицами Санкт-Петербург начинает обзаводиться уличным освещением. Эта задача, казалось бы, практически не связанная с обеспечением порядка, также ложится на плечи полиции. На улицах города начинается установка более 500 больших и малых фонарей, созданных по эскизам главного архитектора Петербурга Ж.-Б. Леблона. Для их обслуживания была набрана команда из 85 фурманщиков, вошедшая штат столичной полиции. При формировании этой команды власти столкнулись с определенной трудностью – недостатком желающих поступить на эту работу из-за сложных условий труда и мизерных зарплат. Он был выполнен характерным для тех времен способом – набором в осветители «из гуляющих людей и из освобожденных с каторги». Так или иначе, задача по обеспечению городского освещения была выполнена во многом благодаря столичной полиции.

Наделяется полиция и функцией контроля за обеспечением чистоты и порядка на городских улицах. Скученность городского населения, отсутствие систем канализации и водоснабжения были факторами, способствующими возникновению и распространению эпидемий. Одним из способов противодействия этому было поддержание чистоты городских улиц, а также недопущение скапливания на них бытовых отходов. Пункты, данные генерал-полицмейстеру, предписывали горожанам «содержать все улицы и переулки каждому против своего двора в рядах и в рынках и в прочих местах в чистоте, и сор чистить и возить на указанные места» [2, № 3203, с. 570]. Особо указывалось на необходимость убирать «мертвечину» как потенциальный источник распространения заразных заболеваний.

Законы определяли и санкции, налагаемые за неисполнение властных предписаний в этой сфере. В соответствии с именным указом от 20 июня 1718 г., если перед домом обывателя обнаруживался мусор, то на домовладельца налагался штраф в размере трех рублей. В случае неоднократных нарушений сумма штрафа могла дойти до 30 рублей либо к виновному применяли более суровое наказание.

Власти новой российской столицы и ее первый генерал-полицмейстер А. М. Девиер, стремясь создать по-европейски развитый город, активно занимались вопросами санитарии. Выброс на улицу нечистот строго пресекался, был организован вывоз мусора в специально отведенные участки за городом (чем занимались нанятые для этого люди). Обращалось внимание на организацию торговли съестными припасами. Неоднократно указывалось, что торговцы имеют право торговать в оборудованных местах, которые должны соответствовать определенным санитарным требованиям, обязывались же они носить чистую одежду и белые фартуки (в частности, об этом говорится в именном указе «О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении им белых мундиров», объявленном Девиером 15 ноября 1718 г.). Особо оговаривалось и качество продаваемых продуктов: «...отнюдь нездорового какого съестного харчу не продавали, а паче вредительского чего, но все б держали здоровое, еще ж смотреть и хранить с прилежанием» [1, № 3236, с. 592].

Таким образом, наделение образованной в России в первой четверти XVIII в. регулярной городской полиции достаточно разнородными функциями делало ее не просто органом охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, а службой, чья деятельность была направлена на благоустройство общественной жизни, что, по мнению Петра I, и должно было сделать российскую полицию «душой гражданства».

Список литературы

1. Полное собрание законов. Собрание I (1649–1825). Т. 5. СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величия Канцелярии, 1830.
2. Полное собрание законов. Собрание I (1649–1825). Т. 6. СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величия Канцелярии, 1830.

Куркин Б. А.¹,
*профессор кафедры международного права
 Тамбовского государственного
 технического университета,
 доктор юридических наук, профессор*

РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ АМЕРИКАНСКОГО КОНЦЕПТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

У каждой сколь-нибудь значимой правовой концепции, в том числе и международно-правовой, есть свои духовные корни. Это в полной мере относится и к концепту прав человека, одним из проявлений которого стало рождение понятия «гуманитарная интервенция». Действительно, если права человека первичны, то всякое вмешательство во внутренние дела государств является заведомо оправданным, имеющим правовое основание.

Идейные истоки такого воззрения кроются в самом понимании прав человека.

Начинается она с принятием Декларации независимости США 1776 г., автором которой являлся Т. Джефферсон. Для ее правильного понимания следует учитывать ценности и воззрения, которыми руководствовался ее создатель. При анализе Декларации как чисто «мирского» политического документа многие ее смыслы остаются невыявленными, в результате чего истинное значение документа может быть непонятым.

Текст Декларации, написанной Джефферсоном, начинается так: «Мы считаем самоочевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат: Жизнь, Свобода и стремление к Счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди Людей Правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых».

По Джефферсону, люди созданы Богом равными, все они наделены Им некими естественными и неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат «право на жизнь», «право на свободу» и «право на стремление к счастью».

Как Джефферсон обнаружил в Ветхом и Новом Заветах озвученные им идеи – неясно. Неясным остается и содержание «права на жизнь», если учесть, что им в соответствии с текстом Библии наделяет сам Бог. Отсюда следует, что право человека на жизнь корреспондирует с обязанностью Творца уважать дарованное им же самим своей твари право. Для богословия этот тезис, бесспорно, революционен, и Джефферсону столь же бесспорно принадлежит авторское право на эту идею.

А что означает «равенство» людей? Житейский опыт показывает, что это далеко не так. Следует ли понимать слова Джефферсона в том смысле, что все люди сотворены равными в политических правах? Но какие именно «политические права» были у Адама и Евы, а также их потомства?

Наконец, «третье право» – «право на стремление к счастью». Фраза совершенно бессодержательная, а то и бессмысленная: ни в Ветхом, ни в Новом За-

¹ © Куркин Б. А., 2022.

вете счастья на земле человеку обещано не было. В Евангелии человеку было обещано спасение его бессмертной души – разумеется, при соблюдении ряда условий.

Примечательно, что в Декларации не содержится упоминания о несовместимости демократии и рабства: интересы американских рабовладельцев Юга и работоторговцев Севера не допускали даже беглого упоминания об этом.

«Библия Джефферсона»

Уже став президентом США, Джефферсон в перерыве между решением государственных дел написал свою «библию», получившую название «Библия Джефферсона» – The Jefferson Bible. The Life and Morals of Jesus of Nazareth.

О своем сочинении Джефферсон писал так: «Мы должны свести наш объем к простым Евангелистам; выбрать, даже из них, только слова Иисуса, отсекая амфибологизмы¹, в которые в которые они их ввели, часто забывая или не понимая, что сошло от Него, выдавая свои собственные заблуждения за его изречения и невнятно излагая для других то, что не поняли сами. Останется самый возвышенный и благожелательный кодекс морали, который когда-либо предлагался человеку. Я проделал эту операцию для собственного использования, вырезая стих за стихом из печатной книги и упорядочивая материал, который, очевидно, принадлежит ему и который так же легко отличить, как алмазы в навозной куче» [7, pp. 7–8].

Как видим, метод Джефферсона заключался в том, чтобы собрать из текста Нового Завета слова Спасителя, реченные им самим, а не в переложении евангелистов, хотя откуда человеку узнать о словах Спасителя, как не со слов евангелистов и Священного Предания?

«Библия Джефферсона» отрицала все чудеса, сотворенные Христом, включая воскрешение Лазаря, воскресение самого Христа, хождение его по водам и т. д. Сам же Христос представал в образе простого земного человека: отрицалось и непорочное зачатие Девы Марии от Святого Духа.

По сути, предисловие к Декларации представляет собой ту самую «библию Джефферсона», автор которой даже не вещает от Бога (потому что не заявляет: «Тако глаголет Господь Вседержитель»), а говорит прямо от самого себя («самоочевидно, что...»).

Логическим следствием идейно-религиозного посыла Декларации Джефферсона стало утверждение «права на своеволие», из которого логически вытекало «право избранного» как естественное право человека.

Идеи и символы

В связи с этим весьма показательна история утверждения проекта печати США – символа новой власти. Конгресс поручил эту миссию Джефферсону (наряду с Б. Франклином и Дж. Адамсом). Авторы предложили изобразительное решение в духе преамбулы к Декларации, в котором совершенно недвусмысленно обозначились *credo* и видение новорожденной государственности.

¹ Двусмысленности. – Примеч. авт.

На эскизе Джефферсона был изображен Моисей, стоящий на берегу и стирающий свою длань над морем и повелевающий ему поглотить фараона, сидящего в открытой колеснице с короной на голове и мечом в руке. С огненного столпа в небесах на Моисея падают лучи света, дабы подчеркнуть, что он действует по велению Божию.

Девиз к проекту был предложен уже Б. Франклином: «Восстание против тиранов есть послушание Богу». Однако, выказав должную политическую бдительность, конгрессмены в конце концов заменили тираноборца Моисея грозным монархического вида орлом («этой отвратительной облезлой птицей», по выражению Франклина). Джефферсон, не желая расставаться с дорогим сердцу лозунгом, использовал его для своей личной печати [3, с. 108].

Аналогии в предложенном Джефферсоном проекте государственной печати были совершенно прозрачными и очевидными

1. Англия – Египет.

2. Сектанты – сыновья Израиля.

3. Английский король – фараон, гнавший сынов Израилевых. Здесь уместно будет вспомнить, что костяк отцов-пилигримов, основавших США, составляли английские сектанты, преследовавшиеся в Англии, хотя в числе переселенцев были и не подвергавшиеся репрессиям баптисты.

4. Атлантика – Красное море.

5. Переезд отцов-пилигримов в Виргинию – переход через Красное море под предводительством Моисея.

6. Америка – Новая Земля Обетованная.

Так недвусмысленно провозглашалась идея богоизбранности США.

Разумеется, не Джефферсон придумал, что американцы (вернее, бежавшие из Англии отцы-пилигримы) являются Новым Израилем. В данном случае его пафос – это собирательный пафос конгломерата сохранившихся и по сию пору сект, который представляли собой американские колонии. Джефферсон лишь положил на бумагу то, что было у всех на уме. И в том не было ничего нового, специфически американского: Новым Израилем видели себя английские пуритане¹.

Отсюда проистекает идея американской исключительности [5, р. 6], духовного и политического гегемонизма, а также убежденность Америки в правоте любого своего дела.

В замене же Моисея на римского орла прослеживается синтез двух парадигм – сектантской псевдобиблейской и языческой, в которой Америка мыслится уже не столько Новой Землей Обетованной, сколько Новым Римом.

Оба этих символа составили двуединую идею Америки как богоизбранной империи, в которой демократия стала выражением свободы. С осознанием и ощущением себя в качестве Нового Израиля глубинная Америка живет и ныне.

¹ Пуритане нередко сравнивали королеву Елизавету, прекратившую гонения на протестантов, с Моисеем, царем Иосией, императором Константином и даже с Девой Марией (См.: Адамова Н. Э. Представления пуритан об «исключительности» Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2015. № 15. С. 21.

В связи с этим информативна статья У. Р. Мида, старшего научного сотрудника Г. Киссинджера по внешней политике США в Совете по международным отношениям. В журнале *Foreign Affairs* Мид опубликовал фундаментальную статью «Новый Израиль и старый». «На протяжении веков американское воображение настаивало на древнееврейских писаниях, – пишет Мид. – Это влияние, происходившее из открытия вновь Ветхого Завета во время Реформации, было акцентировано развитием кальвинистской теологии (которая подчеркивала преемственность между старыми и новыми проявлениями Божьей милости) и было сделано более актуальным историческими аналогиями между современным американским и древнееврейским опытом; в результате язык, герои и идеи Ветхого Завета насквозь пропитали психику американцев. <...> Обучение библейскому ивриту было обязательным на протяжении почти всего раннего периода истории США в Колумбии, Дартмуте, Гарварде, Принстоне и Йеле... Проповедники и памфлетисты вновь и вновь описывали Соединенные Штаты как новый Ханаан, „страну с молочными реками и кисельными берегами”» [8].

Здесь надо сделать существенное замечание. Американские религиозные деятели – и Джефферсон был в первом их ряду – яростно отрицали и отрицают Новый Завет. Но отрицающий Новый Завет а priori не может адекватно понимать и толковать Ветхий Завет. Это все равно, что уподобиться историку, поставившему себе цель объяснить смысл и значение некоего целокупного события, ограничивающемуся анализом явления на ранней его стадии и оставляющему без рассмотрения стадии завершающей. Весьма нелогичным выглядит также признание ветхозаветных чудес и отрицание новозаветных, – впрочем, сам Джефферсон о ветхозаветных чудесах не писал.

Подобное толкование Библии – явно сектантского характера. Посему и неприятие народов и государств, в основе жизни которых лежит Евангелие, носит, по сути, глубоко религиозный, даже метафизический характер. Политика – всего лишь следствие.

«Символ веры»

По тексту Декларации и даже по «библии Джефферсона» весьма непросто четко идентифицировать принадлежность их сочинителя к какой-либо религиозной секте, коих в Америке было и остается множество. По свидетельствам ряда лиц, хорошо знавших Джефферсона лично, тот неукоснительно чтит Шаббат. Иные биографы утверждают, будто бы перед смертью он сказал, что является унитарием¹ [10, pp. 15–17].

К тому же Джефферсон, равно как и все прочие *patri fondatori* американской демократии, был вольный каменщик, о чем свидетельствует хотя бы фасад его Мемориала в г. Вашингтоне.

Себя же Джефферсон считал истым христианином. Вот что писал он в 1816 г. одному из своих конфиденентов по поводу своей «библии»: «Это документ, подтверждающий, что я настоящий христианин, т. е. последователь учения Иисуса» [7, p. 8].

¹ Унитарии – протестантская секта, члены которой отрицают Святую Троицу и полагают, что Бог есть Разум.

Однако почитание субботы и унитарное исповедание Бога, отрицание Приснодевства Марии, отрицание чудес Христа и кромсание Евангелия по своему вкусу – все это признаки иудействующей секты, но отнюдь не протестантизма.

Принятие Декларации независимости ознаменовало собой рождение государства «нового духовно-исторического типа». В парадигме христианского учения – это призывание Антихриста. И это не фигура речи, а бесстрастный логический вывод. Вспомним, что частица «анти» означает не только «против», но и «вместо». Но если Христос не Бог, а обычный по духу и плоти земной человек, каковым Его представил Джефферсон, то тогда вместо Христа в мир приходит «коллективный Джефферсон» со своим видением «разума» и «прав человека».

И тогда становятся понятными бомбардировки православной Сербии на православную Пасху, когда на посылаемых в нее снарядах и ракетах бестрепетные руки выводили глумливые, нечеловеческие послания. Похоже, что сербы рассматривались в качестве новых хананеев.

По сути, «гуманитарные бомбардировки» кого-то означают, что этих «кого-то» не считают людьми вообще. Получается, что «люди» убивают «нелюдей», а кто эти «нелюди» – решают исключительно «люди».

По совершенно очевидной причине адепты прав человека всячески избегают обсуждения темы об их базисе, поскольку концепт прав человека в основе – предельно конъюнктурный плод религиозных воззрений сектантского толка отцов-основателей США. И задача его – оправдание «исключительной роли США» в современном мире, их права на насилие в отношении других стран и народов. К тому же права человека уже давно превращены в инструмент разрушения моральных и духовных устоев общества.

Список литературы

1. Адамова Н. Э. Представления пуритан об «исключительности» Англии и ее единстве с Европой: религиозный аспект // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. 2015. № 15. С. 15–33.
2. Печатнов В. О. Гамильтон и Джефферсон. М. : Международные отношения, 1984. 336 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с.
4. Brownley I. The Principle of Non-Use of Force in Contemporary International Law // Butler W. E. The non-use of force in International law. Dordrecht ; Boston ; London : Martinus Nijhoff Publishers, 1989. pp. 17–27.
5. Gingrich N. A Nation like no other. Why American Exceptionalism matters. Washington D.C. ; New York : Regnery Publishing, INC, 2011. 264 p.
6. Jefferson T. Autobiography of Thomas Jefferson, 1743–1790. Together with A Summary of the Chief Events in Jefferson's Life // an Introduction and Notes by Paul Leicester Ford and A Foreword by George Haven Putnam. New York and London : G. P. Putnam's Sons. The Knickerbocker Press, 1914. 162 p.
7. Jefferson T. The Jefferson Bible. The Life and Morals of Jesus of Nazareth. Edited with a foreword. Second Edition. New York : Wilfred Funk, Inc., 1941. 132 p.

8. Mead W. R. The New Israel and the Old // Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/israel/2008-06-01/new-israel-and-old>.
9. The Declaration of Independence, 1776. United States Code (55, 135), 1958. Law Library of Congress (319, 541).
10. Tucker G. Defence of the character of Thomas Jefferson. New York : Printed by W. Osborn, 1866. 46 p.

*Мельник Е. В.¹,
заместитель начальника кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

УЧАСТИЕ ПОЛИЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ ПРОТИВОЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Коронавирусная инфекция далеко не первая и не последняя эпидемия, с которой сталкивается мировое сообщество. На всем протяжении истории человечества его неизменно сопровождают болезни, последствия которых значительны [1]. Еще в Древнем мире неоднократно свирепствовала чума, унося жизни миллионов людей. Средневековое общество кроме чумы познало оспу, холеру и прочие «моровые поветрия». Человеческие потери были колоссальны. Расширение географии общественных контактов способствовало дальнейшему распространению и росту инфекций – различных видов гриппа, тифа, лихорадки, туберкулеза и пр.

Российское общество не было исключением из общих правил. Оно также было подвержено всем перечисленным заболеваниям. Однако в Древней Руси эпидемий было значительно меньше, чем в Европе. Возможной причиной этого является повсеместное распространение на Руси бань, количество которых со временем существенно увеличивалось, и формирование у русского населения традиции чистоплотности. В основном проникновение болезней на территорию государства происходило за счет торговой деятельности. Как правило, очагами заболеваемости становились пограничные с Западной Европой города: Псков, Новгород, Смоленск, Киев. Местом возникновения первого известного нам «морового поветрия», упомянутого в летописи, стал Полоцк (XI в.) [3, с. 92].

В 1128 г. был великий «глад и мор» в Новгороде. В 1162, 1187, 1229–1230 гг. болезни снова опустошали Русь. Летописцы впервые указали, что были наняты особые люди для захоронения умерших за пределами города, чтобы не разносить заразу: «И постави архиеписком Спиридон скудельницу... на Пруськой улице, и пристави мужа блага... возити мертвцыя на кони, кде обидуце по городу; и тако беспрестани во вся дни влачаше, и наполни до верха, иже бысть в ней числом 3000 и 30... и поставиша жругую скудельницу на поле, конец Чюдиньчеви улицы, и быть та полна, в нейже числа несть...» [4, с. 29].

Сведения о начале чумы, которую называли «черной смертью», относятся к XIV в., и хотя историки не могут определиться с точной датой ее распространения на Русь, известно, что болезнь пошла из Пскова. В Западной Европе в это время чума унесла уже огромное количество человеческих жизней. По данным Ф. Ф. Геккера (1832) и Б. В. Урланиса (1941), цифра варьируется от 15 до 25 млн человек [2, с. 24].

¹ © Мельник Е. В., 2022.

Новгородская летопись так описывает начало этого мора в Пскове: «Того же лета бысть мор зол в граде Пскове и по селам, смертилежащи мнози; мроша бо люди, мужи и жены, старьи и млади, и дети, и попове, и чернци и черници» [5, с. 60]. Отсутствие мер по изоляции зараженных привело к быстрому распространению болезни по всей Руси, о чем свидетельствуют данные летописей. В Москве в это время «нечаянно» умер московский митрополит Феогност, а в 1353 г. от «моровой язвы» умер московский великий князь Симеон Гордый с семерыми детьми и братом Андреем. В 1387 г. был мор в Смоленске: «Только выйдоша из города 5 человек, город затвориша...» [4, с. 95]. В 1388 г. эпидемия распространилась на Псков и Новгород: «А во Пскове бысть мор, на мясной недели, и в великое говение, и через всю весну, и в Петрово говение, а знамение бысть ово железою, ово хракъ кровию» [5, с. 96]. В 1396 г. татары осадили Москву, но через две недели сняли осаду. Причиной этого, вероятно, стала начавшаяся эпидемия: «Тое же осени бывшу царю Темир Аксаку на Ординских местах... прииде на него гнев божий... мор силен на люди и на скоты» [6, с. 162]. Чума свирепствовала до 1417 г. в Пскове, Новгороде, Владимире, Ладоге, Твери, Дмитрове, Торжке [6, с. 232–233].

К XIV в. относится появление первых карантинных домов. Начало им было положено в Венеции, где в 1348 г. были построены специальные дома, в которых в течение 40 дней выдерживались все приехавшие из пораженных болезнью мест. Отсюда произошло и название карантинных домов (итал. *quarantena*, от *quaranta giorni* – сорок дней). В качестве профилактической меры власти рекомендовали «очищать» воздух и по возможности уезжать или уходить из зачумленной местности. Для «очищения» жгли костры на площадях, улицах и в жилищах. Известно, что в 1352 г. в Новгороде горожане обратились к владыке с просьбой «костры нарядить в Орехова» [2, с. 35]. Все это можно рассматривать как новый этап борьбы с распространением болезней.

Однако эпидемии продолжали свое шествие на протяжении последующих столетий, чаще всего начинаясь в Новгороде и Пскове. На Русь в XVI в. были завезены проказа, сифилис, туберкулез, тиф, который называли «огневой болезнью», оспа, грипп.

Летописи начала XVI в. сообщают о событиях в Пскове и Москве: «Мряхут бо мужи и жены и старья и млада... и князь Михайло Кислица велел улицу Петровскую заперети с обою концов, а сам князь побеже на Руху в паствище» [7, с. 294]. В послании старца Филофея из Псковского монастыря к дьяку Михаилу Мунехину сказано: «Вы ныне пути заграждаете, дома печатлеете, попом запрещаете к болящим приходить, мертвых телеса из града далече измещете» [9, с. 20]. Данные сообщения, очевидно, свидетельствуют о начале введения внутренних карантинных мер. В русских летописях XVI в. встречаются также упоминания о заставах и сторожах «от мора». Так, новгородская летопись, говоря о событиях 1552 г., отмечает: «И бысть застава на Псковской дороги, чтоб гости с товаром не ездили во Псков, ни из Пскова в Новгород» [4, с. 155]. Об эпидемии 1566 г. написано: «...в Можайску, на Добрейском яму явилось лихое поветрие, умирали люди знаменем; великий государь велел и заставу и сторожу кругом того места учинить крепкую... того же лета в тех местах то лихое по-

ветрие утишилось» [8, с. 282]. Беглецов из зараженной местности предписывалось на заставах ловить и жечь: «...а которые люди побегаша из града и тех беглецов имаша и жгаша». Следует обратить внимание, что эпидемии почти не распространялись в глубь страны, а ограничивались в основном теми землями, откуда и начинались, что говорит об эффективности предпринимаемых действий.

Времена Бориса Годунова отмечены распространением «моровой язвы». Сохранились сведения о предпринимаемых в связи с этим мерах: «Царь же Борис повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы собирать» [7, с. 308]. Обычно «убогие дома» и «скудельницы» являлись местом, куда отправлялись тела казненных преступников, самоубийц, закапывались такие братские могилы по мере их наполнения. Однако в период эпидемии их предписывалось закрывать сразу.

XVII в. изобилует «моровыми поветриями». Все чаще в качестве мер противодействия эпидемиям упоминаются «заставы и засеки»: «Всяких чинов людям, поместных и вотчинных сел и деревень крестьянам, с 5 дворов по человеку с рогатины, топоры и заступ... и на заставах, и на засеках, и на сторожах, в день и в ночь огни класть безпрерывно и беречь накрепко, чтобы из Вязьмы... в Калугу... никто не проехал и не пришел» [10]. С 1654 по 1657 г. в России вновь свирепствовала чума. Жившие в Москве иностранцы (Адам Олеарий, Сигизмунд Герберштейн и пр.) отметили, что «московиты» растерялись, так как «не знали моровой язвы издавна» [11, с. 158]. Москва, «прежде битком набитая народом, сделалась безлюдной...». С первых же дней власть озаботилась выставлением застав для нераспространения инфекции. Однако сначала жителям Москвы разрешалось отбывать в подмосковные деревни, что привело к дальнейшему распространению болезни. Вскоре всякое сообщение с Москвой и городами, где появилась болезнь, было прекращено.

Следует обратить внимание на то, что, с одной стороны, меры, предпринимаемые в XVII в. по предотвращению распространения инфекций, не содержали в себе новизны («печатание» заразных домов, изоляция больных, сторожа, заставы, захоронения за пределами города и пр.), но в условиях централизации власти эти меры получали распространение на всей территории страны и были строго предписаны всем должностным лицам. Сверх того, местные должностные лица – воеводы – обязывались собирать статистические данные о смертности, заболеваемости и прочих обстоятельствах и «тотчас», без «замотчанья», «на спех» докладывать центральным властям. Воеводам в сборе информации помогали приставы, дьяки, подьячие. Сведения также черпались от проезжих и прохожих людей, путем «обыска» и «розыска». Самим жителям «...было приказано накрепко, где у кого учинится во дворах болезнь с язвами... о том извещать государю» [12, с. 168]. Специальным указом 1680 г. жителям государства было предписано в случае появления в доме или на дворе больных «боли огневою или лихорадкою и оспою или иными какими тяжкими болезнями... сообщать в „Разряд“» [13, с. 135]. Путем следствия, т. е. «обыска» и «розыска», опрашивались люди, которых в расспросах приводили к присяге: «Около тех сел и деревень, в которых людское моровое поветрие, в здоровых местах, взяти обыски».

Добытые сведения пересылались в виде «сказок» в Разряд, уезд или Москву. Показания скреплялись подписью воеводы или пристава, иногда священника и дьяка.

Несмотря на начавшуюся практику сбора сведений о заболеваемости, общих данных ни в одном из имеющихся документов не содержится.

Власть пыталась прогнозировать ситуацию и для этого следила за эпидемиологической ситуацией в соседних государствах. Сведения поступали в Посольский приказ. При получении известий о появлении морового поветрия за рубежом на границах устраивались заставы. Первые упоминания о таких заставах «от Смоленска по всему рубежу» относятся к 1602 г. А в 1665 г. была полностью прекращена торговля с Англией ввиду распространения там эпидемии чумы. Также из опасения завезти чуму из Швеции было предписано тщательно досматривать, подвергать карантину всех приезжающих в Псков и Новгород со шведской границы [14, с. 71–74].

Петровские реформы «взорвали плотину многовековых традиций». Расширялись контакты с Западом, а вместе с ними и инфекционные заболевания. Помимо этого, развитие ремесла, промышленности, проведение фортификационных работ ухудшали экологическую ситуацию в городах. Нельзя сказать, что власть на это не реагировала. Для наблюдения за чистотой в Москве в 1712 г. от каждых десяти дворов назначался десятский. Эта же обязанность в Санкт-Петербурге была возложена на учрежденную в 1718 г. полицию: «...в надсмотрении иметь чистоту улиц и переулков, рынков, рядов и мостов». Регламент, или Устав главного магистрата 1721 г., в гл. X устанавливал, что полиция «...предостерегает все приключившиеся болезни, производит чистоту по улицам и в домах...» [15, с. 297].

В инструкции Московской полицмейстерской канцелярии 1722 г. также говорилось: «Понеже многой помет и мертвечина валяется по улицам, того ради каждому жителю против своего двора... иметь чистоту, и сор чистить, и возить за город и за слободы... и ежели кто чистоты иметь... не будет... за то чинить наказание» [16, с. 726–736]. В 1721 г. петровским указом была учреждена медицинская канцелярия, ведавшая медицинским делом, в том числе и противоэпидемиологическими мероприятиями. О том, что эпидемии относились к числу важнейших событий и были предметом внимания высших органов государственной власти, свидетельствует тот факт, что военным и гражданским должностным лицам строго предписывалось о «моровых поветриях» сообщать Верховному тайному совету [17, с. 794]. В 1754 г. последовал императорский указ о строжайшем соблюдении мер безопасности: «...кто занеможет оспою или корью и лопухою, или подобною тем какою сыпью, тем четыре недели... ко двору ея императорскаго величества... не ходить... во время той болезни никакого сообщения не иметь... а у кого ж те болезни в домах случатся... то и тем в присутственные свои места... отнюдь не ездить и не ходить, и никакого с ними сообщения не иметь под неупустительным штрафом; и о том в Главную и Санкт-Петербургскую полицеймейстерския и в Медицинскую канцелярии... и кому надлежит, для ж объявления о том, послать указы» [18, с. 248–249].

Екатерина II указом 1763 г. вместо Медицинской канцелярии учредила Медицинскую коллегия, располагавшуюся в Санкт-Петербурге и имевшую контору в Москве. Кроме прочего, коллегия участвовала в разработке карантинных уставов, организации оспенных домов и т. д. Задумывая реформы государственного управления и разработку Уложения, свои основные идеи императрица изложила в «Наказе» для кодификационной комиссии. В дополнении к «Наказу» в 1768 г. п. 554 обращено внимание на то, что: «3) Здоровье – третий предмет полиции и обязует распространить свое тщание на безвредность воздуха, на чистоту улиц, рек, колодезей и других водных источников, на качество съестных и питейных припасов, наконец, на болезни как в народе размножающиеся, так и на прилипчивыя» [19, с. 473–478]. Началу реформ способствовало восстание Емельяна Пугачева (1773–1775). В 1774 г. принимается «Инструкция, данная сотскому с товарищи» [20, с. 1067–1081]. Среди множества обязанностей сотского упоминается об обязанности рапортовать «не мешкав нималейшего времени» властям, если «приключится... какая незапная и тяжкая болезнь», «а до получения из канцелярии наставления... больных от здоровых отделить... иметь крепкие караулы, при коих раскласть огни с куревом, а прочим жителям... иметь чистоту и окуриваться... и в котором доме скоропостижно... помрут, оных тотчас... класть крючьями... и зарывать в глубокие ямы и сверху тех ям высоко песком накидать...» [20].

В Учреждении для управления губерний 1775 г. говорится о формировании органов местной (городской и сельской) полиции, которым также предписывались действия по проведению противоэпидемиологических мероприятий: «Буде... окажутся на людях прилипчивыя болезни... то земскому исправнику (или городскому в городах. – Примеч. авт.) освидетельствовать немедленно самому на месте с находящимися в уезде доктором или лекарем... отлучить... здоровых от больных... о болезни уведомляет, не мешкав губернии наместническое правление... с ясным докторским или лекарским описанием как болезни, так и где, кому и от чего она приключилась» [21].

Если же выяснится, что в уезде «язва», то земскому исправнику следовало руководствоваться предписанием 1771 г., по которому необходимо выставить караулы, ограничивать проезд по зараженной местности, использовать огонь для дезинфекции, предпринимать все возможные меры для предотвращения распространения болезни [21, с. 229–304]. В случае скотского падежа следовало руководствоваться предписаниями не только 1771 г., но и 1746 и 1774 гг. Таким образом, мы видим постоянную заботу власти о предотвращении распространения инфекционных заболеваний. Данные документы положили начало официальному сбору сведений о заболеваемости населения.

Окончательное оформление полицейского надзора за санитарным состоянием городов России произошло в Уставе благочиния 1782 г. [22, с. 461–488]. Все российские города по Уставу делились на части и кварталы. В часть направлялся частный пристав, в квартал – квартальный надзиратель, помощником которого являлся квартальный поручик. Все перечисленные должностные лица обязывались заботиться о санитарном состоянии частей города, а также надзирать за рынками и местами торговли съестными припасами.

Следует отметить, что в Западной Европе второй половины XVIII в. рождается термин «медицинская полиция»¹. Австрийские и немецкие правоведы и врачи под этим термином понимают научно обоснованный и законодательно закрепленный комплекс мер непрерывного вмешательства государства в жизнь человека в целях охраны здоровья в интересах государственной безопасности. Этот комплекс мер включал в себя ряд направлений деятельности органов государственной власти: прямое государственное администрирование деятельности врачей; разработку врачебно-санитарного законодательства; подготовку медицинских кадров и борьбу с шарлатанами; государственную помощь нуждающимся и социально незащищенным группам населения; проведение конкретных санитарных мер.

Исходя из сказанного, мы можем утверждать, что «медицинская полиция» в Российской империи, по сути, берет свое начало в XVIII в., а законодательное отражение термин находит лишь в XIX в.

Основными тенденциями XVIII в. становятся унификация и масштабность действий русских властей. В случае начала морового поветрия целые населенные пункты окружались заставами и кордонами, устанавливался многодневный карантин. Власть под воздействием эпидемий, в частности эпидемии чумы 1770–1773 гг., издает целый пакет указов, инструкций и наставлений о мерах борьбы с моровой язвой. Идет четкая регламентация действий в условиях карантинных, производится их дифференциация. На границах государства вместо прежних застав создаются постоянные пограничные карантинные. Устав пограничных и портовых карантинных 1800 г. закрепил организацию постоянных карантинных и регламентировал их деятельность.

Началось также активное внедрение специальных средств борьбы с отдельными эпидемическими заболеваниями. Для предупреждения и борьбы с эпидемиями натуральной оспы широко использовались вариоляция и вакцинация. Первую в стране прививку сделали в 1768 г. Екатерине II, решившей подать подданным пример. А. Д. Марков (Оспенный) получил дворянство за то, что с его руки был взят материал для прививки. Впоследствии разъяснительная работа по оспопрививанию станет обязанностью полицейских.

Несмотря на предпринимаемые меры, «заразительные болезни» не только не уменьшались, их становилось все больше, а смертность от них – выше. Известно, что в начале XIX в. огромной была детская смертность. Из 100 новорожденных около 55 доживало до шести лет, менее половины – до 10 лет [23, с. 59]. Одной из причин высокой смертности населения Российской империи по-прежнему было широкое распространение заразных болезней. Наиболее распространенными в XIX – начале XX в. были эпидемии холеры, сыпного и брюшного тифов, дизентерии, оспы, малярии, гриппа, детских инфекций. Точной регистрации заболеваемости инфекционных больных в стране не было, хотя созданное в 1802 г. Министерство внутренних дел стало не только собирать,

¹ Впервые термин «медицинская полиция» был использован немецкими и австрийскими правоведами И. фон Юсти (1756) и И. Зонненфельсом (1765) и врачами В. Рау (1764) и И. П. Франком (1766).

но и публиковать имеющиеся сведения. В ведение МВД вошла Медицинская коллегия [24, с. 243–248], преобразованная впоследствии в Медицинский департамент. К направлениям деятельности департамента можно отнести: руководство губернскими врачебными управами, созданными в 1797 г.; противоэпидемиологические мероприятия; подготовка медицинских кадров; кадровое и лекарственное обеспечение учреждений здравоохранения; судебно-медицинская экспертиза; популяризация медицинских знаний; разработка законодательных актов; развитие аптечного дела. С 1836 г. возглавлять Медицинский департамент стали врачи-профессионалы, сменившие на посту чиновников.

В последующие реформы 1836 и 1842 гг. Медицинский департамент сосредоточил в своих руках центральное управление гражданской медицинской частью и судебной медициной. Основной его функцией стало принятие общих административных мер по противодействию эпидемиям. Полиция для осуществления данной функции была необходима, так как была наделена государственно-властными полномочиями.

На протяжении XIX в. был принят целый комплекс нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность полиции по поддержанию населенных пунктов в надлежащем санитарном состоянии и предотвращению эпидемий: «Общие правила об устройстве городов» 1816 г., «Инструкция околоточным надзирателям г. Санкт-Петербурга» 1867 г., «Инструкция полицейским урядникам» 1878 г. [25, с. 170–183], «Инструкция городским московской полиции» 1883 г. [26, с. 5–55].

В 1815 г. было принято решение об обязательной вакцинации младенцев против оспы. Контролировало это мероприятие Министерство внутренних дел. В п. 13 Высочайше утвержденного Положения о земской полиции от 1837 г. говорится о том, что полиция принимает «первоначальные меры предосторожности при появлении заразительных и других повальных болезней и наблюдение за точным исполнением дальнейших по сему предмету предписаний высшего начальства» [27]. В п. 19 «Наказа» земской полиции также упоминается о том, что «все чины и служители земской полиции обязаны иметь особенное попечение о сохранении народного здоровья» [28, с. 484–521]. В конце «Наказа» приводится перечень утвержденных правил для земской полиции на случай появления повальных и заразительных болезней между людьми. Среди уже известных нам действий полиции можно отметить новое требование к полиции ведения разъяснительной работы с населением – «внушение обывателям, что принимаемые меры служат к их общему благу».

В п. 86 Высочайше утвержденного Сельского полицейского устава для государственных крестьян от 1839 г. содержится требование «всех без изъятия государственных крестьян прививать детям предохранительную оспу чрез лиц, имеющих на сие право» [29].

Кодификация российского права, проводимая в 30-е гг. XIX в., не обошла вниманием и этот вопрос. В 1842 г. был принят Устав медицинской полиции, вошедший в состав «Свода законов российской империи». Тогда же доктор медицины К. К. Гелинг написал работу «Опыт гражданской медицинской поли-

ции, примененный к законам Российской Империи». «Устав» состоял из пяти разделов: общие меры к охранению народного здоровья; особенные меры против повальных болезней; Устав карантинный; Положения о карантинной страже; погребение мертвых тел по правилам, для сего установленным [30]. Надзор за выполнением предписываемых законом требований возлагался на городскую и сельскую полицию.

К особым мерам Устав медицинской полиции относил предостерегательную деятельность против развития повальных и прилипчивых болезней, которые предусматривали определенные действия обывателей, врачей, держателей гостиниц, трактиров, постоянных дворов. Например, предусматривалась обязанность хозяина дома, гостиницы, постоянного двора сообщать о появившейся в заведении болезни местному полицейскому начальству. В случае высокой смертности от заболевания губернаторы доносили о возникшей эпидемии Императорскому величеству через Министерство внутренних дел [31].

Вторая половина столетия связана с главным событием того времени – отменой крепостного права и последовавшей серией реформ. Создание всесловных местных органов самоуправления – земств – повлекло за собой появление оригинальной, не имевшей аналогов в мире формы медицинской помощи населению – земской медицины. Просуществовала она до 1917 г. К сфере деятельности земской медицины относились противоэпидемиологические мероприятия, оказание медицинской помощи сельскому населению, санитарный надзор и санитарные мероприятия, популяризация медицинских знаний и пр. На местном уровне создавались должности санитарных врачей, санитарных бюро, комиссий, лабораторий и институтов. Основными чертами санитарной деятельности являлись общественный характер, профилактическая направленность, рациональность и доступность медицинской помощи населению.

Важнейшей особенностью противоэпидемической работы XIX – начала XX в. стало ограничение использования карантинных мер, вступивших в прямое противоречие с интересами торгово-промышленного капитала. В этот период карантинные устанавливались лишь в исключительных случаях, уступив место практике раннего выявления эпидемических заболеваний, изоляции больных и дезинфекции. Для предупреждения распространения венерических заболеваний стали активно применяться такие медико-полицейские меры, как регистрация проституток, учреждение домов терпимости и постоянный врачебно-санитарный контроль за состоянием их здоровья.

В обществе этого времени росло понимание, что справиться с эпидемиями только медико-полицейскими мерами невозможно. Главное, на что следовало обратить внимание, – это благоустройство населенных территорий. Ставшие правилом международные санитарные конференции ставили задачу разработки государственных мер по улучшению жизни населения. В отчете Министерства внутренних дел 1904 г. говорилось: «...помимо санитарной охраны границ от заноса заразы, надо... доставлять населению доброкачественную питьевую воду, устранять источники загрязнения почвы, улучшать жилища для рабочих и т. д.» [2, с. 224].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что «охрана народного здоровья» являлась одним из важнейших направлений деятельности полиции Рос-

сийской империи. На различных исторических этапах менялись ее роль, формы и степень участия в разрешении этих вопросов. Исторические факты показывают нам чередование методов административно-запретительных и регулирующего воздействия на эпидемиологическую обстановку в стране.

Список литературы

1. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. М. : АСТ, 2010. 604 с.
2. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России». М. : Медгиз, 1960. 397 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 2-е изд. Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1926–1928.
4. ПСРЛ. Т. 13: Новгородская II летопись. М., 1965.
5. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ.
6. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1–8.
7. ПСРЛ. Т. 5: Псковские летописи. М., 2003.
8. Дополнения к актам историческим. Т. 1, Спб., 1846. № 23.
9. Русская историческая библиотека. Т. III. 1876.
10. Цит. по Новомбергскому. Архив Министерства юстиции, Белгородский стол, столбец № 130.
11. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, 1647–1671 гг. Спб., 1906.
12. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. I. Спб., 1830. № 168.
13. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. II. Спб., 1830. № 826.
14. В. Рихтер. История медицины в России. 1820.
15. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. Спб., 1830. № 3708.
16. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. Спб., 1830. № 4047.
17. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VII. Спб., 1830. № 5078.
18. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIV. Спб., 1830. № 10317.
19. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVIII. Спб., 1830. № 13075.
20. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIX. Спб., 1830. № 14231.
21. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. Спб., 1830. № 14392.
22. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXI. Спб., 1830. № 15379.
23. Герман Ф. Статистические исследования относительно Российской империи. Спб., 1819.
24. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. Спб., 1830. № 20406.
25. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 год / сост. Д. Чудовский. Спб., 1880. № 148.
26. Инструкция городовой московской полиции. М., 1883.
27. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Ч. 1. Спб., 1838. № 10305.
28. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XII. Ч. 1. Спб., 1838. № 10306.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XIV. Ч. 1. Спб., 1840. № 12165.
30. СЗ РИ. Т. XIII. Ч. 3. Спб., 1832.
31. СЗ РИ. Т. XIII. Ч. 3. 1857.

*Абдрахманов А. И.¹,
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ВСЕОБЩЕГО ВООРУЖЕНИЯ НАРОДА В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Идея всеобщего вооружения народа как часть марксистского учения получила широкое распространение среди западноевропейской социал-демократии и российских революционеров. Более того, в нашей стране эта идея оказала существенное влияние на политику большевистской партии, а через означенную политику – на социально-политические отношения, общее устройство жизни в революционной России. Особенно значимо это влияние проявилось в годы становления советского государства. Впоследствии масштабы практического воплощения означенной идеи существенно сократились, однако ее влияние на определенные сферы, прежде всего на сферу охраны общественного порядка, в той или иной степени проявлялось во все периоды существования советского государства. При всем значении идеи всеобщего вооружения ее истоки, содержание, формы воплощения предметно исследователями не затрагивались. В контексте вышесказанного представляет интерес обращение к некоторым теоретическим составляющим означенной концепции, этапам ее становления, реалиям ее практической реализации.

Начнем с того, что изначально тезис о перспективе замены постоянных войска и полиции всеобщим вооружением народа был сформулирован в работе К. Маркса «Гражданская война во Франции», посвященной Парижской коммуне. Именно в этом труде Маркс изложил основные составляющие рассматриваемой концепции. Прежде всего в сочинении развивается скептицизм Маркса по отношению к профессиональным армии и полиции, который имел под собой определенную основу, базирующуюся на соответствующих теоретических постулатах. Одним из таковых служило революционно-демократическое убеждение в том, что постоянные учреждения: суд, полиция, армия – это, прежде всего, инструменты угнетения трудового большинства господствующим меньшинством.

Это убеждение определенно проявлялось в трудах основоположников социалистического учения начиная с самых ранних их публикаций. Приведем одну из фраз Ф. Энгельса о природе законности, а именно о том, что «для буржуа закон свят: ведь он является его собственным творением, издан с его согласия для защиты его личности и его интересов... потому и дубинка полицейского, которая в сущности является его дубинкой, обладает такой поразительно умиротворяющей силой в его глазах» [6, с. 451]. Энгельс характеризует и полицейскую практику, определяя ее как производную из интересов буржуазии:

¹ © Абдрахманов А. И., 2022.

«Что бы буржуа ни делал, полицейский всегда с ним вежлив и строго придерживается закона, с пролетарием же обращаются грубо и жестоко; сама бедность уже навлекает на него подозрение во всевозможных преступлениях, лишая его в то же время законных средств для защиты от произвола власть имущих» [6, с. 480].

Из означенных позиций Энгельс выводит определение природы господствующей монополии на насилие, воплощающейся через «государственное принуждение, штыки, полицию, пушки, которые, отнюдь не являясь основой общества, представляют собой лишь следствие его собственного расчленения» [3, с. 408]. Ближайший сподвижник Маркса сформулировал и свое понимание исторической природы государства, полиции как одной из частей государства: «Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием, – органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, – существует со времен абсолютной монархии...» [3, с. 134]. И в развитие умозаключений автор дает уничижительную оценку столь «бесперспективным» институтам: «...метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву» [2, с. 339].

Однако, как отмечают Маркс и Энгельс, и победа буржуазных революций не упразднила социального антагонизма, а следовательно, и чиновничества, судей, полиции. Напротив, «буржуа хорошо оплачивают свое государство и заставляют нацию оплачивать последнее, чтобы иметь возможность безнаказанно платить плохо; хорошей платой они обеспечивают себе в лице государственных служащих силу, которая их охраняет, – полицию...» [3, с. 132].

Хуже того, согласно свидетельствам социал-демократических правоведов, наступление либеральной эпохи и утверждение буржуазной юстиции вовсе не подтверждали утверждения Энгельса о том, что «для буржуа закон свят». Как удрученно констатировал германский юрист Ф. Меринг, «несмотря на формальные гарантии судебной независимости, даваемые законом и конституцией, прусская, равно как и германская юстиция являются в гораздо большей мере органом правительственной власти, существующей в данный момент, чем это имело место в эпоху абсолютизма. Наше уголовное право наказывает призыв к неповиновению законам и распоряжениям властей, наказывает сопротивление властям независимо от того, законны ли их действия и распоряжения и входят ли они в их компетенцию» [4, с. 15]. То есть, по заключению Ф. Меринга, германская буржуазная юстиция оказалась в еще большей степени орудием обеспечения интересов господствующего класса, нежели то имело место в условиях абсолютизма.

Как видим, государство, суд и полиция представляют собой порождения социальной несправедливости, по мере общественного прогресса все более и более превращающиеся в «отживший хлам», который должно сменить более прогрессивное социальное устройство.

Впрочем, в ряде аспектов антигосударственные и антиполицейские установки Маркса проявлялись не столь однозначно прогрессистски. Как отмечают со-

временные исследователи, «сам Маркс в третьем томе „Капитала” проводит различие между специфически классовыми и классово нейтральными функциями государства» [5, с. 249]. Профессор Т. Иглтон раскрывает данное утверждение на примере различных действий полиции: «Государство может направлять свои специальные силы избивать мирных демонстрантов, но полиция также разыскивает пропавших детей» [5, с. 197].

Обращаясь к аналогии марксистских умозаключений XIX в. с современными реалиями, Т. Иглтон подчеркивает: «Полицейские, силой останавливающие расистских выродков, которые иначе забили бы до смерти ребенка-азиата, действуют не как агенты капитализма. Специализированные общежития для женщин, подвергшихся насилию, не являются зловещими примерами государственных репрессий. Изъятие следователями компьютеров с детской порнографией не является грубым попранием прав человека. Пока существует человеческая свобода, будут также встречаться и злоупотребления ею» [5, с. 249].

Вовсе не отрицая репрессивного потенциала буржуазного (либерального) государства, Иглтон «раскрывает» его марксистское понимание в стиле английской иронической традиции. Буквально: автор напоминает о том, что как-то Маркс «...и группа друзей неспешно продвигались с Оксфорд-стрит на Хемпстед-роуд, не пропуская ни одного встречавшегося по пути паба, и были задержаны полицией за метанием камней из мостовой по уличным фонарям. Так что его теория о репрессивном характере государства, как можно убедиться, не была простой абстракцией» [5, с. 184].

Впрочем, Иглтон вполне разделяет главный марксистский посыл: «А вот с чем Маркс надеялся попрощаться, так это с государством как инструментом подавления... Вполне очевидно, что оно никогда не было политически нейтральным органом, добросовестным и беспристрастным в своем подходе к сталкивающимся общественным интересам. Оно не проявляло никакой объективности в конфликтах между трудом и капиталом» [5, с. 246]. В понимании Иглтона характеризующее качество все менее остается частью мировоззрения именно марксистов, приобретая характер общепризнанной реалии: «Фактически даже само государство в некотором смысле перестает верить в собственную объективность. Полиция, избивающая бастующих рабочих или мирных демонстрантов, уже даже не пытается выглядеть нейтральной. Правительства, и в том числе лейбористские, нисколько не заботятся о том, чтобы скрывать свою враждебность по отношению к рабочему движению» [5, с. 248].

По сути, в этом утверждении воспроизводится вышеупомянутая констатация Ф. Меринга того, что современная юстиция является в большей мере «органом правительственной власти», нежели независимым гарантом законности и справедливости. Таким образом, расширяющаяся либерализация общественных отношений не устранила марксистской убежденности в предстоящем утверждении более справедливого политического устройства, под которым европейские социалисты XIX–XX вв. понимали именно всеобщее вооружение народа.

Обращаясь к истории утверждения самого понятия «вооруженный народ», сошлемся на первоисточник в лице Маркса и Энгельса. Согласно их публикациям, требование всенародного вооружения было выдвинуто в ходе валийского (1839) и

английского (1842) восстаний, «когда революционное возбуждение среди рабочих впервые нашло свое полное выражение в „священном месяце“, провозглашенном одновременно со всенародным вооружением» [3, с. 134].

В 1848 г. лозунг вооружения рабочих подхватило республиканское движение в Бельгии. В одном из документов Комитета Брюссельской демократической ассоциации отмечалось: «В муниципальный совет Брюсселя будет внесено предложение избегать любого кровопролития и поддерживать общественное спокойствие путем создания муниципальных вооруженных сил, состоящих в основном из гражданской гвардии, т. е. из буржуа, которые носят оружие в обычное время, и ремесленников, которых надлежит вооружать при чрезвычайных обстоятельствах, в соответствии с законами страны. Таким образом, оружие будет в равной мере доверено буржуазии и рабочему классу» [1, с. 534].

Изначально требование всеобщего вооружения адресовалось к демократизации военной службы, преодолению ее сословного, узкокорпоративного характера, допуску трудящихся (прежде всего промышленных рабочих) к военному делу, обращению с оружием. Впоследствии содержание данного понятия расширилось.

Лозунг про вооружение народа был поддержан и развит Марксом и Энгельсом. Этот термин упоминается уже в их раннем произведении – в статье Энгельса «Закрытие клубов в Штутгарте и Гейдельберге» (1848). Автор обращается к немецкому современнику: «Ты думаешь, что покончил с полицейским государством? Заблуждение! Ты думаешь, что теперь тебе уже обеспечены право свободного объединения, свобода печати, вооружение народа и прочие красивые слова, которые доносились к тебе через мартовские баррикады? Заблуждение, чистейшее заблуждение!» [7, с. 240].

Со временем Энгельс развивает и конкретизирует содержание понятия всеобщего вооружения, в частности, обращаясь к этой теме в связи с реализацией всеобщей воинской повинности в Пруссии. С формальной стороны переход к всеобщей всеобщей воинской повинности представлял собой продвижение к большей демократизации прусского общества. Это продвижение отразилось и на терминологии, когда в «как в буржуазно-юнкерской военной литературе, так и в официальных документах» вооруженные силы Пруссии стали именоваться «вооруженным народом» [2, с. 681].

Такое использование прусскими властями рассматриваемого наименования вызвало резкую отповедь со стороны Энгельса. Так, Энгельс сослался на статистику, согласно которой «на протяжении этих 24 лет через национальную военную школу не прошло и одной десятой части молодых граждан; и это называется „вооруженный народ“!» [2, с. 124].

Кроме того, соратник Маркса констатировал, что при существующем порядке «...огромное большинство мужчин никогда не призывается. „Вооруженный народ» – это сплошная фикция» [2, с. 125]. Продолжая свою мысль, автор указывает: «...что первоначально представляло собой народ, вооруженный для собственной обороны, теперь превращается в послушную армию, готовую для нападения, в орудие политики правящей олигархии» [2, с. 127].

Критикуя существующую систему комплектования прусской армии, Энгельс формулирует критерий истинного вооружения народа: «От 6 % до 8 %

населения, заранее обученных и дисциплинированных, подлежащих призыву в случае нападения, с кадровым составом для всех них, который содержался бы и в мирное время, как это теперь и практикуется, – вот это действительно был бы „вооруженный парод”; но это не была бы армия для ведения войн в интересах правящей олигархии, для осуществления завоеваний или для проведения реакционной политики внутри страны» [2, с. 127].

Как видим, Энгельс изначально конкретизировал понятие всеобщего вооружения в контексте организации вооруженных сил. По мере подъема рабочего движения они с Марксом начинают понимать этот термин значительно шире, предполагая его не только как прогрессивную форму военной организации, но и как модель устройства будущего общества. В этом контексте существенное значение приобрел пример Парижской коммуны. По сути, коммунары осуществили первый в истории реальный опыт воплощения рассматриваемой концепции.

Прежде всего, как писал Маркс, с утверждением Коммуны «полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое – чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего» [2, с. 342]. Маркс подчеркивает, что, осуществив столь радикальные изменения в управлении, коммуна не только смогла обеспечить организацию жизни в сфере своей ответственности, но и добилась повышения ее упорядоченности: «Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских лендлордов, ирландских абсентеистов, американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге – ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского.

„Мы уже не слышим, – говорил один из членов Коммуны, – ни об убийствах, ни о кражах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих”» [2, с. 353].

Обращаясь к упущениям в организации Парижской коммуны, Маркс подчеркивает неготовность коммунаров к более решительным мерам, их нежелание прибегать к репрессиям, хотя бы даже в целях самозащиты. Порицаемую Марксом «бесконфликтность» коммунары проявляли в ситуации явной агрессии и провокаций со стороны своих оппонентов. По горестному утверждению Маркса, «даже полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа, чтобы они могли благополучно удалиться в Версаль. „Людей порядка” не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и беспрепятственно захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа» [2, с. 335].

По мнению Маркса, нежелание коммунаров применять политические расправы никак не способствовало снижению накала гражданского противостоя-

ния во французском обществе. Напротив, оно только еще более распалило противников восставших парижан: «...как только Тьер и его генералы – герои декабрьского переворота – узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был лишь простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, пойманные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами... они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно...» [2, с. 337]. Посыл Маркса был воспринят его наиболее решительными последователями, которые предполагали всеобщее вооружение народа уже не только как особую форму организации управления вооруженных сил, но и как средство противодействия политическим противникам «освобождения пролетариата».

Недолгий и трагический опыт Парижской коммуны послужил для Маркса и Энгельса дополнительным аргументом для утверждения перспективы всеобщего вооружения народа в качестве одного из программных тезисов оформляющегося социалистического движения. Впоследствии призыв к всенародному вооружению получил политическое воплощение, оформившись в качестве программной позиции различных социалистических организаций.

Таким образом, идея вооружения народа стала частью общественного дискурса в ходе демократического подъема XIX в. Эта идея была подхвачена и развита основоположниками социализма К. Марксом и Ф. Энгельсом, дополнившим лозунг вооружения рабочих тезисом о классовой природе и исторической обреченности профессиональных судов, армии и полиции. Под марксистским влиянием лозунг всеобщего вооружения трудящихся начинает превращаться в программное положение социалистического движения в Западной Европе, со временем распространяясь и за пределы данного региона.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Г-ну Джулиану Гарни, редактору газеты Northern Star, секретарю общества «Братские демократы» в Лондоне / Сочинения. Т. 4. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. С. 534–535.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960. 841 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. С. 7–544.
4. Меринг Ф. В борьбе с классовой юстицией : сборник статей / пер. под ред. и с предисл. Я. Розанова. М. : Ленинград : Государственное издательство, 1929. 64 с.
5. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / пер. с англ. П. Норвилло. М. : Карьера Пресс, 2012. 301 с.
6. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Сочинения. Т. 2 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. С. 231–517.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Закрывание клубов в Штутгарте и Гейдельберге // Сочинения. Т. 5. 2-е изд. М. : Политиздат, 1956. С. 240–241.

Гарина О. В.¹,
*старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук*

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Изучение генезиса административной юстиции в России представляет особый интерес. Это связано с подконтрольностью суда администрации до судебной реформы 1864 г. В период контрреформ с восстановлением института земских участковых начальников принцип независимости судебных учреждений был нарушен. Вместе с тем допускавшиеся нарушения прав и интересов населения свидетельствовали о необходимости создания органа, который бы рассматривал и принимал решения в отношении жалоб граждан на ущемление их прав со стороны государственных и земских учреждений. В 1870 г. были образованы Губернские по городским делам присутствия.

Городовое положение 1870 г. в ст.ст. 149–151 разграничивало компетенцию Губернского по городским делам присутствия и Первого департамента Правительствующего сената, определяя подведомственность дел, подлежащих разрешению [7]. Напрямую в присутственное место жалоба не направлялась, в него она поступала от губернатора. В ст. 153 указана возможность обжалования решений губернского по городским делам присутствия в Первый департамент Правительствующего сената. Впоследствии законодатель развил сеть присутственных учреждений, имевших смешанный состав. К ним относились уездные и губернские по воинской повинности, по фабричным и горнозаводским делам, по питейным делам, по квартирному и промысловому налогам. По мнению А. Е. Архиповой, наиболее совершенная форма учреждения была реализована в уездном и губернском по воинской повинности присутствии [3, с. 122].

Новый виток реформирования административной юстиции начнется в период двоевластия. Постановление Временного правительства от 17 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции» [8] установило процедуру обжалования действий сотрудников милиции в судебном и административном порядке. В последнем случае инстанция обжалования зависела от того, чье решение оспаривалось. Система, включающая три инстанции – уездные административные суды, административные отделения окружных судов, Первый департамент Правительствующего сената, – предусматривались в Положении о судах по административным делам от 30 мая 1917 г. [5, с. 64]. Своего практического воплощения документ не получил.

В течение последующих 50 лет административная юстиция не имела правовой регламентации. Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР 1964 г. [4] предусматривал порядок рассмотрения споров, возникавших из административно-правовых отношений.

¹ © Гарина О. В., 2022.

Интерес представляет положение Конституции СССР 1977 г. о праве обжалования в суд действий должностных лиц, допустивших нарушение закона, превысивших свои полномочия и ущемлявших права граждан. Несмотря на закрепление указанного положения, механизм его реализации не был предусмотрен, что означало декларативность права на обжалование действий и решений должностных лиц.

Очередная попытка закрепить в праве процедуру административной юстиции была предпринята в 80-х гг. XX в. в Основах законодательства СССР и союзных республик об административных правонарушениях, а далее – в КоАП РСФСР. Было закреплено право граждан обжаловать в суде постановления об административных взысканиях, наложенных в административном порядке, и разъяснен порядок направления жалоб в суд.

Конституция Российской Федерации [1] отнесла административное судопроизводство к самостоятельной форме правосудия. КАС РФ [2] в ч. 2 ст. 1 определил дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, которые рассматриваются и разрешаются судами. Система специализированных административных судов в России до настоящего времени не создана. К органам административной юстиции отнесены Верховный Суд Российской Федерации, суды общей юрисдикции, мировые судьи.

С введением в действие КАС РФ был урегулирован порядок осуществления Верховным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции административного судопроизводства в отношении дел, касающихся оспаривания нормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных и муниципальных органов и должностных лиц. Это позволило уравновесить участников административного судопроизводства, государство и гражданина, которые изначально находятся в неравных условиях.

А. В. Лошкарев и К. С. Кирикина предлагают три варианта моделей административной юстиции в Российской Федерации [6, с. 235]. Согласимся с мнением авторов о нецелесообразности формирования системы административных судов. Проблемным является вопрос учреждения Верховного административного суда, ведь Конституция Российской Федерации в качестве высшей судебной инстанции по административным делам определяет Верховный суд Российской Федерации. Вместе с тем исторический опыт свидетельствует о том, что самостоятельных судов административной юстиции в российском государстве не существовало. С учетом исторической преемственности возможна передача дел по обжалованию решений территориальных органов мировому судье или формирование специализированных коллегий в структуре существующих судов субъектов Российской Федерации.

Функционирование административной юстиции необходимо для защиты прав и свобод в спорах, где с одной стороны участвует орган публичной власти, а с другой – гражданин. Именно гражданин находится в самом уязвимом положении, и суд должен быть ближе к нему, обеспечивая реализацию права на защиту. Неравенство участников административного судопроизводства не должно сказываться на правосудии: при разрешении спора суд как орган власти должен избегать субъективизма и руководствоваться

положением о том, что высшей ценностью в государстве являются права и свободы человека.

История российского государства свидетельствует о том, что самостоятельные суды административной юстиции не создавались; учреждались органы государственной власти, наделенные функциями по разрешению административных споров. Законодатель при разработке правовой регламентации административной юстиции должен учитывать особенности российского права и правосудия. Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2014 г., когда при Верховном Суде Российской Федерации, судах общей юрисдикции были учреждены коллегии по административным делам. В дальнейшем возможно создание административных судов на базе указанных коллегий, однако это приведет к изменениям в существующей судебной системе, в организации государственной власти и изменениям в нормативных правовых актах. С учетом данных положений этот процесс можно охарактеризовать как длительный и наукоемкий, требующий не только изучения опыта развития административной юстиции в России, но и исследования международно-правовой практики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147.
3. Архипова А. Е. Этапы развития административной юстиции в России // Политика и право: Ученые записки / отв. ред. С. В. Чердаков. Благовещенск : Амурский государственный университет, 2014. С. 120–124.
4. Ведомости Верховного совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
5. Корнева Н. М. Российский Сенат между февралем и октябрем 1917 г. // Клио. 2009. № 4 (47). С. 63–67.
6. Лошкарев А. В., Кирина К. С. Административная юстиция в России: современное состояние и перспектива // Modern Science. 2019. № 5-1. С. 233–236.
7. Полное собрание законов Российской империи. Т. 45 (1870). Ч. 1. № 48498.
8. Собрание узаконений и распоряжений правительства. Отдел I. 1917. № 97. Ст. 537.

Сучкова М. В.¹,
старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII В.)

В последние годы практически ни один документ, характеризующий социально-экономическую и политическую ситуацию в современной России, а также положение дел с преступностью, не обходится без упоминания коррупции. Ш. Л. де Монтескье писал: «...известно уже по опыту веков, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею, и он идет в этом направлении, пока не достигнет положенного ему предела» [7, с. 289]. Чтобы составить полное представление о сущности коррупции и причинах, ее порождающих, необходимо провести ретроспективный анализ феномена. Недаром выдающийся российский юрист-криминолог Н. С. Таганцев отмечал, что «известно то важное значение, какое имеет историческое толкование в сфере действующего законодательства. Если мы, например, желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, т. е. те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [6, с. 21].

Становление абсолютной монархии в России сопровождалось реформой государственного аппарата, которая была проведена с учетом опыта его исторического функционирования и, в частности, с учетом опыта борьбы с коррупцией в предыдущие царствования. Петром I были внедрены разноплановые формы контроля за деятельностью чиновников, так как, несмотря на непримиримое отношение монарха к взяточникам и расхитителям государственной казны, масштабы совершаемых должностных злоупотреблений выросли. Осознав угрозу и не имея возможности осуществить замену управленческих кадров, Петр I пришел к мысли о необходимости создания контролирующей системы за бюрократическим аппаратом.

В 1699 г. Петр I создал Ближнюю канцелярию как орган административно-финансового контроля за деятельностью государственных учреждений. Однако поиски модели надзорного органа продолжались, и в 1704 г. был создан Кабинет его императорского величества. В перечне дел, которыми он занимался, находилось и рассмотрение жалоб и донесений на различные злоупотребления со стороны должностных лиц.

В 1711 г. был создан Сенат, ставший и контрольно-надзорным органом. В составе Сената в 1712 г. была создана Расправная палата. В ней рассматривались все жалобы, поступающие от населения, на решения губернаторов и судов первой

¹ © Сучкова М. В., 2022.

инстанции. Также она рассматривала большинство судебных дел, все донесения фискалов и ежемесячно предоставляла в Сенат отчет о проведенной работе.

Следующим должностным лицом с контролирующими полномочиями являлся генерал-рекётмейстер, чья должность появилась по указу от 13 мая 1720 г. Генерал-рекётмейстер действовал при Сенате. В указе от мая 1720 г. должность названа не была, и ее название появилось лишь в наказе рекётмейстеру от 5 февраля 1722 г. [5].

Среди его обязанностей было и рассмотрение жалоб на решения коллегий, тем самым обеспечивался контроль за центральными отраслевыми учреждениями. Рекётмейстер рассматривал только те дела, которые прошли через все низшие инстанции и чьи решения не удовлетворили жалобщиков [5]. Обычно жаловались либо на долгое рассмотрение дела, либо на вынесение незаконного решения. В первом случае рекётмейстер связывался с коллегией и предписывал ей как можно быстрее завершить разбирательство по делу. Если члены коллегии не выполняли его предписания, то он докладывал об этом в Сенат. Во втором случае (вынесение неправового решения) рекётмейстер докладывал об этом монарху, который и выносил окончательное решение, а рекётмейстер следил за его исполнением. У генерал-рекётмейстера была своя канцелярия (рекётмейстерская контора).

Органом, среди обязанностей которого была борьба с коррупцией, был фискалат. О создании при Сенате должности обер-фискала было прописано в указе от 2 марта 1711 г. «О поручении Правительствующему сенату попечения о правосудии, об устройстве государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства», а сама должность вводилась в государственный аппарат указом от 5 марта 1711 г. «О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем сенате и о должности обер-фискала» [3].

Функция фискалата состояла в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, также в сборе казны и прочего <...> ...над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, также в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит» [3].

Руководил деятельностью фискалата обер-фискал. Личные качества обер-фискала прописывались в указе («умный и добрый»). В губерниях были созданы должности провинциальных фискалов, а с созданием коллегий появились коллежские фискалы. В 1713 г. даже существовал проект создания фискал-коллегии [2]. Глава службы имел право доносить о злоупотреблениях по службе непосредственно в Сенат. За свою работу он получал вознаграждение в виде половины штрафа, уплачиваемого виновным в казну. Если же обвиненный человек оказывался невиновным, то фискалы за это не несли никакой ответственности: «...буде же не уличить (виновного, перед Сенатом), то отнюдь фискалу в вину не ставить ниже досадовать, под жестоким наказанием и разорением всего имения» [3].

Фискалы обладали правом привлекать к ответственности любое должностное лицо, состоящее в любом чине, высокопоставленные лица могли привлекаться только обер-фискалом. Фискалы не несли ответственности в случае невиновного обличения лица, что порождало у них чувство безнаказанности и вело

к злоупотреблениям. Чтобы ликвидировать проблему, нужно было более четко урегулировать полномочия фискалов. 17 марта 1714 г. вышел указ «О должности фискалов», который законодательно закрепил компетенцию фискалов [4]. В первую очередь, им вверялось разоблачение «всякие взятки и кражи казны, и прочее, что ко вреду государственного интереса быть может», т. е. на первый план опять выдвинуты фискальные интересы казны. Фискалам предписывалось только «разведывать, доносить и обличать на суде», но не вмешиваться в ход судебного процесса.

Была установлена ответственность за неправомерные доносы со стороны фискалов. Если фискал не может полностью представить доказательство виновности лица, обвиненного им в совершении какого-либо правонарушения, то он (фискал) считался невиновным в этом и наказывался штрафом. Если же обвинение было выдвинуто из корыстных или злобных побуждений, то фискал нес полную ответственность за совершенное деяние. Особо сложно было контролировать провинциальных фискалов, даже несмотря на то, что раз в год совершались объезды территорий с контролем деятельности фискалов, – в промежутках между объездами фискалы сами занимались злоупотреблениями и взяточничеством.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить следующее. Фискалат как институт контроля не пользовался доверием в обществе. Определялось это следующими причинами. Фискалат был тайной службой, что способствовало формированию негативных явлений в среде самих фискалов. Фискалы не состояли на государственном жаловании, существовали фактически за счет «корма», а это приводило к взяточничеству. В этом вопросе очень показательна казнь главного фискала А. Я. Нестерова в 1724 г. С 1719 г. фискалат перешел в ведение Юстиц-коллегии.

В 1715 г. в целях надзора за исполнением указов Сената была создана должность генерал-ревизора. 27 ноября 1715 г. был издан указ «О бытии г. Зотову в Сенате Генеральным ревизором для наблюдения за исполнением указов» [4]. Генеральный ревизор («надзиратель указов») был обязан, кроме всего прочего, осуществлять контроль за деятельностью Сената. Однако для выполнения обязанностей не отпускалось государственное финансирование и отсутствовал исполнительный аппарат. В результате генеральный ревизор собирал сенатские указы и передавал их монарху.

Последствием губернских реформ (1708–1714, 1719–1721 гг.) стал рост злоупотреблений на местах. Связано это было с наделением слишком обширными полномочиями местных властей, в первую очередь губернаторов. Произошедшая децентрализация власти в стране с малочисленным населением и большой территорией привела к ослаблению связей между центром и местными властями, а в итоге – к распространению «заразы» в виде взяточничества, казнокрадства, произвола чиновников. Усугубляло ситуацию отсутствие действенного контроля за местными властями, которые бессрочно исполняли свои служебные обязанности, а также невозможность подачи жалоб лично монарху.

Несмотря на контроль Сената за деятельностью должностных лиц, потребовалось прибегнуть к более жестким мерам, в ряду которых первое место, как указывал В. Н. Бочкарев, занимали сенаторские ревизии [1, с. 40–56]. При Пет-

ре I ни одной сенаторской ревизии произведено не было, начало было положено в царствование Екатерины I. Расцвет сенаторских ревизий в XVIII в. приходится на царствование Екатерины II особенно на правление Павла I. Итогом многих ревизий являлось снятие с должности высших чинов местной администрации, включая губернаторов и вице-губернаторов.

Был установлен контроль за деятельностью высшего правительственного органа – Сената. В ноябре 1715 г. создана должность генерал-ревизора [4], указом от 12 января 1722 г. в России создана прокуратура во главе с генерал-прокурором [5].

Указ о должности генерал-прокурора был принят Петром I 27 апреля 1722 г. По замыслу Петра I, на прокуроров возлагалась обязанность осуществлять контроль и надзор в отношении органов государственной власти, следить за законностью их действий, а в случае выявления противоправных проступков – опротестовывать их и немедленно сообщать об этом императору.

В п. 3 разд. I указа было закреплено положение, согласно которому прокурор был обязан следить за правильным и своевременным исполнением решений Правительствующего сената, а также причинами их неисполнения: «И буде не исполнено, то ему ведать надлежит для какой притчины, невозможность ли какая помешала, или по какой страсти, или за леностию». Упоминание о «страсти», несомненно, касалось поползновений со стороны чиновников извлекать из любого дела для себя пользу. Таким образом, речь идет об одной из основополагающих задач, стоящих перед прокуратурой как тогда, так и сейчас, – борьба со злоупотреблениями чиновников, борьба с коррупцией.

Полезно будет упомянуть, что заместитель Генерального прокурора Российской Федерации А. Г. Звягинцев в своем интервью ссылаясь на личное предписание Петра I П. И. Ягужинскому от 20 мая 1724 г.: «Господин генерал-прокурор! Которые прокуроры от коллегий здесь, прикажи им, чтоб они свои конторы здесь гораздо смотрели, так ли делается, как надобно, и, ежели что не так, чтоб тебе рапортовали, и оных бы, сыскав и освидетельствовав, наказать, понеже за глазами, чаю, много диковинок есть». А. Г. Звягинцев отмечает, что именно для борьбы с «диковинками», т. е. должностными преступлениями, и создавался новый институт.

В конце указа (п. 1 разд. XI) имеются знаменитые строки, подтверждающие особый статус генерал-прокурора в качестве главного державного надзорного органа при императоре в России: «И понеже сей чин – яко око наше и стряпчий о делах государственных, того ради надлежит верно поступать, ибо перво на нем взыскано будет». Такой образ прокуратуры как высшего надзорного органа в стране практически в неизменном виде сохранился вплоть до настоящего времени.

Список литературы

1. Бочкарев В. Н. Первая сенаторская ревизия в России: Историческая справка к 200-летию учреждения в России института сенаторских ревизий 4 апреля 1722 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль : Ярославский Губернский сельскохозяйственный и кустарно-промысловый союз кооперативов, 1923. С. 40–56.

2. Полиевктов М. А. Проект барона Гюйсена об учреждении в России фискал-коллегии, 1713. М. : Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1914. 46 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IV. № 2330.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 2786.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VI. № 3581.
6. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права: Часть общая. Кн. 1. Вып. 1: Учение о преступлении. Спб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1874. 298 с.
7. Монтескье де Ш. Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 800 с.

*Хабарин О. М.¹,
преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРОБЛЕМА РАСФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ФИСКАЛОВ В РОССИИ В XVIII В.

Борьба с взяточничеством и казнокрадством в России в XVIII в. неразрывно связана с институтом фискалов, учрежденным Петром I 2 марта 1711 г. Согласно мнению исследователей, сложившемуся в отечественной историографии, фискалитет просуществовал до 1729 г., когда по различным многочисленным причинам был упразднен и окончательно заменен прокуратурой. В то же время необходимо отметить, что данному факту, его причинам и обстоятельствам уделялось незаслуженно мало внимания в исследованиях отечественных историков и правоведов, занимавшихся в основном вопросами становления и особенностей функционирования института фискалов в первой трети XVIII в.

Проблема расформирования института фискалов либо не исследовалась вообще, либо была решена ошибочно, утвердив в историографии сроком существования фискалитета непродолжительный период с 1711 по 1729 г.

Так, Д. О. Серов утверждает, что «фактический распад фискальской службы знаменовал смотр фискалов 1729 г., на который явилось 28 человек. Закономерным итогом смотра стало формальное упразднение фискальской службы, осуществленное по именному указу от 15 декабря 1729 г.» [11, с. 140].

Более осмотрительный взгляд на проблему демонтажа института фискалов можно найти в работе А. Д. Паутова, который считает, что фискалитет «...прекратил свою деятельность вскоре после смерти своего создателя. Правительству оставалось только юридически оформить эту ликвидацию, что и было сделано в 1729 г. Большинство фискалов были определены к другим делам: годные к военной службе дворяне направлялись в армию, остальные распускались по домам дожидаться дальнейших распоряжений. Указ от 15 мая 1730 г. называет Фискальскую канцелярию уже „бывшей” и предписывает принять все решенные дела в сенатский архив, а прочие принадлежности „разослать в надлежащие места”». Остатки фискалитета еще долгое время сохранялись в Прибалтике, где они были окончательно ликвидированы только во второй половине XVIII в.». После распределения по новым местам службы бывших фискалов необходимо было доложить в Верховный тайный совет о проделанной работе [1, № 5557].

Однако анализ нормативных правовых источников противоречит вышесказанному. Опыт функционирования фискалитета еще не раз использовался законодателем не только на протяжении всего XVIII в., но даже в начале XX в., что, безусловно, меняет представление о результативности, актуальности и эффективности данного института государственного контроля.

¹ © Хабарин О. М., 2022.

Упоминания о фискалах после 1729 г. встречаются в отечественном законодательстве на протяжении всего XVIII в. более чем в 30 указах. Однако до начала правления Павла I законодательство в отношении фискалов имело все же фрагментарный характер. Фискалы по-прежнему выполняли функции тайного и явного надзора и контроля, причем не только в гражданской, но и в военной сфере, где их правовое положение было регламентировано «Инструкцией воинским обер-фискалам и фискалам» [1, № 6187] от 21 сентября 1732 г. В гражданской сфере фискалы вновь привлекались к выполнению разносторонних задач. Так, некоторые обязанности фискалов изложены в следующих документах: «Регламент, или Инструкция Ревизион-коллегии» [2] от 7 мая 1733 г., указы «О запрещении позументным фабрикантам и серебряного дела мастерам выменивать серебряную монету...» [2] от 8 марта 1735 г., «О пресечении суеверий» [6] от 25 ноября 1737 г., «О сожжении флота капитан-лейтенанта Возницына за отпадение от христианской веры...» [3] от 3 июля 1738 г., «О нескорой езде и неимении лакеям плетей...» [4] от 27 декабря 1752 г., «О продаже вина в Фридрихсгаме» [5] от 30 марта 1780 г., «О учиненном С. Петербургскою казенною палатою распоряжении относительно разделения гербергов и трактиров...» [6] от 28 мая 1787 г.

Институт фискалов получил новую институционализацию в царствование Павла I. На этот процесс повлияло присоединение новых территорий к Российскому государству в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой, которые включались в общероссийскую систему управления и права с сохранением ряда местных привилегий. Таким образом, с конца XVIII в. институт фискалов локализуется преимущественно в Прибалтике, Белоруссии и Украине. При возрождении фискалитета Павлом I была издана целая плеяда нормативных правовых актов, регулирующих его состав, задачи, формы и методы деятельности.

Указом от 3 октября 1797 г. «Об определении фискала в Курляндской губернии» [7] на территории Курляндской губернии была учреждена должность фискала¹. Введение фискальской должности обосновывалось просьбой губернского начальства с указанием на особые права и привилегии, дарованные данной территории, и с соблюдением законодательства о фискалах, принятого в первой четверти XVIII в.² 3 марта 1798 г. был издан указ «О жалованье фискалу Курляндской губернии» [8, № 18410].

Указом от 25 января 1799 г. «Об учреждении фискалов в Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Киевской губерниях» [8, № 18826] «для вящего успеха в гражданских делах» в упомянутых губерниях сверх установленных по штату чинов были созданы должности фискалов 7-го класса (что соответствовало надворному советнику на гражданской службе). Фискалы должны бы-

¹ Курляндское наместничество образовано на территории бывшего герцогства Курляндского в 1795 г. Преобразовано в губернию 24 декабря 1796 г.

² На основании указа от 5 марта 1711 г. «О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем сенате и о должности обер-фискала» обязанностью фискала являлось «надсматривать и проведывать про неправый суд, також в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред Сенат (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать».

ли наблюдать за ходом рассмотрения дел, причем не только в судах, а в любых губернских присутственных местах, совершать дважды в год объезд губернии в целях проверки деятельности административного аппарата и чиновников, собирать информацию о должностных злоупотреблениях и притеснениях населения. Рапорты они должны были приносить губернатору и генерал-прокурору.

Указ от 5 мая 1799 г. «Об определении фискала в Белорусскую губернию» [8, № 18955] гласил о создании должности фискала в Белорусской губернии на тех же основаниях, что и согласно указу от 25 января 1799 г.

На основании указа от 8 декабря 1799 г. «О должности фискалов, учрежденных в Литовской, Минской, Волынской, Подольской, Киевской и Белорусской губерниях» [8, № 19218] фискалы должны были следить за законностью производства дел во всех присутственных местах присоединенных губерний: отсутствие проволочек в рассмотрении дел отмечалось особенно. Помимо открытого осмотра фискалы могли собирать информацию «безгласно» и, если ими были найдены злоупотребления, должны были доносить об этом губернатору и генерал-прокурору. По делам криминальным и колодничьим и по делам казенным (по искам, взысканиям и по всему тому, что относится к интересам казны; по делам обществ и их собственности, по сиротским делам, по деятельности полиции, по государственным повинностям и податям), и по всем делам, составляющим казенный интерес, фискалы собирали информацию и доводили ее до сведения губернатора. Если губернатор не реагировал, то фискалы имели право, минуя его, обратиться к генерал-прокурору. Фискалам запрещалось вмешиваться в частные тяжбы под страхом наказания и отрешения от должности. Власти были обязаны предоставлять фискалам информацию. Фискалы не имели права принимать прошения и жалобы на свое имя и должны были объяснить просителям и жалобщикам, куда следует обратиться с тем или иным прошением. Фискалы могли собирать сведения от жалобщиков в целях установления истины. Фискалы получали третью часть от выплаченных штрафов. Собственной канцелярии и служащих фискалы не имели, а использовали штат губернских прокуроров.

Дальнейшее развитие института фискалов выходит за хронологические рамки темы данной статьи, однако автор считает необходимым упомянуть, что после гибели императора Павла I правовое оформление фискалитета продолжилось. Так, 12 марта 1812 г. был издан указ «О производстве свидетельства фискалам в тех местах, где они жительствоуют» [9], а 22 декабря 1828 г. – указ «О неприсуждении в пользу фискалов в Остзейских губерниях по уголовным и следственным делам вознаграждений» [10].

Таким образом, вышесказанное позволяет сделать обоснованный вывод о том, что хронологические рамки исследования фискалитета в России не могут ограничиваться не только 1729 г., но и даже XVIII в., что, несомненно, должно существенно обогатить исследования правовых основ института государственного контроля в Российской империи.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 8. Спб., 1830.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. IX. № 6391. Спб., 1830.

3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. X. № 7450. Спб., 1830.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIII. № 10065. Спб., 1830.
5. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. № 14999. Спб., 1830.
6. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXII. № 16543. Спб., 1830.
7. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIV. № 18181. Спб., 1830.
8. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXV. Спб., 1830.
9. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXXII. № 25034. Спб., 1830.
10. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. III. № 2539. Спб., 1830.
11. Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Екатеринбург, 2010. 442 с.

*Ситников К. А.¹,
преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Воронежского института МВД России*

МЕТОДИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1909–1917 ГГ.)

5 мая 1903 г. по представлению Министерства внутренних дел было принято Высочайше утвержденное мнение соединенных департаментов Государственного совета «Об учреждении в 46 губерниях Европейской России полицейской стражи» [1], т. е. нового структурного звена уездной полиции. Целью создания провозглашалось охранение «благополучия, общего спокойствия, безопасности и порядка» в сельской местности [2, с. 421].

Подобные модификации организационного построения уездной полиции в начале XX в. актуализировали вопрос о профессиональной подготовленности ее кадрового состава. Еще в ходе проектирования нового института поднимались вопросы о необходимости установления образовательного ценза для кандидатов на службу, наличия специальных подготовительных «резервов» для новых чинов, а также школ и курсов [3].

В 1907 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» отмечалось, что одной из причин недостаточной эффективности имевшейся системы полицейских органов являлось «незначительное число имеющихся школ для низших полицейских агентов (урядников, околоточных и т. п.)» [4], без которых не представлялось возможным подготовить надежные кадры для соответствующего ведомства.

К аналогичному выводу пришли в ходе инспектирования в 1907–1910 гг. полицейской стражи и высшие чины Отдельного корпуса жандармов. Так, с точки зрения А. И. Мааса, требовались двух- или трехмесячные курсы для уже состоявших на службе стражников. В дальнейшем они могли бы назначаться на вышестоящие должности – старших стражников и урядников [5].

Учреждение образовательных организаций происходило посредством набора нового контингента в уже функционировавшие уряднические школы либо через создание специальных школ. Последний способ применялся в том числе и в Воронеже. Так, с 1 ноября 1909 г. была открыта Воронежская учебная команда-школа полицейской стражи [6].

Отличительной чертой начального этапа функционирования школ уездной полицейской стражи в Российской империи стало отсутствие универсальной учебной документации. Данный вопрос решался на губернском уровне. Нередко заимствовались программы из аналогичных военных учреждений, адаптировавшиеся с учетом специфики полицейской службы [7].

Как правило, непосредственная разработка программ велась преподавательским составом образовательной организации. Они преимущественно

¹ © Ситников К. А., 2022.

представляли собой списки конкретных вопросов по изучаемой дисциплине [2, с. 574–575].

Положением о Воронежской учебной команде-школе полицейской стражи предусматривалось два условных блока:

1. «Строевое образование», в которое входили, например, обучение конному и пешему строю, фехтование, гимнастика и т. д.
2. Курс обязанностей полиции и общеобразовательных предметов [8].

При исследовании фондов Государственного архива Воронежской области нами были обнаружены подготовленные преподавателями программы по медицине, законоведению, общим обязанностям полиции, сыскному делу и отечественной истории. Оценка содержания данных документов позволяет прийти к выводу о явном методическом влиянии юридического позитивизма на формирование программ обучения полицейской стражи Российской империи.

В качестве самостоятельной концепции данный тип правопонимания сформировался на рубеже XVIII–XIX вв. В Российской империи его идеи наиболее активно развивались в конце XIX – начале XX в. такими учеными, как Е. В. Васьковский, Д. Д. Гримм, Г. Ф. Шершеневич и т. д. Основой исследований в российской юриспруденции выступали принципы феноменализма, агностицизма, релятивизма и скептицизма. Уже к началу XX в. юридический позитивизм занял ведущее место не только в западной, но и в отечественной юридической науке.

Безусловно, данное обстоятельство находило свое отражение и в правоприменительной деятельности. Длительная работа правоохранителей со значительными массивами нормативных правовых актов при осуществлении властных полномочий приводила к абсолютизации закона в их правосознании. В связи с этим служащие обычно не задумывались о правовой сущности отдельных законоположений [9].

Говоря непосредственно о полицейской страже Российской империи, стоит отметить и сравнительно невысокий уровень общей образованности нижних чинов, обуславливавшийся спецификой кадрового состава (подавляющее большинство – выходцы из крестьянской среды), что сказывалось и на специфике их правосознания.

С учетом сложившейся социально-политической и криминогенной обстановки, в том числе и в Воронежской губернии, государству требовались «исполнители» конкретных норм действовавших законов, оперативно претворявших их в жизнь и не прибегавших к осмыслению предписаний с точки зрения морали или справедливости.

Все вышеперечисленное обуславливало и специфику содержания ранее указанных программ подготовки полицейской стражи в учебной команде-школе Воронежской губернии.

Так, в качестве одной из дисциплин преподавалось «законоведение», а не привычное современному отечественному юристу «правоведение» [10, л. 8–9 об.]. Это было характерно не только для Российской империи, но и для зарубежных систем полицейской профессиональной подготовки исследуемого периода.

Такой подход носил, на наш взгляд, утилитарный характер. Задача полицейских образовательных организаций состояла в первую очередь в привитии базовых навыков отправления службы, а не в формировании представления урядника или стражника о сущности права как сложном и многогранном социальном явлении.

Значительная часть вопросов программы посвящалась уголовному процессу и тактике дознания (билеты № 5–20). Так, в рамках билета № 16 обучавшийся должен был рассказать об осмотре и освидетельствовании через полицию, обысках и выемках.

Немалое внимание уделялось составам уголовно наказуемых деяний (билеты № 21–32), по которым нижние чины уездной полиции могли вести дознание. Например, билет № 22 состоял лишь из трех частей: «52) детоубийство; 53) оставление незаконнорожденного ребенка без помощи; 54) сокрытие трупа мертворожденного ребенка». В билете № 26 был лишь один вопрос: «58) поджог неосторожный и умышленный. Покушение и приготовление».

Первые четыре билета программы по «законоведению» посвящались теоретическим вопросам, но даже они носили преимущественно прикладной характер, освещая, что такое «преступление», «проступок», «покушение», «соучастие», исключительно с позиции действовавшего в империи законодательства («Уголовные законы. Уголовное уложение. Уложение о наказаниях. Устав о наказаниях...» – билет № 3).

Аналогичной по принципу своего построения была и смежная по содержанию программа «общих обязанностей полиции» [10, л. 10–11 об.], которую, на наш взгляд, можно разделить на следующие условные блоки:

1) вопросы общеадминистративного характера и организации службы полицейской стражи («административное деление Российской империи», «для чего учреждена полицейская стража, из кого состоит...», «как числится служба полицейской стражи...», «...служебное отношение между урядниками и стражниками» и т. д.);

2) общие (для урядников и стражников) обязанности полицейской стражи по охране общественного порядка и общественной безопасности («по наблюдению за исправностью путей сообщений», «по наблюдению за нищими», «при появлении в его участке заразной болезни на людях и скоте» и т. д.);

3) «общие обязанности урядников» (были связаны не только с особенностями прохождения службы («как должен быть одет урядник...»), но и с выполнением общеполицейских функций административного, оперативно-разыскного и уголовно-процессуального характера («что такое негласное наблюдение и за кем оно учреждается», «что называется публичным собранием», «обязанности урядника по предупреждению и пресечению преступлений» и т. д.);

4) «городская полиция» (данный блок посвящался сжато изложению структуры и обязанностей соответствующей категории служащих, а также деятельности урядников в фискальной сфере).

Выходит, что в рамках «законоведения» и «общих обязанностей полиции» закон и право отождествлялись, право всецело сводилось лишь к законодательству и иным закрепленным государством нормам. Право при та-

ком подходе оказывалось выражением воли начальства (от императора до главы местной полиции) в отношении подчиненных чинов или подданных в целом [11].

Вопрос защиты прав рассматривался исключительно с позиции их охраны государством, а не с точки зрения неотчуждаемой и непререкаемой естественной самооценности.

Таким образом, анализ учебной документации Воронежской команды-школы полицейской стражи позволяет нам говорить о значительном методическом влиянии юридического позитивизма на специфику курсов подготовки полицейской стражи Российской империи. С одной стороны, это обуславливало последующие изменения в правосознании правоприменителей, для которых мораль, справедливость, права и свободы человека не имели сколь-нибудь серьезного значения [12]. Главенствующую роль в их системе ценностей должен был занимать закон. С другой стороны, подобный подход носил инструментальный характер, а потому, с нашей точки зрения, являлся наиболее рациональным с учетом конкретно-исторических особенностей развития государства и общества в исследуемый период.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 23. Отд. I. № 22906.
2. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Профессиональная подготовка нижних чинов уездной полиции в Российской империи в конце XIX – начале XX века : монография. Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2018. 685 с.
3. Рапорт кирсановского уездного исправника К. Ю. Старынкевича тамбовскому губернатору С. Д. Ржевскому о необходимости преобразования полиции и основных направлениях ее реформирования // Тамбовские древности. URL: <http://otambove.ru/antiqua/?p=10370>.
4. Журнал Высочайше учрежденного Особого совещания по пересмотру установленного для охраны государственного порядка исключительного законоположения. СПб., 1906.
5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 11. Д. 463. Л. 2 об. 3.
6. Ситников К. А. Совершенствование организационных форм обучения нижних чинов уездной полиции в Воронежской губернии: учреждение учебной команды-школы // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 16–24.
7. Токарева С. Н. Профессиональная подготовка служащих полиции начала XX столетия (по материалам центрального Черноземья России) // История государства и права. 2012. № 24. С. 35–38.
8. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 100. Л. 103 об.
9. Баранов П. П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 4 (5). С. 7–14.

10. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1015. Л. 8–9 об.

11. Трусов А. И. Правоведение или законоведение // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право: Реферативный журнал. 1996. № 3. С. 9–13.

12. Баранов П. П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 4 (5). С. 7–14.

Чернигин К. А.¹,
 адъюнкт факультета
 подготовки научно-педагогических
 и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванов С. А.,
 доцент кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО НОРМАТИВНОГО АКТА: ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

В современной российской юридической науке проблема понимания понятия «ведомственный нормативный правовой акт» является одной из ключевых для ученых-юристов. Данная позиция подтверждается тем, что указанное понятие не находит своего формального закрепления в российском законодательстве. Вместе с тем к данному понятию обращается большое количество уполномоченных на правотворчество лиц всех уровней.

Исследуя данную проблему с точки зрения истории, филологии и юриспруденции, в первую очередь необходимо четко определить понятие «ведомство» как составляющую рассматриваемого понятия. Необходимо отметить, что в Конституции СССР 1924 г. [3, с. 168] термин «ведомство» («подведомственный орган») использовался для обозначения государственного учреждения, не обладавшего самостоятельностью, созданного при каком-либо органе государственного управления. Примером советских центральных ведомств являлись комиссии, комитеты, бюро, управления и иные учреждения при Правительстве СССР.

Определения понятия ведомства широко описываются в различных словарях. Например, в Большом юридическом словаре А. Я. Сухарева [1, с. 243] ведомством называется центральный орган государственного управления, образуемый в случае необходимости для руководства отдельными сферами хозяйственного и социально-культурного строительства. С данной точкой зрения согласиться можно лишь частично, основываясь на том, что для раскрытия данного понятия использованы такие словесные обороты, как «сферы хозяйственного и социально-культурного строительства», которые, по нашему мнению, являются слишком усеченными для его характеристики.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона толкует термин «ведомство» как «определенную область государственных задач, компетенций, возложенных законом на конкретное учреждение» [4, с. 611–612]. Указывается, что

¹ © Чернигин К. А., 2022.

это лишь «определенная область государственных задач», ведомству придают «абстрактную» форму, лишая физической оболочки, что, в свою очередь, таковым в настоящее время не является.

А. Н. Зрячкин под ведомством понимает определенные структуры, наделенные властными полномочиями: министерства, федеральные службы, агентства, департаменты, законодательные, исполнительные, судебные, правоохранительные и иные органы [2, с. 26]. Исходя из этого, автор считает, что указанное понятие носит родовой и собирательный характер, который, в свою очередь, отражает разностороннюю деятельность государственных служащих.

Изучив вышеуказанные позиции авторов, можно прийти к выводу, что в настоящее время существует множество подходов к понятию «ведомство». В современной России оно носит более общий характер и зачастую используется в разговорной речи как среди обычных граждан, так и уполномоченных на правотворчество лиц.

В целях объективного рассмотрения предмета исследования в нашей работе необходимо определить четкое понятие федерального министерства. Для этого необходимо обратиться к Указу Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [5], в котором под федеральным министерством понимается федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативному правовому регулированию в установленной актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации сфере деятельности.

При изучении проблемы понимания понятия ведомственного нормативного акта был выявлен один из превалирующих аспектов возникающих споров между учеными и законодателями – неопределенность и отсутствие разграничений между понятиями нормативных актов федеральных министерств и ведомственных нормативных актов. Указанная проблема прослеживается на официальном сайте Правительства Российской Федерации [10], где под заголовком «Министерства и ведомства» представлены следующие разделы: «Федеральные министерства, подведомственные им агентства, службы, надзоры»; «Федеральные службы и агентства»; «Государственные корпорации, являющиеся уполномоченными органами управления в отдельных отраслях»; «Государственные внебюджетные фонды». Исходя из этого можно дословно определить, что значения понятий «министерство» и «ведомство» не синонимичны.

Однако существуют примеры, где на официальном уровне указанный довод имеет обратное значение. Так, на официальном сайте МВД России [6] в разделе «Противодействие коррупции» существует подраздел «Ведомственные нормативные правовые акты», в котором размещены приказы МВД России, регулирующие вопросы соблюдения требований антикоррупционного законодательства сотрудниками органов внутренних дел. Напротив, на этом же интернет-ресурсе существует раздел «Документы», в котором есть подраздел «Нормативные правовые акты МВД России», в котором также размещены приказы МВД России, которые регулируют различные вопросы, касающиеся прохождения службы в органах внутренних дел. То есть благодаря этому примеру можно

сделать вывод о том, что МВД России разграничивает понятия «ведомственный нормативный акт» и «нормативный акт МВД России», но, в свою очередь, подразумевает под ними одинаковые по своей юридической силе и содержанию нормативные правовые документы.

Аналогичная ситуация наблюдается на официальных сайтах Ростгвардии [7], Минфина России [8], а также Минтруда России [9], на котором есть раздел «Нормативные правовые и иные акты в сфере противодействия коррупции», куда входит подраздел «Ведомственные нормативные правовые акты», содержащий соответствующие приказы Минтруда России.

Существуют примеры, где понятие «ведомственные нормативные акты» используется для наименования комплекса документов, издаваемых только федеральной службой, а не министерством. Например, на сайте Ростехнадзора в разделе «Ведомственные нормативные акты» размещены только приказы вышеуказанной службы. Также необходимо отметить, что на официальном уровне есть примеры, где понятия «нормативные акты министерств» и «нормативные акты ведомств» разграничиваются. Так, на официальном сайте МЧС России [11] существует раздел «Нормативные правовые акты министерств и ведомств», содержащий не только приказы МЧС России, но и нормативные акты агентств (например, приказ Росмолодежи от 3 декабря 2020 г. № 423 «Об утверждении Единого плана всероссийских и межрегиональных мероприятий в области популяризации добровольчества (волонтерства) на 2021 год»).

Таким образом, использование в настоящее время понятия «ведомство» и производного от него «ведомственный нормативный акт» может говорить об их исторической согласованности с прежним пониманием федеральных исполнительных органов. Вместе с тем в современном законодательстве Российской Федерации понятие «ведомство» и производное от него «ведомственный нормативный акт» не используется. Однако в разговорной речи, в том числе на официальном уровне, на ранее представленных примерах можно заметить, что производное понятие широко используется, но четко не определено. По нашему мнению, это может привести к определенному заблуждению среди обычных граждан и даже юристов. Субъектам, ответственным за обработку официальной информации, представляемой для всех категорий граждан, необходимо грамотно интерпретировать понятие «ведомственный нормативный акт» с позиции юридической техники.

Список литературы

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2003. 703 с.
2. Зрячкин А. Н. К вопросу о понятии «ведомства» // Вестник СГЮА. 2016. № 1 (108). С. 25–28.
3. Чистяков О. И. Конституция СССР 1924 года : учебное пособие. М. : Зерцало-М, 2004. 216 с.
4. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VII. Кн. А. СПб. : Типо-литография И. А. Ефрона, 1892. С. 611–612.
5. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (ред. от

20.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_46892 (дата обращения: 02.12.2021).

6. Ведомственные нормативно-правовые акты // МВД России. URL: <https://мвд.рф/anticorr/NPA/acts> (дата обращения: 02.12.2021).

7. Ведомственные нормативные правовые акты // Росгвардия. URL: <https://rosguard.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2021).

8. Ведомственные нормативные правовые акты // Минфин России. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/om/anticorMK/korr-npa/korr-vnpa> (дата обращения: 02.12.2021).

9. Ведомственные нормативные правовые акты // Минтруд России. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/anticorruption/legislation/1> (дата обращения: 02.12.2021).

10. Министерства и ведомства // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/ministries> (дата обращения: 10.12.2021).

11. Нормативные правовые акты министерств и ведомств // МЧС России. URL: <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/normativnye-pravovye-akty-ministerstv-i-vedomstv> (дата обращения: 10.12.2021).

Шитов Г. А.¹,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Иванов С. А.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПРАВОПОНИМАНИЮ

В наши дни, называемые в научной среде эпохой постмодернизма, предполагается поиск адекватного этому времени понимания права, основанного на особом подходе. Такой подход обусловлен новыми проблемами и явлениями в праве, например пониманием постмодерна как времени, когда появляются частичные предпосылки выхода человека из-под влияния политических и экономических структур в связи с развитием общения в виртуальном цифровом пространстве, где оно менее контролируемо государством [7, с. 28–29]. Из-за такого сложного и динамичного усложнения системы общественных отношений сегодня становится очевидным, что решение невозможно в рамках лишь одной из существующих традиционных концепций правопонимания. В связи с этим появляется идея создания нового подхода на основе синтеза существующих положений основных концепций правопонимания (естественно-правовой теории, юридического и социологического позитивизма, исторической школы права и др.).

Историю попыток создания такой интегративной концепции правопонимания можно проследить в исследованиях еще дореволюционных отечественных ученых-юристов Б. А. Кистяковского (плюралистическая теория права), А. С. Яценко (синтетическая теория права) и П. Г. Виноградова (синтетический подход к праву, противопоставленный аналитическому методу Дж. Остина) [2, с. 19–25].

Автором термина «интегративное правопонимание», а также одним из самых известных разработчиков теории интегративной юриспруденции является американский профессор Дж. Холл.

В современной российской правовой системе в рамках интегративного типа правопонимания широко известны и заслуживают особого внимания разработанная В. С. Нерсесянцем либертарно-юридическая концепция правопо-

¹ © Шитов Г. А., 2022.

нимания, коммуникативная концепция А. В. Полякова, диалогическая концепция правопонимания И. Л. Честнова и концепция реалистичного позитивизма Р. А. Ромашова.

Анализ различных концепций интегративного правопонимания показывает, что в основном их разработчики пытаются преодолеть проблему понимания права, обусловленную многомерностью и сложностью этого понятия, путем синтеза различных положений из разных концепций, не противоречащих друг другу, либо на основе положений одной основной концепции с включением непротиворечащих положений других конкурирующих с ней концепций. Применению интегративного подхода на практике в целях развития правотворчества, признанию его универсальным препятствует отсутствие общепризнанной в научном сообществе концепции с разработанной методологией и терминологией. Несмотря на обозначенные трудности, некоторые достижения в рамках интегративного подхода уже сегодня могут способствовать правотворчеству и совершенствованию систематизации законодательства. Совершенствование законодательства путем его упорядочивания и приведения в систему, особенно такими правотворческими формами, как кодификация и консолидация, требует, как нам кажется, новых подходов к проблеме правопонимания.

Попробуем рассмотреть, какие из подходов в рамках разработанных отечественными учеными интегративных концепций могут дать практическую пользу в правотворчестве и систематизации законодательства. Следует при этом уточнить, что в первую очередь будут рассмотрены подходы, имеющие, по нашему мнению, прикладной характер, т. е. не отрицающие нормативную природу права. Стоит отметить, что автор допускает и не отрицает другие существующие в науке варианты интегративных концепций.

Для организации практической деятельности В. Н. Карташов предлагает под правом в интегративном его определении понимать «систему общих обязательных нормативно-правовых предписаний, обеспеченную мерами государственного и иного воздействия, внешне выраженную в нормативных правовых актах, договорах и других формально-юридических источниках, отражающую идеи и состояния свободы и ответственности, справедливости и равенства, гуманизма и общественного порядка (безопасности), служащую особым (юстициабельным и т. п.) регулятором поведения людей, их коллективов и организаций» [5, с. 173]. Признаем, однако, что создание на практике таких идеальных формально-юридических источников на сегодняшний день затруднительно, так как господствующий долгое время в рамках позитивистской теории права юридический позитивизм, с одной стороны, позволил довольно подробно исследовать систему правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах, с другой – излишне ограничил все право в нашей стране этими актами [4, с. 14].

Несмотря на это, профессор В. Г. Графский прогнозирует в будущем в рамках обобщенной (интегральной, синтезированной) юриспруденции появление необходимых сведений, которые помогут прояснить причины и следствия несовершенства законодательной техники и политики, взаимосвязи такого несовершенства с уровнем правосознания или с определенной заинтересованностью различных классов и слоев общества, а также объяснить тот факт, что огромное

количество законодательных актов не оказывает должного правового воздействия [1, с. 60]. Решение представленных выше проблем может способствовать совершенствованию техники создания систематизированных актов с воплощенным в них новым пониманием права, соответствующим правовой действительности.

В. В. Ершов, рассматривая в своей работе интегративное понимание принципов права, указывает, что принципов, заложенных и выработанных правотворческими органами в нормативных правовых актах, в рамках только легистского правопонимания недостаточно. По мнению ученого, их необходимо дополнить принципами из международных договоров и принципами права, выработанными в обычаях российского права [3, с. 4–5]. Согласимся с этим, подчеркнув, что размещение принципов предполагается в таких важных систематизированных актах, как Конституция Российской Федерации и основополагающие отраслевые кодексы, что, в свою очередь, усовершенствует их в плане влияния на правоприменительную практику и правосознание граждан.

Сегодня в юридической научной среде высказываются мнения о возможности развития положений с помощью интегративного подхода таких систематизированных нормативных актов, как отраслевые и межотраслевые кодексы. Это признание в качестве источников при создании кодексов кроме нормативных актов и правовых обычаев (нормативистское и социологическое понимание права), признание в качестве основ кодекса приоритета прав и свобод человека (естественно-правовой подход) [4; 6].

Подытоживая наше краткое исследование, можно сказать, что применение интегративного подхода в правопонимании может благотворно повлиять на развитие и совершенствование систематизации законодательства в Российской Федерации, развитие правосистематизационной техники и создание предписаний систематизированных актов на основе современного интегративного правопонимания.

Список литературы

1. Графский В. Г. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3. С. 49–64.
2. Евдеева Н. В. Интегративные теории правопонимания в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2005. 187 с.
3. Ершов В. В. Основополагающие принципы права и принципы российского гражданского права. М. : РАП, 2010. 225 с.
4. Ершов В. В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Теоретические и практические проблемы правопонимания: Материалы III Международной научной конференции, 22–23 апреля 2008 г. / под ред. В. М. Сырых и М. А. Заниной. 2-е изд. М. : РАП, 2010. С. 14–30.
5. Карташов В. Н. От интегративной к синтетической теории права или все-таки наоборот // Теоретические и практические проблемы правопонимания: Материалы III Международной научной конференции, 22–23 апреля 2008 г. / под ред. В. М. Сырых и М. А. Заниной. 2-е изд. М. : РАП, 2010. С. 162–173.

6. Краснов А. В., Гильметдинова З. М. Интегративная концепция права и развитие общих положений Гражданского кодекса РФ // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практика его применения. 2017. Т. 4. С. 119–127.

7. Пащенко Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России : монография. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : Норма : Инфра-М, 2021. 184 с.

Вставский В. В.¹,
адъюнкт Омской академии МВД России

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ПРАВА В ТРУДАХ С. А. МУРОМЦЕВА

Значимость исследования категории «правообразование» особенно возрастает в связи с активными процессами развития общественной жизни. Субъекты правотворческой деятельности должны своевременно реагировать на нарастающие темпы изменений в обществе путем регулирования правовой основы. В современной юридической науке справедливо отмечается отсутствие универсального подхода к осознанию сущности правообразования, что актуализирует политико-правовое наследие дореволюционных юристов для формирования целостного представления о процессе образования права в современном государстве. Особая роль в осознании факторов, позволяющих безошибочно и вовремя воплощать в жизнь нормы права, принадлежит учениям авторов социологической правовой школы, которые интерпретируют правовые процессы, устанавливая причинно-следственные связи между фактами общественной жизни. Одним из видных деятелей данного направления в праве был С. А. Муромцев, считавший правообразование важным процессом, позволяющим своевременно совершенствовать законодательство в соответствии с общественными запросами. В его учении приведена достаточно развернутая теория образования права, но в данной работе мы остановимся на проблемах, касающихся факторов и субъектов правообразования.

Рассуждая о том, как появляется право в обществе, С. А. Муромцев прежде всего подвергает критике теологическую и естественно-правовую теории происхождения права, которые «выводят право с опорой на божественные начала или из отвлеченных принципов, представляющиеся независимыми от человеческих стремлений и воззрений» [1, с. 3]. Согласно позиции автора, право не является нормативным установлением государства, оно рождается в двух сферах – непосредственно в законотворческих органах и в обществе, причем ключевая роль отводится человеку как субъекту правотворчества и как объекту, который будет руководствоваться данным правом.

С. А. Муромцев не дает четкого определения правообразования, однако поясняет, какие факторы оказывают на него влияние: «Каждый раз, когда юристу приходится навязывать жизни несоответствующие ей предписания закона, или же за неполнотой этого последнего прибегать к своим собственным средствам для формулирования новой нормы, он не владеет никаким указанием на путь, которого следует держаться» [2, с. 112]. Истинный путь законодателя заключается в постоянном анализе общества, его культуры, политики, государственного устройства, религии, морали и т. д. Именно эти факторы влияют на изменение общественных отношений и формируют новые правила поведения, которые в последующем, после осознания их субъектом правообразования, будут реализованы в качестве нормы права.

Не менее важным для правообразования является его субъект, которому С. А. Муромцев придает главенствующую роль. Эффективность создания права

¹ © Вставский В. В., 2022.

зависит не только от осмысления факторов, оказывающих на него влияние, но и от «юридического настроения тех органов и лиц, через деятельность которых норма должна осуществиться» [3, с. 142], т. е. того, кто управляет данным процессом. Таким образом, субъект правообразования, будучи включенным в общественные отношения, является каналом связи, через который закон получает возможность отражать нормы, отвечающие потребностям общества. Помимо законодательных органов С. А. Муромцев относит к субъектам правообразования суд. Он, по его мнению, «должен выполнять функцию постоянного и постепенного проведения в жизнь справедливости по мере возникновения несоответствия закона жизни» [1, с. 7].

Для успешного совершенствования законодательной базы необходимо знать, в каком направлении должна осуществляться деятельность по образованию права: «Надо включать каждое отношение в область правообразования ровно настолько, насколько его существование обусловлено именно юридической защитой» [3, с. 152]. Становится понятным, что не каждое общественное отношение нуждается в законодательном регулировании, а лишь то, которое должно обладать юридической защитой.

Еще одной характеристикой процесса образования права является его динамика. Допустимо отменять старые и принимать новые законы по мере необходимости, поскольку «ни у одного культурного народа право не остается неподвижным; ни одна судебная практика не может с течением времени удержаться на прежней точке зрения» [2, с. 117].

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что С. А. Муромцев исходит из многофакторного подхода к пониманию правообразования. Правообразование, по мнению автора, является истинно правильным путем законодателя, в ходе которого происходит анализ социальной ситуации, формирующихся новых правил поведения в обществе, которые в дальнейшем, после взвешенного решения о необходимости их законодательного закрепления, реализуются в качестве правовой нормы.

Список литературы

1. Муромцев С. А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. Спб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1893. Т. 2.
2. Муромцев С. А. Творческая сила юриспруденции / Юридический вестник. 1887. Кн. 1. № 9. С. 112–117.
3. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. 2-е изд., доп. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 224 с.

Серебряков В. В.¹,
 адъюнкт факультета
 подготовки научно-педагогических
 и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Румянцев Н. В.,
 профессор кафедры
 административного права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА

Вопрос понимания права всегда представлял актуальность для научной среды. То, как мы понимаем, осознаем данный термин, отражает наше правосознание.

Правосознание заключается в обобщении, оценивании, целенаправленном отражении и конструктивно-творческом преобразовании правовой действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов в правовой сфере, в разумном саморегулировании и самоконтроле. Правосознание обуславливает поведение человека в правовой сфере, формирует его поведение и внутренний план правовой действительности: «Правосознание по своей природе – это именно осознание права. Правосознание (как и осознание) есть выражение и проявление разумной, рассудочной деятельности человека» [с. 11].

Правопонимание как процесс – это целенаправленная интеллектуальная мыслительная деятельность человека, представляющая собой процесс идентификации, осмысления, оценки права как самостоятельного социального феномена и его проявлений.

В зависимости от категории субъектов правосознания можно выделить несколько видов:

- индивидуальное – личное отношение человека к праву (отражает взгляды и убеждения конкретно взятого индивида). Уровень правосознания в данном случае определяется способностями и возможностями индивида;
- групповое – отношение к праву различных мелких социальных групп и коллективов;
- корпоративное – правосознание представителей различных профессий, социальных групп и слоев, партийное правосознание;
- массовое – правосознание обширных масс людей;
- общественное – отношение к праву всего общества (сумма накопленных знаний, представлений о праве за все время существования человечества).

¹ © Серебряков В. В., 2022.

Правосознание сотрудников ОВД относится к корпоративному правосознанию, которое присуще именно данной категории людей. Если же говорить о типах правопонимания, то правосознание сотрудников ОВД относится к юридическому типу правопонимания. Это обусловлено спецификой учебных заведений, готовящих эту категорию специалистов, а в дальнейшем и спецификой их деятельности. Юридический тип правопонимания основан на юридической догме, согласно которой право – это совокупность установленных или санкционированных государством общеобязательных правил поведения (норм), соблюдение которых обеспечивается государством.

Таким образом, юридическое правопонимание ограничивает и отрицает всякие иные возможности трактовки понятия «право».

Административно-правовое мышление – стиль исключительно юридического, специализированного, немассового мышления. Это определяет особенность административного права в системе других типов и отраслей права.

Сегодня административное право представляет собой правовую основу становления и функционирования государства как аппарата, а не как свойства общественной жизни. Оно воспроизводится государством для своих организационных нужд. При этом административное право носит предписывающий характер, оно определяет, какие действия не являются правовыми, и устанавливает определенную административную ответственность за нарушение административных норм. Однако мы можем утверждать, что это не является сутью административного права. Административное право – это право организации, самоорганизации, являющееся организационным правом по своей природе. Оно должно закреплять порядок государственного устройства, взаимодействия органов государственной власти между собой, что и отображено в Конституции Российской Федерации; административное право представлено именно в том виде, в котором оно должно пониматься, – в организационном. Сегодня же административное право как отрасль права регулирует общественные отношения в сфере управленческой деятельности государственных органов и должностных лиц по исполнению публичных функций государства. Это означает, что административное право, по сути, стало направлено не на организационную основу самой власти, а на ее организационно-управленческую реализацию, т. е. на общество.

В данном случае государство становится одним из участников правоотношений, т. е. субъектом права, которым оно не должно являться. Административное право вырастает из суда как индивидуализированного процесса, оно по природе связано с судом. Однако, в отличие от гражданского и уголовного права, суд в административном праве по своей логике не носит восстанавливающего либо репрессивно-назидательного характера, а выступает как порядок оценки ситуации, исполнителя и последствия. При этом в административном праве суду предшествует применение права сотрудниками ОВД или иными органами исполнительной власти.

В своей деятельности сотрудники ОВД, являясь правоприменителями, выступают как субъекты права, которые применяют нормы административного права в отношении лиц, нарушивших установленные государством правила по-

ведения. Как уже отмечалось, данные отношения начинают носить оценочный характер. Из этого следует, что в процессе реализации своих полномочий сотрудник ОВД как представитель государства становится субъектом правоотношений, а не третьей, независимой стороной. Данную сферу правоотношений из-за ее природы стоит отнести к полицейскому праву, ведь она начинает носить предписывающий характер и направлена на общество и реализацию интересов государства. Современное административное право все больше начинает носить характер права, защищающего интересы государства как отдельного участника правоотношений, а само государство все больше пытается урегулировать различные сферы правоотношений. Это связано с тем, что в какой-то исторический момент границы различия административного и полицейского права были стерты и интегрировались в едином административном праве.

Права конкретного человека как представителя общества в современном административном праве – это лишь созданная государством иллюзия. Ведь у него нет альтернативы действий, потому что закон четко предписывает человеку, как он должен действовать: либо он действует, как указано в законе, либо подвергается административному наказанию, что, по сути, является лишь иллюзией свободы выбора, иллюзией наличия каких-либо прав. Если в гражданском праве человек может выступать как конкретный субъект правоотношений, в которых стороны равны, а государство в лице суда выступает в роли третьей и независимой стороны, которая должна установить истину и восстановить справедливость, то в административном праве такого соотношения нет. По большому счету, можно заверить, что современное административное право – это попытка господствующего класса обеспечить исполнение своей воли, возведенной в закон. Значит, можно сказать, что административно-правовое понимание права есть понимание права как предписывающего права, обеспечивающего право государства на исполнение обществом изданных им нормативных правовых актов.

Все вышесказанное обосновывает специфическое правопонимание представителей административного права, которые, в свою очередь, являются представителями государства и правоприменителями, в отличие от других видов правопонимания, а также объясняет, почему представители административного права при нормотворчестве всегда пытаются придать нормам только предписывающий характер.

Список литературы

Абрамитов С. А. Исследование правосознания: Онтологический аспект // Сибирский юридический вестник. 2001. № 1. С. 11–12.

Напольских И. М.¹,
 адъюнкт факультета
 подготовки научно-педагогических
 и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сигалов К. Е.,
 профессор кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, доцент

ПРАВОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВА

В современной юридической науке категория эффективности права является предметом множества научных дискуссий. В течение значительного периода времени данный феномен рассматривался как нечто статичное. Во внимание принимались такие показатели, как соответствие правовых целей полученному результату, соотношение количества актов правомерного и неправомерного поведения, стабильность правовой системы. Оценивалось количество ресурса, необходимого для получения того или иного правового результата. На сегодняшний день данные критерии не утратили своей значимости, вместе с тем внимание правоведов обращается на динамическую сторону рассматриваемого вопроса. Учитываются факторы, формирующие и поддерживающие эффективность права, прогнозируется эффективность применения тех или иных норм на основании различных социальных факторов.

Реализация права в широком смысле предполагает достижение определенного результата в обществе, что обуславливает необходимость учета социальных факторов его эффективности. Особое значение в этой связи приобретает правосознание, существенным образом влияющее на правовую культуру и правовую действительность в целом. В наиболее общем виде правосознание определяется как специфика форм отражения современного общественного бытия, форма общественного сознания, представляющая собой систему правовых целей, понятий, взглядов, представлений, чувств, настроений и т. п. [1]. Правосознание не ограничено каким-либо этапом правового регулирования и имеет важнейшее значение в данном процессе. В правосознании отражается многообразие проявлений правовой жизни общества, происходит рациональная и иррациональная оценка различных юридических феноменов.

Если иррациональная сторона правосознания предполагает оценку отношения к праву под призмой эмоциональной составляющей, то рациональная рас-

¹ © Напольских И. М., 2022.

считает право с точки зрения его восприятия, осмысления и оценки. Данные аспекты в большей степени охватываются категорией правопонимания.

В науке вопрос о соотношении понятий «правосознание» и «правопонимание» является дискуссионным. В широком смысле категория правопонимания рассматривается в качестве тождественной правосознанию [2]. Другой подход рассматривает правопонимание как элемент, формирующий правовое сознание [5]. То есть правосознание рассматривается в качестве понятия более широкого (включающего в себя рациональный и иррациональный компоненты), в то время как правопонимание в большинстве случаев ограничивается рациональными категориями.

В свою очередь, В. П. Малахов отмечает, что «...правопонимание складывается из саморефлексии правосознания» [9]. Данный процесс предполагает комплексный подход к формированию понимания права, включающий рациональный компонент, а также совокупность чувств и эмоций, позволяющих оценить отношение к праву. Соглашаясь с данным мнением, отметим, что любое осознание и понимание происходит под влиянием собственного опыта, поэтому правопонимание – феномен, в котором преобладает рациональная составляющая, однако иррациональные элементы не отбрасываются и позволяют рассмотреть данную категорию под более широким углом.

Многоаспектность правопонимания обуславливает целесообразность его рассмотрения в контексте эффективности права. Выделяют несколько его типов, каждый из которых определенным образом взаимосвязан с категорией эффективности права.

В естественно-правовом понимании главное назначение права состоит в приведении общественных отношений к состоянию, при котором принципы справедливости, равенства, свободы будут определяющими. Сама по себе категория справедливости является оценочной и по большей части относится к нравственности. При этом, как отмечает Г. Ф. Гараева, это не свидетельствует о подмене права нравственностью, но обозначает, что право не может пренебрегать нравственными целями общества, препятствовать их достижению [3]. Нравственный компонент правопонимания является одним из эффективных инструментов поддержания правопорядка и достижения правовых целей.

Наряду с этим естественно-правовому типу понимания права присуща возможность субъективистского критицизма сложившейся системы законодательства. В данном случае речь идет об оценке права с идеалистических позиций, в то время как цель правового регулирования состоит прежде всего в достижении определенного результата.

С естественно-правовым типом правопонимания тесно связано понятие правильного. Но можно ли говорить о том, что та или иная правовая норма является абсолютно правильной или неправильной? Данная категория, как и справедливость, является оценочной. В зависимости от ситуации, условий и порядка применения правовой нормы одно и то же правовое предписание может оцениваться по-разному.

Таким образом, в естественно-правовом типе правопонимания иррациональные элементы играют важнейшую роль. Применительно к данному типу

правопонимания эффективность права определяется тем, насколько положительно оно оценивается обществом, соответствуют ли правовые нормы и механизм их действия понятиям морали и справедливости.

Следующим типом правопонимания является нормативное понимание права. Оно создает то необходимое основание, на котором выстраивается все юридическое право. Без него просто невозможна правовая регламентация общественных отношений [8]. Юридическое правопонимание рассматривает право с позиций правомерности или неправомерности. В данном случае большое внимание уделяется внутреннему строению права. Право рассматривается в качестве системы, изучается механизм взаимодействия его элементов, факторы, обеспечивающие функционирование данной системы. Исходя из юридического правопонимания, эффективность права определяется степенью согласованности его норм, отсутствием противоречий в законодательстве.

Юридическому правопониманию в некоторой степени свойственно обращение к иррациональному аспекту правосознания. Это связано с тем, что в процессе правоприменения необходимо обращаться к оценочным понятиям. К примеру, в ходе судебного разбирательства при принятии решения судья помимо закона руководствуется внутренним убеждением, которое в большей части основано на собственном понимании справедливости. Когда правоприменителем не в полной мере осознается содержательная сторона права, проявляющаяся в системной взаимосвязи норм, процесс реализации правовых норм существенно затрудняется. Речь идет о случаях, когда те или иные отношения, требующие правового осмысления, не имеют детальной юридической регламентации, которую проблематично обеспечить в условиях постоянно изменяющихся общественных отношений.

Социологическое правопонимание основано на понимании права в контексте правоотношений. В данном случае право имеет деятельностное основание и рассматривается как непосредственная взаимосвязь правоотношений, которые складываются в обществе, и норм, которые их регулируют. Данный тип правопонимания включает представление о реально сложившемся порядке в обществе. На определенном этапе развития права социологический подход относился к либеральному направлению в юриспруденции. На сегодняшний день это важнейшая парадигма правопонимания [4].

Еще в конце XIX – начале XX в. С. А. Муромцев отмечал, что «вместо совокупности юридических норм под правом понимается совокупность юридических отношений (правовой порядок)» [7]. Это является принципиальным отличием данного подхода: закон является законом только в том случае, если он фактически применяется в обществе. Если данное положение рассмотреть в контексте эффективности права, то данный тип понимания права позволяет обнаружить нормы, которые существуют, но в действительности не применяются, а также выявить несоответствие между законом и практикой его применения. Это может служить своеобразным импульсом для совершенствования законодательства.

Также, исходя из социологического подхода, право эффективно при совокупности следующих факторов:

- правовые нормы применимы в обществе (могут служить регулятором конкретных правоотношений);

- правовые предписания соответствуют изменяющимся потребностям общества;
- субъекты правоотношений правильно понимают, толкуют и применяют нормы права.

Таким образом, между правопониманием и эффективностью права существует объективная взаимосвязь. Для каждого типа правопонимания эффективность права определяется различными критериями. Сложно судить, какие из них являются более важными, поскольку характеризуют различные стороны права. Иррациональный элемент оказывает влияние на формирование правопонимания, его изучение является важной составляющей для получения объективной информации об особенностях формирования правопонимания и его влияния на эффективность права. Как отмечает Н. Ф. Медушевская, «влияние иррациональных компонентов на формирование права, правосознания, правовой культуры в целом не отрицается большинством исследователей-правоведов. Вопрос заключается в том, каким образом соединить различные методологические стратегии, изучающие тот пласт и те слои психики человека, которые образуют сферу иррационального, как найти их синтез и каким образом соотносятся эти внутренние и внешние факторы» [6].

Список литературы

1. Рассолов М. М., Малахов В. П., Иванов А. А. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана : Закон и право, 2011. 447 с.
2. Бакулов В. Д., Пащенко И. В. Дихотомия правопонимания и правосознания сущность и структура правосознания // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 6. С. 99–108.
3. Гараева Г. Ф. Роль и место естественного правопонимания в интегративном подходе к праву // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 130–133.
4. Костишина С. А. Коммуникативные, феноменологические и герменевтические концепции права в развитии современного социологического правопонимания // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 120–123.
5. Кученев А.В. Правопонимание основа формирования правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. № 2. С. 313–319.
6. Медушевская Н. Ф. Методологические проблемы исследования иррационального в праве // История государства и права. 2021. № 4. С. 38–41.
7. Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права: Введение; О научно-историческом изучении гражданского права; Об образовании гражданского права. М. : Типография А. И. Мамонтова, 1877. 321 с.
8. Палеха Р. Р. Общедоктринальные типы правопонимания в современной российской юридической науке // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 4. 125–131.
9. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 164 с.

*Хвостова А. В.¹,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Лановая Г. М.,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Изучению правовых ограничений в отечественной науке уделяется большое внимание. В теоретико-правовых исследованиях они рассматриваются в контексте вопросов обеспечения прав и свобод человека и гражданина, правового воздействия, правового регулирования, социального управления, гармонизации частных и публичных интересов, поддержания правопорядка и др. Немалый интерес к проблеме правовых ограничений проявляют и представители различных отраслевых юридических наук, причем все чаще осмысление таких ограничений в рамках строго ограниченной сферы юридического регулирования признается недостаточным, – востребованными оказываются междотраслевые исследования, опирающиеся на общетеоретические представления о природе и механизме ограничения в праве.

В то же время не существует общепризнанной теоретической интерпретации правовых ограничений в отечественной юридической науке. Рассмотрение ограничений в рамках широкого спектра теоретически и практически значимых проблем обуславливает появление множества подходов к интерпретации интересующего нас понятия.

В общей теории права базовым принято считать подход А. В. Малько, в работах которого основные положения теории ограничений в праве получили наиболее стройное обоснование. Под правовым ограничением ученый предлагает понимать «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [9, с. 240]. Необходимо подчеркнуть ценность выдвинутого автором тезиса о том, что правовое ограничение связано с обеспечением как общественных интересов, так и интересов конкретной личности. Следует также

¹ © Хвостова А. В., 2022.

согласиться с суждением о том, что в некоторых случаях ограничения выступают в качестве исключения определенных возможностей в деятельности лиц.

В целом, соглашаясь с приведенным выше определением, попутно отметим, что вряд ли можно говорить о правовом ограничении именно как о сдерживании противозаконных деяний. Только в рамках узкопозитивистского подхода к пониманию права последнее тождественно закону. Однако если подходить к правовым ограничениям с такой позиции, то можно прийти к парадоксальному выводу о том, что, например, сдерживание от нарушений норм неконституционных законов является правовым ограничением.

В рамках различных концепций правопонимания рассматривается проблема «дефектных», «неправовых», «ничтожных» законов. Действительно, закон может иметь неправовое содержание, например в случае противоречия его таким общепризнанным принципам права, как справедливость и гуманизм, а также в случае, когда нормы закона перестали соответствовать действительности, устарели.

В. П. Малахов справедливо предлагает не сводить право к системе установленных законом норм [7, с. 393]. Из этого следует, что правовые ограничения сдерживают не только от совершения противозаконных деяний. Целью их применения является удержание субъекта права от любого неправомерного поведения. В подтверждение сказанного целесообразно привести высказывание В. П. Малахова о том, что правомерное поведение является конечной целью действия права.

Следует исходить из того, что правомерность – понятие более широкое, чем законность, поскольку помимо исполнения и соблюдения требований законов, установленных государством, оно предполагает осуществление правовых норм, имеющих иные формы закрепления. Поведение, не совпадающее с требованиями норм права, еще не может быть однозначно оценено как неправомерное [14, с. 411].

Нередко в юридической науке правовые ограничения связывают с процессом реализации принадлежащих индивиду прав и исполнением обязанностей. В этом контексте под правовым ограничением понимают «особую трудность или препятствие для реализации прав и свобод» [10, с. 10] или «сокращение правомочий и установление дополнительных правовых условий для реализации тех или иных правопритязаний, а также форм и способов защиты права от нарушений» [5, с. 43]. Такая интерпретация правовых ограничений имеет под собой теоретические основания, поскольку элементом любого правоотношения, в том числе публичного, являются субъективные права, традиционно признаваемые одной из составляющих содержания правоотношения. Тем не менее он представляется неоправданно узким. В частности, в его рамках не учитывается то, что правовое воздействие не сводится к правовому регулированию; любое правовое ограничение, как и право, частью которого оно является, воплощается не только в правоотношениях, а влияет на правовое сознание, правовую культуру и т. д.

Существуют и другие подходы к интерпретации рассматриваемого понятия. При этом нередко они формируются в рамках тех исследований, авторы кото-

рых делают акцент не на выяснении природы правового ограничения, а на рассмотрении видов, форм, функций правовых ограничений.

Так, Н. П. Исаков, рассматривая правовые ограничения как правовое явление, получившее теоретическую кристаллизацию, фактически отождествляет правовое ограничение и ограничение права [3, с. 53]. При этом он утверждает, что ограничению права свойственны следующие функции: 1) сужение правовых возможностей; 2) увеличение объема юридических обязанностей; 3) достижение компромисса интересов субъектов правоотношений.

Вопрос о соотношении понятий «правовое ограничение» и «ограничение права» в любом исследовании правовых ограничений является ключевым. На наш взгляд, указанные понятия нетождественны. Ограничение права не связано с увеличением объема юридических обязанностей, оно всегда сопряжено с сокращением объема возможного (допустимого, дозволенного) посредством расширения сферы запрещенного. Ограничение права – это сокращение возможностей для реализации субъективного права, а понятие «правовое ограничение» шире по объему, оно может быть связано с изменением объема обязанностей, полномочий и некоторых других элементов правового статуса субъекта.

В. С. Нерсисянц определяет ограничение как «санкционированное временное сокращение либо уменьшение, как по существу, так и по времени, пользования благом, составляющим предмет субъективного права» [11]. В отличие от многих других ученых, он верно отмечает такую характеристику правового ограничения, как «санкционированность», которая предполагает законодательное установление государством и гарантирование его обеспечения возможностью государственного принуждения. Примечательно, что ограничение может изменять объем не только субъективных прав, но также обязанностей и полномочий (принципиальное отличие полномочия от субъективного права состоит в том, что оно осуществляется в чужом интересе).

Признавая очевидные достоинства предложенного В. С. Нерсисянцем определения ограничений, тем не менее сложно согласиться с содержащимся в нем указанием на временный характер того «сокращения» или «уменьшения», которое им предполагается. Правовые ограничения могут носить как временный, так и постоянный характер. Например, ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [1] установлены ограничения для поступления и прохождения гражданской службы, которые носят постоянный характер.

И. Н. Ищук определяет ограничение как «самостоятельное правовое средство, выполняющее в механизме правового регулирования превентивно-профилактическую и гарантийно-обеспечительную функции, сущность которого состоит в установлении границ применения субъективного права одного лица в интересах другого лица, группы лиц, общества в целом в определенных правоотношениях, выражающемся в создании временных затруднений его реализации при сохранении объема полномочий в нем содержащихся, их существа и содержания» [4, с. 9]. Это определение также вызывает ряд вопросов. Во-первых, в нем тоже не вполне обоснованно указывается на временный характер затруднений, в которых выражаются ограничения. Во-вторых, вряд ли можно согласиться

с тем, что сущность ограничения состоит именно в «установлении границ применения субъективного права» и что ограничения выполняют лишь две функции – превентивно-профилактическую и гарантийно-обеспечительную.

Поскольку конечной целью правового ограничения является упорядочение общественных отношений, следует выделить в качестве самостоятельной его функции организационно-упорядочивающую. Также правовые ограничения выполняют воспитательно-мотивировочную функцию, которая заключается в воздействии ограничений на правосознание и стимулирование правомерного поведения субъектов права. Кроме того, можно выделить аксиологическую функцию правовых ограничений, поскольку их утверждение и соблюдение направлено на обеспечение ценностей, установленных в обществе.

Существует точка зрения, согласно которой правовое ограничение есть «установленный в нормах права запрет на такую реализацию субъективного права, которая подрывает основы конституционного строя РФ, нравственность, здоровье, права и свободы других лиц, оборону страны и безопасность государства» [12, с. 106]. Однако мы считаем, что правовое ограничение нельзя отождествлять с запретом. Несмотря на то, что и то, и другое основано на императивных нормах, они имеют разное содержание. Запрет состоит в требовании не совершать какое-либо действие, а ограничение предполагает постановку определенных рамок (границ) деятельности.

И. М. Приходько под правовым ограничением понимает правовое средство, «направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрсубъекта» [13, с. 20–22]. Положительным моментом является то, что автор в сформулированном определении верно отмечает цель установления ограничений в праве, которая состоит в упорядочении правоотношений. Однако в целом предложенный подход к интерпретации интересующего нас понятия сужает его объем, поскольку в его рамках механизм ограничения фактически сводится к обеспечению интересов контрсубъекта. В общем смысле субъект и контрсубъект выступают противоборствующими сторонами, а установление ограничений не всегда связано с наличием противоборства и вообще какой-либо объективно существующей проблемой, – оно может осуществляться в целях упорядочения общественных отношений и там, где нет противоборствующих сторон.

Высказываются и иные суждения, в рамках которых акцент делается на тех или иных моментах, значимых для понимания природы правовых ограничений и их инструментальной роли. В частности, А. С. Шабуров справедливо отмечает, что «ограничение можно охарактеризовать как сущностный признак права, как одно из средств обеспечения его реального действия» [15, с. 367], Н. А. Власенко вполне обоснованно подчеркивает, что «тема ограничений в праве должна исследоваться в сфере действия права» [2, с. 54].

Разделяя мнение ученых, полагающих, что ограничение необходимо рассматривать в качестве правового средства, считаем необходимым очертить сферу его практического применения предельно широко, характеризуя правовое ограничение в качестве предназначенного для урегулирования общественных отношений посредством установления границ или пределов деятельности субъектов права.

В правовых ограничениях находят отражение все признаки и особенности права в целом: общеобязательность, нормативность, формальная определенность, государственная гарантированность.

Чтобы наиболее точно определить природу правового ограничения, считаем целесообразным указать на некоторые свойства, присущие ему как правовому средству. Прежде всего необходимо отметить такое свойство правового ограничения, как имманентность праву. Даже фиксируя то или иное субъективное право, право в объективном смысле тем самым фактически создает для человека ограничение, потому любое право имеет пределы своего осуществления, связанные с моментом возникновения и прекращения действия определенного права и границами прав других членов общества.

В качестве свойства ограничения стоит отметить принудительный характер, обусловленный властной природой права в целом. Принуждение, имманентное праву, является его обязательным атрибутом, а ограничение выступает одним из проявлений силовой природы права. В этой связи В. П. Малахов вполне обоснованно указывает, что «сила права состоит в его способности переходить из сферы должного в действительность правоотношений за счет собственных ресурсов (своих средств)» [8, с. 7].

Еще одним отличительным свойством правового ограничения является включенность его в любой правовой механизм в качестве обязательного и неотъемлемого элемента. Ограничение можно характеризовать как правовое средство, выступающее в качестве элемента обеспечения действенности и эффективности права. Включенность ограничения в механизм действия права, в свою очередь, можно считать признаком права.

Правовые ограничения направлены на упорядочение правовых отношений, в некоторых случаях – на их охрану и защиту. Правовое ограничение осуществляется в правовой сфере, устанавливается в рамках определенной действующим правом процедуры и уполномоченным субъектом. Установление правовых ограничений государством обуславливает тот факт, что их соблюдение обеспечено силой государства.

В качестве свойства правового ограничения выступает возможность изменять правозначимую ситуацию за счет сдерживания, уменьшения степени свободы субъекта, разнообразия вариантов поведения и т. д. Из этого вытекает еще одно свойство правового ограничения – универсальность, которая обуславливается тем, что любой субъект в рамках любых правоотношений может быть ограничен.

Свойством правового ограничения также является воздействие на интересы человека через его сознание и волю. Правовые ограничения выражают собой отрицательную мотивацию, побуждая лицо к правомерному поведению путем несовершения действий, выходящих за установленные правовые рамки.

Важно отметить, что в существующих в отечественной юридической науке интерпретациях правового ограничения не затрагивается вопрос о последствиях его несоблюдения. Очевидно, что выход за установленные законом границы поведения влечет определенные правовые последствия, как правило, негативные, связанные с применением мер юридической ответственности. Правовая

ответственность, как справедливо отмечает В. П. Малахов, должна связываться только со злоупотреблением установленным правом (как правомочием) или с пренебрежением запретами, т. е. злоупотреблением свободой (возможностью выхода за пределы права) [6, с. 134]. Последствия несоблюдения правовых ограничений, как правило, определяются в санкции правовой нормы.

Изложенное позволяет утверждать, что правовое ограничение существенно отличается от иных правовых средств. Природа правового ограничения состоит в сдерживании от такого противоправного удовлетворения субъектом права собственных интересов, которое может нанести вред другим гражданам, обществу или государству. Ограничения имманентны праву и являются универсальными средствами правового воздействия.

Правовое ограничение представляет собой инструмент, дальнейшее изучение которого является необходимым в условиях отсутствия единого теоретического подхода к его интерпретации. Исследование правового ограничения требует рассмотрения его с позиции средства обеспечения реальности действия права, воздействия на правоотношения и поведение отдельных субъектов права.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601 (дата обращения: 11.01.2021).
2. Власенко Н. А. Ограничения в праве: природа и пути исследования // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 53–55.
3. Исаков Н. П. Правовые ограничения как правовое явление // Вестник Академии права и управления. 2013. № 30. С. 48–54.
4. Ищук И. Н. Ограничения в праве: Общетеоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. СПб., 2006. 169 с.
5. Кондрашев А. А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40–47.
6. Малахов В. П. Философия права : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. 164 с.
7. Малахов В. П. Концепция философии права. М. : Юнити-Дана, 2007. 751 с.
8. Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018. 271 с.
9. Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.
10. Москаленко Т. О. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. М., 2012. 32 с.
11. Теория государства и права : учебник / рук. авт. кол. и отв. ред. Г. Н. Мано-нов. М. : Бек, 1995. 323 с.

12. Осипов М. Ю., Оськина С. В. Ограничения в праве как элемент управления: понятие и правовая природа // Современные проблемы права, экономики и управления. 2018. № 1 (6). С. 101–111.

13. Приходько И. М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Саратов, 2002. 26 с.

14. Хвостова А. В. Проблема соотношения законности с категориями справедливости, целесообразности и правомерности в правоприменительной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 3 (45). С. 408–414.

15. Шабуров А. С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 365–370.

Кеменяш Ю. В.¹,
*адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Малахов В. П.,
*профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор*

СИМУЛЯКР КАК СЛЕДСТВИЕ АКТА ПРАВОПОНИМАНИЯ

Вопрос о понимании права представляется актуальным и сложным. Связано это с тем, что правопонимание в прямом смысле является представлением индивидуума, общества о праве, о его сущности и смысле, которое складывается из различных элементов. Процесс является сложным ввиду того, что понимание права представляет собой постижение смысла сложных и нематериальных вещей, сущностей, которые существуют в действительности. Так, понимать право – значит видеть в действительности то, что мы о нем думаем и говорим, и наделять видимое определенным смыслом [с. 48].

Актуальность проблемы обоснована отражением постигаемого смысла и значения права на выборе индивидуумом дальнейшего поведения, на выстраиваемой государством политике и на жизни социума в целом.

К элементам, из которых складывается понимание права, относятся: логика, целевые назначения, способы организации, характер субъекта, характер связи прав и обязанностей, роль обязательств и притязаний, характер ответственности, особенности суда, своеобразие культурных форм правовой жизни и др. [с. 49].

Перечисленные элементы нельзя назвать постоянными или неизменными составляющими правопонимания, которые играют однозначную роль в формировании последнего. Они не имеют определенной окраски, смысла, ценности, значения при формировании понимания права, по этой причине и правопонимание предстает перед нами различным, в связи с чем нельзя назвать то или иное понимание права ложным или истинным. Из этого следует вывод о том, что понимание права является вопросом идейной позиции субъекта правопонимания.

Здесь усматривается закономерность, при которой наличие ложного восприятия того или иного элемента правопонимания или вовсе его отсутствие в этой совокупности элементов способны сформировать искаженное понимание права. В таком случае под правом понимается то, что, по сути, правом не является,

¹ © Кеменяш Ю. В., 2022.

выступая лишь его подобием. Подобная совокупность элементов, на первый взгляд, представляется правом, но по факту вытесняет его основные характеристики, – именно поэтому правом данное явление назвать невозможно.

Например, ложное представление о субъекте, вступающем в правоотношения, порождает искажение понимания права. Тенденцию к цифровизации правоотношений можно отнести к данному явлению: правоотношения по своей сущности являются отношениями, которые возникают между людьми, между людьми и государством, – такие отношения порождают право. При цифровизации правоотношений субъектом становятся цифры, правовые отношения в данном случае не возникают. Это значит, что названные «цифровизированные правоотношения» не порождают право, в них отсутствует субъект правоотношений.

При регулировании отношений одними правовыми нормами зачастую достигаются иные цели, напрямую не относящиеся к целевому назначению этих норм. Например, нормы законодательства закрепляют равенство граждан перед законом и судом, чем подавляют негативные социальные последствия.

Различное восприятие элементов правопонимания формирует различное понимание права, и неадекватное их восприятие формирует искаженное понимание права, которое влечет за собой образование правовых симулякров. Правовые симулякры, как и право, регулируют отношения, складывающиеся в обществе, но не порождают право в действительности. Они лишь создают видимость наличия права, создавая различные последствия для общества и государства.

Например, в современной действительности издаваемые законодательным органом законы творят право, а не право творит законы. Из этого получается, если право есть закон – значит законы творят законы, а законодательный орган издает законы на основании существующих законов. В противном случае принять закон, не соответствующий законодательству, – значит порушить систему законодательства государства, что приведет к революции в праве. Поэтому непротиворечивая система права становится производной от системы законодательства.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что ложное восприятие того или иного элемента правопонимания или вовсе его отсутствие в этой совокупности формирует искаженное и неадекватное понимание права, порождающее правовые симулякры, которые символизируют неподлинность понимания определенных вещей, норм, конструкций в праве. Иными словами, правовые симулякры являются плодом неадекватного правопонимания.

Список литературы

Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. 332 с.

Шлегель П. О.¹,
 адъюнкт факультета
 подготовки научно-педагогических
 и научных кадров
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Клименко А. И.,
 начальник кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПРАВОПОРЯДОК: ВЗАИМОСВЯЗЬ И ЗНАЧЕНИЕ В ОБЩЕСТВАХ РАЗНОГО ТИПА

Правовая идеология имеет множество подходов к ее пониманию. Эволюция представлений о правовой идеологии и ее значении на разных этапах исторического развития общества приводит к ограниченной трактовке данного феномена. Между тем, принимая во внимание множество мнений о содержании правовой идеологии, наиболее современным и социально ориентированным будет выступать понимание правовой идеологии как механизма организации идеологической сферы современного общества [3, с. 13].

Как и многие другие базовые понятия, понятие правопорядка многозначно и изменчиво в зависимости от контекста. Правопорядок в его традиционном понимании есть «упорядоченность» либо «организация» общественной жизни посредством правовых норм, представляющая собой некий результат соблюдения, исполнения, использования и применения правовых норм в обществе [1, с. 540]. Данная особенность правопорядка позволяет констатировать его социальный характер.

Непосредственно действуя в социальной среде, правовая идеология и правопорядок приобретают общую взаимосвязь. В большинстве своем в юридической науке определяется роль правовой идеологии как укрепляющей и обеспечивающей сам правопорядок [3, с. 245]. Действительно, современная концептуализация правовой идеологии позволяет уделять внимание последней в обеспечении общественной безопасности современного государства западного типа. В целом, критерий правовой идеологии объединяет правовые системы западного типа и в то же время отличает их от других [2, с. 14].

Так, наиболее развитыми считаются общества с романо-германской и англо-саксонской правовыми системами, поскольку роль правовой идеологии в романо-германской системе выражается с помощью кодифицированных законов, а в англо-саксонской – с помощью правовой практики (основной источник права – судебный прецедент).

¹ © Шлегель П. О., 2022.

При этом нельзя отрицать наличие идеологического компонента в любой другой правовой системе. В связи с этим возникает вопрос: какова роль правовой идеологии и каково значение правопорядка в обществах иного типа?

Традиционные общества отличают сложившаяся система обычного права, отсутствие правовых норм, а также не успевшая захватить общество политизация. Правопорядок в обществах такой культуры складывается как бы сам собой, под воздействием естественных факторов. Правовая идеология в данном случае не будет иметь значения, поскольку должна строиться на конкретных правовых ценностях, идеях и принципах, система которых еще не сформирована в традиционном обществе. Таким образом, в культуре общества с обычным правом идеология в основном подменяется наличием мифологических или религиозных представлений.

Общества, в которых религия является господствующим регулятором, отличаются наличием преимущественно религиозной идеологии. Соответственно, в их правовых системах значимость при организации жизни приобретают в первую очередь религиозные представления и верования, а правовым нормам отводится второстепенная роль. Идея греха в религиозном обществе, по сути, тождественна противоправному деянию, угрожающему существующему правопорядку, т. е. положению вещей в мире, которое организовано под воздействием тех самых верований и идей. Таким образом, значение здесь имеют не правовые нормы, а религиозные догмы.

Общества с социалистической правовой системой отличает наличие идеологии, в первую очередь правовой, поскольку идеология социализма с помощью права преследует цели упорядочить экономические отношения, сделать их стабильными и установить господство одной партии.

В отличие от традиционной и религиозной правовых систем, социалистическая отличается нормативным характером. Неслучайно многие из современных государств, входивших в социалистическую правовую семью, в результате качественных изменений теперь входят в романо-германскую правовую систему.

Правопорядок же не всегда есть результат законности: законность подменяется «целесообразностью» в необходимой ситуации. Законы имеют ярко выраженную особенность, заключающуюся в том, что они в основном обеспечивают интересы государства, при этом номинально провозглашая власть народа, права и свободы граждан, гарантии обеспечения которых реально отсутствуют. Все это свидетельствует о том, что правопорядок как состояние права в социалистическом обществе формируется под влиянием правовой идеологии, исходящей в первую очередь от государства.

Итак, в обществах незападного типа правовая идеология не имеет существенного значения, поскольку регулирование общественных отношений посредством правовых норм минимально.

Правовая идеология лучше всего прослеживается и реализуется в обществах с позитивным правом, поскольку имеет непосредственное отношение к процессу правового регулирования, определяя цели результативного воздействия правовых норм на общественные отношения [4, с. 375]. Общественный порядок преобразуется в правопорядок под давлением правовой идеологии на другие

формы и системы организации жизни общества, тем самым актуализируя идею первостепенной роли правовой идеологии современного политически организованного общества.

Список литературы

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 13-е изд., стер. М. : Дашков и К°, 2019. 608 с.
2. Клименко А. И. Правовая идеология как особая форма идеологии современного политически организованного общества: сущность и функциональные характеристики // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 10. С. 14–23.
3. Клименко А. И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2016. 541 с.
4. Михайлов А. М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2017. Т. 21. № 3. С. 355–379.

*Антохина М. Е.¹,
соискатель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Отечественное образование прошло длинный и сложный путь от единичных учебных заведений до стройной системы национальной подготовки высоко-профессиональных кадров. Становление отечественного законодательства в сфере образования приходится на вторую половину XIX в. Цель женского образования в XIX в. была крайне размыта и имела узконаправленную сферу применения: фактически кроме сдачи экзаменов и получения диплома никаких целей не существовало, поскольку женщины не могли официально работать, им были доступны только отдельные педагогические должности, чуть позже – медицинские. Возможность получить юридическое образование возникла у женщин лишь в годы Первой мировой войны, когда количество мужчин, ушедших на войну, было столь велико, что кадровый недостаток стер различия между полами.

Устав гимназий и прогимназий Александра II 1871 г., внесший изменения в Устав 1864 г., открыл для женщин двери высших учебных заведений [1]. На короткий период становится возможно посещать лекции в высших учебных заведениях вольнослушателями.

Вот как описывает первый приход женщины в университет Л. Ф. Пантелеев: «Раз в осенний семестр 1860 года сидим мы, студенты-юристы второго курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина <...> По времени входит Кавелин; но к крайнему нашему удивлению вслед за ним показалась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего под руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин как ни в чем не бывало прочел свою лекцию. Не думаю, однако, что на этот раз все прослушали лекцию с тем вниманием, как это обыкновенно бывало. То же повторилось и на следующей лекции; затем Кавелин сам несколько раз вводил барышню, а потом она стала появляться в аудиторию одна, принося с собой тетрадь для записывания лекций, и в ожидании профессора усаживалась за одним из общих столов. Барышня имела резко выраженный итальянский тип, небольшого роста, всегда одета в черное шерстяное, простого фасона платье; волосы у нее были несколько подстрижены и собраны в сетку. То была Наталья Иеронимовна Корсини, дочь небезызвестного тогда в Петербурге архитектора Иеронима Дементьевича Корсини» [2, с. 225].

Это был вызов для общества того времени: девушка без сопровождения посещает общественное место. Многие женщины ради образования прекращали отношения с семьей, преодолевая косность взглядов, им приходилось мириться

¹ © Антохина М. Е., 2022.

с тем, что общество в большей своей части считало их нигилистами, а правительство в стремлении к высшему образованию и вовсе видело протест против существующего строя.

Значимой датой для становления высшего женского образования можно считать 1878 г. – год открытия высших женских курсов (их еще называли Бестужевскими, по имени первого директора К. Н. Бестужева-Рюмина), просуществовавших вплоть до революции. Программа преподавания носила систематический и, главное, университетский характер преподавания. Открывались и другие курсы: например, в 1872 г. историк и педагог В. И. Герье открывает в Москве высшие женские курсы, их будут называть курсами Герье.

Причиной открытия курсов с программой высшего образования послужило то, что многие женщины, желавшие продолжить свое обучение, были вынуждены уезжать за границу, чаще всего в Швейцарию (Цюрихский университет) и во Францию (Сорбонна). Впоследствии курсы открываются и в других городах: в Киев – 1878 г., Казани, Одессе – 1879 г.; в Томске – в 1908 г.

В 1872 г. при поддержке Д. А. Милютин и субсидий от военного министерства в Петербурге открываются медицинские курсы. В 1904 г. эти курсы приравниваются к медицинским университетам. Они содержались за счет казны. Диплом, полученный при окончании, давал женщинам права, за некоторыми исключениями, мужчин-врачей.

Начиная с 1890-х гг. открывается целый ряд специализированных курсов: архитектурные, юридические, курсы руководительниц физического воспитания, политехнические. В это же время возникают частные высшие заведения для лиц обоих полов, примером может служить Институт имени В.М. Бехтерева и Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского.

Согласно всеобщей переписи населения, в 1897 г. в городах доля грамотного населения среди женщин составляла лишь 38,3 %, из них общее среднее образование получили 0,8 %.

К концу XIX – началу XX в. в России сложилась система организационно-правового регулирования женского образования. Были созданы специальные учебные заведения для женщин, разработано нормативно-правовое основание их функционирования, закрепляющее различные типы учебных заведений.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XLVI. № 49744.
2. Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М. : Гослитиздат, 1958. 848 с.

Юшина О. А.¹,
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Малыковцева Е. В.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

НОРМАТИВНЫЙ ФАКТ КАК ОСНОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРАВА

В современной юридической науке и научно-юридической практике такая юридическая категория, как «обязательность», зачастую отождествляется с категорией «принуждение». В большинстве исследований это приводит к непоследовательности при рассмотрении понятия правовой обязательности. Такое понимание понятия сравнивают с принудительностью как государственно-властным воздействием, имеющим ограничительный характер. Зачастую эти два понятия определяют как синонимы, либо выводят одно понятие из другого, либо рассматривают как часть и целое. Вместе с тем связь между данными правовыми категориями существует лишь опосредованно. Что же тогда представляет собой обязательность? Почему люди и социальные коллективы подчиняются правовым нормам и в связи с чем у норм берется принудительная сила, которая становится для субъекта обязательной? Попробуем рассмотреть проблему в аспекте теории нормативного факта, разработанной социологом, философом права Г. Д. Гурвичем.

Г. Д. Гурвич считал, что в вопросах правовой обязательности и эффективности права заключается сложность понимания феномена права. Ученый определял, что к адекватному пониманию феномена права можно прийти через идею нормативного факта: «Если понимать право как нечто абсолютно гетерономное, т. е. навязываемое властью, полностью гетерогенной по отношению к праву, будь это коллективная власть некоей метаюридической тотальности либо повеление более могущественного или более сильного и т. п., то под интенсивностью правоприменения уже не разглядеть самой идеи права. Если же понимать право как нечто абсолютно автономное от власти, то оно растворяется в нравственности. Остается лишь признать, что право не является ни абсолютно гетерогенным, ни абсолютно автономным, но оказывается выше такого противопоставления, заимствуя свою обязывающую силу из объективных фактов,

¹ © Юшина О. А., 2022.

воплощающих самим своим существованием сущностные позитивные ценности (правового или морального характера) и тем самым призванных выступать в роли персонифицируемых источников власти при формировании правовой нормы. Это приводит нас к идее „нормативного факта”» [7, с. 142].

Понятие «нормативный факт» трактуется ученым в двух смыслах: как источник права и как субъект, из которого этот нормативный источник исходит. Как источник он представляет собой исходящую от государства власть и ее результат, а также значимость закреплённой нормы права, ее работоспособность и востребованность. По мнению Г. Д. Гурвича, нормативные факты, обладающие лишь властным признаком, сами по себе не предполагают эффективность закреплённых ими норм права. Указанное свойство нормативного факта определяется критерием его соответствия требованиям справедливости и морального идеала, а не властным характером: «...чтобы нормативный факт мог рассматриваться как нормативный, ему нужно обосновать себя в качестве такового: воплощаемые им ценности должны найти свое обоснование как позитивные ценности, утвердиться как связанные со справедливостью и как служащие моральному идеалу» [7, с. 155].

Принудительная сущность (значимость) не есть принуждение. Правовая норма обязательна вне зависимости от того, содержит ли она санкцию несоблюдения запрета или нет, – при утрате «элементов» принуждения правовая норма не теряет своей значимости и обязательности. Данный факт дает праву возможность эффективно осуществлять регулирование в случае невозможности установить санкцию за нарушение правовых требований (либо законодатель не успевает вовремя реагировать на изменение обстановки, либо это ситуации «молчания права»).

Нормативный факт не нуждается в установлении и безусловном принуждении со стороны государства, он сам по себе выступает неким гарантом обеспечения обязательности правовых требований. Основу обязательности права составляет связь трех элементов – авторитета, ценности и действенности: «...источник положительного права – это квалифицированный авторитет, на который опирается обязательная сила права и которым самим своим существованием, воплощающим ценности, дает гарантию действенности этого правила» [7, с. 818].

Правовая обязательность выражается в позитивности нормативного факта, т. е. через реальное соответствие правоприязаний и обязанностей. Правовые предписания приобретают общеобязательность из социального целого, а не из произвола индивидов или их социальных групп. Право нуждается в коллективном признании, иначе не будет наступления желаемой взаимосвязи между правами и обязанностями. Подразумеваемая необходимость существования своего права, индивид тем самым автоматически подразумевает наличие обязанности по отношению к другим, кто обладает таким же правом.

Позитивность права характеризуется двумя признаками: закреплёнием властной нормы права уполномоченным на то властным органом и эффективностью такого правила в определенной социальной среде. Соответственно, каждый источник права должен «доказать», что он обладает такими признаками двойного требования, что он сам по себе представляет власть и гарантирует

эффективность такой власти. Если же нет, то, источники не могут дать правовых гарантий. Так, правовой обычай, действующий в рамках определенной общности продолжительное время, эффективно осуществляет правовое регулирование общественных отношений. Законы же могут существовать исключительно в виде текста документа, будучи абсолютно бессильными. То есть вопрос силы источника права не только в правоустанавливающем авторитете, но и в реальности действия правовых норм, их признанности самим обществом.

Правовая действительность может быть выявлена не только с помощью формальных технических приемов, но также и непосредственно интуицией, поэтому, по мнению Г. Д. Гурвича, необходимо разграничивать формальное позитивное право в его классическом понимании и интуитивное позитивное право (право, которое констатируется «через непосредственную интуицию правотворческого авторитета нормативных фактов, независимо от фиксированных технических процедур») [7, с. 320]. Констатация этих фактов на уровне интуитивного позитивного права осуществляется в произвольной форме, без использования формальных технических процедур, к которым обычно прибегает законодатель или правотворческий орган. Субъектами интуитивного права могут выступать организации, общности, индивиды. В сферу интуитивного права входят: дисциплинарное право органов государственной власти и иных органов; право правоприменительных органов разрешать дела по своему усмотрению, в том числе и право судьи разрешать по совести те из переданных ему споров, которые не урегулированы формальным правом. Ученый подчеркивал, что «акты непосредственной констатации „предсуществующего права“, создающие интуитивное право, могут быть осуществлены и в действительности осуществляются изолированными индивидами, принимающими участие в процессе осуществления права; <...> Можно принимать участие в правовом бытии коллективно, хотя констатировать право можно индивидуально» [7, с. 320].

В аспекте актуальных правовых проблем, вызванных эпидемиологической обстановкой в мире, особенно важно разобрать вопросы правовой обязательности, которая складывается в социальной реальности. Государство, реализуя необходимость регулирования общественно важных вопросов в области здравоохранения и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, закрепило этот вопрос прежде всего в Конституции Российской Федерации [1], а также в Федеральном законе от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [5], в Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [6], в других нормативных правовых актах. В настоящее время, реагируя на эпидемиологическую ситуацию в регионах, Президент Российской Федерации Указом от 11 мая 2020 г. № 316 [2] делегировал полномочия руководителям субъектов на совершение определенных действий по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия внутри субъекта. Все это – примеры формального позитивного права, которое с учетом существенного ограничения прав и свобод человека и гражданина способно лишь временно определить оптимальные с точки зрения

государства варианты поведения людей в обществе с учетом сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановки.

Только интуитивное право, проявляя себя непосредственно в деятельности правоприменительных органов, способно в данной ситуации нивелировать те последствия, к которым приводят принудительные ограничения государства. Правоприменительная практика уже содержит примеры разрешения дел в пользу восстановления нарушенных прав. Так, решение Щербинского районного суда по гражданскому делу №2-586/21 о признании незаконным отстранения от работы, взыскании заработной платы, компенсации, компенсации морального вреда [3]. Существуют и противоположные по содержанию решения, когда суд остается на позиции ограничения прав. Рассмотрим постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. [4]. В постановлении определено, что принятие государством в отношении свободы передвижения конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер прежде всего имеет направленность на самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы и тем самым является проявлением одной из форм социальной солидарности, основанной на взаимном доверии государства и общества. В постановляющей части высший орган конституционного контроля признал содержание оспариваемого пункта правового акта главы субъекта Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации.

Остается резюмировать, что только коллективное признание предельно допустимых ограничений, выработанное самой правовой практикой, способно быть нормативным фактом правотворящего авторитета, со временем определив границы и формы государственного вмешательства в основные права человека.

Интуитивное позитивное право Г. Д. Гурвич рассматривает как самостоятельный уровень права, который призван органично дополнять позитивное право, обеспечивать воплощение нормативных фактов в действительности. Равновесие между этими разновидностями позитивного права – необходимое условие его нормального развития. Интуитивное позитивное право – необходимый элемент любого правопорядка, поскольку оно приспособливает действующее формальное позитивное право, имеющее неизменный характер, к постоянно меняющимся нормативным фактам. На стадии правоприменения или заключения договоров, соглашений между субъектами частного права нередко происходит так, что формальное позитивное право в той или иной части перестает соответствовать изменившемуся содержанию нормативного факта. Действующие субъекты вынуждены самостоятельно, чисто интуитивным путем, руководствуясь собственным правосознанием приводить формальное позитивное право в соответствие с новым состоянием нормативного факта. Особенно актуально использовать положения рассматриваемой теории в условиях цифровизации, захлестнувшей правовую действительность.

Возможные конфликты интуитивного и формального права разрешаются в рамках одного и того же позитивного правопорядка, но с учетом степени их соответствия нормативному факту в том правовом поле, где они используются (плюрализм констатаций). Таким образом, возникает плюрализм источни-

ков позитивного права, что значительно расширяет сферу юридического опыта.

Право формируется самой социальной жизнью, порождаясь коллективами людей, обществом, а не государством. Нормативные факты выполняют прежде всего нормотворческую функцию, выступают регулятором социального действия, звеном социальной интеграции.

Таким образом, обязательность необходимо рассматривать как особое свойство правовых требований, основания которого содержатся прежде всего в специфике самого права как оптимального с точки зрения общества института, основной задачей которого является регуляция общественных отношений.

В заключение можно привести определение права, данное Г. Д. Гурвичем и как нельзя точно подчеркивающее все многообразие содержательной специфики этого универсального социального института: «Право есть позитивный порядок, представляющий собой попытку реализации справедливости (как предварительного примирения трансперсональных и персональных ценностей на основе логизации морального идеала, для которого такая логизация выступает в качестве неотъемлемого и априорного средства) в определенной социальной среде посредством системы обладающих императивно-атрибутивным характером многосторонних правил, которые устанавливают строго определенную взаимозависимость между коррелирующими обязанностями и притязаниями, обретают свою обязывающую силу в „нормативных фактах” и которые в определенных случаях допускают возможность своей реализации путем принуждения, не требуя такого принуждения как необходимого условия» [7, с. 809].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Указ Президента Российской Федерации от 11 мая 2020 г. № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 20. Ст. 3157.

3. Решение Щербинского районного суда по гражданскому делу № 2-586/21 о признании незаконным отстранения от работы, взыскании заработной платы, компенсации, компенсации морального вреда // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru>.

4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 49П от 25 декабря 2020 г. «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области „О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коро-

навирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области” в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision507676.pdf>.

5. Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.

6. Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.

7. Гурвич Г. Д. Философия и социология права : избранные сочинения / пер. с фр. М. В. Антонова ; пер. с англ. М. В. Ворониной. СПб. : Издательский дом Санкт-Петербургского государства университета, 2004. 848 с.

Абрамов А. В.¹,

адъюнкт

Орловского юридического института

МВД России имени В.В. Лукьянова

Научный руководитель:

Клименко А. И.,

начальник кафедры

теории государства и права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ОСОБЫЙ СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Со времен своего возникновения государство и право в понятийной сфере вынуждены отвечать как теоретическим, так и практическим интересам. Использовать право функционально грамотно возможно лишь осмыслив содержание и сущностные признаки, поняв ценность права как медиатора человеческих отношений. Объективно право воспринимается как совокупность юридических норм, совокупность нормативных правовых актов, правовых обычаев, субъективно право воспринимается как система идей, форма и критерии поведения субъекта, образ неотторжимых естественных человеческих прав.

Зачастую мы довольствуемся позитивным правом в виде системы норм, установленных государством, абстрагируясь от скрытых рычагов реализации права идеологического, психологического, материального и т. д. Позитивные социальные изменения неразрывно связаны с внешней формой права. В данном контексте право лишь инструментальное выражение государственной воли к принуждению: необходима опора на убежденность в праве большинства, в противном случае право регулирует небольшой сегмент отношений, признанных значимыми на государственном уровне. Значительная доля правоотношений располагается в «серой» зоне права, также возможно правопонимание на уровне интуиции. Как писал российский правовед А. П. Сорокин, народ имеет право, которого заслуживает. При этом такое «заслуженное» право существует до того момента, пока большая часть граждан не сомневается в его способности решить насущные проблемы в справедливом ключе. В обществе существует обратная пропорциональная зависимость правового убеждения и государственного принуждения. По мнению некоторых теоретиков права, внедрение в правовые исследования категории правопонимания в контексте сознания вводит долю процессуальности в схему отношений «объект – субъект». Исходя из изложенного, субъект воспринимает объект права не статично и пассивно, а как результат взаимодействия [1]. Мотивация в праве заключена в правопонимании, нашедшем отражение в правосознании. Как писал П. А. Сорокин, воздей-

¹ © Абрамов А. В., 2022.

ствие права на психический компонент сознания «превращает... из холопской души в душу свободного гражданина» [2]. Правопонимание как процесс может идти как по пути дедукции, так и по пути индукции. В. С. Нерсисянц писал, что юридическая теория и понятие права связаны по объему, сама юридическая теория предстает в раскрытии понятия права. Право же, наоборот, есть спрессованная юридическая теория [3]. На протяжении последних 100 лет проблематика построения единой, функциональной, непротиворечивой теории права и его понимания не теряет актуальности в правоведении, философии, социологии, психологии. Существуют значимые основания предполагать, что в ближайшем будущем проблема правопонимания не разрешится. Здесь уместна емкая характеристика А. Д. Керимова: «...прошло больше века и, увы, положение существенно не изменилось» [4]. Однако современный этап восприятия права неразрывно связан с его морализаторством. Мораль играет роль «подсластителя» для «горького лекарства» государственного принуждения. В трудах М. И. Байдина описан процесс демократизации общества путем углубления начал нравственности в отечественной правовой системе, сближения права и морали [5]. При этом мы видим позитивное право оторванным от духовности и морали, некое перерождение права в «законничество». Право становится техническим орудием, призванным закрепить решение проблем в формальном ключе.

Философия постмодерна меняет само восприятие права через форму признаков и процессов. Общественное сознание сегодня воспринимает право в формате изменчивого, противоречивого, многомерного, феноменологического и структурного явления. Для постмодернистской парадигмы существует ряд оснований:

1. Противостояние унификации и монизму в любых формах.
2. Локализация как идея разнообразия и множества.
3. Одновременное функционирование множества идей и концептов, скрещивание, заимствование и взаимное проникновение разных направлений и методов.

Мир постмодерна критичен, многополярен и плюралистичен, как следствие – увеличение числа концептуальных идей влияет на право и на динамику его понимания в целом. Право меняется на уровне восприятия, основой становятся не мироощущения, а чувственная система, по сути, это и есть правовой постмодерн. В правовом модерне идеологический компонент доминировал в правовом сознании, базой постмодерна стало правосознание с доминантой правовой психологии. Ученые постмодерна воспринимают и понимают право как явление, включенное и проникающее во все общественные отношения, культурные, экономические, политические и финансовые. Основанные на междисциплинарном подходе правовые понятия, по сути, противоречат правоприменительной практике и механизму реализации права. На данном историческом этапе мы видим некий крах представлений относительно возвышенной идеи верховенства права в демократическом обществе, пережитки романтизации права. Наблюдаются практический регресс и изменение общественного мнения с неким откатом к идеям власти как панацеи, с расчетом на нее как таковую. Ак-

туализирован запрос на силу власти как полицейского и бюрократического аппарата с опорой на новые технические достижения. Власть как таковая идеализируется до уровня первой общественной ценности в желании достигнуть эталонного образа дисциплины и строгого порядка.

Пути понимания права могут быть как теоретическими, так и практическими. А. В. Скоробогатов писал о том, что актуальность познания права не замкнута в научном направлении, кроме теории проблематики понимания права обязательна ценность знания в прикладном выражении, практическое применение и реализация полученного знания – цели любого познавательного процесса, а теоретическая конструкция, не примененная на практике, бессмысленна [6]. В свете вышеизложенного помимо философии права как направления развития познания права значимыми становятся правовая когнитивистика, правовая информатика, правовая антропология, правовая логика, правовая кибернетика, правовая квантовая информатика и многие другие современные актуальные дисциплины.

Юриспруденция, взаимодействуя со смежными науками, образует новые юридические дисциплины. Это свидетельствует о накопленной недостаточности междисциплинарных связей в методологии и приемах исследования. Правопонимание не удовлетворено в теоретическом и познавательном объемах, потребностям юриспруденции необходима разработка системного круга возникших новых проблем. Множественность подходов к постмодернистскому пониманию права не говорит о кризисных явлениях в правовой науке, а показывает обобщенные тренды динамичного развития прогресса науки и техники. Фактический отказ от их использования в понимании сущности права может оказаться вредоносным для отечественной правовой науки [7].

Возможно выделить некую зависимость роста нормативного массива и его специализации от появления новых правовых отраслей, претендующих на свой предмет. Процессы правовой специализации юридического бытия и деятельности человека ведут к фрагментации права. В процессе технологического развития общества такие правовые памятники, как Русская Правда, Кодекс Хаммурапи, Саксонское зеркало, Законы Ману, Дигесты Юстиниана, фрагментируются на множество частей и симбиозируются.

Среднестатистический гражданин не способен удержать множественную изменчивую правовую картину на информационном уровне памяти и восприятия, не говоря уже о ее отражении, применении и формировании полноценного правового сознания. Подлинное право постепенно заменяется на некий эрзац в форм-факторе толкований и комментариев. Необходимо проникнуть в логику права традиционных обществ посредством правовой антропологии и сравнительного правоведения в целях обретения научного основания для частичного применения знаний в форме элементов и систем права в современном европейском праве. Но современность в своих правовых системах и нормах отчетливо обнаруживает явное несоответствие, не соответствующее с идеалами правового государства и самой природой права. Исконная правовая природа с корнями и принципами в идеалах правового государства не согласована с современным правом большинства развитых государств.

Возникает резонный вопрос: не наблюдаем ли мы вырождения права? [8] Понять, определить и в дальнейшем кодифицировать волю народа в форму закона, отраженного в правопонимании, – задача крайне сложная со всех точек зрения. Ведь по сей день недостижимым идеалом является мечта Ж.-Ж. Руссо о непосредственном воплощении воли народа в законе. Общность воли априорно подразумевает единодушие, единогласие и обеспечение каждому участнику его толики суверенитета, что в текущем моменте развития правопонимания и правосознания невозможно. Историческое развитие права демонстрирует нам закрепление экономического интереса управленческих элит и имущественное неравенство как результат этого закрепления.

Возможно установить зависимость права от господствующей группы. Социальный раскол и экономическая неоднородность заставляют право активно выполнять функцию принуждения и подкрепления государственного аппарата. Можно уверенно говорить о разделении правопонимания по социальным классам, в некоторых случаях оно будет кардинально различаться. Нигилизм, деструкция и разрушение, как ни странно, могут нести в себе объединяющее начало для общества, а в созидательном плане народная воля теряется и сходит на нет: «Прежняя вера во всемогущую силу правовых начал, в их способность утвердить на земле светлое царство разума, отжила свое. Опыт XIX столетия показал, что право само по себе не в силах осуществить полное преобразование общества. Но в то же время, как для одних этот опыт служит поводом к отрицанию всякого значения права, для других он является свидетельством необходимости восполнить и подкрепить право новыми началами, расширить его содержание, поставить его на уровень с веком, требующим разрешения великих социальных проблем... Не назад, а вперед обращены взоры творцов, и то, что открывается как идеал для будущего, есть новый и высший шаг в развитии правосознания» [9].

На лидирующий план выходит задача понять отношение к праву и тем самым найти мотивированное объяснение правового поведения. Терминологически правовое сознание в правоведении – это выражение отраженной субъективной стороны правоотношений, обретшее решающее правовое значение. Идентификация права с нормой (законом) противоречит его образу и характеру как проявления духовного, содержащего в себе интересы, ценностные системы, представление о должностовании (правовых убеждениях) и т. д. Наличие духовных оснований создает из нормы право. Категориальное рассмотрение правосознания демонстрирует нам его как элемент духовной жизни, выразившийся в отражении правовой действительности, опирающийся на правопонимание.

В данном ключе мыслилось изучение правосознания не только как схемы раскрытия правового поведения, но и как части решения проблемы правового воспитания. В своей фундаментальной работе «О сущности правосознания» И. А. Ильин продемонстрировал духовность как основу права, сложенную из системы ценностей человека, через призму которых происходят оценочная деятельность и понимание правовых предписаний, некий правовой идеал, образ права, строящийся на трех основных ценностях – автономия и независимость личности, духовное достоинство и обоюдное признание личности [10].

Возможность усмотреть воздействие идей эмпириокритицизма в общей теории права показал Н. М. Коркунов, интерпретировавший сущностное ядро права через некий «элемент психологии», не позволяющий абсолютного объективизма в толковании права, при этом обуславливающий правовое поведение и расшифровывающий механику правосприятия [11]. Известно критическое мнение Н. М. Коркунова относительно права как системы отношений, управляемых социально принятыми нормами. По его мнению, шаткость данной позиции заключена в том, что участники правоотношений рассматриваются как шестерни заранее запрограммированной бездушной машины. В реальности же право не является механическим явлением, нельзя воспринимать его в отрыве сознания носителей: «Для возможности отличать право от всякого иного наперед определенного порядка необходимо обратиться к психическому элементу и сознанию людей, к имеющемуся в их душе представлению о существовании такого наперед определенного порядка или защиты. Но если так, то, очевидно, для объяснения правовых явлений главное, первенствующее значение получает именно этот психический элемент, это убеждение о существовании наперед определенного порядка отношений» [12].

Возможно понимание права в узком и широком смысле. Узкий подход заключен в понимании права в его содержательной форме (нормативистский подход), широкий подход позволяет понять право как отдельные либо общие проявления социальных явлений. Т. Н. Синюкова и В. Н. Синюков считают, что процесс осмысления права как специфического явления правовой науки, обладающего рядом особенностей, должен проходить по двум направлениям: во-первых, как научной активности, как события социальной деятельности; во-вторых, как занимающей четкое место в науке правоведения научной категории, явившейся результатом изыскательской научной деятельности [13].

Резонно принять мнение о правопонимании как о целевой интеллектуальной деятельности человека. Правопонимание, как и познавательная часть правосознания, может быть условно разбито на две составляющих – процесс и результат. В моменте познания правопонимание формирует и соотносится с правосознанием. Обозначим правопонимание как первейшую сферу эвристической части правосознания. Само же познание правовой действительности сформировано путем сбора, накопления, практического освоения и, как итог, понимания знания: «Вопрос стоит о создании, осознании, восприятии и понимании права, об идеальном видении права. Отсюда термин – правовое сознание» [14].

Индивид ведет активную деятельность во внутренней системе толкований и субъективных представлений о правовой норме. Субъективное правосознание неразрывно связано с понятием морали и ощущения справедливости либо несправедливости нормы права, а не наполняющего ее текста. Философский аспект правовой трактовки в методологическом плане нацелен на правовой идеал, одновременно являющийся насыщенной сущностной базой должного права и раскрывающий этимологию взаимосвязей правосознания и правопонимания, при этом правосознание есть предпосылка права. Базисом же юридического толкования является определение роли правового сознания в индивидуальном поведении личности, что вызвано ее правовыми представлениями. Зачастую

данный процесс приобретает вид апелляционного обращения к правовому сознанию как к праву истинному, при этом вступая в противодействие с правом позитивным.

Основным вопросом правоведения является соотношение правопонимания с правосознанием (по своей сущности крайне субъективным явлением) и правом. Исторически сложилось некое постулирование отсутствия кардинальных различий в связи с тем, что содержательной основой права был и остается правовой идеал, в стремлении к которому происходят процесс понимания права и формирование правового сознания. Необходимо извлекать уроки прошлого и реализовывать их в настоящем. Данное направление в понимании права было отражено в работах создателя современной антропологии Ф. Боаса. Он утверждал, что современной юриспруденции есть чему поучиться у традиционных обществ. Интересен и вывод исследователя о главенстве права над довлеющим принуждением, основной силой, по его мнению, является внутреннее убеждение [15], в нашем случае это правосознание, базирующееся на понимании права.

Социальное развитие неразрывно связано с правовым, здесь значимы субъективные частноправовые начала, свобода личности и ответственность каждого отдельно взятого субъекта. Требуется постоянное подтверждение субъективных прав на уровне государства. Право становится неким публичным компромиссом интересов личности и государства. Мы находимся в процессе зарождения принципиально нового типа правопонимания, базирующегося на основании социальной философии, синергетики, феноменологии, герменевтики и антропологии.

Правовое развитие идет по восходящей спирали: от моонормы путем правовых идеалов к огосударствлению, формированию этических и эстетических аспектов права. Вне зависимости от модели государственного управления правопонимание синтезируется и интегрируется с правовой философией. Данная концептуальная модель не подменяет собой основные устои нравственными и эстетическими, а отражает возросший социальный запрос на духовность в праве, остающуюся доминирующим общественным регулятором.

Пророческими являются слова В. Л. Соловьева: «Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад» [16]. Новые правовые вызовы требуют пластичности и новых социальных решений, «поэтому необходимо искать принципиально новый тип правопонимания в другой плоскости» [17]. В связи с тем, что понятие права (тип правопонимания) является априорным (трансцендентным) относительно юридической науки основанием, его обоснование – принципиально метаюридическое. Оно может быть обнаружено только в социальной философии (или теоретической социологии) [18].

Явление правопонимания есть структурная единица правового сознания. Мы видим совпадения в особенностях рациональной сферы правопонимания и правосознания. Обыденное понимание – это основа обыденного правосознания, практическое правопонимание профессионала – основа профессионального правосознания, правопонимание на научном уровне – основа научного правосознания.

Список литературы

1. Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. М., 2013. 556 с.
2. Хропанюк Н. В. Теория государства и права : хрестоматия / под ред. Т. Н. Радько. М. : Интерстиль, 1998. 936 с.
3. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 560 с.
4. Керимов Д. А. Основы философии права. М. : Манускрипт, 1992. 191 с.
5. Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Саратовская государственная академия права, 2001. 416 с.
6. Скоробогатов А. В. Современные концепции правопонимания : учебно-практическое пособие // Studylib.ru. URL: <https://studylib.ru/doc/2345068/skorobogatov-a.v.-sovremennnye-koncepcii-pravoponimaniya> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Малиновская Н. В. Постмодерн и его влияние на понимание права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2. С. 78–90.
8. Гриценко Г. Д., Клименко А. М. Поливариантность права в социокультурной реальности современного мира. 2-е изд. М. : Центральное издательство учебно-методической и научной литературы, 2009. 306 с.
9. Новгородцев П. И. Сочинения. М. : Раритет, 1995. 448 с.
10. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. Т. IV. М. : Русская книга, 1994. С. 151–414.
11. Пегова Н. Э. Теоретико-правовая методология в концепции общей теории права Н. М. Коркунова : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Курск, 2018. 180 с.
12. Коркунов Н. М. История философии права : пособие к лекциям. 6-е изд. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1915. 508 с.
13. Синюков В. Н., Синюкова Т. В. К вопросу о российской правовой доктрине в XXI веке // Вопросы теории государства и права: новые идеи и подходы. Вып. 2 (11). Саратов : Саратовская государственная академия права, 2000. С. 51–60.
14. Лукич Р. Методология права / пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. М. : Прогресс, 1981. 304 с.
15. Боас Ф. Ум первобытного человека / пер. с англ. А. М. Водена. М. ; Ленинград : Государственное издательство, 1926. 153 с.
16. Соловьев В. В. Оправдание добра // Сочинения : в 2 т. Т. 1: Оправдание добра. Нравственная философия / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги ; примеч. С. Л. Кравца и др. 2-е изд. М. : Мысль, 1990. С. 47–548.
17. Паршин А. Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 92–109.
18. Честнов И. Л. Онтологический статус юриспруденции в современном мире // Место юриспруденции в системе общественных наук: Первые Спиридоновские чтения: Труды теоретического семинара юридического факультета СПб ИВЭСЭП. Вып. 3. СПб., 2000.

Чикалов О. В.¹,
*научный сотрудник
 отдела изучения положительного опыта
 в служебной деятельности ОВД
 и обеспечения научного сотрудничества
 управления организации научной
 и редакционно-издательской деятельности
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВООЩИТНЫЙ ТИП ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Перед началом исследования представляется целесообразным указать, что определяющее значение в реализации правозащитным типом профессионального правосознания отражающе-преобразующей активности имеет познавательная группа функций, комплементарным значением обладает информационная группа функций. Данным обстоятельством обусловлено то, что процесс осуществления правозащитного типа профессионального правосознания состоит из следующих стадий: когнитивной, в рамках которой доминирующим значением обладают функции познавательной группы; информационной, в рамках которой доминирующим значением обладают функции информационной группы. Внешний полиморфизм и внутренняя сложность предмета воздействия отражаются на специфике реализации правозащитного вида профессиональной юридической деятельности. Анализ научной литературы по проблематике исследования позволил выделить следующие основные формы осуществления правозащитного вида профессиональной юридической деятельности:

1) адаптационную, реализующуюся в деятельности по манифестации социально-правовых запросов через использование предоставленных действующим законодательством правовых средств представителями институтов гражданского общества в целях установления диалога с органами государственной (муниципальной) власти для предоставления новых категорий прав, свобод, а также законных интересов граждан, не предусмотренных действующим законодательством. Так, в соответствии со ст. 31 Конституции Российской Федерации российские граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования [1];

2) компенсационную, реализующуюся в деятельности уполномоченных государственных (муниципальных) органов, а также институтов гражданского общества по осуществлению юридических процедур, направленных на восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, предусмотренных действующим законодательством, но ввиду тех или иных условий не соблюдающихся, нарушающихся. Так, в соответствии со ст. 33 Конституции Российской Федерации российские граждане имеют право обращаться лично, а также

¹ © Чикалов О. В., 2022.

направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [2].

В свете вышеизложенного представляется целесообразным выделить в рамках функционального анализа правозащитного типа профессионального правосознания следующие модусы его реализации: 1) содержательный, в рамках которого реализуется адаптационная форма осуществления правозащитной деятельности; 2) формальный, в рамках которого реализуется компенсационная форма осуществления правозащитной деятельности.

Переходя к рассмотрению содержательного модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания, необходимо отметить, что объектом его отражающе-преобразующей активности является социальная жизнь, представленная как спектр общественных процессов правообразования в определенном интервале исторического времени, который перманентно осуществляется под воздействием различных социальных факторов, в процессе складывания новых форм заинтересованного практического взаимодействия, в рамках которого индивидуумы и их общности приходят к осознанию и обозначению своих возможностей (правомочий) и своих обязанностей по отношению друг к другу [3]. В связи с этим целевой установкой содержательного модуса становится социальная, содержанием которой являются социально-правовые потребности (интересы) всего общества или его сегмента, возможность удовлетворения которых в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений ограничена и (или) невозможна.

Когнитивная стадия осуществления содержательного модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в установлении конкретных правовых потребностей граждан в рамках социальной жизни. Рассматриваемая стадия включает в себя эмпирический и гносеологический этапы.

Эмпирический этап состоит в установлении путем непосредственной (опосредованной) регистрации фактической социально-правовой ситуации, являющейся секвенционной по отношению к проводимой государством правовой политике в социальном секторе общественной жизни. В рамках рассматриваемого этапа актуализируется «отражательная» функция правозащитного типа профессионального правосознания, состоящая в сборе статических и фактических сведений об основных процессах, протекающих в экономической, политической, правовой и иных актуальных для правового нормирования сферах общественной жизни.

Гносеологический этап состоит:

1) в выделении правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента, возможность удовлетворения которого невозможна (ограничена) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений;

2) в артикуляции конкретного социально-правового запроса к органам государственной (муниципальной) власти в целях преодоления существующих ограничений возможности удовлетворения искомого правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента.

В рамках рассматриваемого этапа актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

- познавательная, состоящая в выявлении правовых интересов (потребностей) всего общества (его сегмента), составляющих его правовую жизнь, которые не регламентированы действующей системой позитивного права и не гарантированы действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

- моделирующая, состоящая в подготовке ментального проекта социально-правового запроса к органам государственной (муниципальной) власти.

Итогом гносеологического этапа содержательного модуля функционирования правозащитного типа профессионального правосознания являются: 1) установление содержания правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента; 2) артикуляция социально-правового запроса всего общества или его сегмента к органам государственной (муниципальной) власти в целях преодоления существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Информационная стадия осуществления содержательного модуля реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в подготовке ментального проекта манифестации в форме, не противоречащей действующему законодательству. Этот проект сформирован в рамках когнитивной стадии социально-правового запроса всего общества или его сегмента к органам государственной (муниципальной) власти, направленного на преодоление существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений. Так, по справедливому замечанию В. В. Степаняна, функционирование механизма выражения интересов в праве начинается с осознания компетентным государственным органом некоторого юридически значимого интереса: «Правильное осознание общественных, коллективных и индивидуальных интересов – необходимое, но еще недостаточное условие научно объективного и эффективного правотворчества. После осознания интереса правотворческий орган должен решить вопрос о том, нуждается ли данный интерес в правовом опосредовании» [3].

В рамках рассматриваемой стадии актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

- коммуникативная, состоящая в инициировании правовой коммуникации между обществом или его сегментом (представленным конкретными институтами гражданского общества) и государством (представленным органом государственной (муниципальной) власти) путем манифестации социально-правового запроса всего общества или его сегмента перед органами государственной (муниципальной) власти.

- идеологическая, состоящая в агитировании заинтересованных в удовлетворении правового интереса (потребности) кругов населения, а также в формировании правосознания, правовой культуры современного демократического общества.

Итогом гносеологического этапа содержательного модуля правозащитного типа профессионального правосознания являются: 1) манифестация сформулированного в рамках когнитивной стадии социально-правового запроса всего общества или его

сегмента к органам государственной (муниципальной) власти, направленного на преодоление существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений; 2) подготовка ментального проекта вовлечения в «борьбу за право» заинтересованных в удовлетворении правового интереса (потребности) кругов населения.

Интегральным итогом осуществления содержательного модуса осуществления правозащитного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта преодоления общего противоречия между правовыми потребностями (интересами) всего общества или его сегмента и государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, которое проявляется в форме ограничения (запрета) на возможность осуществления субъектами правореализационной деятельности конкретной группы общественных отношений, составляющих их правовую жизнь и жизненный интерес.

Представляется целесообразным перейти к рассмотрению формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания. Объектом отражательно-преобразующей активности здесь являются частные противоречия между правовыми потребностями (интересами) субъектов правореализационной деятельности, возможность реализации которых гарантирована действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, и фактическим функционированием последнего, которые проявляются в форме конкретных нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в деятельности органов государственной (муниципальной) власти, а также их должностных лиц. Необходимо подчеркнуть, что общей целевой установкой формального модуса реализации рассматриваемой субформы профессионального правосознания является частно-юридическая, направленная на узкий аспект системы позитивного права, выражающийся в конкретном противоречии между процедурно-процессуальным порядком предоставления доступа к реализации субъектом общей правоспособности права и фактическим функционированием государственно-правового механизма регулирования общественных отношений в данной сфере, что выражается в необоснованном ограничении (запрете) доступа к реализации такового. Важно отметить, что процесс его реализации состоит из когнитивной и информационной стадий.

Процесс осуществления формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит:

1) в установлении соответствия (несоответствия) обжалуемой деятельности органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица требованиям процедурно-процессуальной формы порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности, установленной предписаниями актов действующего позитивного права;

2) в поиске подтверждений (опровержения) конкретных нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, гарантированных действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, допущенных в обжалуемых действиях или решениях органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

В рамках когнитивной стадии актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

- интерпретационная, состоящая в выявлении юридического смысла нормативного предписания акта действующего позитивного права, устанавливающего процедурно-процессуальную форму порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности;

- оценочная, состоящая в сравнительном соотнесении юридического смысла предписания, установленного в рамках реализации интерпретационной функции, с обжалуемыми действиями или решениями органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица, изложенными в жалобе, в целях установления соответствия (несоответствия) между ними.

Итогом когнитивной стадии осуществления формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания являются: 1) установление соответствия (несоответствия) между обжалуемыми действиями или решениями органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица, изложенными в жалобе, и процедурно-процессуальной формой порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности, установленной предписаниями актов действующего позитивного права; 2) подтверждение (опровержение) наличия факта конкретного нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, гарантированных действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, допущенных в обжалуемых действиях или решениях органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

Информационная стадия осуществления формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в подготовке ментального проекта требования к органу государственной (муниципальной) власти, допустившему нарушение, либо курирующему его деятельность вышестоящему государственному органу:

- 1) об устранении неправомерного запрета (ограничения) субъекту общей правоспособности на доступ к реализации права, гарантированной действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

- 2) об устранении последствий нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, причиненных неправомерным действием или решением органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

В рамках информационной стадии актуализируется коммуникативная функция правозащитного типа профессионального правосознания, состоящая в направленности на установление правовой коммуникации в форме официального обращения (запроса, требования) с органом государственной (муниципальной) власти, допустившим осуществление неправомерных действий или принятие незаконного (необоснованного) решения, или с курирующим его деятельность вышестоящим государственным органом.

Итогом информационной стадии осуществления формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания является ментальный проект официального обращения (запроса, требования), обращенного к органу государственной (муниципальной) власти, допустившему осуществле-

ние неправомерных действий или принятие незаконного (необоснованного) решения, или к курирующему деятельность такого вышестоящему государственному органу:

1) об устранении неправомерного запрета (ограничения) субъекту общей правоспособности на доступ к реализации права, гарантированной действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

2) об устранении последствий нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, причиненных осуществлением неправомерного действия или принятием незаконного (необоснованного) решения органом государственной (муниципальной) власти, а также его должностным лицом.

Интегральным итогом осуществления формального модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта преодоления частного противоречия между правовыми потребностями (интересами) конкретного субъекта правореализационной деятельности и функционированием государственно-правового механизма регулирования общественных отношений, которое проявляется в форме конкретного нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, допущенного в рамках осуществления неправомерных действий или принятия незаконных (необоснованных) решений органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

Таким образом, резюмируя итоги функционального анализа правозащитного типа профессионального правосознания, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы: 1) специфика функционирования содержательного модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается в смысловом переходе от содержания правовой потребности (интереса) всего общества или его сегмента к ментальному проекту социально-правового запроса на реформирование государственно-правового механизма регулирования общественных отношений; 2) специфика функционирования формального модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается в смысловом переходе от содержания конкретной жалобы субъекта правореализационной деятельности к ментальному проекту официального обращения (запроса, требования) об устранении частного дефекта функционирования государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Гревцов Ю. И. Социология права = Sociology of law : курс лекций. М. : Юридический центр Пресс, 2001. 310 с.

3. Степанян В. В. Значимые для правотворчества интересы и их отражение в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 121–125.

Артеменко И. А.¹,

адвокат Адвокатской палаты Краснодарского края

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В эпоху Александра II процессуальное законодательство, а вместе с ним и вся система судопроизводства претерпели значительные изменения в связи с проведением судебной реформы 1864 г. Уникальность новых правовых установлений широко и обстоятельно освещается в научных историко-правовых изысканиях разных лет. Однако возникает потребность ее рассмотрения не как свода новых законов, а с позиции выявления и анализа проблем правопонимания, существовавших в России в пореформенный период.

Большое значение для рассматриваемого вопроса имеет положение ст. 28 Устава уголовного судопроизводства (1864), которое гласит: «Обнаружение преступления или проступка при рассмотрении дела в суде гражданском не освобождает уголовный суд от надлежащего производства для определения уголовной ответственности обвиняемого» [1, с. 38]. При недостаточной разработке уголовно-процессуальных норм уголовный и гражданский процесс в ряде случаев фактически совмещались в одно производство. Для обращения в суд не устанавливалось каких-либо особых правил к форме и содержанию требований заявителя. Судьи, разрешая его просьбу «поступить по закону», исходили из характера возникших спорных правоотношений, применяя соответствующую норму права. Поэтому в правоприменительной деятельности судов уголовная и гражданская отрасли нередко сливались в один правоприменительный процесс. Рассмотрение гражданского дела в суде вполне могло закончиться вынесением обвинительного приговора в отношении одной из спорящих сторон, что порождало немало казусов на практике.

Обратимся к примеру. Так, 20 ноября 1870 г. Калужским окружным судом был признан виновным по ст. 173 Устава о наказаниях и приговорен к тюремному заключению сроком на три месяца крестьянин Петр Малышков «за мошенническое присвоение спирта». Из фабулы обвинения следует, что владелец «присвоенного» спирта первоначально требовал взыскания его стоимости в гражданском порядке с Малышкова в связи с неисполнением им обязательств по сделке: «...забрав у купца Ржевкина спирту на 102 руб. 80 коп., выдал в том расписку от имени своего отца Никифора Малышкова, не будучи на то уполномоченным, и затем при взыскании с него этих денег отказался от расписки» [2, с. 1361].

В данном случае судом не учитываются объективные (формальные) признаки хищения. Основанием юридической ответственности является не норма права, а, по сути, гражданская позиция ответчика, отрицавшего долг.

Не менее показателен судебный приговор (1870) мирового судьи, приговорившего к трем месяцам тюрьмы крестьянина Сандуленко, пытавшегося взыскать долг с односельчанина Глизунца. Как следует из приговора, мировой судья

¹ © Артеменко И. А., 2022.

нашел, что при разбирательстве гражданского дела Сандуленко отвергал все платежи, сделанные Глизунцом [2, с. 1436].

Действия осужденного признаны покушением на кражу и квалифицированы по ст.ст. 173 и 175 Устава о наказаниях. Точно так же в деле Сандуленко суд не опирается в оценке деяния, признанного уголовно наказуемым, на формальные признаки состава преступления, предусмотренного вышеприведенными статьями закона. Критерием приговора послужил результат рассмотрения гражданского иска.

В целом же отсутствие общей формализованной системы уголовного процесса искажало реализацию принципа состязательности. При недостатке единых гарантий правовой защиты стороны находились в зависимости от процедуры судопроизводства.

Итак, отсутствие в законе четких критериев дифференциации преступления и проступка вызывало немало проблем в правоприменительной практике. В ряде случаев деяние квалифицировалось и как преступление (проступок), и как гражданское правонарушение. При этом причинение вреда частному лицу является основанием уголовной ответственности. Еще раз отметим, что в пореформенный период материальный признак в обозначении понятия преступления не фиксировался, поэтому деление на проступки и преступления можно считать условным.

Следует указать, что в пореформенной России значительно повысился уровень профессионального правосознания судей, что в первую очередь отражалось на качестве составления судебных актов. Представляется возможным отметить их согласно таким критериям оценки, как мотивированность, полнота, точность, объективность, что, несомненно, сказалось и на увеличении доверия со стороны населения как к суду в целом, так и к судьям в частности.

В этом отношении может быть интересен приговор Енисейского губернского суда (1887), которым дворянин Иосиф Цишевский был оправдан по делу об убийстве политического ссыльного Юлиана Горецкого [3, с. 101–107].

Как следует из приговора, Цишевский обвинялся по ч. 2 ст. ст. 1455 Уложения о наказаниях уголовных 1885 г. (убийство в запальчивости и раздражении). Согласно фабуле обвинения, подсудимый выстрелил из револьвера в Горецкого, пившего на кухне с ним чай. Пуля попала в голову, и тот скончался на месте. Подсудимый первоначально утверждал, что Горецкий застрелился сам, однако это опровергалось заключением Врачебной управы, – отсутствовали следы близкого выстрела. И тогда Цишевский изменил показания, заявив, что пистолет выстрелил самопроизвольно, когда он его разбирал во время чистки.

Как видно из приговора, суд истолковал в пользу обвиняемого сомнения, которые были порождены доводами защиты и которые, очевидно, не могли быть устранены в ходе судебного разбирательства. Как уже отмечалось, приговор был обстоятельно мотивирован. В его основу положены показания специалиста Врачебной управы, осмотревшего труп Горецкого, а также свидетелей, присутствовавших при осмотре места происшествия и указавших в подтверждение позиции защиты о случайном выстреле на разобранный револьвер и отсутствие следов борьбы. Однако суд в приговоре не обосновал свой вывод о

полном оправдании подсудимого; его действия по неосторожному обращению с оружием оставлены без надлежащей юридической оценки.

Уложение о наказаниях предусматривало ответственность за «убийство без намерения» (ст. 1466). Как указывал Н. С. Таганцев, ссылаясь при этом на решения Правительствующего сената, под действия ст. 1466 подпадали и неосторожные деяния [4, с. 513]. Ответственность за убийство по неосторожности считалось наказуемым деянием, правда, судя по довольно мягким санкциям (вплоть до церковного покаяния), его следовало отнести к уголовному проступку. При этом случайное лишение жизни «не только без намерения, но и без всякой неосторожности или небрежности» (ст. 1470) [4, с. 514] не влекло наказания, но признаки и границы неосторожной виновности Уложением не раскрывались. Поэтому, вероятно, на практике, как иллюстрирует вышеприведенный пример, убийство по неосторожности не наказывалось.

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что возросшая роль Сената в обобщении правоприменительной деятельности способствовала формированию единообразия судебной практики, совершенствованию юридической техники, утверждению уголовной противоправности как формального признака преступления. Под преступлением понималось более опасное, чем проступок уголовно наказуемое деяние, т. е. преступление стало отграничиваться законом от проступка и других видов правонарушений по материальному признаку. Однако из-за отсутствия в законе четких критериев дифференциации преступления и проступка деяния нередко квалифицировались и как преступление (проступок), и как гражданское правонарушение. В определенной мере этому способствовали и несовершенства в текстах уголовного законодательства (грамматические неточности, пробелы, противоречия и пр.), а также недостаточная разработанность процессуальных норм.

Список литературы

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2: [Устав уголовного судопроизводства]. 2-е изд., СПб. : Издание государственной канцелярии, 1866. 555 с.
2. Полный свод решений Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената (начиная с 1866 г.) за 1870 г. № 1312–1661 и 1871 г. № 1–89. Екатеринбург : Типография Исаака Когана, 1910. 829 с.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 3. Д. 1.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб. : Типография II Отделения собственного Его Императорского Величества канцелярии, 1845. 898 с.

Елисеева Е. С.¹,
*адъюнкт кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Сигалов К. Е.,
*профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ПАТЕРНАЛИЗМ КАК ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Правовой патернализм является характерной особенностью русской правовой мысли и правосознания в целом, находя свое отражение в менталитете русского человека. Говоря о патернализме как правовой идеологии, стоит начать с понятийного аппарата рассматриваемых правовых явлений. Правовая идеология представляет собой систему идей, теорий и понятий, отражающую отношение людей к праву. А. И. Клименко дает характеристику правовой идеологии, рассматривая ее как особого рода социально-политический механизм, основной функцией которого является обеспечение единства государственно-организованного общества, а также порядка отношений и дифференциации статусов и власти внутри этого общества, т. е. его структуры. Идеология государства является социально-политической по природе, как и любая идеология, и правовой; последнее, в сущности, отражает специфику идеологии государства [1; 3].

Под термином «правовая идеология» понимается механизм воздействия системы идей на общественное, групповое и индивидуальное правосознание в целях легитимации (делегитимация) системы позитивного права, юридической практики, обеспечения единства и воспроизводства правовой системы [2, с. 360].

Цель правовой идеологии заключается в воспроизводстве правовой действительности, включающей в себя как правовые идеи, так и отношения, которые напрямую связаны с такими понятиями, как справедливость, мера свободы и равенства.

Одним из критериев правовой идеологии следует отметить пространственно-временную характеристику. Отражая отношение людей к праву, правовая идеология для государства выступает создателем образа права в индивидуальном и общественном правосознании, определяющим основные направления государственной политики для конкретного исторического периода.

Государственный патернализм находит свое отражение и в истории России. Беря для рассмотрения период императорской России, следует раскрыть понятие патернализма как правовой идеологии. В системе теоретических правовых

¹ © Елисеева Е. С., 2022.

понятий патернализм – одно из наиболее часто употребляемых не только для раскрытия властно-политических отношений, но и для описания отношений в различных общественных сферах жизнедеятельности. Патернализм в теоретико-правовом измерении – это соотношение прав и свобод, определяемых системой взаимной заинтересованности государства в личности и личности в государстве, при котором объем этих прав устанавливается государством в зависимости от степени востребованности того или иного принадлежащего лицу ресурса для поддержания ситуации власти [3].

Правовая идеология выступает высшим уровнем правосознания, одной из особенностей которого является патернализм, с которым связывается национальная черта русского характера. Патернализм связан с оправданием подчинения, подчеркивает заботливую роль государства над народом, выступая определенным «отцом», помогающим, обеспечивающим и защищающим. Можно также говорить об идеологической позиции патернализма. Профессор С. С. Алексеев в учебнике «Теория государства и права» отмечает патернализм как насаждение в общественном сознании идеи о непогрешимости носителя верховной власти, его обожествлении и одновременно о неограниченном произволе, бесправии и раболепстве подданных, отрицании свободы и демократии [4, с. 176].

Патернализм на уровне государства предполагает, что все общество представляется как единая и большая семья, главой которой (отцом) является государство в лице его правителя. Именно государство определяет этические установки, участвует в распределении благ с учетом места каждого в системе иерархии власти [5, с. 115].

Для рассмотрения патернализма как правовой идеологии нами взят период с начала правления Петра Великого до Октябрьской революции 1917 г. Начало XVIII в. ознаменовано временем радикальных преобразований. При Петре I, который проводил реформирование практически всех сфер жизни общества, патернализм был весьма распространенным явлением. В период правления Петра I был создан настоящий культ государственных учреждений и административных инстанций, которые весьма бесцеремонно вмешивались в частную и личную жизнь. Император Петр I откровенно говорил: «Наш народ яко дети», – и титул Отца Отечества, который он принял в 1721 г., адекватно отражал его взгляды [6, с. 39]. Данный факт подтверждает признание государя как отца, воле которого нужно покоряться. В сознании человека закладывалась программа поведения модельного типа, переходящего из взаимоотношений «родитель – ребенок» в «царь – подданный» с сохранением поведенческого типа.

Все это не стало камнем преткновения и обузой при строительстве отношений власти и общества. При этом, несмотря на явное подчинение воли верховной власти, народ покорно ждал защиты и покровительства именно от государя, созданный образ которого пестрил такими понятиями, как правда и справедливость, и который являлся последним пристанищем для нуждающихся в помощи и крове.

Термин «патернализм» в широком смысле означает отношение любой власти к своим подчиненным, когда в обмен на согласие последних с властью она добродушно гарантирует выполнение какого-либо действия для общего благосостояния. Исторически концепция правового патернализма понимается как

точный подход к государственной деятельности, согласно которому принятие мер возлагается на лицо, имеющее полномочия действовать, в соответствии с которыми меры доверяются суверенной власти, способной на большее понимание и добрую волю, добросовестно ориентированной на общественное благо. Опорой этой теории является отеческая забота правителей, которые признают важность общественного блага правителей и неспособность своих подчиненных добиваться собственных целей.

Повторимся, патернализм является значимой чертой российского правосознания. Это обусловлено особенностями культурно-исторического развития государства и общества. Патернализм связан с правовым поведением и правовой культурой, стал аксиомой, культурным архетипом, закрепленным в российской ментальности и политической культуре.

Следует отметить, что при рассмотрении патернализма как средства правопонимания властных отношений выбранный обобщенный период императорской России строится по принципу распределения ответственности правителей государства перед народом. Правители при этом выступают как «опекуны», которые обязаны в глазах народа быть помощниками и защитниками. Именно от власти ждут поддержки, вырабатывая подсознательную неуверенность в собственных силах и возможностях. Народ смиренно ждет от власти действий, в ответ на которые под их волю отдает свою свободу, ставя себя в ранг подчиненных. Таким образом, патернализм выступал как очевидная необходимость и спасение, в основе которого – надежда на помощь сверху, попечительство, добровольное подчинение власти.

Для России характерна гипертрофия надежд на верховную власть, малая самостоятельность и ответственность за свою судьбу. Можно говорить об отсутствии выбора, боязни принимать ответственные решения, которые должно и обязано за них принять государство, – таким образом, в массовом сознании формировалась установка на социальное иждивенчество.

Благодаря исторической науке патернализм предстает перед нами как особая, характеризующая на протяжении веков форма государственно-властных отношений между главой государства и его гражданами. Патернализм как правовая идеология исследовался как социокультурный, политический, правовой феномен, характеризующий типологию российской государственности, легитимизацию власти, как базис для установления формы политической организации общества. Характерными чертами патернализма, отражающими отношение народа к власти через призму государственно-властных отношений, стали полное добровольное подчинение, минимизация участия общества в деятельности государства, режим ожидания принятия решения, невозможность выбора, покровительство, закрепившаяся в общественном сознании нравственная ответственность за подчиненный и руководимый народ, ограничение поля свободы, отказ от своих прав во благо государства.

Список литературы

1. Клименко А. И. Проблема понимания правовой идеологии // Юридическая психология. 2011. № 4. С. 2–7.

2. Михайлов А. М. Понятие правовой идеологии и его место в составе теоретико-правового знания // Вестник Российского университета дружбы народов. 2017. № 3. С. 355–379.

3. Вовк В. Н. Патернализм в российском правовом менталитете : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Краснодар, 2010. 183 с.

4. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [С. С. Алексеев, С. И. Архипов, Г. В. Игнатенко и др. ; отв. ред. В. Д. Перевалов]. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2004. 494 с.

5. Горянов А. В. Патернализм как одна из основ существования сельской дворянской усадьбы в России в XVIII–XIX вв. // Власть. 2011. № 4. С. 113–116.

6. Мамаев А. И., Сулейманов Ш. С., Понявина М. Б. Патернализм // Наука без границ. 2017. № 11 (16). С. 38–43.

Анненков Е. В.¹,
 адъюнкт кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кулакова Ю. Ю.,
 заместитель начальника кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ МАССОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И горд и наг пришел Разврат,
 И перед ним сердца застыли,
 За власть – Отечество забыли,
 За злато продал брата брат.
 Рекли безумцы: нет Свободы,
 И им поверили народы.
 И безразлично, в их речах,
 Добро и зло, все стало тенью –
 Все было предано презрению,
 Как ветру предан дольный прах

А. С. Пушкин

Основное внимание в статье уделяется наиболее актуальным с нашей точки зрения изменениям, происходящим в массовом правосознании человечества.

Цель автора – заострить внимание читателя, с одной стороны, на проблеме деформации массового правосознания в сторону нигилизма, с другой – на необходимости генерирования в обществе высокого уровня массового правосознания. В статье анализируются тенденции изменения массового правосознания и их влияние на правовую реальность.

Сегодняшние вызовы развитию общества и права, проявляющиеся в усилении цифровизации социума и архаизации общественно-правовых отношений, обострились в период пандемии COVID-19. Этот процесс затормозил эволюцию и становление гражданского общества, важным фундаментом которого является массовое правосознание как продукт системы социально-правовых связей масс, обладающих определенным уровнем обыденного правопонимания, обуслов-

¹ © Анненков Е. В., 2022.

ленного целым рядом факторов: историческими, политическими, экономическими, социокультурными, социально-психологическими, социально-этическими, социально-идеологическими, социально-правовыми, социально-экономическими и др. Эти детерминанты выражаются в массовом правосознании в виде стойких правовых мнений, отношений, убеждений и представлений в социуме. С помощью определения степени изменения этих показателей посредством статистики можно построить прогноз модификации концептуальных взглядов на право в обществе.

В соответствии с теорией социально-правовых установок уровень массового правосознания зависит от совокупности социально-правовых установок общественной массы, сформировавшейся под влиянием множества факторов, важнейшими из которых являются исторический и социально-политический.

В этом ключе историко-правовой взгляд на российскую власть и общество на рубеже XX–XXI вв. показывает, что государственные институты пока не справляются с задачей интеграции в массовое правосознание идеалов и ценностей капиталистического общества.

Мы согласны с А. Н. Курюкиным относительно его утверждения о комплексном правовом кризисе в стране. Вероятно, в современных российских правовых реалиях повторяются ошибки советского периода, а «декларации и практика правоприменения, особенно на низовых уровнях общественно-правовой системы, вступили в серьезную коллизию» [3], что послужило развитию процесса возрождения нигилистических ориентиров в общественном правосознании россиян. Так, текущие рассогласования между правовой теорией и практикой создали ситуацию установления двойственности в правосознательном комплексе социума России, вызывая рост формализма, коррупции и порождая условия для подъема криминалитета, а в массовом правосознании – формирование чувства социального раздражения от правовой неопределенности.

Этот процесс подтверждается статистическими данными за последние пять лет, свидетельствующими об ухудшении общественных настроений, связанных с надеждами на лучшее, и потере доверия (в социально-правовом смысле) во всех формах. Согласно результатам анализа объемов и дифференциации социального капитала на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), доверять большинству людей готовы только 17 % россиян [4]. По подсчетам Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), средняя оценка обобщенного доверия в России составляет 29 %. Для сравнения: в Норвегии этот показатель равен 66 %, в Швеции и Финляндии – 64 % и 57 % соответственно [6].

По этим же данным традиционная религиозность, считающаяся многими специалистами в научном сообществе одним из фундаментов массового правового сознания россиян, резко теряет авторитет для населения, а нетрадиционные идеи и секты пользуются популярностью. Так, включенными в социальные сети верующих можно считать только 6 % населения [4].

С появлением поколений Z и Альфа ситуация ухудшается. Это связано прежде всего с отличиями детей от своих родителей, системой ценностей и способами взаимодействия, усилением клипового мышления, сдвигом обще-

ства к визуальной культуре и тотальной цифровизацией всех сфер человеческой жизни. В связи с этим в социуме имеется четко выраженная тенденция массовой «паразитации» человечества и утраты человеческой природы [2]. Это приводит к неутешительным прогнозам, ведь, как известно, «все динамические процессы, имеющие взрывной характер, в силу их быстротечности всегда трудноуправляемы» [5].

В. П. Малахов отмечает, что «в этот период преобладающими состояниями в первую очередь будут отчуждение правосознания от „оцифрованного“ права и доминирование, до абсолютизации, механизмов принуждения» [2]. В рамках обозначенной темы исследования мы солидарны с этой позицией в том, что «независимо от того или иного типа нового правопонимания тенденция намечается одна – цифровизация требует сужения юридического понимания права, устранения признаков естественно-правового понимания и искажения социологического правопонимания» [2, с. 41].

За последние два года сложившаяся в обществе ситуация еще более усугубилась в связи с эпидемией COVID-19, которая еще сильнее подстегнула рост социального неравенства и медиализацию массового правового сознания.

Статистические исследования журнала *Nature Medicine* показывают, что наша страна – мировой лидер по ковид-диссидентству [6]. Это сравнительное исследование, опубликованное 16 июля 2021 г., показало, что лишь около 20 % российских женщин и примерно 38 % российских мужчин готовы вакцинироваться. При этом интересна сравнительная возрастная выборка опрошенных по миру и по России. В целом по планете наиболее позитивно по отношению к вакцинации настроены респонденты в возрасте до 25 лет. Однако в США и Российской Федерации ситуация обратная. В России более положительно относятся к прививке респонденты в возрасте старше 55 лет, на втором месте – молодежь и главные ковид-диссиденты – люди в возрасте от 25 до 54 лет, т. е. наиболее социально активный слой населения. Это говорит нам о глубине проблемы деформации массового правосознания в направлении нигилизма.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: поведенческие реакции россиян стали такими же, как в последние годы перед перестройкой. Последствие этого – переход общества к неоархаике, к которому внутренне «глубинный народ» уже подготовлен. Налицо конвергенция двух эмоциональных потоков: советский – депрессивно-апатичный, идущий сквозь 1990-е гг., и постсоветский – более мощный и динамичный.

Таким образом, «правосознание масс движется в сторону конформизма, космополитизации и мифологизации, что ведет к переориентации массового сознания на низменные ценности, примитивизм правовых взглядов и деградации правочувствования» [1]. Появляются тенденции к атомизации, медиализации и нигилизации. В массовом сознании и, как следствие, правосознании идет переход к наиболее фундаментальным ценностям выживания, причем выживания последующих поколений.

В результате вышеописанных процессов ход социально-правового развития в России, проявляющийся в функциях институтов гражданского общества, структурирующих субъекты правоотношений, смещается по шкале «рациона-

лизация – функционализация» в сторону функционалитета. По нашему мнению, это запускает механизм влияния массового правосознания на правовую систему общества, который заключается в том, что правовое сознание масс, формируя ценностно-мировоззренческую «матрицу» правосознания общества, создает новую правовую реальность. Такой процесс имеет и обратное течение в силу того, что правовое сознание является отражением правовой реальности. В связи с этим целью всех субъектов гражданского общества должно явиться принятие реальных мер против тенденции нигилизации: создание предпосылок для становления развития гражданского общества и обеспечение реального разделения властей в государстве.

Список литературы

1. Анненков Е. В. Трансформация государства в эпоху глобализма как фактор влияния на массовое правосознание // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 1. С. 28–29. DOI 10.29039/2409-5087-2021-9-1-26-30.
2. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // *Правовая парадигма*. 2019. Т. 18. № 4. С. 29–30. DOI 10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3.
3. Курюкин А. Н. Типы российского правосознания как основа формирования старых и новых солидарностей // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.)* / отв. ред. В. А. Мансуров. Тюмень : Российское общество социологов, 2020. С. 2702–2703. DOI 10.19181/kongress.2020. С.325.
4. Куфлина Е. Д., Рощина Я. М. Дифференциация социального капитала россиян и ее факторы // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) : сборник научных статей ; ответственный редактор П. М. Козырева. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. С. 115–126. DOI 10.17323/978-5-7598-1825-0_115-126.*
5. Малахов В. П., Азнагулова Г. М. Проблема правопонимания в условиях цифровой реальности // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки*. 2021. № 2 (42). С. 37–44. DOI 10.25688/2076-9113.2021.42.2.04.
6. COVID-19 vaccine acceptance and hesitancy in low- and middle-income countries // *Nature Medicine*. URL: <https://www.nature.com/articles/s41591-021-01454-y> (дата обращения 01.12.2021).

Кучин М. В.¹,
начальник курса
Института-факультета
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
доцент кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ТЕМЕ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ВЕДОМСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX В.

Современное МВД России представляет собой федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции сугубо в сфере внутренних дел, в том числе контроль за оборотом наркотических средств, в сфере миграции, а также правоприменительные функции в сфере внутренних дел [10]. Общеизвестно, что уже более 100 лет основной службой МВД является милиция (полиция), обеспечивающая решение задач в области противодействия преступности. Соответственно, для значительной части современников сегодняшнее назначение воспринимается как изначальное, что не соответствует действительности. Хуже того, подобное восприятие нередко выливается в искаженное представление российского государственного устройства, в том числе и организации служб охраны общественного порядка.

В реальности же, на протяжении более чем трехсотлетней своей истории министерство внутренних дел (а после 1917 г. – одноименный народный комиссариат) имело куда более ответственный и емкий предмет назначения, нежели это определилось впоследствии. При этом такое назначение являлось настолько значимым, что оказалось сохраненным в условиях масштабных социально-политических перемен русской революции.

Тема преемственности народного комиссариата внутренних дел продолжительное время являлась предметом умолчаний и искажений, определяемых рядом причин. Осветить эту тему в ее реальном значении, обозначить действительное положение ведомства внутренних дел в структуре отечественного государства – перспективная исследовательская задача. При определении хронологических рамок рассматриваемой темы имеет смысл обозначить временные границы – с начала XX в. до 1923 г., когда назначение НКВД подверглось существенному пересмотру.

В чем же заключалось основное назначение ведомства внутренних дел? Назначения имперского министерства внутренних дел и соответствующего

¹ © Кучин М. В., 2022.

большевистского учреждения не могли и не должны были быть схожими. Известно, что марксисты-большевики отрицали традиционное классовое устройство, да и сам институт государства как таковой. Соответственно, трудно предположить, что, оказавшись во главе страны, большевики начали бы воспроизводить одно из ключевых (и наиболее ненавидимых революционерами) ведомств Российской империи. Тем не менее непредвзятое обращение к развитию событий по ликвидации «реакционной» и замены ее «революционной» государственности (относительно системы ведомства внутренних дел) подводит исследователя к заключению, что именно это и происходило в первые годы советского периода.

Для раскрытия данного тезиса обратимся к свидетельствам того времени: мемуарной литературе [4; 8] и документальным источникам, рабочим материалам рассматриваемого периода [2–3; 5–7; 9]. Прежде всего рассмотрим воспоминания П. Г. Курлова, государственного служащего, прошедшего путь от выпускника военно-юридической академии до губернатора Минской, затем Киевской губернии. На вершине карьеры Курлов занимал должность товарища министра внутренних дел (ныне соответствует должности заместителя министра) и командующего отдельным корпусом жандармов.

В его воспоминаниях отражены содержательная компетенция и высокий статус министерства внутренних дел, которое Курлов и представлял большую часть своего служебного пути. Четко просматривается ответственность МВД за организацию и деятельность государственных органов общей компетенции – губернаторств, губернских правлений и всей нижестоящей управленческой (административной) вертикали. Можно выделить и кадровую линию министерства по подбору кандидатов, назначению губернаторов, нижестоящих должностей. Так, в разговоре с В. К. Плеве, в то время – министром внутренних дел, Курлов излагает этот порядок, приводя обращение Плеве: «„Я предлагаю вам вице-губернаторство в большой губернии, а именно в Курской“». <...> На другой день я поблагодарил министра за сделанное мне предложение и вскоре был назначен курским вице-губернатором» [4, с. 4–5]. Довольно часто можно встретить примеры, когда назначение первых лиц в регионах осуществлялось либо министерством внутренних дел, либо через него. Кроме того, губернаторы находились в прямой подчиненности МВД, что в значительной степени определяло их деятельность.

Это состояние четко прослеживается в воспоминаниях о минском губернаторстве: «Наконец я получил высочайший Манифест 17 октября от министра внутренних дел. На другой или третий день я получил от министра внутренних дел по телеграфу приказание сдать должность вице-губернатору и немедленно выехать в Санкт-Петербург. Утром в день приезда доложил по телефону о своем прибытии министру внутренних дел и получил приказание явиться к нему в четыре часа дня [4, с. 55]. П. Н. Дурново задержал меня в Санкт-Петербурге еще несколько дней и при отправлении в Минск напутствовал общими указаниями придерживаться в моей деятельности духа Манифеста 17 октября. Ввиду всех этих событий и не прекращавшегося в Минске революционного движения министр внутренних дел вторично вызвал меня в Санкт-Петербург для доклада» [4, с. 59].

Что же мы видим в ситуации крушения самодержавной, а затем и буржуазной государственности? Как отмечали большевистские руководители, «Октябрьская революция возложила на народный комиссариат внутренних дел одну из важнейших и труднейших задач – руководство строительством органов советской власти (по сути, государственное управление на местах. – Примеч. авт.) и борьбу со всеми враждебными силами, стоящими на пути внутреннего устройства и работы советского государства» [7, с. 260]. Также НКВД, который сыграл громадную роль в деле организации местной советской власти, поскольку первым из всех центральных комиссариатов связался с местами, издал инструкцию об организации советов рабочих и крестьянских депутатов, при этом большевиками постоянно подчеркивалось, что «Советы и съезды, в границах своего ведения и в пределах своей территории, являются высшей властью» [7, с. 35]. Получается, власть исходила «из низов», определяясь прежде всего волей трудящихся, но никак не полномочиями ведомства по внутренним делам.

При означенных реалиях не должно вызывать удивления, что на момент победы Октябрьской революции в руководстве партии отсутствовала четко разработанная и общепринятая концепция организации нового государственного механизма: «В первый период организации власти ни в центре, ни на местах не было определенного, заранее выработанного плана для построения власти» [7, с. 34]. Логичным было бы предположить, что, не имея твердого плана, большевики начнут руководствоваться марксистской доктриной, своей политической программой, но никак не опытом имперского министерства внутренних дел.

Тем не менее революционные реалии диктовали свою логику. Как отмечают современные исследователи, «определенное корректирующее влияние на соответствующие идеологические постулаты оказывали реалии процесса распространения и развития социалистической революции в России. В числе таковых реалий можно назвать и состояние хозяйства страны, ее транспортной системы, продовольственное положение и др. Воздействие этих реалий имело скорее прагматический, нежели кабинетно-умозрительный характер» [1, с. 6]. В складывающейся ситуации основной задачей для партии большевиков являлось утверждение действующей власти на местах, причем именно через налаживание деятельности Советов. Реализация этой задачи отражена в большом количестве историографических источников, изданий, посвященных различным аспектам становления советской власти. В результате «...на сегодняшний день накоплен колоссальный объем публикаций по основному предмету деятельности народного комиссариата внутренних дел – советскому строительству. Разумеется, обращение к теме организационной роли НКВД предполагает ознакомление с изданиями, которые эту роль так или иначе затрагивают. Однако при ознакомлении со сколько-нибудь значительной частью имеющейся тематической литературы приходится убедиться в том, что в силу вышеназванной причины существенная ее часть совершенно не содержит упоминаний о ключевой составляющей характеризуемого процесса» [7, с. 4]. Как можно понять, при всем богатстве историографии реальная роль народного комиссариата внутренних дел, а также его основного структурного подразделения – отдела местного

управления, в становлении советской государственности до настоящего времени не получала должного освещения.

Относительно конкретики процесса оформления назначения и статуса народного комиссариата внутренних дел подчеркнем, что при вышеобозначенном несоответствии реальной ситуации декларируемым постулатам не приходится удивляться тому, с каким упорством большевистское руководство, идеологи и публицисты стремились доказать, что устанавливаемая система управления есть нечто совершенно новое, принципиально противоречащее прежнему укладу устройство. Соответственно, в официальной ленинской парадигме сопоставлять НКВД с министерством внутренних дел царской России нельзя, так как это совершенно разные ведомства.

В то же время в назначении, практике народного комиссариата внутренних дел Советской России и в полномочиях министерства внутренних дел периода Николая II просматривается прямая преемственность. Как указывали советские деятели, «с момента своего образования, с первых же дней марта, советы шли к власти и в своей структуре создавали органы, необходимые для действительно-го овладения этой властью. В частности, такую роль играли широко распространенные в более крупных советах отделы, известные большей частью под именем иногородних отделов советов и исполкомов» [7, с. 260]. По сути, речь здесь велась о прямых аналогах губернских и уездных правлений имперского министерства внутренних дел. При Советах эти органы стали называться отделами управления и, организуясь в составах исполкомов, подлежали прямому ведению ведомства внутренних дел.

Полномочия этих органов (иногородних отделов, отделов управления, административных отделов) были настолько широки, что именно через них НКВД создавал, направлял и контролировал работу Советов на местах. Как отмечалось в документах того периода, «народный комиссариат внутренних дел и его местные органы являются не только или не столько преемником министерства внутренних дел и его местных органов, сколько преемником довольно длительной и успешной работы иногородних отделов советов, личный состав и аппарат которых при некотором техническом использовании оставшегося аппарата местных правительственных и земских учреждений послужил первоначальной основой органов НКВД» [7, с. 260–261].

Вышеизложенное позволяет прийти к следующему умозаключению: основное назначение министерства внутренних дел императорской России, важнейшие элементы его механизма были приняты большевиками за основу для осуществления процесса первоначального советского строительства. При этом отчасти был задействован и сам аппарат местных правительственных и земских учреждений.

Дополнительным подтверждением данному заключению служит и следующий факт: «По существу, процесс развития НКВД за истекшие пять лет можно разбить на два периода. Первый период, с октября 1917 г. по 1921 г., – период первоначального установления власти в центре и на местах, упразднения в дальнейшем местных совнаркомов и республик, начало планомерного построения местных органов управления и установление их взаимоотношения с цен-

тром в порядке демократического централизма» [7, с. 261]. Как видим, автор прямо увязывает установление советской власти не с «самодержавием народа», а с соответствующим этапом функционирования наркомата внутренних дел.

Далее: «Второй период, с начала 1921 г. протекающий в период мирного советского строительства, на основе новой экономической политики и под лозунгом революционной законности» [7, с. 261]. Опять же, цитата недвусмысленно увязывает советское строительство не с инициативами местных коллективов, сельских сходов, цеховых представителей, а именно с деятельностью НКВД.

Более того, по ряду аспектов НКВД наделялся даже более широкими полномочиями, нежели императорское министерство внутренних дел. В целом, есть основания утверждать, что на начальном этапе становления Советской России именно роль народного комиссариата внутренних дел оказалась определяющей для организации и координации революционной стихии на местах, и эта роль выводилась именно из восприятия советскими лидерами устройства и практики МВД дореволюционной России.

Список литературы

1. Абдрахманов А. И. Проблемы освещения организационной роли НКВД РСФСР в российской и зарубежной литературе : монография. Домодедово : Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013.
2. Восьмой год диктатуры пролетариата. М., 1925.
3. Духовский С. «Чрезвычайки» и «Исполкомы» // Вестник НКВД. 1918. № 24. С. 28–30.
4. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М. : Современник, 1991. 255 с.
5. Лацис М. И. Возникновение Народного комиссариата внутренних дел и организация власти на местах // Пролетарская революция. 1925. № 2 (37).
6. Потемкин Н. К вопросу об образовании в уездах отделов управления // Вестник НКВД. 1918. № 24. С. 30–31.
7. Пять лет власти Советов. М. : ЦИК, 1922. 571 с.
8. Романов В. Ф. Старорежимный чиновник: из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг. / отв. ред. С. В. Куликов. СПб. : Нестор-История, 2019. 710 с.
9. Тихомирнов В. А. Советский строй – высшая форма государственной организации // Вестник НКВД. 1918. № 25.
10. Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309.

Воронцова В. Д.¹,
 слушатель факультета
 подготовки сотрудников полиции
 для подразделений по охране
 общественного порядка
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Дубинина Е. Н.,
 доцент кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ЗАКОНА В ПОЗИТИВИСТСКОЙ ТЕОРИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Право является одним из сложных многогранных явлений и как объект научного познания вызывает особый интерес среди исследователей. Начиная с античных времен проблема определения понятия и сущности права остается актуальной, рассматриваемой в множестве исследований правовых наук, особенно в теоретической юриспруденции и философии права. В различные эпохи человеческой цивилизации право понималось по-разному в силу изменения научных взглядов и формирования новых методологических подходов. Например, Аристотель считал право политической справедливостью, Ф. Аквинский – божественным установлением, Ж.-Ж. Руссо – общей волей, Р. Иеринг – защищенным интересом, Л. Петражицкий – императивно-атрибутивными эмоциями, Г. Ф. Шершеневич – велением государства [1].

Многообразие научных взглядов свидетельствует о непостижимости сущности права, так как право является основным регулятором общественных отношений и поскольку природу человека невозможно полностью познать в силу его специфических особенностей. Познание сущности права остается в таком же положении, эту сущность можно понять на основе учета всех ее определений, дополняющих друг друга. Поэтому в теории правовых наук при исследовании вопросов, связанных с пониманием права, а также исследованием правовых явлений и процессов плюрализм взглядов приветствуется и имеет особое значение для развития теории.

При исследовании вопросов, касающихся права, часто используется понятие «правопонимание». В юридической науке под правопониманием определяют научную категорию, отражающую процесс и результат целенаправленной мыслительной деятельности человека, что включает в себя познание права, его восприятие (оценку) и отношение к нему как целостному социальному явлению [3].

¹ © Воронцова В. Д., 2022.

Анализируя данное определение, необходимо подчеркнуть, что субъектом правопонимания является определенный человек, относящийся к одной из следующих категорий: гражданин, обладающий небольшими сведениями о праве; профессиональный юрист, обладающий специальными правовыми знаниями, способный применять и толковать правовые нормы; ученый-правовед, занимающийся изучением права. У каждого субъекта понимание права складывается по-разному, однако оно может быть схожим у определенных социальных групп, по этой причине появляется необходимость в дальнейшем познании права.

Основными объектами правопонимания становятся право в целом, право определенного общества в конкретный исторический период, система права, а также ее отдельные нормы.

В содержание правопонимания входят знания субъекта о правах и обязанностях, правовых дозволениях и запретах, а также оценка и отношение к ним как к справедливым или несправедливым.

Любое понятие права или правовая категория всегда отражает философскую, нравственную, религиозную, идеологическую позицию понимающего, складывающуюся в результате влияния социальных, культурных, исторических, субъективных факторов, – все это порождает плюрализм концепций.

Как говорилось ранее, в правовой науке существует множество взглядов на право, поэтому отечественные ученые-правоведы классифицировали их по определенным критериям. Основываясь на критерии различия и соотношения права и закона, В. А. Четвернин выделяет два основных типа правопонимания: позитивистский и непозитивистский [6]. Данная классификация необходима для сопоставления понятий «право» и «закон». В рамках исследуемой темы рассмотрим позитивистский тип правопонимания.

Конститутивной составляющей теории правового позитивизма является методология классического позитивизма как особого направления социально-философской мысли, выраженной, по мнению В. В. Лапаевой, «в признании единственным источником знания лишь конкретных, определенных данных, установленных путем опыта и наблюдения, в отказе от исследования метафизических вопросов, а также анализа сущности и причин явлений и процессов» [4, с. 32]. Основоположниками правового позитивизма являются Т. Гоббс, Дж. Остин, П. Лабанд, К. Бергбом, Г. Ф. Шершеневич и др.

Самым древним и значимым направлением позитивистской теории становится легистский подход к пониманию права, связанный с отождествлением понятий права и закона. В дальнейшем появились и другие направления позитивистского правопонимания, к которым относятся социологический и антропологический.

Термин «легистский» происходит от латинского *lex (legis)* – закон. По мнению сторонников легистского позитивизма, право отождествляется с законом, трактуется как принудительное установление государственной власти, выраженное в формальных источниках права. В связи с этим право представляет собой совокупность норм, являющихся результатом государственной воли и поддерживающихся в нормативных правовых актах.

Легистский позитивизм интерпретирует понятие права через понятие государства, придерживаясь той точки зрения, что право исходит от государства и не может существовать без него, имеет второстепенное значение. Стабильность в обществе, систематизированное функционирование институтов общественных отношений могут обеспечиваться только установленными государственной властью нормами законодательных актов, предписывая определенный стандарт поведения. Безусловно, реальные отношения могут существовать в обществе без права, однако, являясь неким инструментом государства, они играют роль в упорядочивании и дальнейшем регулировании общественных отношений, превращая их в правовые, содержание которых будет зависеть от действующего законодательства в определенный период времени.

Право в легистском значении приобретает авторитарный характер, выраженный в призывании всех правовых актов, исходящих от государства, правовыми, не предавая особое значение принципу справедливости. К основным правам человека относятся только те права, которые признаются и устанавливаются государством, находясь под его контролем. Государство может отменить права человека, ничего не нарушив, так как государство не призвано что-либо соблюдать.

В период возникновения и существования советского государства особое значение в понимании права занимает такая разновидность легистского направления юридического позитивизма, как марксистско-ленинское правопонимание, основанное на историческом и диалектическом материализме, интерпретирующее право через понятие государства. Данная теория признавалась официальной, отказ от нее мог нести негативные последствия. В соответствии с данным направлением право понималось как совокупность норм, санкционированных государственной властью, выражающих волю и интересы господствующего класса, определяемых социально-экономическими условиями общественной жизни, т. е. право – это возведенная в закон воля господствующего класса. Любой нормативный правовой акт, созданный государственной властью, является правом, так как он облечен в форму закона [5].

В марксистско-ленинском учении право является временно необходимой составляющей регулирования жизнедеятельности общества. С переходом общественных отношений от социализма к коммунизму право, как и государство, теряет свою социальную значимость. Такой подход к пониманию права определяет его как государственный механизм, выраженный в форме законодательных актов, обязательных для исполнения, призванных упорядочивать общественные отношения на определенном этапе их развития.

Другой разновидностью легистского направления является нормативистское учение, возникшее в первой половине XX в., основоположником и основным представителем которого стал Г. Кельзен. Нормативизм основан на выработанной методологии юридического позитивизма, представляет собой реакцию на возникновение и развитие неюридических концепций правопонимания того времени. Основные мысли нормативистской теории изложены в работе Кельзена «Чистое учение о праве», выпущенной в 1934 г.

Кельзен, развивая «чистую» теорию как целую науку о праве, считал, что право не может поддаваться изучению других наук, кроме юриспруденции, а

также оцениваться с идеологической, экономической, социальной и иных точек зрения. К области научного познания права, по мнению нормативистов, необходимо относить только то, что может быть обнаружено в содержании позитивных юридических норм. Новая научная теория, стремящаяся познать свой предмет, должна определить, что представляет собой право само по себе, а не как оно должно быть или создаваться. Юридическая наука должна заниматься чисто юридическим содержанием права. В связи с этим право представляет собой иерархическую систему норм, реализуемых в принудительном порядке и предусматривающих за их нарушение санкции, в которой одни нормы исходят от других норм, содержащихся в главенствующих законодательных актах. Основу всех законов составляют нормы конституции, предписывающее их соблюдение. Закон, не соответствующий нормам конституции, тоже подлежит обязательному соблюдению до момента проведения процедуры, связанной с дальнейшей отменой [2, с. 6].

Нормативистская теория правопонимания внесла свою лепту в развитие юридической науки, характеризует право следующим образом:

1. Придает праву нормативность и формальную определенность, что позволяет создавать и модернизировать систему законодательства; обращает внимание на необходимость систематизации правовых норм по степени их юридической силы.

2. Устанавливает с помощью правовых норм рамки дозволенного поведения, придает праву общеобязательный характер. С помощью правовых норм обеспечиваются законность и правопорядок в обществе, а также единообразие применения норм и индивидуально-властных велений.

3. Четко определяет права и обязанности субъектов, а также дает государству широкие возможности влиять на общественные отношения с помощью использования правовых норм, так как они создаются, санкционируются государством.

4. Способствует формированию нормативного представления о праве как о формально-логической основе правосознания граждан.

Несмотря на множество положительных качеств, нормативистская теория правопонимания имеет определенные недостатки, выраженные в полной формализации правовых сторон, абсолютизации влияния государства на правовую систему, игнорировании естественных и нравственных начал в праве, отрицании обусловленности права потребностям общественного развития.

Таким образом, в силу многообразия концепций правопонимания юридическая наука систематизирует данные научные взгляды по определенным критериям. Опираясь на критерии соотношения понятий «право» и закон», некоторые ученые выделяют позитивистский и непозитивистский типы правопонимания. Основным направлением позитивистской теории является легистское, включающее в себя еще несколько течений – марксистско-ленинское и нормативистское. Приверженцы данных концепций правопонимания отождествляют понятие права с законом. Право выражено через систему принудительных норм, исходящих от государства, обязательных для их соблюдения и исполнения, играет инструментальную роль в поддержании правопорядка и законности

в обществе, а также регулировании всех сфер общественных отношений. Необходимо отметить, что право является более широким понятием, чем закон; неверным будет полное отождествление понятий, так как закон, установленный государством, не всегда является правовым и отвечающим интересам общества. Право должно строиться на принципах свободы, равенства и справедливости, учитывая мнение каждого участника правовых отношений. Право не является продуктом государственной власти, оно имеет определенную самостоятельность и находится в постоянном взаимодействии с государством, способствующим развитию общественных отношений.

Список литературы

1. Баранов П. П. К вопросу о понятии и сущности права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 3. С. 116–123.
2. Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11.
3. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2015. 428 с.
4. Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика : монография. М. : Российская академия правосудия, 2012. 578 с.
5. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник для вузов по направлению и специальности «Юриспруденция». М. : Юридическая литература, 1996. 432 с.
6. Четвернин В. А. Понятие права и государства. Введение в курс теории права и государства : учебное пособие. М. : Дело, 1997. 120 с.

Перегудова А. П.¹,

курсант

международно-правового факультета

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

доцент кафедры

теории государства и права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Термин «юридический нигилизм» является одной из составляющих более обширного понятия «правовой нигилизм». Данные категории определяют единую для них проблему юридической практики – «проявление отрицательного, негативного, неуважительного отношения к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений» [6]. Однако если правовой нигилизм вбирает в себя пренебрежение к праву в целом, то юридический – лишь к формам норм, исходящих от государства. В современном мире наиболее актуальной является проблематика именно юридического нигилизма, так как подавляющее большинство современных норм и правил, регламентирующих общественные отношения, исходят от государственных структур и органов.

Юридический нигилизм также принято обозначать как позитивно-правовой, поскольку данное явление отрицает нормативизм, а значит, признает в виде объекта непринятия только позитивные акты, исходящие от государства и иных властных структур. При распространенности именно «государственного права» из-за отдельных проявлений нигилизма в юридическом поле возникает угроза дестабилизации всего общества, поскольку имеет место несоблюдение базисных норм и установок как отдельными членами общества, так и целыми группами населения.

Однако некорректно рассматривать явление лишь с одной стороны. Юридический нигилизм имеет ряд пусть и неявных, но позитивных следствий, характеризующих его не как общественный дефект, от которого необходимо избавиться, а как своеобразную лакмусовую бумажку, идентифицирующую определенную стадию развития общества, государства и права. Несмотря на очевидно пагубное влияние таких явлений юридического непринятия, как умышленное несоблюдение и игнорирование законов и предписаний, конфронтация с органами исполнительной власти и нарушение прав личности [6], нигилизм может положительно воздействовать на правотворческую сферу и общество посредством производных от вышеописанных явлений.

¹ © Перегудова А. П., 2022.

В качестве первого позитивного следствия юридического нигилизма следует выделить формирование квазигражданского общества. Как уже было отмечено, нигилизм в правовой сфере базируется на сознательном сопротивлении влиянию законодательных актов на жизнь субъекта. В рамках данного явления нигилизм выступает в качестве формы выражения недовольства конкретными нормами и носит частичный, направленный на определенный элемент правовой системы характер (по классификации Н. И. Матузова) [6]. Посредством непринятия отдельных законов и актов, нарушающих или притесняющих права человека, общество формирует обособленную от государства сферу, выступающую в качестве антипода, способного сигнализировать посредством реакции на определенные решения верховной власти об общественных настроениях и реакции на правовые нововведения. Это подтверждает точка зрения профессора А. Б. Венгерова, который называл юридический нигилизм «вполне обоснованным протестом против тех или иных законов» [2].

Также стоит отметить, что явление непринятия определенных норм может служить индикатором качества конкретных законов. Подобную реакцию можно трактовать в качестве проявления определенного несовершенства в сфере правового регулирования, поскольку норма, вызывающая общественное недовольство, не упорядочивает общественные отношения, а напротив, дестабилизирует их. В данном случае юридический нигилизм выступает в качестве ситуативного, а не перманентного явления, которое, в свою очередь, позволяет органам законодательной власти и уполномоченным лицам совершенствовать как отдельные нормы, так и сам процесс правотворчества путем выявления белых пятен в законе, а также реагирования на противоречивые и неоднозначные решения.

Наконец, юридический нигилизм служит основным показателем уровня правовой культуры и правовой информированности граждан. Этот феномен, выражая отношение к праву и его восприятие, выступает качественной характеристикой понимания данных норм, т. е. характеризующей правосознание отдельного человека, социальных групп и общества в целом.

Данная грань юридического нигилизма позволяет рассматривать его в качестве «определенной формы общественного состояния, отражающей политические и национально-исторические особенности общества» [1]. В связи с этим подобное отрицание закона выступает как показатель общего уровня знаний, понимания и осведомленности населения о праве в целом. Таким образом, юридический нигилизм выступает в роли не только правоведческой категории, но и социально-психологической и исторической. По уровню распространенности юридического нигилизма можно делать выводы о степени развития правовой системы в целом как в рамках онтогенеза государства как отдельного социального института, так и в части глобального исторического процесса.

Итак, общие положительные следствия юридического нигилизма исходят из его двух основных ипостасей: юридический нигилизм как показатель и юридический нигилизм как катализатор. В первом случае феномен является производной более глобальных общественных явлений, своевременное реагирование на которую позволяет предотвратить более пагубные и разрушительные процессы. Во втором же случае он выступает в качестве основы и почвы для обра-

зования принципиально новых элементов общественной жизни. Таким образом, юридический нигилизм – явление не однозначно негативное, поскольку он выступает в качестве неотъемлемого элемента общественной жизни, имеет сложную природу, находящую отражение в большом количестве общественных процессов.

Список литературы

1. Бондаренко М. В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2002. 159 с.
2. Венгеров А. В. Теория государства и права : учебник для юридических вузов. М. : Новый юрист, 1998. 622 с.
3. Гойман В. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9. С. 3–7.
4. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений : в 10 т. Т. IV. М. : Русская книга, 1994. С. 151–414.
5. Общая теория государства и права : учебник для юридических вузов / под ред. В. В. Лазарева. М. : Юрист, 1994. 367 с.
6. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юрист, 1997. 672 с.
7. Монаков В. В. Теоретические подходы и предметные рамки изучения правового нигилизма в российском обществе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2011. № 1 (21). С. 58–65.

*Моисеев И. А.¹,
курсант Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Лановая Г. М.,
профессор кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент*

ГЕНЕЗИС ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Право как явление выступает объектом изучения не только для юридических, но и для многих других гуманитарных наук: социологии, политологии, культурологии, истории, в отдельных своих аспектах – психологии и филологии. Поэтому для теории права чрезвычайно важной задачей является определение объема понятия «право». Чтобы ее решить, представляется необходимым составить ясное представление о наиболее общих закономерностях генезиса названного явления.

Существует множество работ, посвященных обозначенной проблеме. Как правило, в них она получает решение в рамках какой-либо одной отдельно взятой теории происхождения права. Такой подход, на наш взгляд, нельзя признать оптимальным: будучи сложным явлением, в своем становлении право проходит ряд этапов, и ни одна из известных теорий не способна точно и убедительно объяснить одновременно специфику каждого из этих этапов.

По нашему мнению, процесс становления права представлен тремя историческими этапами, связанными с развитием человека и общества.

Первый этап предшествует возникновению протоправа, связан с появлением норм, правил как регуляторов поведения человека, исходящих из его физических потребностей и базовых представлений об окружающем мире. Ключевое отличие таких норм от права в современном его понимании заключается в том, что они не носят характер рациональных, логически обосновываемых установлений, поскольку регулируемые ими отношения «еще не отделились от кровнородственных (природных)» [3, с. 85]. Особенность этих норм – неразрывная связь не только с сознанием, но и с подсознанием человека.

Следующий этап связан с появлением протоправа, которое берет свое начало в момент, когда человечество переходит от присваивающей экономики к производящей. На данном этапе право формируется, если прибегнуть к терминологии Н. Рулана, как результат пережитого [2, с. 60–62], юридический ком-

¹ © Моисеев И. А., 2022.

понент в нем еще не развит. Впоследствии основные черты протоправа в наибольшей мере будут обнаруживаться в групповом неофициальном праве.

Последний, третий этап, неразрывно связанный с развитием государства, ознаменован появлением юридического права.

Представляется, что известные теории происхождения права, так или иначе связанные с различными подходами к правопониманию, делают акцент на тех особенностях, которыми характеризуется генезис права на отдельных его этапах.

В рамках психологической теории право и мораль предстают как психические процессы, которые формируются в сознании человека. С такой позиции право воспринимается как субъективное явление, характерное для конкретного индивида. Это позволяет говорить о том, что теория Л. И. Петражицкого [1] и его последователей наиболее точно объясняет генезис права на первом из обозначенных нами этапов. Именно то, что предшествует формированию протоправа, обнаруживается в интуитивном праве.

Психические процессы обусловили появление норм, со временем они разовьются в интуитивное право – единственный вид права, к которому применимо понятие справедливости в буквальном его значении. В свою очередь, интуитивное право стало основанием для формирования феномена естественного права – права, связанного с правовыми эмоциями и ранее упомянутым чувством справедливости.

Рассмотрим второй исторический этап – появление протоправа, которое воспринимается его субъектами совсем иначе, чем юридическое право, связывается с естественными потребностями (например, можно упомянуть потребность в кровной мести, которую современные исследователи описывают как право на кровную месть).

Социологические теории происхождения права наиболее точно описывают процесс генезиса протоправа, однако необходимо учитывать, что изначально их авторы не ставят перед собой подобной цели.

В основе развития протоправа лежат активное социальное взаимодействие между всеми членами группы и накопление опыта такого взаимодействия. Протоправо закреплялось повторением его норм. В дальнейшем, с возникновением и развитием торговых отношений, тот же механизм обеспечивает воспроизводство и закрепление правовых обычаев.

Генезис права на третьем этапе точнее всего объясняет историко-материалистическая теория происхождения права. Юридическое право возникает вместе с появлением первого государства как результат производства избыточного продукта. Необходимость этого права определяется потребностью в регулировании отношений между членами общества властью, стоящей над ним, а также использованием для обеспечения реализации властных императивов механизма легального и легитимного принуждения [4].

В изначальном виде юридическое право являлось привилегией и представляло интересы отдельных классов. В результате борьбы классов юридическое право приняло современный вид. Иные исследователи выделяют в качестве причин появления современного права экономические, политические, социаль-

ные факторы. С ними нельзя согласиться по той причине, что они обуславливают возникновение и развитие самого государства, но никак не права.

Итак, право – комплексное явление, генезис которого мы не можем рассматривать, опираясь лишь на какую-то одну теорию его происхождения. На каждом этапе становления право имеет свою специфику.

Особенности, характерные для первого этапа, точнее всего описываются в психологической теории права, особенности второго этапа – в социологической теории права, а особенности, свойственные третьему этапу генезиса права, наиболее точно отражает историко-материалистическая теория происхождения права.

В заключение хотелось бы отметить, что иные теории не так интересны с точки зрения объяснения процессов, происходящих на выделенных нами этапах генезиса права. Например, примирительная теория возникновения права не учитывает множество факторов, а сама ее суть легко отрицается тем фактом, что не везде происходили столкновения между родами. Историческая теория преувеличивает роль общественного сознания. Перечисленные, а также многие другие теории ошибочно переносят акцент на факторы, которые не являются определяющими в генезисе права, служат для него не движущими силами, а лишь факторами среды.

Список литературы

1. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Лань, 2000. 606 с.
2. Рулан Н. Юридическая антропология = *Anthropologie juridique* : учебник для вузов / отв. ред. и авт. предисл. к рус. изд. В. С. Нерсисянц. М. : Норма, 1999. 310 с.
3. Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1973. 205 с.
4. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. : АСТ, 2020. 320 с.

*Хорошавина Я. А.¹,
курсант факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Дубинина Е. Н.,
доцент кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В настоящее время правовая действительность нашей страны отражает активные преобразования в области построения правового государства и гражданского общества. В связи с этим актуальным становится вопрос о типах правопонимания. Значимое место в современной юридической науке занимает также рассмотрение сущности права, правосознания и правового нигилизма, ведь благодаря изучению данных явлений в будущем возможно будет сформировать позитивно ориентированное правовое сознание граждан.

Анализируя правовую действительность в России и проводимые реформы законодательства, стоит отметить негативные аспекты в правовой идеологии общества. Прежде всего они выражаются в падении престижа права в глазах граждан нашей страны, что, в свою очередь, приводит к деформации правосознания и даже к процветанию правовой безграмотности и правового нигилизма среди населения Российской Федерации. Еще одним немаловажным негативным аспектом является отказ от некоторых традиционных моральных ценностей, многих взглядов и оценок права прошлого. Несомненно, в эпоху цифровых технологий и господства виртуальной реальности право должно активно меняться, дабы успевать отвечать всем требованиям современности, но это не значит, что мы должны забывать об основополагающих ценностях и положениях юридической науки государства и права.

Проблема понимания права существует в юридической науке уже довольно долгое время и до сих пор является наиболее актуальной. Возникновение права обусловлено прежде всего желанием людей упорядочить свою жизнь, защитить себя и свое имущество от посягательств различного рода. Правопонимание – это категория, имеющая не только теоретически ориентированное значение, но и существенную практическую значимость в современной юридической науке,

¹ © Хорошавина Я. А., 2022.

она отражает мыслительный процесс и полученный в ходе его результат, содержащий отношение человека к праву, его осмысление и оценку [5]. Данное социально-юридическое явление получило свое распространение во всех сферах человеческой жизнедеятельности, в политике, культуре, социальной сфере, государственной деятельности, законотворчестве и т. д.

К сожалению, в массовое правосознание проникли элементы преступной субкультуры, что привело к более лояльному и терпимому отношению со стороны граждан к совершаемым преступлениям, а также подтолкнуло социально и психически неустойчивые слои населения к совершению правонарушений и преступлений [4]. Согласно данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за январь – сентябрь 2021 г. в России совершено 1 521 509 преступлений. Несомненно, существует и латентная преступность, поэтому в реальности показатель преступности еще выше представленного.

В данной ситуации немаловажное значение имеют правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел, ведь именно от них напрямую зависит состояние преступности в нашей стране. Правоприменительная деятельность и ее результаты неразрывно связаны с правопониманием, правосознанием, профессиональной подготовленностью, а также с морально-нравственными качествами сотрудника ОВД. К сожалению, на данный момент граждане выражают недовольство и неудовлетворенность работой ОВД, в том числе работой полиции, прежде всего это можно объяснить низким уровнем правосознания, правовым нигилизмом, а также профессиональной неподготовленностью сотрудников полиции [2].

Для сотрудников полиции в правоприменительной деятельности доминирующим является позитивистский тип правопонимания, поскольку сотрудники полиции – это государственные служащие, непосредственно защищающие интересы личности, общества и государства, представители закона и права государства. В рамках позитивизма право выступает как основной инструмент государства для регулирования общественных отношений, поддержания общественного порядка. Именно воля законодателя, воля государства являются основополагающими в данной концепции правопонимания, именно по воле законодателя возникают сами правоотношения, а на его участников возлагаются права и обязанности.

Современное позитивистское правопонимание несколько отличается от традиционного присущими праву признаками: государственно-волевой характер (право выражает государственную волю общества, ориентируясь на социальные, культурные, экономические потребности населения), нормативное закрепление (объективное понимание права, его материальная составляющая в форме официально действующих и официально закрепленных юридических норм), властно-регулятивная природа (право – государственный регулятор общественных отношений, воздействие которого влечет для участников отношений определенные юридические последствия) [3].

В своей правоприменительной деятельности сотрудник полиции обязан бесприкословно соблюдать требования российского законодательства, ведь право-

применение является одним из наиболее эффективных инструментов реализации правовых норм, установленных государством, а также принятия государственно-властных решений по каждому конкретному правонарушению или преступлению.

Правоприменение является формой управленческой деятельности, оно выражается в непосредственном воздействии на участников общественных отношений. Именно с помощью права, установленного государством, сотрудники полиции при выполнении возложенных на них обязанностей определяют наличие прав и обязанностей у участников правоотношений, а также разрешают различные ситуации, связанные с этим, имеют возможность применения мер государственного принуждения [1].

Таким образом, можно сказать, что государство в данном типе правопонимания выступает источником, создателем права и правоотношений, а сотрудники полиции, наделенные государственно-властными полномочиями, являются в руках государства инструментом для осуществления своей воли и поддержания общественного порядка и общественной безопасности.

Для успешной реализации, защиты прав и свобод граждан сотрудник полиции обязан знать и соблюдать эти права, свои действия непосредственно соотносить с законом, обладать морально-нравственными качествами, а главное – устойчивым, недеформированным правосознанием. Главная угроза осуществлению правоприменительной деятельности сотрудников полиции кроется как раз в профессиональном правосознании. Профессиональное правосознание сотрудника полиции – это сопряженные с правоохранительной деятельностью установки, идеи, убеждения, формирующиеся прежде всего в профессиональной деятельности. К сожалению, профессиональное правосознание сотрудника полиции может подвергаться деформации, например оправдательным или обвинительным уклоном, равнодушием к человеческому горю, расцветом бюрократии и т. д. Существует несколько форм деформации правосознания: правовой идеализм, правовой фетишизм, правовой прагматизм, правовой инфантилизм, правовой пессимизм, правовой дилетантизм и правовой нигилизм.

Правовой нигилизм – это активное отрицательное отношение к праву и его основным ценностям и институтам. До сих пор не существует единого мнения насчет данного явления, но существуют различные точки зрения, связанные с определением сущности данного понятия. Для одних правовой нигилизм связан с негативным аспектом отрицания права и его институтов, выражающимся в совершении умышленных преступлений, для других – выражается в осознанном игнорировании требований закона без противоправного умысла.

Правовой нигилизм как форма деформации правосознания может выражаться у сотрудников полиции по-разному. Например, одни используя полномочия, которыми наделило их государство, превышают их, совершают правонарушения, свое положение в структуре воспринимают как неприкасаемое для обычных граждан, надеются на безнаказанность. Но есть и сотрудники, у которых данный вид деформации проявляется несколько иначе, например: возникновение резкого негативного отношения к посягательству на ценности права, к преступлениям и правонарушениям; активная деятельность, направленная на борьбу с преступно-

стью; государственные ценности, задачи и цели, сменяющие личные ценности и установки; несовпадение оценки преступлений с оценкой их со стороны закона; оценка процессуальных гарантий выше материальных, недооценка их по сравнению с законом; предпочтение интересов государства, политических интересов, а не законности [6].

В заключение хотелось бы сказать, что тип правопонимания, влияющий на формирование правосознания сотрудника ОВД, во многом обуславливает его отношение к праву и поведение во время правоприменительной практики. К сожалению, правоохранительная деятельность сотрудников ОВД оказывает негативное влияние на профессиональное правосознание и формирование соответствующего типа правопонимания. Это обусловлено прежде всего тем, что для успешной борьбы с преступностью сотрудникам ОВД необходимо полагаться не только на свои морально-волевые качества, но главным образом на используемые государственно-властные полномочия, которые открывают сотрудникам путь к применению методов государственного принуждения. Данные методы не всегда понятны и поддерживаемы гражданами, но они определенно необходимы для поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Сотрудники ОВД ежедневно сталкиваются с негативными проявлениями современного общества, однако, являясь стражами правопорядка, они обязаны строго соблюдать законодательные нормы, бороться с преступностью государственно-властными методами, порой ставя свои моральные и жизненные ценности ниже ценностей государства, у которого они состоят на службе.

Список литературы

1. Аверин А. В. Правопонимание и юридическая практика // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4 (14). С. 19–37.
2. Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников ОВД. Теоретические проблемы : учебное пособие. М.: ВЮЗШ МВД СССР, 1991. 130 с.
3. Денисенко В. В. Легитимность и государственное принуждение как характеристики сущности позитивного права // История государства и права. 2014. № 5. С. 25–28.
4. Захидов М. А. Проблемы правосознания современного российского общества // Наука, техника и образование. 2015. № 3 (9). С. 53–54.
5. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2012. 560 с.
6. Ожегова Г. А. О деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2009. № 2 (6). С. 82–90.

Шамиданова А. Д.¹,
 курсант факультета
 подготовки сотрудников полиции
 для подразделений по охране
 общественного порядка
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Дубинина Е. Н.,
 доцент кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ЕСТЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В истории и теории государства и права вопрос о сущности правопонимания как особом институте теории права всегда носил дискуссионный и актуальный характер, поскольку интерпретация данной категории субъективна в силу различных исторических, политических, мировоззренческих и других воззрений на данный вопрос. Право по своей юридической природе – многогранное явление, демаркация которого для установления четкого понятия в науке, по сути, невозможна, так как человек – явление социально активное, и его отражение в понимании права носит сугубо индивидуальный характер в силу различных факторов. Эти факторы – наличие юридического образования или его отсутствие, приверженность определенным политическим, идеологическим взглядам – носят как формальный, так и неформальный характер.

Термин «естественное право» в различных теориях и концепциях приобретает свое собственное значение, имманентно присущее каждому из типов правопонимания исходя из особенного толкования права. Право естественное может пониматься как воля мироздания, как божественная воля или же исходя из сущности самого человека как биосоциального существа. Но все те значения, которые имеет естественное право в различных концепциях, едино противопоставляются праву «искусственному», т. е. позитивному. В. С. Нерсисянц называет это «всеобщим универсальным принципом естественного права» [2, с. 92], который заключается в противоположности и несопоставимости искусственно созданного, эмпирически обусловленного условиями объективной реальности права праву объективному, трансцендентально присущему индивиду от рождения. Кроме того, естественное право представляет собой не только априорное, объективно первичное начало человеческого бытия, но и реально действующее право наряду с позитивным. В этом заключается дуалистичность и неоднозначность термина «естественное право».

¹ © Шамиданова А. Д., 2022.

В современной юридической науке вопрос о классификации естественного права носит весьма неоднозначный и дискуссионный характер [6, с. 39–40] в связи с неопределенностью и неясностью критериев для такого деления. Условно и обобщенно направления доктрины естественного права по основаниям представлений об источниках такого права можно разделить на космологические (объясняют право с диалектической точки зрения формирования всей объективной действительности), гуманистические (трактуют право исходя из субъективного восприятия мира человеком посредством чувственного и рационального отражения мира в его сознании) и теологические (происхождение естественного права объясняется исключительно проявлением божественной воли).

Исторически первой обосновавшей себя теорией была космологическая, получившая свое рациональное толкование еще в Древней Греции и связанная с именами Аристотеля и Платона. Согласно данной теории, всевышний Разум имеет верх над сознанием людей посредством определенных законов мироздания, воплощая идеи справедливости, равенства и достоинства. По мере дсакрализации общественного сознания происходит признание этических, морально-нравственных норм как регулятора общественных отношений исходя из закономерностей космического мироздания, управляющего сознанием личности и общества в целом. Положения данной теории в дальнейшем нашли отражение в работах Г. Гегеля, обосновавшего единство права и государства, определяя последнее в качестве конкретного, «богатого» права. Понимание естественного права с точки зрения выражения космического порядка и определенных закономерностей мироздания, объективно существующих в сознании личности, всегда было первичным определенным фундаментом развития определенных концепций, теорий, касающихся генезиса самого права, отражения его в сознании людей. Кроме того, несмотря на достаточную исчерпанность и исследованность понимания права в космологической трактовке, ученые XX в. продолжали изучать, исследовать и обосновывать право с позиции «онтологически-космологического фундамента природы вещей» [2, с. 102–103].

Синтез античной и христианской философской традиции и обоснование в нем позиций понимания права нашел отражение в теологической теории естественного права. Данное направление связано прежде всего с трудами философа и теолога Фомы Аквинского, обосновавшего античную философию в направлении христианского осмысления права. Прежде всего Аквинский, не отвергая при этом космологическую концепцию, обосновал, что дохристианская философия, основанная на всеобщем разуме, справедливости, объективно существующих в сознании людей исходя из законов мироздания, явилась определенным базисом к формированию христианского понимания права. В Средние века основополагающей характеристикой естественно-правовой концепции понимания права являлось отождествление неотъемлемых и неотчуждаемых прав с проявлением божественной воли. В этих концепциях право определялось как «творение Бога, законченная, неподвижно застывшая программа бытия личности» [4, с. 83].

Отличительными особенностями в понимании естественного права античной философии являлись предопределенность и принадлежность права к ограниченному кругу лиц, поскольку зависимые люди не могли относиться к числу

тех, кто имеет возможность «пользоваться» естественным правом. В связи с этим естественное право в античности носило характер привилегии и не включало в себя такого всеобъемлющего семантического понятия, какое имеет сейчас. И только синтез античной и христианской философии определил естественное право как неотчуждаемое и неотъемлемое право человека, присущее каждому человеку от рождения, носящее богоподобный характер. В этом заключается эволюция естественно-правовой концепции понимания права и ее безусловная ценность.

Нетрадиционным направлением в понимании естественного права, получившим развитие в XVI–XVII вв., было гуманистическое. Основоположителем направления был голландский юрист и философ Гуго Гроций, который выводил понимание естественного права из рамок природы человека и обосновывал его как предписание здравого разума. Распад феодальных отношений, освобождение человека от влияния коллективного разума и осознание им своей автономности предопределили понимание права как субъективного, индивидуализированного проявления воли и сознания индивида. В этот период под влиянием идеологии Просвещения гуманистическое естественное право пронизывает все сферы общественной жизни, коррелируя с нравственно-моральными, социальными и этическими нормами.

Существенный вклад в обоснование гуманистического направления естественно-правовой доктрины понимания права внес немецкий философ И. Кант, трактовавший разум человека как имманентное объективное проявление нравственности. Способность рациональным образом отражать процессы объективной действительности Кант определял основополагающим принципом морально-этических норм, отделенных при этом от религиозного контекста. Он первым, как пишет Ю. Хабермас [5, с. 126], провел четкую грань между моралью и религией разума, тем самым подведя свою философию права к оппозиции существовавших моральных установок и религиозных представлений в концепции естественного права. Предмет изучения Канта – «чистое» право, источником которого является разум человека, отделенный от всех субъективных критериев. По Канту, проявлением чистого разума являются морально-нравственные нормы должностования, исходя из которых формируется априорное понятие права как такового [1, с. 123–124].

Другим приверженцем и сторонником гуманистического направления в понимании естественного права был немецкий философ Г. Гегель. Причем его обоснования имеют принципиальное отличие от традиционной трактовки в естественно-правовом подходе к правопониманию. Гегель в своих трудах разделяет понятия сущности и явления в праве, что является, по сути, демаркацией эмпирического и рационального. Сущность права, по Гегелю, заключается в постижении внутреннего разума, определяющего свободу человека, а свобода, в свою очередь, – понятие права в существующей объективной действительности, т. е. сама идея права. Свобода человека определяется не ввиду его естественного, «натурального» происхождения, а ввиду его социальной, духовной сущности, т. е. выступает как результат закономерного развития общественных отношений, итог социально-исторического прогресса.

Другой особенностью философии права Гегеля было отсутствие антагонизма, присущего классической теории юснатурализма, – вечного противоборства

естественного (натурального) и искусственного (позитивного) права. Семантику данного положения философ объяснял исходя из предмета своего изучения – «идеального права», в котором отождествлял имманентно схожие понятия права и закона ввиду единого духа их идеальной природы.

Немалое развитие в дискурс естественно-правовой доктрины и в обоснование гуманистического направления права внесла концепция «возрожденного естественного права», сочетавшая в себе априорные, абсолютные, неизменные принципы и начала естественного права и изменяющуюся объективную действительность [3, с. 88], актуальные идеи меняющегося общественного развития.

Сторонники данной концепции видели источник права уже не в трансцендентальных, имманентных началах сущности права, а в синтезе и корреляции такого права с существующим порядком общественных отношений, меняющихся ввиду их исторического развития, состояния социального порядка. Представителем данного направления выступал немецкий юрист Р. Штаммлер, который одним из первых выразил целесообразность и необходимость возрождения естественного права с измененным содержанием. Согласно его учению, существующие абсолюты и трактовки неотчуждаемого права актуализируются и возрождаются исходя из «правил» существующей действительности и бытия, обуславливая тем самым «момент принадлежности, а не происхождения прав и свобод человека» [2, с. 462].

На протяжении всего исторического развития концепция естественно-философского понимания права носила актуальный характер, обосновывая различные точки зрения в различные исторические периоды исходя из состояния общественных отношений. Мнение о том, что современным юристам уже нецелесообразно обращаться к концепции естественно-философского правопонимания ввиду существующих нормативных правовых актов, где закреплён перечень норм, абсолютно неверно, поскольку эти нормы не могут охватить и регулировать всю существующую объективную действительность. Поэтому развитие новых трактовок понимания естественного права носит актуальный характер и по сей день ввиду трансцендентальности ее генезиса.

Список литературы

1. Нерсисянц В. С. Философия права Гегеля : монография. М. : Юрист, 1998. 350 с.
2. Нерсисянц В. С. Философия права : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 848 с.
3. Поляков А. В. Возрожденное естественное право в России (критический анализ основных концепций) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Ленинград, 1987. 217 с.
4. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. 2-е изд. СПб. : Издательство СПбГУ, 2015. 468 с.
5. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.
6. Четвертин В. А. Современные концепции естественного права // Проблемы буржуазной теории права философия права : реферативный сборник. Вып. 3. М. : Издательство ИНИОН АН СССР, 1984. С. 39–40.

Алхимов А. Ю.¹,
 курсант Института-факультета
 подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Никитин А. Н.,
 профессор кафедры
 истории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 доктор исторических наук,
 доктор юридических наук, профессор

ПРАВОПОНИМАНИЕ В КАЗАЧЬИХ РЕСПУБЛИКАХ ЮГА РОССИИ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917–1922 ГГ.

Общеизвестно, что правопонимание в широком смысле – это отношение народа к праву. Правопонимание народа оказывает решающее влияние на формирование права в государстве, а в некоторых случаях и на создание нового государства. Только при развитом правопонимании народ может не только влиять на формирование, но и сам создавать такое право и государство, которое наиболее полно отвечало бы его интересам. Наиболее ярко влияние народного правопонимания на важнейшие политико-правовые процессы проявляется во время так называемых точек бифуркации – периода неустойчивости системы, неопределенности ее дальнейшего развития, когда может произойти как крах всей системы, так и ее переход на качественно новый, более высокий уровень развития.

Для отечественной истории одной из самых мощных точек бифуркации является Гражданская война 1917–1922 гг. В этот период произошли крах Российского государства и образование многочисленных государственных образований, некоторые из которых обладали большинством признаков государства. Именно в этот период особенно наглядно проявилось правопонимание различных народов и этносов, проживающих на территориях бывшей Российской империи. Помимо советских республик были созданы государственные образования в Сибири, Поволжье, в Северной области, на территориях Юга России, в том числе казачьи республики Дона, Кубани и Терек.

Традиционно низкий общий уровень правопонимания русского населения, политическая пассивность его основной массы могли привести лишь к двум возможным путям развития:

– левому, базировавшемуся на марксистско-ленинском правопонимании и революционном правосознании, представители которого выступали за ради-

¹ © Алхимов А. Ю., 2022.

кальные революционные преобразования для построения социалистического государства, управляемого диктатурой пролетариата и беднейшего крестьянства;

– либеральному, заключающемуся в капиталистическом пути развития, построении демократии, становлении гражданского общества.

На практике же попытки построения демократических государств белой России очень быстро терпели крах и перерастали в единоличную военную диктатуру, представлявшую интересы высших военных чинов и крупной буржуазии. За невозможностью иного развития населению приходилось, как говорил В. И. Ленин, выбирать между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии [3, с. 158]. Выработка и государственно-правовое строительство пути социальной демократии не представлялись возможными по многим причинам, в первую очередь из-за низкого правопонимания народов.

Исключением могут выступать казачьи республики Юга России, вставшие на трудный, но успешный путь строительства социальной демократии, отличной от большевистской, своим примером, по сути, опровергая слова Г. В. Плеханова («Или упрочение революционных завоеваний с помощью всех живых сил страны, или очень быстрое торжество реакций, а следовательно, и гибель всего того, что было завоевано революцией. *Tertium non datur* (третьего нет. – Примеч. авт.)» [5, с. 144]. Особый и, самое главное, нашедший реализацию на практике путь развития казачьих республик Юга России был бы невозможен без особого правопонимания казачества.

Именно правопониманию казачества Юга России в его неразрывной связи с государственным строительством на Дону, Кубани и Тереке будет уделено основное внимание в статье. Будет проведен сравнительный анализ государственного строительства казачьих республик Дона, Кубани и Терека с иными государственными образованиями белой России для ответа на вопрос, насколько важную роль сыграло казачье правопонимание для сохранения курса развития на социальную демократию без перерастания в военную диктатуру.

Формирование кубанского казачества началось в конце XVIII в. Российской империи необходимо было защитить свои южные границы, создав оборонительную линию на Северном Кавказе. Для этих целей тысячи донских казаков переселялись на Кубань и Терек вместе со своими семьями. Осуществляемая южнорусским казачеством пограничная и военная служба, жизненно необходимая для Российской империи, а также освоение ими новых территорий предопределили их статус. Государство признавало за казачеством ряд наследственных, пожизненных прав и привилегий: личная свобода, право владения оружием и, что особенно важно для формирования будущей казачьей государственности, собственная военная организация и элементы самоуправления. Все вышеописанные обстоятельства сближали южнорусское казачество с английскими колонистами Северной Америки, образовавшими в конце XVIII в. Соединенные Штаты Америки, и способствовали формированию во многом схожего правопонимания. Так, у южнорусского казачества, как некогда и у английских колонистов, сформировалось неоднозначное отношение к существующей в стране системе власти. Казаки стали относить себя к отдельному этносу, как некогда колонисты

стали относить себя к отдельной нации. Подтверждением версии о схожести правопонимания южнорусского казачества и английских колонистов является тот факт, что государственные деятели Кубани зачастую ссылались на историю США [4, с. 19].

В самый критический для самодержавия момент – Февральскую революцию 1917 г., казачество в массе своей не выступило в поддержку Николая II, а наоборот, приступило к строительству демократического государства. Участие казаков в государственном управлении в пределах области, в выборах станичных атаманов, высокий уровень самоорганизации позволили казакам в достаточно короткие сроки сформировать традиционные для них демократические учреждения – казачий круг и раду, при этом традиционные для казачества местные органы самоуправления трансформировались в государственные. Так, на Дону и Тереке Большим казачьим кругом были избраны войсковые атаманы.

Наиболее интересным путем развития государственных органов власти пошли кубанские казаки. Ими наряду с Краевой радой и Краевым правительством были учреждены Законодательная рада и должность войскового атамана, т. е. помимо принципа выборности кубанские казаки при государственном строительстве руководствовались принципом коллегиальности.

В этом моменте намечается различие в правосознании казаков Дона и Терека, с одной стороны, и казаков Кубани, с другой. Если первые в организации государственных органов ценили единоначалие, то вторые, опасаясь авторитаризма, ценили коллегиальность. Условно можно сказать, что казаки на Дону и Тереке приступили к созданию президентской республики, а на Кубани – смешанной.

Совершенно иным путем шло государственное строительство в других государственных образованиях белой России. Правительства Поволжья и Северной области не использовали в своей деятельности демократические процедуры. Это обусловило их оторванность от основной массы населения, что привело к невозможности должным образом наладить процесс функционирования государства и оказать успешное сопротивление большевикам. В Сибири попытка Западно-Сибирского комиссариата построить государство, используя демократический механизм, быстро потерпела неудачу, власть перешла к Временному Сибирскому правительству.

Для сохранения государственности правительствам Поволжья, Северной области и Сибири пришлось объединиться, создав коллегиальную диктатуру – Уфимскую директорию. Затем в результате государственного переворота власть от Уфимской директории перешла к А. В. Колчаку, т. е. произошло становление единоличной военной диктатуры. Единоличная военная диктатура установилась и на землях, контролируемых добровольческой армией под командованием А. И. Деникина.

Вопрос взаимоотношений Деникина с руководством казачьих республик – отдельная тема для исследования. И на востоке, и на юге после свержения советов местное население – в основном, крестьянство – принимало активное участие в формировании органов местного самоуправления – земств. Однако из-за отсутствия опыта государственного строительства и недостаточного уровня

правопонимания трансформации местных органов управления в государственные не произошло. Если в казачьих республиках государственная власть формировалась «снизу вверх», а руководство республик выражало интересы населения, то на территориях, контролируемых войсками Деникина или Колчака, государственная власть формировалась «сверху вниз», руководство слабо представляло себе нужды населения, а основной функцией главы местной администрации стала функция политического представителя власти на местах [4, с. 147].

При рассмотрении особенностей правопонимания южнорусского казачества отдельного внимания заслуживает вопрос организации выборов в Кубанскую краевую раду, который был закреплён в «Положениях о выборах в чрезвычайную Кубанскую краевую раду». Согласно Положению, выборы депутатов от населённых пунктов производились на созываемых атаманами и старшинами общих сходах жителей данных населённых пунктов. В п. 11 Положений был предусмотрен механизм контроля за выборами в виде возможности подачи жалобы на неправильность выборов в особую комиссию по рассмотрению жалоб.

В целом, пункты Положения были демократическими. Однако в них были крайне интересные особенности, без раскрытия которых невозможно полное представление сути казачьего правопонимания. Во-первых, как организация, так и контроль выборов осуществлялись исключительно казаками. Во-вторых, в п. 1 Положений определен перечень лиц, обладающих правом созыва в Кубанскую краевую раду, – это лица мужского пола старше 25 лет, принадлежащие либо к Кубанским казакам, либо к Кубанским горским племенам, либо к составу коренных жителей Кубани. Здесь интересен тот факт, что большая часть иногородних не обладала собственной землей, следовательно, не относились к коренным жителям Кубани, а значит, правом созыва в Раду не обладала [4, с. 20].

В указанных обстоятельствах усматриваются как стремление казачества обеспечить устойчивость республики, так и защита своих сословных интересов. Ключевая особенность правопонимания казачества – идея о создании демократической системы, гарантирующей при этом сословные привилегии казачества.

Смогли ли казаки пойти «третьим путем», опровергнуть слова Ленина и Плеханова о его невозможности и неизбежном выборе между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата? Практическая реализация – примерно два с половиной года государственного строительства – показала, что на протяжении короткого промежутка времени это оказалось возможным.

Однако возможна ли демократия в далекой перспективе, хотя бы на 20 лет? Падение казачьих республик под ударами Красной армии в марте 1920 г. не дало южнорусскому казачеству шанса дать ответ на этот вопрос. Однако к началу XX в. феодализм в России и казачье сословие как его часть уже являлись своеобразным рудиментом. В самом казачестве начинались характерные для перехода от феодализма к капитализму процессы: связи внутри сословия начинали слабеть, традиции – утрачивать силу.

С ходом общественного развития казачество неизбежно перестало бы существовать как сословие. Могло ли в этих условиях сохраниться особое казачье правопонимание? Смогла ли бы система, созданная казачьим сословием, существовать без казачьего сословия? Или же вновь встал бы вопрос о выборе между

диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии? Во всяком случае, то, что пыталось сделать южнорусское казачество, уникально и заслуживает самого тщательного изучения.

Список литературы

1. Положения о выборах в чрезвычайную Кубанскую краевую раду созыва 10 сентября 1918 года // Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 372.
2. Гордеев А. А. История казаков : в 4 ч. Ч. 3: Со времени царствования Иоанна Грозного до царствования Петра I. М. : Страстной бульвар, 1992. 251 с.
3. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 39: Июнь – декабрь 1919. М. : Издательство политической литературы, 1970. 623 с.
4. Никитин А. Н. Суверенная Кубань: опыт отечественного парламентаризма, 1917–1920 гг. Ч. 1. М. : Национальный институт бизнеса, 2010. 368 с.
5. Плеханов Г. В. Год на родине. Полное собрание статей и речей, 1917–1918 гг. : в 2 т. Т. 2. Париж : J. Povolozky & Cie, 1921. 270 с.

Козлова Н. С.¹,
*слушатель Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Яцкова А. П.,
*профессор кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (XVII – НАЧАЛО XX В.)

Взяточничество и иные коррупционные преступления исторически входят в сферу внимания государства, поскольку данные деликты являются сложными социально-политическими феноменами, которые неизменно не только оказывают существенное негативное влияние на повседневное функционирование органов государственной власти, но и формируют в общественном сознании критическое отношение к власти, которая в общественном сознании не всегда способна быстро и эффективно реагировать на должностные преступления подобного рода.

Одним из исторических феноменов, способствовавших формированию коррупционной традиции при осуществлении государственного управления в Российском государстве, принято считать существовавшую не одно столетие систему кормлений, при которой назначаемые в качестве наместников должностные лица проживали на данном месте за счет якобы добровольных подношений, являвшихся на самом деле поборами с населения. По мнению В. Я. Фукса, именно система кормлений «свила столь прочное гнездо в судебных канцеляриях» [9, с. 28].

На момент существования Древнерусского государства среди государственных служащих взяточничество преимущественно воспринималось как нормальное явление. Первые источники антикоррупционного законодательства в Российском государстве появляются лишь во второй половине XV в. с момента регламентации в Псковской судной грамоте 1467 г. получения взятки должностным лицом, именуемого «тайным посулом» [8]. Однако следует отметить, что данная норма не регламентировала меры ответственности за указанное деяние. Первым нормативным актом, установившим ответственность за взяточничество в виде наложения денежных взысканий, тюремного заключения, торговой казни, стал Судебник 1550 г., который установил уже не менее десяти составов коррупционных преступлений.

¹ © Козлова Н. С., 2022.

Предпринятые меры, однако, носили формальный характер, коррупционная ситуация продолжала ежегодно накаляться. Вспышки народных бунтов первой половины XVII в., несомненно, являлись реакцией на данные злоупотребления, поскольку попытки обращений напрямую к государю не приносили никаких результатов: царь реагировал лишь на челобитные о вымогательстве взяток, принятие же добровольных подношений было абсолютно законным и даже поощрялось, так как чиновников было проще обеспечить за счет народа, чем из государственной казны [11]. Царь основывался также на принципе «холопи наши и сироты нам, великим государям, никогда не указывали» [7, с. 510].

В середине XVII в. было принято Соборное уложение, которое, во-первых, содержало расширенный по сравнению с Судебником Ивана IV перечень деяний коррупционного характера; во-вторых, регламентировало ответственность за указанные преступления; в-третьих, обозначило для данных составов специального субъекта, установив перечень лиц, находящихся на «государевой» службе: государевы бояре и воеводы; околничьи, думные люди и диаки, приказные дьяки и подьячие, должностные лица органов губного и земского самоуправления, недельщики и приставы [7].

Нормы, устанавливающие ответственность за взяточничество, содержатся в гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» (ст.ст. 10–12), гл. X «О суде» (ст.ст. 5–9, 12, 15 и др.), а также в гл. XII «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян» (ст. 2). Глава VII устанавливала для бояр и воевод «посулов и поминков не имати», а если «...будет Бояре и Воеводы... и посулы и поминки имати... то чинити жестокое наказание, что государь укажет» [2]. Отметим, что под поминками следует понимать подношение за выполнение какой-либо просьбы служащим в рамках его полномочий, а под посулами – подношение за нарушение закона [13]. Доносчикам, принесшим ложный донос о взяточничестве бояр и воевод, полагалось «чинити жестокое наказание, что Государе укажет».

Наибольшее внимание в Соборном уложении уделялось взяточничеству должностных лиц судебного ведомства. Ответственность была установлена за вынесение неправосудного решения, подделку судного списка дьяками и подьячими, волокиту в целях вымогательства взятки, отказ судьи от разбора дела, связанный с вымогательством взятки, посул, неправомерное взимание пошлин и др. [12]. Несмотря на высокую общественную опасность коррупции для функционирования государственного аппарата, наказание высших чинов было в большинстве случаев достаточно мягким и сводилось к следующему: высокопоставленные чиновники (бояре, окольничьи, воеводы, думные люди) несли ответственность в виде штрафа («взяти в государеву казну втрое»), а также в виде лишения чина («отняти честь»). Нижестоящие чины судебного ведомства за совершение коррупционного преступления подвергались более строгой ответственности в виде торговой казни и увольнения со службы («впредь им у дела не быти»), а также членовредительного наказания (отсечение рук).

Значимый этап развития антикоррупционного законодательства связан с приходом к власти Петра I. Первым законодательным актом в антикоррупционной сфере стал указ об организации Ижорской канцелярии рыбных ловель

1704 г., в котором было впервые установлено уголовное наказание за сам факт принятия взятки («за те взятки... учинена будет смертная казнь») [5]. Именно с XVIII в. взяточничество стало рассматриваться как самостоятельный состав преступления, а не как нарушение служебного долга и порядка судопроизводства.

Важное значение в области антикоррупционного законодательства имеет указ Петра I «О воспреещении взяток и посулов и о наказании за оное» от 1714 г., в рамках которого впервые в истории отечественного законодательства было регламентировано понятие преступления – «все то, что вред и убыток государству приключити может», иными словами – всякое антиобщественное, антигосударственное деяние. Начиная с данного указа взяточничество стало именоваться «лихоимством», причем караться стало не только вымогательство взятки, но и принятие «добровольных подношений». В качестве субъектов «лихоимства» отныне стали признаваться все должностные лица, а также их соучастники и недоносители. Указ содержал следующие санкции: телесные наказания, конфискация имущества, шельмование (объявление преступника «вне закона») и смертная казнь.

Следующим значимым нормативным актом является свод норм уголовного и военного права – Артикул воинский 1715 г. В Артикуле рассматривались три состава взяточничества, предусматривающие весьма суровые санкции (заключение в тюрьму, телесные наказания, смертную казнь): простое получение, нарушение должностных полномочий вследствие получения взятки, а также совершение преступления за взятку. Также в правление Петра I была впервые регламентирована ответственность взяткодателей («чинить равную ж месть, как и тем, кто с них будет иметь») [3].

Следует отметить, что, в отличие от XVI–XVII вв., когда меры борьбы со взяточничеством имели преимущественно уголовно-правовой, карательный характер, начиная с правления Петра I в борьбе с коррупцией стал применяться системный подход. Во-первых, деятельность государственных органов и чиновников подверглась четкой регламентации, в том числе в изданной в 1722 г. Табели о рангах. Во-вторых, власть озаботилась выстраиванием системы контролирующих органов, которые осуществляли тотальный контроль за чиновничеством как на региональном уровне, так и на имперском. Коллегии контролировали свои местные структуры, Сенат контролировал весь управленческий аппарат, включая коллегии, Ревизион-коллегии осуществляли финансовый контроль, институт фискалитета был призван тайно «проведывать и доносить о всех нарушениях закона», прокуратура («око государево») во главе с генерал-прокурором осуществляла контроль за деятельностью всех органов, руководила в том числе и негласным агентурным надзором фискалов. Антикоррупционный контроль деятельности подотчетных монарху органов (Сената, Синода, прокуратуры, фискалов) осуществляла Тайная канцелярия. В-третьих, для чиновников были установлены постоянные денежные оклады (которые, в свою очередь, были достаточно низкими и скорее способствовали коррупции). В-четвертых, повышалась правовая осведомленность как населения, так и государственных служащих о мерах наказания за дачу и взятие взятки.

Антикоррупционную политику продолжила Екатерина II, которая попыталась сделать упор на предупреждение подобных преступлений, свидетельством

чему является указ от 1762 г. «Об удержании судей и чиновников от лихоимства». Ее указами для чиновников было установлено «довольное жалование», а также учрежден коллегияльный орган (Контора смотрителей), расследующий должностные преступления.

Следующим этапом развития антикоррупционного законодательства стал период правления Александра I, который одну из основных причин коррупционного поведения видел в несовершенстве правовой основы борьбы с коррупцией. В 1801 г., в самом начале своего царствования, был издан указ, запрещающий начальникам губерний завуалированные взятки в виде подарков. В 1802 г. был опубликован указ «Об искоренении лихоимства», подтвержденный в 1811 г. мнением Государственного совета относительно назначения наказания за взятки и лихоимство [4].

Важный этап становления антикоррупционного законодательства связан с правлением императора Николая I, поскольку именно в этот период были изданы такие нормативные акты, как Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., фактически являвшееся первым уголовным кодексом в истории Российского государства.

Следует отметить, что перед началом формирования нового законодательства «к искоренению лихоимства и лихоимательства» был создан специальный комитет, осуществивший глубокий анализ причин совершения коррупционных преступлений, на основании которого выдвинувший комплекс практических и теоретических рекомендаций. Свод законов Российской империи установил ответственность за превышение власти, бездействие состоящим на службе лицом, неправомерное необъявление указов и распоряжений, фальсификацию, уничтожение и сокрытие документов, неправомерное правосудие, похищение и растрату казенных средств и имущества, лихоимство [10]. Было дано определение понятия «лихоимство»: незаконные поборы под видом государственных податей, вымогательство вещами, деньгами или припасами, взятки с просителей по делам исполнительным и судебным. Также был установлен специальный субъект преступления коррупционной направленности – «лицо, состоящее в службе», или чиновник, однако определение понятия «должностное лицо» все еще отсутствовало. Важно отметить, что в зависимости от тяжести совершенного коррупционного преступления Свод законов 1832 г. предусматривал санкции дисциплинарного и уголовного характера.

Изданное в 1845 г. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных дополнило перечень установленных Сводом законов 1832 г. составов коррупционных преступлений. Например, стал известен такой состав, как «мздоимство» (ст. 401), под которым следовало понимать принятие должностным лицом какой-либо материальной выгоды в процессе реализации им своих законных полномочий, в отличие от лихоимства, предполагавшего «учинения или допущения чего-либо противного обязанностям службы». Лихоимство, в свою очередь, стало подразделяться на три типа: 1) незаконные поборы (ст. 309); 2) вымогательство взятки («вынужденная по делам службы страхом притеснения в делах») (ст. 310); 3) вымогательство взятки по делам исполнительным и судебным («делаемые чиновникам для ослабления силы закона») (ст. 311) [5].

Так же, как и Свод законов 1832 г., Уложение предусматривало дифференциацию санкций на дисциплинарные и уголовные в зависимости от тяжести преступления. Соответственно, мздоимство каралось в дисциплинарном порядке штрафом или лишением должности, а лихоимство – в уголовном порядке лишением личных прав и прав состояния, ссылкой на каторгу с заключением на время от одного года до трех лет, также применялись наказание розгами и направление в исправительные арестантские дома гражданского ведомства. Важным преимуществом по сравнению со Сводом законов 1832 г. стало установление диапазона наказания относительно санкции [3].

Несмотря на серьезность подхода к борьбе с коррумпированностью государственного аппарата, выразившуюся в высоком уровне принятых законодательных актов, зачастую служащие все же могли вовсе избегать наказаний, в особенности дисциплинарных, поскольку их начальник мог оказаться еще бóльшим взяточником и казнокрадом, – действовал принцип «рука руку моет» [11]. Коррумпированность крупных чиновников являлась мощнейшим катализатором дальнейшего расцвета коррупции.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., претерпев несколько редакций, действовало вплоть до 1903 г., когда в период правления Николая II был принят новый уголовный закон. Именно в Уложении 1903 г. впервые была предпринята попытка дать законодательное толкование специального субъекта коррупционных преступлений. Согласно ч. 4 ст. 636 гл. 37 Уложения под служащим следовало понимать «должностное лицо, или полицейского или иного стража или служителя, или лицо сельского или мещанского управления», несшее обязанности или исполнявшее временные поручения по государственной или общественной службе. Однако данная попытка оказалась не вполне удачной, поскольку определение не позволяло разграничить чиновников, являвшихся субъектами преступления, и иных лиц, наделенных управленческими функциями.

Уголовное уложение ввело понятие взяточничества. Под лихоимством следовало понимать получение имущества как якобы законного поступления, взяточничество же подразумевало поступление имущества заведомо для обеих сторон незаконное, в том числе если оно было добровольно предложено взяткодателям [1, с. 219–221]. Согласно ст. 656 взяточничество подразделялось на простое и тяжкое. Простое предполагало совершение за материальную выгоду законного, входящего в круг обязанностей действия, тяжкое – свершение правонарушения или преступления по службе. Следует отметить, что Уложение предусматривало ответственность за покушение на квалифицированные составы.

Ответственность за лихоимство была предусмотрена только в соответствии с законом от 31 января 1916 г., когда данное деяние стало считаться преступным. Этим же законом было декриминализовано заведомо необусловленное вручение в качестве благодарности подарка должностному лицу за совершение им законного деяния в рамках его законных полномочий.

Таким образом, можно сделать вывод, что за период с середины XV в., когда в Псковской судной грамотой было впервые законодательно закреплено понятие «посул», до начала XX в., когда действовали полноценные уголовные зако-

ны 1845 и 1903 гг., антикоррупционное законодательство прошло длительный процесс становления и развития. Однако коррупция, несмотря на все попытки борьбы с ней, продолжала неумолимо расти, а государство оказалось бессильно в стремлении искоренить этот социальный феномен.

Список литературы

1. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года 2-е изд., неофиц. Спб. : Типография Министерства внутренних дел, 1903. 340 с.
2. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. I. № 1.
3. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. VI. № 3601.
4. ПСЗ РИ. Собр. I. Т. XXXI. № 24807.
5. Свод законов Российской империи. СПб. : тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 15.
6. Указ об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской Канцелярии // Страницы истории рыболовства. URL: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1704-g-ukaz-ob-otdache-rybnyx-lovel-na-otkup-i-o-vedenii-onyx-v-izherskoj-kanczelyarii.html> (дата обращения: 01.12.2021).
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. Кн. V (Т. 9–10). М. : Соцэкгиз, 1961. 755 с.
8. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2008. 464 с.
9. Фукс В. Я. Суд и полиция : в 2 ч. Ч. 1. М. : Университетская типография, 1889. 286 с.
10. Байкеева С. Е., Лясович Т. Г. Силкин Н. Н. Правовые основы борьбы с коррупцией в Российском государстве (XVI – первая половина XIX в.) (историко-правовой аспект) // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 10. С. 22–33.
11. Бычкова С. Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV – начало XX в.) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Н. Новгород, 2016. 225 с.
12. Мамедов И. А. Уголовно-правовые средства противодействия коррупции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2011. 215 с.
13. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / отв. ред. А. А. Преображенский. М. : Наука, 1987. 228 с.

Шикова Е. С.¹,

курсант

международно-правового факультета

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Мельник Е. В.,

заместитель начальника кафедры

истории государства и права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕКАТЕРИНЫ II ПО СОЗДАНИЮ СЕЛЬСКОЙ ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В России единая полицейская система при Петре I и его ближайших преемниках формировалась только в городах, в связи с чем возникает вопрос, почему в аграрной стране, где городские жители в начале XVIII в. составляли 2–3 % от всего населения, полиция создавалась и развивалась длительное время только в городах?

Следует сказать, что в обществе и государстве на тот момент существовали механизмы и институты, заменяющие полицию, направленные на обеспечение общественного порядка и борьбу с различного рода правонарушениями. Из широкого круга таких заменителей полиции следует выделить наиболее значимые. Прежде всего, это крепостное право, наиболее полного развития достигшее именно в XVIII в. Помещики обладали широчайшим кругом судебно-полицейских полномочий по отношению к своим крепостным. Законодательно было закреплено их право отправлять крестьян в смиренные и работные дома и даже в Сибирь, не говоря уже о применении телесных наказаний, штрафов и т. п. Хорошо известно, что Николай I называл помещика лучшим полицейским. Некоторые помещики сочиняли собственные кодексы, по которым судили крестьян, строили собственные небольшие «тюремки», в которых содержали приговоренных.

Мощным охранительным потенциалом обладала община. Многовековая история общинной организации сельского населения создала уникальный опыт объединения усилий деревенских жителей в решении жизненно важных повседневных вопросов: землепользования, распределения повинностей, взаимопомощи, благоустройства, а также обеспечения общественного порядка и безопасности. Достаточно назвать повинности в сфере поддержания порядка и пожаротушения, институт выборных старост (наделавшихся полицейско-судебными правами), коллективные формы борьбы со ското- и конокрадами и т. п. Сход мог принять решение о запрещении любых нежелательных со стороны членов

¹ © Шикова Е. С., 2022.

общины действий, предусмотреть за их нарушение достаточно суровые меры воздействия (урезание надела, досрочное отправление сыновей в рекруты, штраф и др.). Прекрасно понимая значение общины в деле поддержания порядка, правительство в XVIII в. предоставило ей право принимать решения об отправке в Сибирь «порочных членов».

Существенный вклад в обеспечение «благочиния» также вносила церковь, — не только непрерывным внушением христианскому обществу необходимости послушания, соблюдения заповедей, осуждения любых антигосударственных действий, высказываний, помыслов. Государство предприняло шаги для того, чтобы церковь начала непосредственно помогать бороться с тяжкими и наиболее распространенными преступлениями. Это нашло наиболее яркое выражение в разработке программы мер по «увещанию» преступников.

Наконец, следует отметить, что и после создания регулярных полицейских учреждений охрану порядка в городах осуществляли военнослужащие, а также выборные от населения сотские, пятидесятские, десятские, караульщики.

Таким образом, из вышесказанного становится ясным, что на определенном этапе развития отечественного общества и государства продолжали действовать институты, которые в большей или меньшей степени выполняли полицейские функции. Этим объясняется тот факт, что полиция сначала создавалась лишь в крупных городах, где не действовали такие регуляторы, как крепостное право и община. В то же время именно в XVIII в. со всей очевидностью проявилась тенденция превращения полиции в полноценный самостоятельный государственный орган, строившийся на профессиональной основе.

Процесс развития полицейских органов тесным образом будет связан с именем Екатерины II. Взойдя на престол, молодая императрица не спешила проводить глобальные изменения в системе государственного управления. Однако уже в первые годы императорства был увеличен штат действующих на тот момент полицмейстерских канцелярий. Также Екатерина II разделила Правительствующий сенат на шесть департаментов, а за третьим закрепила функцию контроля за деятельностью всей полиции империи.

Для реорганизации всей системы полицейских органов этого тем не менее было недостаточно. Основная проблема крылась в том, что полицмейстерские канцелярии существовали только в «столичных» городах, а правоохранительных и административных пунктов в сельской местности не было как таковых.

В 1766 г. был издан указ о созыве Уложенной комиссии, в основе которой лежала идея представительства всех свободных сословий. Главной задачей комиссии стало преобразование органов государственного управления, в том числе и в сельской местности. В 1767 г. для участников созыва Екатерина II подготовила отдельные указы для будущих учреждений, в которых определились принципы их формирования и деятельности.

Здесь необходимо поподробнее остановиться на содержании наказа, так как этот документ вобрал в себя многие аспекты жизни России: «...Целомудрие нравов есть вторым предлогом сохранения благочиния, и включает в себе все нужное ко стеснению роскоши, к отвращению пьянства, к пресечению запрещенных игор, пристойное учреждение о общих банях или мыльнях и о позори-

щах... Спокойство народное требует, чтобы предупреждены были внезапные случаи и другие приключения, как то: пожары, воровства и проч... Устанавливают верный и одинакий вес и меру и препятствуют, чтоб никакого обмана не было чинено» [1]. Наказ также устанавливал, что «сии учреждения разделить надлежит на два рода... Первый содержит в себе полицию градскую... Второй – полицию земскую» [1]. Наказ под влиянием обсуждений неоднократно видоизменялся.

В главах говорилось о самодержавной власти в России, о равенстве и свободах в стране живущих, о законах вообще и согласовании преступлений и наказаний, о порядке судопроизводства, об обряде криминального суда (уже полноценный раздел уголовного права), о наследствах, составлении законов, пояснения о судах за оскорбления величества, чрезвычайных судах и о признаках падения и разрушения государства. В дополнительных главах речь шла о благочинии (или полиции), а также о разделе государственной экономики (по сути, обо всех доходах и расходах государства.) Наказ учил, что удерживать от преступления должны моральные принципы людей, а не кнут власти, и если преступление не совершается человеком только в страхе наказания, то виновно в этом жестокое управление, которое приучило его к насилию. Подчеркивалось, что частое прибегание к смертной казни никогда не исправляло людей. Обречен тот правитель, который основой своего правления делает демонстративные жестокие казни. Пытка, к которой очень часто прибегали в русском суде, резко осуждалась, называлась «раной» гуманизма и человечности, всего здравого смысла.

Уложенная комиссия была распущена через год после созыва, после чего реформирование государства происходило уже по усмотрению императрицы. Екатерина II начала полицейскую реформу «снизу» – с создания сельской полиции. Для выполнения заданных полицейских функций в селах к концу 1774 г. были введены должности сотских и десятских (низшие чины полиции в сельской местности). На эти должности избирались люди на сельских сходах из числа крестьян. После принятия сотско-десятской присяги помещики уже не имели права привлекать «полицейских крестьян» к иным работам. Более того, императрица самолично написала для них «Инструкцию сотскому с товарищи» [2, с. 1067–1081]: «Во исполнение губернаторскаго и воеводскаго Наказа и состоявшихся в пополнение онаго Правительствующаго сената указов, ты, сотской, с пятидесятскими и десятскими выбраны и удостоены, и в верности к присяге приведены и к оной подписались, а что вам по той своей присяжной должности исполнять, и как состоящих в ведомстве вашем селах и деревнях накрепчайшее вам смотрение иметь и наблюдать, о том в нижеписанных пунктах показано: О хождении в воскресные и великие праздники и высокаторжественные дни на моление в церковь... О ворах и разбойниках, и становщиках, и о злоумышленниках, и о лжеразгласителях, и о шпионах, и ко всякому воровству подговорщиках, и смертноубийцах, и беглых солдатах, и прочих... О шатающихся без паспортов и о не хождении с письменными по кормежным более 30 верст...» [2].

За неисполнение инструкции полагалась жестокое наказание. К слову, реально действенных способов осуществления своих широких обязанностей сот-

ским, как ни странно, не давалось. Было постановлено, что местные жители, не исключая помещиков, обязывались оказывать им помощь, однако в каких пределах – неизвестно. Не определено также, что делать сотскому, если его полномочий окажется недостаточно для исполнения предписанной инструкции. Некоторые из них просто по сути своей были невыполнимы, например почти все указания лечебно-санитарного характера. Другой пример: надзор за помещиками, чтобы они не переселяли крестьян без разрешения местной администрации. Как мог этому помешать сотский, если он был из крестьян того же помещика? (Даже если предположить, что последний поостерегся бы его тронуть в течение года, пока тот исполняет обязанности сотского.) После ухода с должности крестьяне возвращались к своему первоначальному, как правило, крепостному, реже государственному или свободному состоянию и лишь при хорошем исполнении обязанностей могли быть избраны сотскими или десятскими на повторный срок.

По первоначальной задумке, в перечень функций этих должностных лиц должны были входить обеспечение общественного порядка, противопожарной безопасности, осуществление санитарного надзора, а также предупреждение и пресечение преступлений. Однако, крепостной крестьянин, неграмотный сельский житель, который всю свою жизнь занимался возделыванием земли или разведением сельскохозяйственных животных, вряд ли мог эффективно выполнять возложенные на него полицейские функции. Поэтому, несмотря на их старание в работе, на повторный срок «полицейские крестьяне» переизбирались крайне редко.

Развитие событий, связанных с Пугачевским бунтом, привело к необходимости реорганизации местной власти и созданию сельской полиции. Власть приступила к укреплению местного административного аппарата. Увеличение числа губерний привлекает на государственную службу большее число дворян. Создается уездная полиция в виде нижнего земского суда, представлявшего уездное полицейское управление, состоявшее из выбираемого на три года капитан-исправника и нескольких заседателей, утверждавшихся губернатором. На нижний земский суд были возложены функции «иметь бдение, дабы в уезде были благочиние, добронравие и порядок»; «чтоб предписанное законами... в уезде исполняемо и сохраняемо было»; «иметь право приводить в действие повеления правления, решения палат, верхних и уездных судов и чинить отказы» [3]. По делам полиции и благочиния нижнему земскому суду предписывалось состоять под повелением губернского правления.

От земского исправника власть ожидала «непоколебимой верности и ревности к службе... доброхотства и человеколюбия» [3, с. 292]. Если «в уезде окажется скопище воров или беглых людей», исправник «уведомляет о том наместническое правление и генерал-губернатора или правителя наместничества», но, не теряя времени, «прилагает... старание воров имать...» [3, с. 292].

В перечень должностных обязанностей капитана-исправника входили надзор за порядком в закрепленном за ним уезде, сбор налогов с крестьян, проведение предварительного следствия и некоторые неполицейские функции вроде контроля за состоянием улиц, дорог и мостов [3]. Кстати, к капитану-

исправнику в ту пору было принято обращаться в уважительной форме – «ваше благородие». Широкие полномочия, данные капитану-исправнику, приводили к эффективности его деятельности.

Существовала серьезная проблема перегруженности нижних земских судов многочисленными разнородными обязанностями, зачастую не имевшими отношения к охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Если с организационной точки зрения их можно считать продолжением некогда существовавших губных изб, то с функциональной – однозначно нет. Земские суды превратились в низовые учреждения центральных отраслевых органов управления, не имевших на уровне уезда подчиненных аппаратов. О перегруженности также свидетельствует тот факт, что в конце XVIII в. в некоторых уездах Тамбовской губернии все делопроизводство составляло около 200 бумаг в год, а в начале XIX в. это число превысило 10 тыс. [4, с. 415].

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что создание сельской полиции в Российской империи было связано с обострением внутренних проблем в государстве, а непосредственным толчком к началу реформы стало крестьянское движение под руководством Емельяна Пугачева.

Список литературы

1. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVIII. Спб., 1830. № 13075. С. 473–478.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XIX. Спб., 1830. № 14231. С. 1067–1081.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XX. Спб., 1830. № 14392. С. 229–304.
4. К столетию Комитета министров, 1802–1902: Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого, 1802 г. сентября 8 – 1825 г. ноября 19 / сост. С. М. Середонин. Спб. : Издание канцелярии Комитета министров, 1902. 608 с.

Куксов В. А.¹,
*курсант факультета
подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Порватова Л. В.,
*старший преподаватель кафедры
истории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ПЕРВОБЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ

Первобытное общество является одной из самых ранних форм объединения людей [1, с. 408], которое начало приобретать социальный характер. Позднее на смену данной форме приходит родовая община. Первобытное общество – один из исторических периодов развития человечества, который ограничивается временными рамками от зарождения человека как существа до появления письменности.

В первом историческом периоде каменного века (верхний палеолит) возникает первая организация человеческого объединения (первобытного общества) – род (родовая община).

Когда же рода (семьи) стали расти, от них стали появляться новые родовые коллективы. Родовые коллективы, в свою очередь, объединялись в племена. В связи с малонаселенностью земель характер отношений между родовыми общинами был нерегулярен и обычно не распространялся дальше культурно возделанных родом земель. Но вследствие нехватки или избытка какого-либо продукта между родами иногда происходил натуральный обмен. Восторженную характеристику родовой организации дал Ф. Энгельс. Он писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов – все идет своим установленным порядком».

В данных формах объединения людей просто не могли не сформироваться нормы, которые бы, в свою очередь, регулировали отношения внутри коллектива; социальные нормы первобытного общества – это совокупность первобытных правил и норм поведения, устанавливаемых и обеспечиваемых родами, общинами, племенами, вследствие реализации которых происходит регуляция общественных отношений в данных группах.

¹ © Куксов В. А., 2022.

Отношения примитивного характера и конфликты также возникали в родовой общине. Следовательно, необходимо было наличие властных институтов и управленческого начала.

Верховной властью в родовой общине выступало собрание всех взрослых представителей общины. Принятые им решения были обязательны для всех. Очевидное сходство здесь приводит к необходимости сопоставления современной демократии и формы организации власти в первобытном обществе. Решение важных государственных (родовых) вопросов выносятся на всеобщее коллегиальное обсуждение, где голос каждого учитывался (даже женщины, так как не стоит забывать период матриархата, где женщина являлась главой рода). Именно данная форма организации власти и перенеслась к нам через тысячелетия. Следовательно, мы можем сделать вывод, что референдум является той формой организации власти, которая перенеслась и закрепились в истории человека и его сознании, которая обеспечивала стабильную жизнедеятельность человека тогда и сейчас [6, с. 56].

Любое новое поколение человечества на начальных этапах своего действия не начинает отсчет истории с нуля, а продолжает совершенствовать то, что было создано их предшественниками. Вследствие этого деятельности человека в какой-то мере уже задана траектория теми объективными условиями, которые не зависят от сознания и воли нового поколения; обусловленными становятся характер и способ осуществления деятельности, линия и формы социального развития.

Человек по своей природе есть биосоциальное существо, т. е. он неотъемлемо связан и с природой, где он родился наравне с другими ее существами, и с социумом, где стал познавать те связи и формы, которые заложили фундамент современному праву [3, с. 275].

Начальным периодом развития организации первобытного общества была родовая община. Род представлял собой группу людей, связанных кровным родством. Родственники могли быть как по материнской линии (матрилинейной), так и по отцовской (патрилинейной), которые корнями шли к единому предку.

Особо интересно складывалось социальное управление в первобытной общине. Оно состояло из следующих пяти основ [2, с. 97]:

1. Источник власти – все члены родовой общины. Правила и нормы должного поведения, их исполнение, соблюдение и санкции регулировались и устанавливались членами общины совместно и самостоятельно.

2. Верховный орган власти – собрание всех членов родовой общины. Данный совет обсуждал важнейшие вопросы, связанные с жизнедеятельностью рода, с деятельностью производства, с осуществлением религиозных обрядов и вопросов, связанных с разрешением конфликтов (споров) между членами рода.

3. Основа власти базировалась на принципе авторитета, а также на обычаях и уважении лидера, обладающего специфическими качествами (связь с богами, особая физическая сила, интеллект и др.).

4. Функции управления осуществлялись старейшиной, который избирался путем открытого голосования всех взрослых членов общины.

5. Судебные функции осуществлялись одновременно всеми взрослыми представителями рода на базе решения совета.

Второй период эволюции первобытного общества характеризуется процессами объединения общин в крупные образования социальной направленности – племена. Племя – более многочисленная форма объединения первобытных людей, основанная на единении территории, языка, религии, культуры. Племя объединяло существовавшие родовые общины.

Со временем в первобытном обществе образуется институт старейшин, которые обладали бóльшим голосом, так как сами они избирались племенем. Деятельность совета старейшин заключалась в согласовании совместных действий общественных групп первобытного общества в области сельскохозяйственных работ и ведении скота, рассмотрении вопросов по организации обороны и защиты племени от нападения извне, обсуждении конфликтов (споров) между родами, наложении санкций к нарушителям внутреннего порядка. Принуждение применялось членами племени на основании решения вече, либо советом старейшин, либо, в более поздние этапы, вождем.

Характеризуя этот период, стоит подчеркнуть, что бóльшую роль в организации общественного производства (обработке земель, ремесленничестве, скотоводстве и др.), а также в общественной жизни племени стал играть мужчина (муж). Социальные нормы в первобытном обществе регулировали способ добывания пищи и сохранения семейных отношений [5, с. 17–28]. Мононормы также являются организующими нормами социальной жизни первобытного общества. Характерной чертой мононорм является равенство всех членов рода.

Перечислим другие особенности мононорм:

- воплощение в виде обычаев (т. е. правил поведения, которые сложились исторически);
- как правило, отсутствие письменного закрепления;
- обеспечение реализации мононорм привычкой;
- запрещение как элементарный способ воздействия;
- конструирование естественно-правовой базой социума.

Начинается процесс зарождения права как системы норм и правоотношений. Можно выделить следующие виды социальных норм в первобытном обществе:

1. Обычаи – правила поведения, которые сложились исторически, в связи с неоднократным повторением вошли в привычку.

2. Первобытные моральные нормы – правила поведения, которые регулируют отношения между членами общины на основе примитивных представлений о понятиях добра и зла.

3. Религиозные нормы – правила поведения, которые регулируют отношения между людьми на базе их представлений о религии.

4. Мифология – система мифов (сказаний), которые отражают представление людей об окружающем их мире, природе и др.

5. Табу – запрет религиозного характера, налагаемый на материальные предметы, возможные действия и т. п.

Сегодня мы можем наблюдать, что в правовых обычаях видны сохранившиеся части обычаев родового строя, в то же время они закрепили патриархаль-

ные нормы быта. Появлялись сословные привилегии и обязанности низших сословий.

На завершающем этапе распада первобытного строя, когда оформлялись классы, в обществе возникли нормы права. В разных местах одновременно формируются правовые системы, это связано прежде всего с разделением труда. Появлялись излишки, а вместе с ним и возможность зарождения товарно-денежных отношений с другими общностями, вследствие чего и возникают правовые отношения. Процесс осуществления одним лицом властных полномочий в первобытном обществе носил насильственный характер [4, с. 113].

Такая власть не знала каких-либо имущественных, сословных или классовых различий, она не носила политического характера, не была оторвана от общества, не стояла над ним, а основывалась на силе его мнения. Она, по сути, была первобытнообщинной демократией, которая строилась на началах самоуправления и не знала особого разряда людей, которые бы осуществляли только власть и управление, не участвуя в производственной деятельности.

Форма власти в первобытном обществе называется потестарной. Например, потестарная власть предводителя семейной общины базировалась не только на его авторитете, но и на возможности жесткого принуждения. Нарушитель сложившихся правил поведения мог быть строго наказан, вплоть до лишения жизни. Такая социальная организация первобытного общества тысячелетиями воспроизводила присваивающую экономику, обеспечивала гармоничное взаимодействие человека и природы, была первым, отличным от всех последующих способом существования человеческого общества, полностью соответствовала его потребностям.

Со временем организация вождей и старейшин эволюционирует в социально-политическую организацию, которая объединяла группы населения.

В свою очередь, неолитическая революция привела к ряду последствий, одним из наиболее важных среди которых является зарождение надобщинных структур. Постепенно складывается хоть и простая, но действенная система органов первобытного строя, которая была подвластна лидеру племени. Данная система органов подразделялась на единоличную и коллективную.

Список литературы

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 14-е изд., стер. М. : Дашков и К°, 2021. 607 с.
2. Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М. : Огни, 2003. 216 с.
3. Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека. Умственное и общественное состояние дикарей. М. : Либроком, 2011. 384 с.
4. Мейер Р. Дж. Предыстория человечества. М. : АСТ : Астрель, 2006. 302 с.
5. Понкин И. В. Дисфункциональное государство и дисфункциональное государственное управление // Право и образование. 2015. № 3. С. 17–28.
6. Соколова Р. И., Спиридонова В. И. Государство в современном мире. М. : Институт философии РАН, 2003. 253 с.

Пильникова А. С.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Раков К. А.,
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРАВО НА ДОСТОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОВЫХ КОНЦЕПЦИЯХ

Актуальность исследования понятия человеческого достоинства обусловлена целым рядом обстоятельств, в первую очередь тем, что эта категория является, во-первых, одной из основных в интеллектуальном и политико-правовом дискурсе современного мирового сообщества и, во-вторых, одной из самых неопределенных и дискуссионных по своему содержанию.

Достоинство является правом человека и гарантией прав человека. Каждому человеку присущи определенные виды прав, и достойное существование является гарантией защиты этих прав. В национальных законодательствах достойное существование является как абсолютной конституционной ценностью, так и относительным конституционным правом. Определение человеческого достоинства устанавливает статус личности как элемента конституционной системы. Достойное существование требует от государства реализации механизмов по защите прав человека, являющихся основой правового государства [1, с. 32].

Несмотря на существование множества интерпретаций понятия достоинства и практически радикальную трансформацию его содержания, сущность современного понимания достоинства по-прежнему составляют смыслы и значения, которые были выработаны в процессе развития правовой, философской и этической мысли.

Прежде чем перейти к вопросу о достойном существовании, необходимо рассмотреть понятие достоинства. Термин имеет древнее происхождение, восходящее к греко-римской традиции (лат. *dignitas*). Первоначально это означало уважение к определенным способностям человека, вытекающим из его ранга или социального положения. Со временем (начиная с Феогида Мегарского) люди заметили, что упомянутая способность, понимаемая как этическая добродетель, не передается автоматически из поколения в поколение, а является внутренней характеристикой личности, которую они могут развивать. Таким образом, человек не только может заслужить уважение благодаря своему соци-

¹ © Пильникова А. С., 2022.

альному положению или профессии, но и своими действиями должен доказать, что он достоин такого уважения, ведя себя в соответствии с идеалом, который связан с его социальным положением или должностью. Они должны не только считать себя достойными великих свершений, но и быть достойными великих свершений, зная, как их достичь. Такое понимание достоинства означает, что оно применимо лишь к немногим членам общества, и то, что нужно сделать, чтобы заслужить это определение, зависит от меняющихся обстоятельств.

Достижение общего понимания смысла концепта «человеческое достоинство» затруднено и постоянной трансформацией его смысла и значения под воздействием меняющихся социально-исторических и культурно-политических условий.

Политические и правовые трансформации требуют глубокого анализа содержания понятия человеческого достоинства и смыслов, порождаемых им. Наконец, достижения современной науки, технологий, способных воздействовать на природу человека и изменять ее, предполагают широкую публичную дискуссию (научную, правовую, этическую, религиозную) относительно пределов применения всех выдающихся результатов достижений человечества к нему самому.

Отсутствие единого определения понятия не означает, что у него нет базового содержания, определяющего его смысл и значение. Поэтому задача выявления основного концептуального содержания понятия достоинства является для исследователей и практиков одной из важнейших уже в силу того, что в современном мире понятие человеческого достоинства претендует на роль общечеловеческой ценности.

Развитие содержания любого понятия лучше всего прослеживается через его становление, через анализ концепций, которые формировались в предшествующие исторические эпохи. Это позволяет не только сопоставить представления о достоинстве в разные исторические периоды, но и использовать эти идеи для современного прочтения концепции достоинства в целях уяснения его общего смысла. Термин «достоинство» эволюционировал с годами. Первоначально латинские, английские и французские слова, обозначающие достоинство, не имели ничего общего с присущей человеку ценностью. Это гораздо больше соответствовало чьим-то заслугам. Если кто-то был достойным, это означало, что у него высокий статус.

В настоящее время принято считать, что каждое человеческое существо характеризуется врожденным и неприкосновенным достоинством независимо от его социальной полезности. Подобная ценность выражена и в международном праве. Ответ на вопрос о том, кто заслуживает неприкосновенного достоинства, является основополагающим для теории прав человека. В зависимости от ответа значение прав человека становится радикально иным. Либо каждый человек заслуживает достоинства, потому что он принадлежит к человеческому роду, либо людям приписывают это на основании чьего-то решения в силу их текущих или потенциальных характеристик. В последнем случае решение всегда является произвольным. Спора, который сегодня волнует западные общества, не существовало во время провозглашения Всеобщей декларации прав челове-

ка. Об этом было объявлено в числе осознания последствий, вызванных ужасными преступлениями Второй мировой войны. Было очевидно, что достоинство каждого человека должно быть защищено.

Необходимо признать, что достойное существование не сводится к доступу к материальным благам, включая общественные. Справедливое общество требует уважения к трансцендентному достоинству человеческих существ. Забота об общем благе означает заботу о нем всех членов сообщества, каждого отдельного человека и всей личности, включая их высшие потребности, в том числе потребности духовного характера.

Эволюция идеи универсальных прав человека в различных концепциях правопонимания опиралась на основы представлений о достоинстве, существовавших в цивилизациях всего мира. Концепции этического поведения, справедливости и человеческого достоинства играли важную роль в развитии человеческих обществ. Концепции этики, справедливости и достоинства также были важны в обществах, которые не оставили письменных записей.

Ренессансное понимание достоинства, опираясь на христианское и средневековое понимание человеческой личности, наделяет ее даром свободного творчества, связывает достоинство со способностью проявлять себя в различных видах деятельности. Указанная трактовка фактически прерывает традицию связи достоинства и социального статуса, наделяя достоинством человека как такового, как существо свободное и деятельное, способное самостоятельно выстраивать траекторию своей жизни. Гуманистические идеи Ренессанса нашли свое новое обоснование в философии Нового времени и Просвещения, прежде всего в трудах И. Канта, предложившего одно из самых глубоких и значимых рационалистических толкований понятия. Человеческое достоинство рассматривается им в свете глубинной сущности человека, разумной по своей природе.

В XVIII в. в Европе и Северной Америке были созданы два наиболее важных текста в истории защиты прав человека: Декларация независимости (1776) и Декларация прав человека и гражданина (1789). Тем не менее принятие этих важных документов не помешало в дальнейшем мировому сообществу погрузиться в трагедию двух мировых войн. После Второй мировой войны важность понятия человеческого достоинства и, соответственно, достойного существования возросла [2, с. 317].

Тема достойного существования в современных правовых концепциях является вопросом об особенностях гуманистического антропоцентризма. Англоязычные авторы используют термин *human dignity* – «достоинство человека», а не *dignity of human person* – «достоинство личности», поскольку последнее подвергается внутренней и внешней оценке (что характерно также для категории «честь») [3, с. 48].

Выдающийся английский мыслитель Т. Гоббс в труде «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» упоминал о достоинстве, говоря о нем в контексте общественной (публичной) ценности человека, определяемой ценой, которая дается ему государством.

Американскую основу идеи достоинства, достойного существования и прав человека обусловили практичность протестантизма и устойчивость граждан-

ского общества. Они сформировали эмпирическую систему демократии и философию американского конституционализма.

В XIX в. английский правовед и государственный деятель А. Дайси в книге «Право Конституции» ввел в научный оборот понятие *rule of law* – «правление права», получившее широкое распространение в Англии и Америке. Он означал, что человеческое достоинство и право на достойное существование возникают не из воли государства, а из сути человеческой природы.

Из законодательства государств Европы ближе всего к объективной концепции стоит английское право, которое выдвигает на первый план в правовом содержании достойного существования аспекты общественного характера. Прежде всего оно защищает репутацию индивида. Репутация понимается английским правом в широком смысле: не только как доброе имя, но и как все те общественные преимущества и выгоды, которые с ним связаны, в особенности социальные, имущественные, хозяйственные и денежные.

В то же время, к примеру, в американской правовой концепции, а также в Конституции США нет прямого выражения достоинства. Для британцев в их конституционном глоссарии нет ни слова о человеческом достоинстве. Из этого следует, что интерпретация понятий достоинства и достойного существования в конституциях государств, а также их связь с правами человека не являются однородными.

Категория «человеческое достоинство» в начале XXI в. претендует стать общечеловеческой ценностью и исходным принципом конституционного законодательства в большинстве стран современного мира. Многозначность этого понятия, его культурно-историческая и социальная обусловленность ставят перед исследователями задачу нахождения определенных смысловых инвариантов в его содержании, которые дают право на столь желаемую универсальность.

Существует научный консенсус относительно того, что достоинство понимается как качество человеческой личности, которое проявляется в его самоуважении и самооценности и которое признается ценностью со стороны других. Принципом, обеспечивающим признание за каждым человеком права на личное достоинство, является принцип эгалитаризма, действие которого распространяется не только на социально-политическое пространство, но и на генетическую природу человека. Обеспечение социально-политического, этнического и культурно-цивилизационного равенства в современной философской мысли подкрепляется тезисом о генетическом равенстве людей.

Обозначенная проблема, на наш взгляд, может обсуждаться на основе принятия и всестороннего рассмотрения следующих идей:

1) онтологической неприкосновенности человеческого достоинства, сохранение которого обществом и государством содействует расширению человеческих возможностей;

2) генетической предрасположенности каждого человека к разворачиванию личностных качеств в социальной среде [3, с. 49];

3) стремления и способности человека умножить свои собственные возможности. Именно понимание достоинства человека, способного выстраивать тра-

екторию своего собственного развития, обнаруживается в современных концепциях биоэтики и биоправа.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся в необходимости рассмотрения значения и смысла понятия человеческого достоинства, которые обусловлены как особенностями культур, так и традициями философской и религиозной мысли. Решение этой проблемы позволит обогатить концептуальное содержание понятия человеческого достоинства, придав этой общечеловеческой ценности универсальный характер.

Таким образом, в правовой доктрине достоинство – это новая юридическая концепция, дополнение к правам человека, которое используется для защиты человечности и самобытности людей. Как таковая она находится в более широком правозащитном ландшафте Европейской конвенции о правах человека, введенной в законодательство Великобритании в рамках Закона о правах человека 1998 г. В современных концепциях правопонимания сложность определения достоинства связана с тем фактом, что человеческое достоинство возникло как полностью разработанная судом концепция с неопределенной нормативной базой и определением, обычно расположенная где-то между запретом пыток и бесчеловечного или унижающего достоинства обращения и правом на неприкосновенность частной жизни.

Список литературы

1. Клепикова О. Г. Достоинство человека: основы права в зарубежных странах // Вестник науки и образования. 2020. № 3. С. 32–37.
2. Медушевская Н. Ф. Реализация права человека на достойное существование в современной России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53). С. 317–321.
3. Хованская А. Д. Достоинство человека: международный опыт правового понимания // Государство и право. 2002. № 3. С. 48–54.

*Хаврошина А. А.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

*Научный руководитель:
Раков К. А.,
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ВЛИЯНИЕ ТЕОРИИ СОЛИДАРИЗМА НА СОВРЕМЕННЫЙ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

В современном мире ученые не пришли к единому пониманию юридического дискурса. Прежде всего это связано с различиями подходов исследователей в разных отраслях научного знания: изучением юридического дискурса занимаются психологи, лингвисты, философы, социологи, правоведы, именно поэтому невозможно сформулировать единый подход к изучению правового дискурса на настоящем этапе.

Правовой дискурс представляет феномен, который помогает осмыслить место, роль и содержание права в жизни людей. Он учитывает изменения представлений о мире, человеке и обществе, а также о критериях оценки человеческой деятельности [2].

В настоящее время существует несколько подходов к изучению права:

1. Нормативный (позитивистский) подход. Рассматривает право как то, что прописано в законе.
2. Теория естественного права. Провозглашает главной ценностью человека, его естественные и неотъемлемые права.
3. Социологический тип понимания права. Рассматривает право как сложившийся порядок правоотношений, средство социального контроля.
4. Психологическая концепция правопонимания. Рассматривает право как явление индивидуальной психики.
5. Теория солидаризма. Рассматривает объективное право как правила социальной солидарности, которым подчинены государство и общество.

В современном мире наибольшую популярность представляет позитивистский подход. На наш взгляд, это связано с тем, что в Конституции Российской Федерации прописаны естественные права (право на жизнь, на свободу, на безопасность), которые по своей природе изначально являются неотъемлемыми [4]. Именно формальное отражение прав и свобод человека (в том числе и естественных) позволяет склоняться к самому распространенному подходу право-

¹ © Хаврошина А. А., 2022.

понимания – позитивистскому. Одновременно с этим популярные ранее теории, например теория солидаризма, начинают терять свою ведущую роль.

Господствующая в советский период коммунистическая идеология исчерпала себя в связи с переходом к новым формам управления, основанным на демократических свободных экономических отношениях. Изначально данная теория существовала как идеология, т. е. закреплённое в сознании явление [3]. Это было связано с переходом к буржуазному обществу и брало свои истоки во Франции. Свое развитие в России она получила в период Великой русской революции.

Изучив историю появления и развития солидаризма, можно выделить его принципы, которые присутствуют практически на всех исторических этапах:

1. Достижение консенсуса внутри общества, взаимопонимания, осуществление сотрудничества классов, социальных групп регулируются социальными нормами солидарности, которые, в свою очередь, регулируют общественные отношения.

2. Содержание, природа, сущность права представляют собой феномен, основанный на общественной солидарности, где государство должно не просто учитывать мнение граждан, но всецело опираться на него.

3. Момент выделения субъекта общественной жизни как индивидуальности отвергается, практически невозможно наличие самостоятельного статуса субъекта права, в особенности наличие у него субъективных прав.

Концепция солидаризма опирается на экономические общественные отношения как следствие влияния принципов солидаризма на экономическое устройство и управление экономическими ресурсами. Однако в правовой теории данная концепция также получила свое распространение. Так, Л. Дюги, основываясь на позитивистской теории правопонимания, предложил считать собственность как предоставляемый обществом кредит, использование которого в соответствии с традиционной триадой полномочий (владение, пользование, распоряжение) возможно только после того, как будет реализована социальная функция этого имущества, т. е. эксплуатация его в интересах общества.

Теория солидаризма подверглась критике французских и советских правоведов. Эта теория была своеобразным балластом между капиталистическим строением общества и своеобразными уступками по отношению к социализму, что не могло не нравиться ни странам капиталистического, ни странам социалистического строя. Существовало множество недоработанных моментов: например, не были приведены определения понятий «общество», «справедливость». Непроработанность данной системы (отсутствие системы контроля) не позволяла активно работать частным предприятиям и взаимодействовать с государством, осуществлять поставленные цели, которые были направлены преимущественно на реализацию общественного потенциала.

Теория солидаризма является разновидностью социологической школы права, которая перемещает центр тяжести на изучение так называемого живого права, т. е. системы конкретных правоотношений, поведения людей в сфере права и т. д. Она гармонично совмещает в себе несколько подходов к изучению права, однако теряет популярность среди теоретиков-правоведов в современ-

ном мире. В ней сочетаются понимание права как чего-то неотъемлемого для каждого человека (право на жизнь) и права как того, что прописано в законе (право на неприкосновенность жилища). Однако специфические особенности, которые в совокупности имеют социальную окраску (где право рассматривается как то, что справедливо для общества), не позволяют стать доминирующей теорией в правопонимании [2].

Переход к современной экономической системе поделил российское общество на несколько типов правосознания:

1. Носители советской идеологии. Их правосознание основано на большинстве принципов теории солидаризма, т. е. право в их понимании представляет собой справедливое закрепление их прав и свобод на основе солидарности всех субъектов общественной жизни.

2. Живущие в России как в стране, развивающейся по капиталистическому пути. Здесь теория солидаризма отражается в понимании права людьми как преимущественно общественного блага. Государство взаимодействует с гражданами и на основе отчисляемых налогов предоставляет общественные блага.

3. Занимающие промежуточное положение в понимании права. Это граждане, нейтрально воспринявшие слом социалистического государства, его переход на «капиталистические рельсы».

Если сопоставлять теорию солидаризма с позитивистским подходом к правопониманию, то можно выделить как сходства, так и принципиальные различия. Так, в Конституции Российской Федерации закреплены социальные права, которые предназначены для обеспечения граждан благоприятными условиями для существования, – они являются примером позитивизма. По теории солидаризма факт общественной солидарности порождает норму социальной солидарности: не делать ничего, что нарушает социальную солидарность, и делать все возможное для ее реализации и укрепления. Социальная норма солидарности составляет основу объективного права, которое есть и в позитивистском подходе. Однако в теории солидаризма право вытекает непосредственно из общественной солидарности и потому стоит над государством, обязательно для него. Законодатель лишь констатирует, но не создает право. Существует лишь объективное право – юридическая норма, которая никому не дает субъективных прав. Норма солидарности создает для индивида лишь юридическую ситуацию, социальную обязанность, общественный долг.

Теория солидаризма оказала значительное влияние на политико-правовую идеологию и практику. Проблема невостребованности рассматриваемой теории сегодня – высокая популярность либеральной идеологии, центральным объектом которой является отдельная личность с ее правами и свободами [1]. Доктрина Дюги о синдикалистском (корпоративном) государстве была использована фашистской партией Италии, франкистским и другими антидемократическими режимами, что подорвало доверие к фактически умеренным идеям солидаризма, ряд которых сохраняет актуальность и по сей день. Именно поэтому современный теоретико-правовой дискурс практически не рассматривает эту теорию как концепцию правопонимания.

Список литературы

1. Гарашко А. Ю. Правовая идеология как системообразующий фактор системы форм современного права // Правовая культура и правовая идеология российского общества. Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. М. : Московский университет МВД России, 2021. С. 132–136.
2. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Клименко А. И. Гражданское общество в условиях информатизации: к проблеме ценностной правовой коммуникации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 2–6.
3. Попов В. И. Суверенитет – определяющая характеристика государства как субъекта правовой коммуникации // Актуальные проблемы юридической теории и практики : сборник научных статей. М. : Московский университет МВД России, 2020. С. 108–112.
4. Раков К. А. Идея демократии как содержательное снование правопорядка // *Advances in Law Studies*. 2021. Т. 9. № 1. С. 11–15.

Чумазов Д. А.¹,
*курсант Института-факультета
 подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Раков К. А.,
*преподаватель кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук*

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СМЕШАННАЯ ИЛИ ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РЕСПУБЛИКА?

Форма государства – это способ организации политической власти, охватывающий форму правления, форму государственного устройства и политический режим [2, с. 36]. Форма правления – это элемент формы государства, характеризующий организацию верховной государственной власти, порядок образования ее органов и их взаимоотношения с населением [2, с. 37].

В зависимости от исторического, политического, экономического и общественного уровня развития выделяют республику и монархию как два основных типа формы правления. Посредством наличия определенных признаков они показывают, кто и как правит в государстве. На сегодняшний день республика является наиболее распространенной формой правления.

Статья 1 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». На самом ли деле Россия имеет республиканскую форму правления?

Республика – форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит выборным представительным органам [5, с. 724]. Более широкое понятие представляют Н. И. Матузов и А. В. Малько: «Республика (от латинского *res publica* – государственное, общественное дело) – это форма правления, при которой глава государства является выборным и сменяемым, а его власть считается производной от избирателей или представительного органа». Существуют и другие признаки республики, к числу которых относятся использование институтов демократии в разнообразных формах, юридическая и политическая ответственность главы государства, срочность полномочий высших представительных органов власти (парламент, президент) [3, с. 71].

Проанализировав источники, можно прийти к выводу, что Россия, действительно, является республикой. Куда сложнее обстоят дела с такими понятиями,

¹ © Чумазов Д. А., 2022.

как президентская, смешанная и парламентская республика. До настоящего времени нет точной позиции, относящей Российскую Федерацию к одному из типов республиканской формы правления.

Актуальность вопроса подчеркивает тот факт, что он обсуждается не только в среде ученых. На встрече с представителями общественности Липецкой области Президент России отметил: «Думаю, что для России с ее огромной территорией, с большим количеством наций, народов... нужна все-таки крепкая президентская власть».

Президентская республика характеризуется следующими признаками:

- в руках президента находятся полномочия главы государства и главы правительства;
- президент избирается на основе всеобщих выборов, тем самым он получает свой мандат непосредственно от народа;
- президент обладает значительными полномочиями, он самостоятельно формирует правительство, которое несет ответственность перед президентом, а не перед парламентом, может распустить его, а также осуществляет его непосредственное управление;
- парламент не может вынести вотум недоверия правительству;
- президент не может распустить парламент [2, с. 37–38].

Ограничение власти президента осуществляет парламент с помощью принимаемых законов и через утверждение бюджета. Парламент может отстранить президента от должности.

В таких государствах, как США, Аргентина, Мексика, Бразилия, фактически присутствуют и исполняются данные признаки и характеристики. Их можно отнести к сугубо президентским республикам.

Признаки смешанной республики:

- двойная ответственность правительства – и перед президентом, и перед парламентом;
- президент и парламент избираются непосредственно народом;
- главой государства выступает президент;
- президент назначает главу правительства и министров;
- глава государства, как правило, председательствует на заседаниях кабинета министров и утверждает его решения;
- парламент имеет возможность контролировать правительство путем утверждения ежегодного бюджета страны, а также посредством права вынесения правительству вотума недоверия [2, с. 38].

К смешанным республикам относят Финляндию, Австрию, Литву и др. Существует и мнение, что Россию также следует относить к такому типу республик. Так ли это на самом деле? Исходя из представленных признаков, можно прийти к выводу, что основным критерием классификации республик является количество полномочий в руках президента.

Президент Российской Федерации назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации, имеет право председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации, по предложению Председателя Правительства Российской Федерации назначает

на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров [1].

Государственная Дума дает согласие Президенту Российской Федерации на назначение Председателя Правительства Российской Федерации [2]. Правительство Российской Федерации осуществляет исполнительную власть Российской Федерации [2].

Проанализировав данные положения Конституции Российской Федерации, можно прийти к выводу, что президент не осуществлял контроль над правительством, а формально являлся его участником, так как мог присутствовать на его заседаниях. Государственная Дума ограничивает главу государства и не дает ему руководить исполнительной властью в Российской Федерации. Таким образом, сохраняется разделение властей, их суверенитет, система сдержек и противовесов.

До принятия поправок можно было прийти к выводу, что Российская Федерация имела три независимых ветви власти с правительством, подотчетным президенту и парламенту, являлась, таким образом, смешанной республикой.

В 2020 г. Правительство Российской Федерации было отправлено в отставку в соответствии со ст. 117 Конституции Российской Федерации.

После принятия поправок не произошло существенного изменения количества полномочий в руках Президента. На основании п. «а» ч. 1 ст. 103 Конституции Российской Федерации Государственная Дума все также может контролировать процесс назначения Премьер-министра и Правительства. Однако осуществление Президентом общего руководства Правительством Российской Федерации наталкивает на мысли о наличии президентской республики, поскольку руководство Правительством означает и руководство всей исполнительной ветвью власти.

Итак, как мы видим, Правительство контролируется как Президентом, так и Государственной Думой, что является одним из конституционных признаков смешанной республики. Отсюда следует вывод, что де-юре Российская Федерация относится к такой форме правления, как смешанная республика. Однако неизменной осталась ч. 4 ст. 111 Конституции, которая предоставляет право Президенту отстранить Государственную Думу, а после ее нового созыва отправить на рассмотрение кандидатуру нового Председателя Правительства [2]. Другим аргументом выступают чч. 3–4 ст. 117, предусматривающие право Президента принимать решение об отставке Правительства и Государственной Думы: «...Президент Российской Федерации объявляет об отставке Правительства Российской Федерации либо распускает Государственную Думу...» [2]. Исходя из данных тезисов, можно прийти к выводу, что последнее слово остается за Президентом. Из этого можно заключить, что де-факто Российская Федерация имеет сильную президентскую власть.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы приходим к выводу, что за счет наличия полномочий по утверждению Правительства как у Президента, так и у Государственной Думы Российская Федерация была и остается смешанной республикой. Называя нашу страну президентской, стоит подразумевать лишь наличие широких полномочий в руках Президента, но никак не форму правления.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
2. Малько А. В. Теория государства и права : учебное пособие. М. : Юристъ, 2004. 300 с.
3. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Эксмо, 2010. 510 с.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И. Ю. Козлихина. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 786 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. 940 с.

Курбатов В. С.¹,

курсант

международно-правового факультета

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Раков К. А.,

преподаватель кафедры

теории государства и права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В ЕСТЕСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Право как социальное явление вызывает как положительное, так и отрицательное отношение людей к нему. Признание права в качестве объективной реальности опосредует и признание субъективной реакции людей на право. В этом случае можно говорить о правосознании, под которым понимают представления и чувства людей, отражающие их отношение к праву и правовым явлениям в общественной жизни.

В чистом виде правосознание не существует, на него оказывают влияние моральные воззрения, политические взгляды, философские теории. Будучи сложным структурным образованием, правосознание состоит из таких элементов, как правовая идеология, эмоциональные, информационные, оценочные, волевые структурные элементы.

В мире существует множество теорий, объясняющих процесс возникновения и развития права. В этой статье акцент будет сделан на естественно-правовой теории происхождения права, которая является одной из древнейших и наиболее распространенных правовых доктрин. Указанная доктрина рассматривает право как некое абсолютное начало, данное человеку от рождения, как что-то вечное, аналогичное законам природы.

На разных этапах развития общества взгляды на естественное право и его теорию имели свои особенности.

Так, в Древней Греции и Древнем Риме под естественным правом понимали совокупность письменных законов, порожденных людьми, и неписанных законов, вложенных в сердца людей самим божественным разумом. Вторая группа законов и составляла естественное право.

Временем расцвета естественного права в юридической и философской литературе считается период XVII–XVIII вв. Великие мыслители того времени – Гуго Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, А. Н. Радищев и другие – активно использовали и поддерживали теорию и отдельные положения естественного

¹ © Курбатов В. С., 2022.

права. В этот период естественное право играет роль политического и юридического идеала. Но в начале XIX в. в развитии естественного права начались кризисные явления. Они обуславливались зарождением новой концепции правопонимания – исторической, главным представителем которой принято считать теоретика права Ф. К. фон Савиньи. Историческая концепция подчеркивает спонтанный, практически независимый от законодательной деятельности государства характер права, сравнивая его с формированием духа народа и его языка. Деятельность законодателя считается вторичной, ее предопределяют конкретная эпоха и народный дух. Обычай становится главным источником права, законным считается то, что ранее установилось и существует в обществе. Таким образом, законы производны от обычного права, которое обусловлено особенностями национального духа и взаимосвязью права с революционными тенденциями, вызвавшей неприязнь и гонения со стороны различных сил. Все это давало основание полагать, что естественное право потеряло какую-либо актуальность.

В конце XIX в. естественное право переживает период возрождения. Особенностью концепции естественного права в этот период стали морализация и мистификация юриспруденции, утрата формальных начал. Обеспокоенность представителей естественно-правовой философии России спасением души человека вместо юридической защиты его прав привела к так называемой девальвации права [1, с. 99]. Индивиды, выступая носителями естественно-правовой идеи, вынуждены противостоять государственной власти, вступать в конфликт с действующим законодательством. Правовед П. И. Новгородцев определял основу конфликта в вечной неудовлетворенности личности существующими правовыми и политическими порядками, что связано с ее стремлением к абсолютной свободе [2, с. 67].

Анализируемая теория правосознания создана человеком, является результатом развития общества и совершенствования научного знания. Положение человека определяется именно тем, какие права и свободы за ним признаны.

Наукой естественное право признано источником современного конституционного права. Изменение условий существования человека, появление новых возможностей управления человеческой жизнью (например, эвтаназии, генетической коррекции особенностей человека, экстракорпоральное оплодотворение), изменения качественных параметров жизни (например, генная инженерия, геронтология) обусловили необходимость развития конституционных идей в области прав человека [1, с. 100].

Отметим, что признание невозможным исчерпывающим образом юридически регламентировать естественные права является общей чертой всех современных научных воззрений на проблему правового закрепления естественных прав человека. Это объясняется тем, что развитие естественных прав идет параллельно развитию общества, в то время как правовые нормы изменяются позднее, в чем проявляется реакция на изменение естественных прав.

Ранее мы упоминали, что естественно-правовая доктрина заключается в совокупности прирожденных и неотчуждаемых прав человека, которые признаются и закрепляются государством. Право с точки зрения позитивизма – это си-

стема норм, реализация которых обеспечивается принудительно. При естественно-правовой концепции нет признания государства. Роль государства уходит на второй план, так как воля государства подчиняется воле индивидов. Отсутствует единый центр волеизъявления, т. е. не множество основывается на единстве, а единство — на множестве. При позитивизме идет непосредственное признание самого государства, его господствующей воли, так как право основано на подчинении воли индивидов воле государства. Из этого выходит четкий перечень требований, который регламентирует общественно значимые отношения. По этой причине позитивизм является самой развитой концепцией правопонимания.

В городе Миннеаполис, США, сотрудником полиции офицером Дерекком Шовином был задержан Джордж Флойд. В результате действий сотрудника полиции Флойд скончался на месте. Дело получило общественный резонанс. Активисты, выступающие в поддержку Флойда, создали его голограмму, способную саморазвиваться, высказывать собственное мнение о произошедшем, вести собственные страницы в социальных сетях. Из этого вытекает дискуссионный вопрос, можно ли считать это мнение мнением самого Флойда и можно ли голограмме предстать в суде перед своим убийцей. С точки зрения юридического позитивизма ответ очевиден: субъектом процесса является лицо. Но с точки зрения естественно-правовой концепции ответ не может быть однозначным. Означает ли смерть человека то, что его права теряют ценность? Нужно ли наличие самого индивида для реализации его прав? На эти вопросы современным ученым только предстоит дать ответ.

Рассмотрим такой пример. Миграционные кризисы последних лет (например, в Европе, или из последних — на белорусско-польской границе) поднимают проблему соотношения естественного права человека на свободное передвижение и юридически оформленного права отдельного государства на защиту своего суверенитета применительно к миграции. Указанные права противоречат друг другу, хотя в мировом сообществе видна тенденция к поиску консенсуса в рассматриваемой сфере.

В научной литературе отмечается стремление человечества к созданию лучших условий для своего существования и развития. Логично, что юридическому закреплению должны подвергаться не все складывающиеся в обществе отношения, а те из них, которые направлены на мирное и благополучное сосуществование людей. Анализируемая в статье естественно-правовая теория способствует вычленению среди множества прав человека его основных прав, создавая тем самым предпосылки для их охраны и защиты. Следует отметить, что на этот процесс в последнее время активное влияние оказывает политизация многих сфер человеческой деятельности.

Возникает вопрос: можно ли говорить об ущемлении естественных прав человека вследствие того, что не все общественные отношения и традиции могут быть юридически закреплены? Ответ на этот вопрос с точки зрения признания невозможным полного юридического закрепления естественных прав противоречит самой доктрине.

Естественное право на жизнь, признаваемое высшей социальной ценностью, приобретает в современных условиях новое значение: право на жизнь эмбриона

(или право на жизнь с момента зачатия), право на жизнь эмбриона в рамках программы ЭКО (в этом случае стоит вопрос их криоконсервации или утилизации).

Другой возникающий вопрос – противоречие обратного порядка в случае навязывания законодателем правил, влияющих на содержание некоторых естественных прав человека. Например, в европейских странах под воздействием признания трансгендерности, возможности юридического изменения половой идентификации происходит трансформация содержания права на семью и брак. В данном случае закон теряет нравственность.

Как мы видим, развитие общества влияет на содержательную сущность естественных прав. Проблема объективности естественно-правовой концепции правопонимания остается нерешенной. С одной стороны, естественно-правовая доктрина является источником конституционного права, а с другой – это философское учение, дающее собственную оценку появлению понятия «право». Законодательство подвижно, оно меняется с течением времени, включает в себя совокупность правовых доктрин. И роль естественно-правовой теории заключается в том, что при строительстве или изменении законодательства законодатель должен учитывать ее, пытаясь достичь тех демократических начал, которые отражены в этой доктрине.

Список литературы

1. Вахремеева Л. Н. Естественно-правовая теория как источник современной российской концепции прав и свобод человека // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 1. С. 98–102.

2. Куницын А. С. Российская естественно-правовая мысль о проблеме соотношения личности и общества // Научные труды. Российская академия юридических наук. Т. 1. Вып. 17. 2017. С. 65–69.

Громова Ю. С.¹,
*курсант Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Попов В. И.,
*преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И НРАВСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нравственность и право являются важнейшими социальными регуляторами, их нормы наряду с нормами иных социальных регуляторов составляют систему социальных норм общества.

Под правом следует понимать совокупность общеобязательных, формально определенных правил поведения, установленных и охраняемых государством и направленных на регулирование общественных отношений [1, с. 59].

Понятие нравственности следует раскрывать через такое понятие, как мораль. Мораль также является сводом правил поведения человека в обществе, однако, в отличие от права, они основаны не на механизме государственного принуждения, а на значимых для личности ценностях, таких как добро, зло, совесть, справедливость. Они обязательны лишь в тех случаях, когда они приняты сознанием преимущественного количества представителей того или иного общества [5, с. 97]. Причем мораль включает систему обобщенных, абстрактных норм, право же четко конкретизировано. Также следует отметить и то, что нормы нравственности живут лишь в сознании людей, они не фиксируются, как нормы права, в специальных правовых актах, для которых формальная определенность является одним из основополагающих принципов. Фактическая реализация морально-нравственных принципов основана лишь на общественном мнении и внутреннем убеждении каждого конкретного человека, в то время как правовые нормы обеспечиваются механизмом государственного принуждения [4]. На наш взгляд, понятие морали значительно шире, поскольку регулированию подвержены все сферы общественных отношений, в то время как нормативной правовой регламентации подвержен ограниченный круг общественных отношений – лишь те, которые являются наиболее социально значимыми для общества в целом.

Таким образом, под моралью следует понимать совокупность неформальных, абстрактных правил поведения, регулируемых морально-нравственными

¹ © Громова Ю. С., 2022.

принципами каждого человека. Как нами было ранее отмечено, понятия морали и нравственности нетождественны, причем второе вытекает из первого: если мораль представляет собой систему норм, то нравственность является их непосредственным воплощением в поведении человека.

Вопросы взаимосвязи права и нравственности, а также их соотношения остаются актуальными для философии права и юриспруденции с XIX – начала XX в. В направлении разрешения данных вопросов работали отечественные философы и правоведы того периода: Б. Н. Чичерин, В. В. Соловьев, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий и некоторые другие [6, с. 105]. Рассмотрим сущностные особенности взаимосвязей между нравственным и правовым началом в концепциях каждого из указанных теоретиков.

В соответствии с рассуждениями одного из наиболее известных философов права Е. Н. Трубецкого естественное право представляет собой конструктивную модель пирамиды, возглавляет которую Творец, далее располагаются незыблемые принципы Нравственности, а уже ближе к основанию конструкции располагаются конкретно-исторические представления людей о справедливости и основанные на них убеждения о принципах организации общества и государства, иными словами – право. Право должно основываться на нравственных принципах, дарованных людям Богом, причем Трубецкой акцентирует внимание на том, что правовые нормы включены в понятие нравственности, следовательно, все требования, в силу которых члены общества подчиняются тому или иному общественному или государственному институту, являются или могут являться исключительно моральными.

По мнению В. В. Соловьева, закон в равной степени включает в себя и юридическое, и морально-нравственное начало. Соловьев в своих рассуждениях особенно выделял то, что нравственный и юридический закон не вступают в полемику друг с другом: правовой закон проистекает из нравственного, не требуя при этом всеобъемлющего нравственного идеала, однако он и не отрицает его. Описываемое нравственно-правовое единение не исключает каждое из данных понятий по отдельности, оно лишь указывает на их различие. В. В. Соловьев четко разграничивал тесно связанные между собой право и нравственность по трем основаниям. Первое из них – это то, что понятие права более узкое по сравнению с понятием нравственности, т. е. оно является обязательным минимумом нравственности для любого человека, в то время как нравственные принципы не ограничены и всеобъемлющи. Второе основание обусловлено тем, что нравственные принципы не ориентированы на обязательное осуществление их носителями каких-либо внешних действий, а осуществленные ввиду нравственного требования действия сами по себе нравственной цены не имеют. Право же, в свою очередь, предполагает совершение или несвершение определенных внешних действий, полностью исчерпывающих правовые требования. В этом, подчеркивает Соловьев, нет противоречия между нравственным и юридическим законом. Третьим основанием является обязательное наличие института принуждения в праве и его отсутствие по отношению к исполнению нравственных требований. Таким образом, право предполагает принудительную реализацию минимума нравственности, при этом степень и способы реализации

нравственных идеалов в обществе посредством права зависят от уровня нравственного сознания самого общества, обусловленного исторически. Взаимосвязь права и нравственности заключается в следующем: нравственность без права – «пустословие», право же без нравственности – «произвол» [6, с. 109].

С критикой концепции В. В. Соловьева о праве как минимуме нравственности выступил Б. Н. Чичерин, который основывался на концепции качественного разграничения нравственности и права. Важно отметить, что Чичерин не был сторонником позитивистского подхода. Качественное различие, по его мнению, выражается в разнице между законом правды, предполагающим обязательное воздаяние каждому своего, и законом любви, предполагающим добровольную жертву человека во имя любви к своему ближнему.

В соответствии с концепцией правоведа и философа П. И. Новгородцева право основывается на развитом сознании конкретных людей, критикующем с точки зрения нравственности несправедливые предписания позитивного права.

Согласно концепции Л. И. Петражицкого, нравственность и право представляют собой взаимосвязанные и взаимопроникающие системы регуляции общественной жизни, что указывает на их единое предназначение [3, с. 196]. Ярким примером может послужить Великая французская революция, которая привела к падению нравов, что, в свою очередь, способствовало уничтожению роли естественного права как в жизни общества, так и, соответственно, в науке.

На данный момент нравственные принципы зачастую играют ничтожную роль в регулировании общественных отношений. Право, обеспеченное свободой выбора поведения граждан, основанной на нравственных принципах, не является эффективным институтом, эффективно лишь право, обеспеченное принуждением государства. На наличие данной проблемы указывает гражданско-правовая практика. ГК РФ одним из своих положений предполагает принцип добросовестности, на систематическое нарушение которого указывает значительное количество фактов обхода закона и злоупотребления правом. Иными словами, значительная часть субъектов гражданского права склонна к злоупотреблению принадлежащими им правами, к построению недобросовестных правоотношений с иными субъектами гражданского права.

Таким образом, можно сделать вывод: между категориями права и нравственности существует тесная взаимосвязь. Одни мыслители видят данную взаимосвязь в том, что право является требованием реализации минимума нравственности, т. е. является ее регламентированной частью, другие теоретики видят взаимосвязь данных понятий в их предназначении, при этом указывают на их качественное различие. Тем не менее нельзя отрицать, что нарушение данной взаимосвязи оказывает отрицательное влияние на урегулированность общественных отношений, что подтверждают и исторические факты, и настоящая правовая практика. Право и нравственность взаимно способствуют эффективности друг друга, что указывает на необходимость укрепления нравственных начал в современном обществе, поскольку их недооценка повлечет дальнейшее нарастание правового нигилизма, что приведет, в свою очередь, к расширению законодательной базы государства, урегулированию большего количества правоотношений, затратам государства на содержание исполнительного звена [2, с. 28].

Список литературы

1. Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2018. 271 с.
2. Дерюгина Т. В., Зайцев А. О. Нравственность и право как основы правового воспитания и правомерного осуществления субъективных гражданских прав // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 1. С. 28–33.
3. Кондаков В. А. Нравственность в различии и соотношении с правом в философии В. С. Соловьева // Гуманитарные проблемы современности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень : Издательство Тюменского государственного нефтегазового университета, 2009. С. 196–200.
4. Попов В. И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных сферах общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37–39.
5. Попов В. И. Правовая коммуникация как фактор формирования правосознания и правосознание как смысловая среда правовой коммуникации // Актуальные проблемы юридической теории и практики. Вып. IV. : сборник научных статей. М. : Граница, 2019. С. 96–100.
6. Ушакова Е. В. Право, нравственность и свобода как фундаментальные ценности естественного права / Теория естественного права в концептуализации правового государства и гражданского общества: исторический и теоретический аспекты : монография. Ставрополь : Центр научного знания «Логос», 2018. С. 103–129.

Гущина С. В.¹,
*курсант Института-факультета
подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Попов В. И.,
*преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК КЛЮЧЕВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

На протяжении всего существования государства люди сталкивались с понятием «правовая грамотность», но в различные периоды времени оно трактовалось совершенно по-разному. Например, древнеримский мыслитель Цицерон использовал слово «грамотный» по отношению к образованной части населения. В Древней Руси такими людьми считали тех, кто владел латынью и мог читать и писать на родном языке. С течением времени смысловая нагрузка понятия претерпела ряд существенных изменений, в связи с чем его стали использовать для обозначения уровня знания и определения культурного уровня всего населения государства [2]. В тех случаях, когда в государстве большинство людей обладает высоким уровнем правовой грамотности, государство в определенном смысле может считаться правовым.

В настоящее время можно утверждать, что именно государство (правовое государство с развитым гражданским обществом) нацелено на формирование должного уровня правовой грамотности у населения, что, несомненно, возможно лишь в случае эффективного информационно-правового взаимодействия между государством и гражданским обществом [4, с. 37–38; 5].

На примере нашего государства как государства правового указанное положение находит свое отражение в Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 [1]. На наш взгляд, учитывая тот факт, что Основы были приняты более 10 лет назад, в настоящее время имеется объективная необходимость в их переориентации и на иные сферы общественной жизни. В обществе информационного типа возникла реальная потребность в цифровой грамотности населения, о которой не указывается в Основах. В связи с этим мы остановимся на рассмотрении такого понятия, как цифровая грамотность, и определении его значения в вопросах правовой грамотности населения.

¹ © Гущина С. В., 2022.

Под цифровой грамотностью следует понимать совокупность знаний и умений в области использования информационно-телекоммуникационных технологий и ресурсов различных сетей в целях анализа, структурирования и использования необходимой информации (в частности, правовой информации).

В свою очередь, уровень цифровой грамотности зависит от степени образованности человека в информационной сфере:

- высокий уровень предполагает умение пользоваться онлайн-ресурсами, обмениваться необходимой информацией посредством использования социальных сетей или иных видов интернет-коммуникации, позволяющих связываться с другими гражданами, а также умение пользоваться информационными технологиями, позволяющими повысить эффективность работы;
- средний уровень предполагает только умение использовать информационно-телекоммуникационные технологии в своих личных целях;
- низкий уровень предполагает отсутствие должных навыков по использованию информационно-телекоммуникационных технологий.

Также следует отметить, что понятия «компьютерная грамотность» и «цифровая грамотность» различаются. Под компьютерной грамотностью следует понимать умения и навыки работы с компьютером и другими информационно-телекоммуникационными технологиями, а также знания в области информатики. Поскольку в условиях цифровизации и технологизации информационно-телекоммуникационные технологии совершенствуются быстрыми темпами, требования к высокому уровню цифровой грамотности меняются. Если раньше высоким уровнем цифровой грамотности являлось умение включить информационно-телекоммуникационное устройство и при помощи него связаться с другим абонентом по мобильной связи, то в настоящее время этого недостаточно.

В понятие цифровой грамотности также следует включать следующие элементы:

- цифровая компетенция – способность человека искать, анализировать, структурировать информацию, проверять ее на достоверность при помощи интернета, а размещать ту или иную необходимую информацию, пользоваться различными онлайн-сервисами;
- цифровое потребление – уровень доступности информационно-телекоммуникационных технологий для населения во всех регионах страны, а также наличие интернет-доступа;
- цифровая безопасность – наличие навыков безопасной работы с информационно-телекоммуникационными технологиями, а также в интернете, т. е. способность защитить свои конфиденциальные данные от хищения злоумышленником путем использования вредоносного программного обеспечения [3].

Почему же необходимо обратить внимание на повышение уровня цифровой грамотности в рамках формирования и развития правовой грамотности и правового сознания населения? За последние годы, в том числе в связи с пандемией COVID-19, большинство правоотношений перешло в информационную среду. Также стоит отметить, что большой массив правовой информации (например, содержание нормативных правовых актов) официально публикуется в интернет-пространстве. Так, наиболее используемыми справочно-правовыми

системами в области законодательства Российской Федерации являются Официальный интернет-портал правовой информации, «КонсультантПлюс», «Гарант-сервис» и ряд других информационно-правовых порталов. Данные системы не только помогают повышать правовую грамотность граждан страны, но также помогают образовательным организациям использовать данные источники в образовательном и научно-исследовательском процессе.

Таким образом, в настоящее время в процессе формирования должного уровня правовой культуры и правового сознания у населения отдельное внимание в этом вопросе следует обращать на цифровую грамотность граждан, так как в современном информационном обществе, характеризующемся высокими темпами развития информационно-телекоммуникационных технологий, цифровая грамотность как структурный компонент правовой грамотности играет важную роль. В связи с этим мы считаем, что для достижения тех целей, которые ставит перед собой любое современное правовое государство, указанное положение должно находить свое отражение в последующих правовых стратегиях государства.

Список литературы

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : утверждены Указом Президента Российской Федерации от 28 апреля 2011 г. № Пр-1168 // Российская газета. 2011. № 151.
2. Васильев Ф. П. К вопросу о современном толковании правовой грамотности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 100–104.
3. Полякова В. А. Цифровая грамотность педагога: возможности региональной системы повышения квалификации // Нижегородское образование. 2019. № 2. С. 40–46.
4. Попов В. И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных сферах общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37–39.
5. Попов В. И. Правовая коммуникация как фактор формирования правосознания и правосознание как смысловая среда правовой коммуникации // Актуальные проблемы юридической теории и практики. Вып. IV. : сборник научных статей. М. : Граница, 2019. С. 96–100.

Каменева О. А.¹,
курсант
международно-правового факультета
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Попов В. И.,
преподаватель кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МВД РОССИИ

Процесс создания положительной репутации деятельности МВД России сегодня имеет большое значение. Важное место в этом вопросе отводится диалогу (информационно-правовому взаимодействию) государства с гражданским обществом [4; 5, с. 37–38]. В связи с этим следует отметить, что вопрос эффективности такого диалога во многом зависит от профессиональной грамотности и компетентности будущих сотрудников. Важное место в системе профессиональной подготовки отводится учебным дисциплинам исторического блока, так как именно они воспитывают у сотрудников уважение к истории и традициям органов внутренних дел, что, в свою очередь, позволит им качественно выполнять свою работу и грамотно выстраивать взаимодействие с гражданами. Так, в рамках данной статьи мы остановимся на рассмотрении проблемы заинтересованности сотрудников органов внутренних дел в изучении исторической ретроспективы развития системы МВД России и выделении подходов, нацеленных на ее разрешение.

На всем протяжении развития общества преступность существовала как социальное явление. Для решения проблемы преступности долгое время создавалась, совершенствовалась и реорганизовывалась система правоохранительных органов. При этом можно с полной уверенностью сказать, что большинство событий в истории имеют циклический характер, в связи с чем имеется возможность проследить их определенные закономерности и особенности. Изучение стратегий и тактик поведения в различные исторические периоды развития правоохранительной системы расширяет кругозор и формирует четкую систему знаний у будущих сотрудников правоохранительных органов, что, в свою очередь, может значительно сократить время от осмысления конкретного случая до реализации действий.

На данном этапе развития системы правоохранительной деятельности в России существует Министерство внутренних дел, которое достаточно эффективно

¹ © Каменева О. А., 2022.

осуществляет свою деятельность по борьбе с детерминантами преступности, равно и самой преступностью конкретной уголовной направленности, а также выполняет административно-распорядительные функции в сфере обеспечения общественной безопасности и охраны правопорядка.

Эффективность органов внутренних дел зависит от многих факторов: организации правовой, служебной, огневой, физической подготовки сотрудников; материально-технического обеспечения подразделений; кадровых технологий и профессиональных требований к кадрам и т. п. [3, с. 27–93]. Важное место среди вышеперечисленных элементов занимает профессиональная этика. Она позволяет выработать оценочные требования к сотрудникам, сформировать и укрепить у них нравственные убеждения, ценности, ориентации, а также дает им возможность противостоять негативному влиянию со стороны деструктивных элементов в лице преступников, которое возникает в процессе осуществления профессиональной деятельности [1].

Для достижения высокого уровня профессиональной этики сотрудников органов внутренних дел важная роль отводится профессионально-нравственному воспитанию, которое развивает представления о нравственных основах службы и требованиях к служебному долгу и в которое, в свою очередь, входит историческая работа с личным составом [2].

Историческая работа в органах внутренних дел решает задачи общей и профессиональной подготовки сотрудников, является одним из видов системы морально-психологического обеспечения их оперативно-служебной деятельности.

В учебных заведениях системы МВД России историческая работа играет важнейшую воспитательную роль. В ней содержится большой потенциал для создания и поддержания позитивного образа современной российской полиции в глазах общества.

Эта задача решается в процессе преподавания учебных курсов «История отечественного государства и права», «История политико-правовых учений», «История органов внутренних дел России» и ряда других учебных дисциплин.

«История органов внутренних дел России» позволяет молодым сотрудникам расширить и укрепить свои познания в области целей, задач и функций органов внутренних дел, понять ценностное содержание выбранной профессии, смысл и социальную значимость службы [2].

Поскольку такая историческая работа должным образом производится только в учебных заведениях системы МВД России, а подбор остальных кадров осуществляется подразделениями органов внутренних дел из лиц, которые не проходили обучение и специальную подготовку в образовательных организациях системы МВД России, возникает вопрос целесообразности внедрения в планы и программы профессиональной подготовки данных сотрудников темы по изучению исторического развития правоохранительного ведомства.

По мнению автора, следует выделить следующие основные подходы к решению проблемы заинтересованности сотрудников ОВД в изучении исторического развития МВД России:

1. Плановый. Введение отдельных самостоятельных индивидуальных планов для сотрудников, не проходивших обучение в образовательных организа-

циях системы МВД России, по изучению курса «История органов внутренних дел России», по завершении которого будет осуществляться оценка усвоенного материала. Эффективность данного подхода вызывает сомнения, так как сотрудники, выполняя свои обязанности, тратят большое количество сил и энергии, а подобные воспитательные мероприятия будут только снижать эффективность и продуктивность вследствие большой нагрузки и недостатка времени на осуществление служебной деятельности.

2. Воспитательный. Заключается в воспитательном влиянии на сотрудника, которое мотивирует его самосовершенствоваться и изучать дополнительные, не входящие в программу подготовки материалы и исследования, в том числе и историю органов внутренних дел. Примером может служить еженедельное информирование о значимых датах, событиях и личностях ОВД, о подвигах сотрудников, показ патриотических фильмов, организация встреч с ветеранами органов внутренних дел и т. п.

3. Опосредованный. Суть данного подхода состоит в непрерывности изучения истории органов внутренних дел в процессе профессиональной деятельности. Примером является размещение в подразделениях стендов и плакатов, в которых содержится информация об истории развития ведомства.

Вопросы компетентности и профессиональной подготовки актуальны и на сегодняшний день. Для их разрешения необходимы более углубленное изучение и детальная проработка вышеперечисленных подходов, которые непосредственно реализуют модернизацию воспитательной работы в ОВД, по разработке специальных планов и программ для повышения качества деятельности сотрудников, определения критериев морально-нравственной оценки кандидатов на службу и действующих сотрудников, а также повышения авторитета и социальной значимости органов внутренних дел по мнению граждан.

Список литературы

1. Безручко Е. В., Миллеров Е. В. О современных проблемах профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел: деонтологические и правовые аспекты // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 67–73.
2. Марченко Г. В., Сошникова И. А. Применение методов воспитывающего обучения в образовательных организациях МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87). С. 202–209.
3. Организация профессиональной служебной и физической подготовки в органах внутренних дел : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2020. 124 с.
4. Попов В. И. Модель коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти как фактор устойчивого развития региона // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сборник научных трудов. М. : Проспект, 2019. С. 69–72.
5. Попов В. И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных сферах общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37–39.

Муклецова И. А.¹,
*курсант Института-факультета
 подготовки сотрудников
 для органов предварительного расследования
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:
Попов В. И.,
*преподаватель кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя*

КОНЦЕПТ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В ТЕОРИИ ПРАВА

Разграничение публичного и частного права в современное время представляет собой актуальную тему. Многие ученые рассуждают над данным вопросом и имеют разные точки зрения, в связи с чем возникают спорные моменты в связи с разделением права на публичное и частное.

Говоря о частном и публичном в праве, необходимо учитывать вопрос методов правового регулирования, тем самым следует определять границы между императивностью и диспозитивностью в регулировании общественных отношений. Данная проблема также затрагивает вопросы взаимосвязи государства и гражданского общества, что отсылает нас к проблеме соотношения публичных и частных интересов, эффективное разрешение которой возможно в результате конструктивного диалога [3, с. 71; 4, с. 37–38].

При рассмотрении данной темы нужно учитывать исторический аспект, связанный с формированием и развитием научно-теоретических воззрений. Так, в древности Аристотель акцентировал внимание на том, что публичное право направлено на защиту того, что может навредить людям, а частное право осуществляет защиту отдельных личностей. Подобное разделение нашло свое применение в древнеримском государстве. В рамках разграничения частного и публичного права вполне уместно вспомнить цитату Ульпиана: «Publicum ius est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem» («Публичное право есть то, которое относится к положению римского государства; частное – которое относится к пользе отдельных лиц»). Из сказанного следует, что Ульпиан основывался на критерии интереса: все, что вызывало интерес государства, а также регулировалась им, являлось публичным.

В Средневековье проблеме разграничения публичного и частного права не уделялось особого внимания. Прежде всего это обусловлено теологизацией правового поля, а также проблемой разделения человеческого и божественного права.

В эпоху Возрождения наблюдается обращение научного интереса к проблеме частного и публичного в праве. Основное внимание в то время было

¹ © Муклецова И. А., 2022.

акцентировано на вопросах мировоззрения, заботы и индивидуальности человека.

Далее, в своей работе «Метафизика нравов в двух частях» И. Кант также предлагает свое видение на разделение частного и публичного в праве. По его мнению, частное право – это право на жизнь, свободу и собственность, т. е. он характеризует частное право как естественное право. Публичное право он рассматривает как долг, действия, которые характерны для общественного блага, публичное право он сравнивает с государственным правом.

В российской юридической науке этот вопрос прежде всего рассматривали Д. И. Мейер и Г. Ф. Шершеневич. Шершеневич считал, что в структуру публичного права входят налоговые, воинские, уголовные нормы, а в структуру частного – отношения, возникающие в рамках семейных норм [1, с. 114].

В самом же общем виде проблема соотношения публичного и частного права сводится к существующим критериям разграничения. Так, существующий теоретический подход характеризуется тем, что главной особенностью разделения частного и публичного права является интерес. В этом случае нормой частного права будет являться норма, в рамках которой осуществляется интерес частного характера. В свою очередь, к праву публичного типа относится норма, которая обеспечивает безопасность интересов государства.

Теория обеспечения безопасности интереса формировалась на основе материальной теории. Главным критерием разграничения права была выбрана инициатива защиты нарушенного интереса. Право является публичным в том случае, если после того, как оно было нарушено, оно защищается по инициативе самого государства. Если инициативной стороной защиты права выступило частное лицо, то данное право является частным.

Возвращаясь к критерию, связанному с методами правового регулирования, отметим, что публичное право представляет собой сферу императивного метода, а в частном праве превалирует диспозитивный метод. При этом важно учитывать, что в областях публичного характера, например в таких, как конституционное право, встречаются нормы диспозитивного характера, а в области гражданского права встречается достаточно большое количество норм императивного характера.

Сегодня весьма популярна теория конвергенции публичного и частного права, смысл которой заключается в сглаживании границ между различными отраслями права, что, в свою очередь, отсылает к идее сглаживания, стирания границ между публичным и частным правом [2, с. 66].

Таким образом, можно сделать вывод, что вопрос о разделении права на публичное и частное является актуальным. Частное право представляет собой систему норм права, регулирующих отношения с участием частных лиц, которые имеют равные права и обязанности по отношению друг к другу. В свою очередь, публичное право предстает как система норм права, регулирующих отношения с участием государства, реализующего свои публично-властные отношения. Главные признаки частного права: выражение индивидуальных интересов, преобладание диспозитивного метода, горизонтальность отношений. Нормы частного права предполагают, что у участников есть возможность вы-

бора, и регулируют отношения на основе договора. Для публичного права прежде всего характерно то, что одним из участников правовых отношений является государство; характерен императивный метод, а отношения выстраиваются на основе принципа субординации.

Список литературы

1. Голубцов В. Г. Теории разграничения публичного и частного права в до-революционной российской науке // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2. С. 112–119.

2. Коршунов Н. М. Частное и публичное право: проблемы формирования основ современной теории конвергенции // Журнал российского права. 2010. № 5. С. 66–72.

3. Попов В. И. Модель коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти как фактор устойчивого развития региона // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сборник научных трудов. М. : Проспект, 2019. С. 69–72.

4. Попов В. И. Право как основное средство обеспечения коммуникации государства и гражданского общества в различных сферах общественной жизни // Гражданское общество в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 37–39.

Попов Д. И.¹,

магистрант

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель:

Бычков В. В.,

декан факультета

повышения квалификации

Московской академии

Следственного комитета Российской Федерации,

кандидат юридических наук, доцент

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) можно отнести к числу преступлений экстремистской направленности, которые в настоящее время стремительно развиваются и распространяются не только в Российской Федерации, но и в других государствах.

Любое преступное деяние включает в себя определенные объективные и субъективные признаки, которые в конечном счете и формируют состав преступления. По этому поводу Ю. Е. Пудовочкин и Д. А. Дорогин верно отмечали, что «каждое отдельное преступление – уникальный акт, характеризующийся специфическим набором индивидуальных признаков» [7, с. 25–26].

В рамках этой статьи мы остановимся лишь на рассмотрении объективных признаков (объекта и объективной стороны) такого преступного деяния, как организация деятельности экстремистской организации, которые, как и во всех остальных случаях, являются неотъемлемыми частями состава любого преступления.

В ст. 282.2 УК РФ родовым объектом являются общественные отношения, обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование государственной власти и ее отдельных институтов и органов. В свою очередь, видовой объект непосредственно связан с родовым, так как является его составной частью, объединяя более узкие группы взаимосвязанных отношений, которые отражают одинаковые интересы участников. Видовой объект в данном случае можно представить как основы конституционного строя государства, а также его безопасность. Интересующий же нас непосредственный объект указанного преступления представляет собой «общественные отношения, возникающие в связи с запретом на осуществление экстремистской деятельности» [6, с. 44].

Объективная сторона преступления состоит в действиях по организации деятельности общественной организации или религиозного объединения либо иной организации или объединения, в отношении которых имеется вступившее

¹ © Попов Д. И., 2022.

в законную силу решение суда об их ликвидации или о запрете их деятельности за экстремистскую направленность [6, с. 44].

Прежде всего нужно разобраться с тем, что следует подразумевать под организацией или объединением в объективной стороне преступления. Под организацией следует понимать социальную группу лиц, состоящую из любого количества человек, которая имеет свой орган управления, свое обособленное имущество и которая предназначена для выполнения определенных целей. При этом следует учитывать приведенные законодателем определения понятий «общественная организация» и «религиозная организация». В Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» законодатель дает толкование определения общественной организации: «Общественной организацией является основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан» [3]. Понятие «религиозная организация» определяется в ст. 8 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»: «Религиозной организацией признается добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и в установленном законом порядке зарегистрированное в качестве юридического лица» [4].

Чтобы более подробно разобраться с объективными признаками анализируемого нами преступления, обратимся к судебному правотворчеству. Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывается, что «под организацией деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято и вступило в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (часть 1 статьи 282.2 УК РФ), следует понимать действия организационного характера, направленные на продолжение или возобновление противоправной деятельности запрещенной организации (например, созыв собраний, организация вербовки новых членов, шествий, использование банковских счетов, если это не связано с процедурой ликвидации)» [5].

Также, обращаясь к ст.ст. 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», отметим, что в настоящее время выделяются два вида объединений экстремистских организаций [2]. К первому виду законодатель относит юридические лица. Это говорит о том, что любая организация (коммерческая или некоммерческая) может быть признана экстремистской, если в действиях этой организации присутствуют признаки экстремистской деятельности. Соответственно, ко второму виду относят организации, не являющиеся юридическими лицами.

В ст.ст. 6 и 7 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» указывается, что религиозное объединение может создаваться в форме религиозной группы. В этом случае

религиозной группой признается добровольное объединение граждан, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры, осуществляющее деятельность без государственной регистрации и приобретения правоспособности юридического лица. В ст. 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» предусмотрена возможность создания гражданами общественного объединения, которое будет функционировать без государственной регистрации и приобретения прав юридического лица.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что экстремистские организации могут быть как правосубъектными организациями (юридическими лицами), так и неправосубъектными объединениями граждан [8, с. 167].

Участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, образует объективную сторону ч. 2 ст. 282.2 УК РФ. В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» также разъясняется, что следует понимать под участием в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации: «Под участием в деятельности экстремистской организации (часть 2 статьи 282.2 УК РФ) понимается совершение лицом умышленных действий, непосредственно относящихся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации (проведение бесед в целях пропаганды деятельности запрещенной организации, непосредственное участие в проводимых мероприятиях и т. п.)» [5].

В качестве примера обратимся к правоприменительной (судебной) практике. Рассмотрим приговор, вынесенный в отношении члена организации «Ат-Такфир Валь-Хиджра» [9]. Б. М. Пирмагомедов, находясь в Республике Адыгея, в декабре 2019 г. вступил в международное религиозное объединение «Ат-Такфир Валь-Хиджра», при этом он был осведомлен о том, что в отношении данного международного религиозного объединения, которое не является юридической организацией, вступило в законную силу решение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сентября 2010 г. № ГКПИ10-848. В соответствии с этим решением деятельность данного объединения запрещена на территории Российской Федерации в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Известно, что с декабря 2019 г. Пирмагомедов разделял основные идеи организации и совершал умышленные действия, направленные на достижение ее целей. Также им были предприняты активные действия, направленные на склонение, вербовку гражданина Российской Федерации А. Э. Гашимова, чтобы тот принял участие в деятельности «Ат-Такфир Валь-Хиджра». По окончании судебного разбирательства Теучежский районный суд Республики Адыгея признал виновным Б. М. Пирмагомедова в том, что тот совершил преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 282.2 и ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ.

Таким образом, состав преступления, предусмотренный ст. 282.2 УК РФ, является формальным, в связи с чем преступление признается оконченным с момента совершения действий, указанных в ней. В свою очередь, следует отме-

тить, что проведенный анализ объективных признаков организации деятельности экстремистской организации может быть весьма важным и значимым как для их однозначного понимания в области теории уголовного права, так и для правоприменительной (судебной) практики.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 01.07.2021) // НПП «Гарант-сервис». URL: <https://base.garant.ru/12127578> (дата обращения: 01.12.2021).
3. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693 (дата обращения: 01.12.2021).
4. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218 (дата обращения: 01.12.2021).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (ред. от 28.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (дата обращения: 01.12.2021).
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Т. 4. Особенная часть. Раздел X–XII / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2020. 278 с.
7. Пудовочкин Ю. Е., Дорогин Д. А. Учение о преступлении и о составе преступления : учебное пособие. М. : РГУП, 2017. 224 с.
8. Степанюк О. С. Некоторые вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. № 16 (71). С. 166–177.
9. Приговор Теучежского районного суда Республики Адыгея от 4 сентября 2020 г. по делу № 1-82/2020 // Судебные решения РФ. URL: <http://судебныерешения.рф/52113520> (дата обращения: 01.12.2021).

Матвеев В. В.¹,
 курсант факультета
 подготовки сотрудников
 для оперативных подразделений полиции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кулакова Ю. Ю.,
 заместитель начальника кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

СТРУКТУРООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ МАССОВОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Массовое правосознание направлено на то, чтобы обобщить состояние правовых взглядов, идей, а также чувств, которые однородны и взаимодополняют различные социальные группы.

Массовое правосознание выполняет ряд функций:

1. Познавательная функция направлена на то, чтобы осмыслить всю правовую действительность, а также накопить определенные знания о праве.

2. Оценочная функция направлена на то, чтобы оценить все компоненты такого правосознания с точки зрения права. В свою очередь, к соответствующим компонентам следует отнести:

- законодательство как источник правовой информации;
- правовое поведение, соблюдение которого обязательно для всех;
- объекты юридически значимой деятельности;
- субъектов юридически значимой деятельности [4].

Оценочная функция дает возможность дать оценку творческой, а также преобразующей роли, которая заложена в массовое правосознание. Данная функция позволяет определить те самые ориентиры, на которых должно строиться поведение людей, а также выработать необходимые стереотипы такого поведения в тех или иных ситуациях.

3. Прогностическая функция направлена на то, чтобы прогнозировать перспективы государственно-правовых явлений.

Для правового прогнозирования характерно несколько элементов. Рассмотрим их более подробно:

1. «Стратегический компонент». Содержание данного элемента составляют цель, задачи, а также принципы правового прогнозирования. Также сюда входят планы его проведения и ядро стратегии прогнозирования. В последнем слу-

¹ © Матвеев В. В., 2022.

чае мы говорим о целеполагании, принципах, а также о вопросах, которые направлены на планирование деятельности.

Целью правового прогнозирования выступает выявление возможных вариантов, которые направлены на развитие объектов прогнозирования, которыми выступают законодательство и практика его применения. Сюда же мы можем отнести подготовку рекомендаций, которые касаются выбора наиболее целесообразного варианта, зависящего от такого критерия, как общественные потребности и интересы.

2. Институциональная составляющая правового прогнозирования. В данном случае мы ведем речь о субъекте, который уполномочен реализовать данную деятельность. Субъектами здесь можно назвать:

- действующие в Российской Федерации научно-исследовательские организации;
- научные организации образовательных учреждений, основная специализация которых построена на научных исследованиях в области права;
- специально созданные структурные подразделения, которые представлены в органах государственной власти Российской Федерации, а также в субъектах Российской Федерации или муниципальных образованиях;
- иные организации;
- если таковые имеются – группы, которые были сформированы в целях составления прогноза [1].

3. Активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия, которые реализуются со стороны субъектов правового прогнозирования. При этом благодаря указанным действиям становятся возможными достижение и решение всех важных целей и задач правового прогнозирования.

4. Операция, которая подразумевает под собой взаимосвязанные действия субъектов и участников правового прогнозирования, перед которыми поставлены единые цели. В данном случае подразумеваются:

- определение устойчивых тенденций, которые имеют место в развитии объекта, на который направлено правовое прогнозирование;
- установление факторов, посредством которых можно детерминировать развитие правового прогнозирования.

5. Средства, приемы, способы, которые направлены на осуществление проанализированных выше действий и операций [5].

Все отмеченное позволяет нам сделать предварительный вывод о том, что массовое правосознание пронизывает весь механизм правового регулирования. Такой механизм в первую очередь предшествует изданию юридических норм, а во вторую – сопровождает данную деятельность на протяжении всего времени.

Структуру массового правосознания следует рассматривать как строение правосознания, а также как взаиморасположение основных элементов, взаимодополняющих прочных связей, при помощи которых обеспечивается целостность такого правосознания. К компонентам структуры массового правосознания следует отнести:

1. Правовую идеологию – систему взглядов, принципов, категорий и правовых понятий, которые направлены на последующее отражение правовых явлений, происходящих в общественной жизни.

2. Правовую психологию – совокупность чувств, привычек и настроений, посредством которых становится возможным выразить отношение индивидуумов и социальных групп в той или иной ситуации. Такое отношение должно быть направлено к праву, законности, а также к системе правовых учреждений, которые сегодня функционируют в обществе и осуществляют свою деятельность от имени государства.

3. Поведенческие элементы – привычки, установки, а также готовность к деятельности [2].

Также в специальной литературе, которая посвящена вопросу, можно выделить другую структуру массового правосознания. Ее элементами считаются следующие:

1. Информационный элемент. Включает весь спектр информации о справедливости, свободе, праве.

2. Оценочный элемент. При ознакомлении или изучении объекта права человек дает ему оценку, сопоставляя с собственными убеждениями.

3. Волевой элемент. Получив и оценив информацию об объектах права, человек принимает решение о необходимости руководствоваться ею либо стремится, например, действовать в обход закона [3].

Таким образом, структура массового правосознания носит довольно сложный характер, который предопределяет его значение. Значение массового правосознания выражается в том, что оно по своей сути [6]:

- выступает необходимым фактором при создании норм права;
- способствует формированию и развитию правовой культуры должностных лиц и граждан государства;
- является условием полного и точного соблюдения законов;
- является важным и необходимым условием реализации правовых норм;
- является главным фактором развития законодательства, стабильности правопорядка, реализации прав и свобод человека и гражданина.

Список литературы

1. Костенко М. А. Правовое прогнозирование: понятие и основные принципы юридической стратегии и тактики // Известия ТРТУ. 2006. № 10 (65). С. 180–182.

2. Мовсисян В. А. Понятие правового сознания личности в современной психологии // Педагогика и психология в XXI веке: современное состояние и тенденции исследования. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых педагогов. Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2019. С. 157–161.

3. Мягкий А. А., Працко Г. С. Правовое сознание и правовой порядок // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2018. С. 82–84.

4. Новошицкая Н. В. Правосознание как идейный источник права // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания:

теория и практика. Материалы III международной научно-практической конференции : в 3 т. Донецк : Донбасская юридическая академия, 2019. С. 129–137.

5. Швыдченко М. И. Правовая культура и правовое сознание // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2020. С. 19–22.

6. Зыкова С. В., Лановая Г. М., Кулакова Ю. Ю. Юридическая техника : учебно-практическое пособие. М. : Московский университет МВД России, 2008. 62 с.

Барышникова И. М.¹,
курсант Института-факультета
психологии служебной деятельности
органов внутренних дел
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кулакова Ю. Ю.,
заместитель начальника кафедры
теории государства и права
Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПСИХИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ КАК ФОРМА ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ДЕТЬМИ

Психическое насилие является одной из наиболее распространенных и травмирующих форм жестокого обращения с детьми, поскольку часто влечет за собой и другие виды домашнего насилия. Каждый человек при взрослении прямо или косвенно подвергался хотя бы одному из видов насилия. К сожалению, меры борьбы с психологическим насилием не регулируются в чистом виде законодательством. Психологическое насилие не фиксируется, поэтому и учет данных случаев не ведется.

В России обычно ограничиваются ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»). В рамках статьи незаконным являются такие деяния, как угрозы, жестокое обращение и систематические унижения человеческого достоинства. Ответственность за это наступает тогда, когда потерпевший был доведен вышеуказанными действиями до самоубийства [3].

Психическое насилие – это основной механизм, нарушающий психическое развитие ребенка и его социальное функционирование в большинстве случаев жестокого обращения с детьми [4]. Психическим (эмоциональным) насилием являются эпизодические или систематические оскорбления или унижения ребенка, высказывание в его адрес угроз, шантаж, запугивание, демонстрация негативного отношения или отвержение, которые приводят к возникновению эмоциональных или поведенческих нарушений. К эмоциональному насилию относятся также громкий крик на ребенка, грубое и оскорбительное обращение, игнорирование, грубая критика, обзывание, высмеивание, уничтожение и выбрасывание личных вещей ребенка, пытки или убийство домашнего животного.

Существует классификация основных форм психологического насилия: изоляция, отвержение, игнорирование, терроризирование, газлайтинг, обесценивание.

При изоляции взрослый сильно контролирует круг общения детей, запрещает им общаться с друзьями, а также может препятствовать общению с другим

¹ © Барышникова И. М., 2022.

родителем. Ребенок чувствует себя запертым в клетке, ощущает одиночество и изоляцию от внешнего мира и других людей.

Отвержение заключается в том, что взрослый полностью игнорирует ценность своего ребенка и свою обязанность обеспечить удовлетворение его потребностей. Родитель запрещает своим детям что-либо просить или требовать.

Терроризирование – это вербальная агрессия, запугивание, угроза со стороны взрослых. Ребенок становится нервным, тревожным, неуверенным, начинает всего бояться, и окружающий мир для него становится опасным и стрессогенным. К терроризированию относят не только угрозы физической расправой, но и запугивание детей возможным агрессивным поведением со стороны других лиц (например, пугают детей педофилами, убийцами, преступниками), что родителем может считаться заботой о детях.

Из-за игнорирования ребенок чувствует одиночество, страх остаться одному, плохое настроение. Во взрослой жизни выросший в таких условиях человек испытывает страх, что его бросят, когда вступает в отношения, чувство отрешенности от других людей, боязнь выражать свои эмоции, беспричинную тревогу, низкий эмоциональный интеллект, проблемы с самодисциплиной, чувство вины и стыда («я лишний», «я обуза для всех», «от меня одни проблемы»), трудности заботы о себе и других («я не достоин заботы»).

При обесценивании ребенок постоянно подвергается критике, ему указывают на его недостатки, высмеиваются личностные качества ради формирования чувств стыда и вины. По мере взросления формируется комплекс неполноценности, человек теряет веру в себя и в свои силы, самооценка становится низкой.

Газлайтинг выражается в таких словосочетаниях, как «тебе показалось», «этого не было», «ты просто никогда не поймешь». Часто происходит обесценивание чувств, эмоций, поступков, действий. У ребенка формируется ощущение, что он сходит с ума, что он причина всех несчастий и поэтому ничтожен, отодвигает свои дела на второй план, часто извиняется и чувствует вину, даже если не причастен к плохому событию.

Чтобы помочь ребенку, который подвергается психическому насилию, нужно знать о следующих признаках:

1. Нарушение аппетита.
2. Низкая самооценка.
3. Избегание людей.
4. Задержка умственного и физического развития.
5. Появления серьезных заболеваний.
6. Нарушение сна.
7. Постоянная усталость.
8. Попытки самоубийства.
9. Стремление к уединению.
10. Запуганность.
11. Плохая успеваемость.
12. Страх или негативное отношение к родителям или одному из них.

Часто психическое насилие игнорируется как основание для социального вмешательства в семью, привлечения к уголовной или административной от-

ветственности или лишения родительских прав. Поэтому важно понимать, что перед обращением для защиты ребенка в органы опеки и попечительства или в полицию следует провести тщательное психологическое обследование несовершеннолетнего для точности выявления и фиксации вреда, причиненного его родителями. Особое внимание стоит обратить на такие признаки, как эмоциональные и поведенческие нарушения, а также отставание физического и психического развития.

Список литературы

1. Алексеева И. А., Новосельский И. Г. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М. : Генезис, 2006. 256 с.
2. Галицкий М. Психологическое насилие в семье // ЭЖ-Юрист. 2011. № 20. С. 4.
3. Кулакова Ю. Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. 2008. № 14. С. 4–7.
4. Кулакова Ю. Ю., Смирнова О. А. Особенности и детерминанты девиантного поведения подростков // *Advances in Law Studies*. 2019. Т. 7. № 4. С. 11–15.
5. Цымбал Е. И. Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия. 2-е изд., испр. и доп. М. : РБФ НАН, 2010. 286 с.

Зимин Е. И.¹,
 курсант факультета
 подготовки сотрудников
 для оперативных подразделений полиции
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Кулакова Ю. Ю.,
 заместитель начальника кафедры
 теории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ПРАВОСОЗНАНИЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Вопрос изучения правосознания молодого поколения в современный период развития Российской Федерации, безусловно, имеет актуальное значение. В теории государства и права давно разработаны основы общей теории правосознания и правовой культуры, они выступают совместно из-за того, что частично взаимосвязаны.

Прежде всего необходимо начать с самого тезиса. Под правосознанием выступает форма общественного сознания, содержанием которого выступают взгляды, убеждения, а также идеи, которые напрямую относятся к праву. В целом, сущность правосознания заключается в общественном значении. П. П. Баранов определял правосознание как систему правовых чувств, эмоций, идей и взглядов, которые выражают отношение граждан к действующему праву, а также к юридической практике. В. С. Нерсисянц часто рассматривал взаимодействие правосознания и правовой культуры у молодого поколения, пытаясь рассмотреть правовую культуру как «достигнутый уровень развития в правовом взаимодействии и организации жизни людей». По содержанию постепенного развития правосознания можно сказать о целостности и адекватности правовой культуры и правового воспитания в обществе. Формирование адекватного правосознания – наивысшая цель правовой культуры, ведь все начинается с личностного правового воспитания и адекватного самоконтроля. Правовая культура в целом – основная часть духовной культуры общества, в нее входят элементы современного права – правовых институтов – и применение ими определенных вариантов поведения граждан в обществе. Например, В. Б. Сальников считает, что элементы правовой культуры – это компоненты юридической действительности в их определенном положении (эталон поведения). А. П. Семитко выделяет такие элементы, как правовые тексты, правовая деятельность, правовое сознание, субъект – носитель правовой культуры.

Рассмотрим последний элемент классификации.

¹ © Зимин Е. И., 2022.

В настоящее время наблюдается тенденция гуманизации закона. Снимаются многие запреты, расширяется социально-политическая и экономическая свобода граждан, в том числе молодого поколения. Данный процесс наряду с позитивными факторами, которые были названы ранее, имеет также и негативные.

У молодого поколения на данный момент формируется девиантное отношение к праву [2]. В концепции воспитания правовой культуры и адекватного правосознания должна содержаться идея прав и свобод конкретной личности [3]. Проблема отсутствия воспитания, духовных и нравственных ценностей личности, а также незнание законодательства могут привести к росту преступности, росту групповой преступности молодежи, увеличению рецидивности преступлений.

Государство обязано проводить политику, направленную на улучшение правосознания граждан (деятельность СМИ, ужесточение законодательства, принудительная сила, воспитательная работа и т. д.). В целом, формирование крепкого правосознания должно основываться на чувстве толерантности и бережного отношения к другому мнению и выработке умения не только понимать его, но также и учитывать. Плюрализм мнений поможет гораздо эффективнее выстроить концепцию взаимоотношения людей, способствуя снижению факторов беззакония.

Для улучшения правосознания необходимо учитывать новые тенденции правового воспитания, а для успешного формирования правовой культуры требуется такая предпосылка, как внутренняя готовность молодежи, личностная готовность к определенному восприятию обстоятельств. Основная необходимость – создание единой системы правового воспитания молодого поколения, которая включала бы в себя совокупность мер, перечисленных ранее. Правосознание – основа правового государства и общества.

Список литературы

1. Ильин О. Ю. Современные проблемы правосознания и правовой культуры в представлении студенческой молодежи // Власть. 2015. № 1. С. 130–136.
2. Кулакова Ю. Ю., Смирнова О. А. Особенности и детерминанты девиантного поведения подростков // Advances in Law Studies. 2019. Т. 7. № 4. С. 11–15.
3. Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности современной России // Закон и право. 2014. № 11. С. 32–36.
4. Реуф В. М., Сальников С. П. Правосознание как функция и функции правосознания // Вестник экономической безопасности. 2009. № 12. С. 50–57.
5. Семенов В. Е. Актуальные проблемы теории правосознания и правовой культуры молодежи // Наука. Инновации. Технологии. 2005. № 41. С. 158–166.

Григорьев И. А.¹,
 курсант факультета
 подготовки сотрудников полиции
 для подразделений по охране
 общественного порядка
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Абдрахманов А. И.,
 доцент кафедры
 истории государства и права
 Московского университета
 МВД России имени В.Я. Кикотя,
 кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПНОСТИ ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В 2021 г. исполнилось 100 лет со дня начала новой экономической политики. Эта историческая веха дает основания обратиться к оценке малоизученных аспектов нэпа (1921–1930 гг.). Одним из недостаточно освещенных вопросов можно считать вопрос о реальных причинах тяжелейшей криминальной ситуации, отмечаемой в те годы, особенно в области экономической и должностной преступности. Во многих работах, посвященных рассматриваемой проблематике, тяжелейшая криминогенная ситуация периода «создания материальной базы для становления социализма» обходится вниманием.

Наряду с умолчанием о криминальных угрозах распространен публицистический подход, при котором авторы пытаются изыскать либо обозначить в тех или иных мероприятиях политическую составляющую. Мало того, относительно противодействия преступности ряд современных публицистов явно стремился создать впечатление, что именно политическая линия якобы и определяла мероприятия в ряде сфер общественной жизни, хотя официально речь шла именно об обеспечении законности. Для примера остановимся на том, как характеризует свое видение громких уголовных процессов 1920-х гг. российский историк В. П. Булдаков: «Сам воздух, который вдыхали большевики, казался им пропитанным „классовой” ненавистью... В таких условиях важно было вовремя найти „врагов”» [1, с. 431].

Впрочем, если обратиться к материалам событий, относительно которых цитируемый автор использует вышеприведенные метафоры, то можно увидеть именно уголовно-процессуальный характер происходящего. Четко проявляется и криминальный характер деяний, за которые обвиняемые привлекались к ответственности [2, с. 46–97].

¹ © Григорьев И. А., 2022.

Сама проблема существования криминалитета в условиях нэпа зачастую либо не получает достаточного исследовательского внимания, либо преподносится в политизированном контексте. Авторы, которые обращаются к проблематике криминальных угроз рассматриваемого периода, зачастую определяют их природу в контексте общей ситуации в Советской России, выделяя факторы, действовавшие и до начала новой экономической политики. Н. М. Кучемко в числе таковых обозначает:

- тяжелейшее социально-экономическое положение после Первой мировой войны, революций, интервенции и Гражданской войны. Упомянув этот фактор, подчеркнем, что в некоторых случаях введение нэп еще сильнее ухудшило положение множества людей. Например, «Сибирь относилась к районам с излишками хлеба, сконцентрированными в основном у кулаков, при том, что беднейшее и среднее крестьянство и здесь испытывало нужду в продовольствии и в значительной части жило за счет внутреннего перераспределения конфискованного у кулаков хлеба. В процессе введения в Сибири с марта по август 1921 г. продналога бедняки и середняки постепенно лишались этого источника существования, а кулаки временно оказались в выигрыше, так как, имея запасы хлеба, могли принимать активное участие в товарообмене и в условиях ограниченных экономических ресурсов» [3, с. 9];

- сохраняющиеся в стране очаги гражданской войны. Относительно данного фактора выдвигалось утверждение, что «что к осени 1921 г. с мятежами и бандитскими налетами в стране было в основном покончено» [3, с. 6]. Однако столь оптимистическое видение было оспорено большинством исследователей, ссылавшихся на внушительный перечень социальных потрясений и вооруженных конфликтов. Здесь отмечались «...опасные для Советской власти бандитские действия Кайгородова на Алтае (1922 г.), кулацко-националистический бандитизм и „поход“ генерала Пепеляева в Якутии (1921–1922 гг.) и последующие там мятежи в 1924–1925 и 1927–1928 гг., кулацко-меньшевистское восстание в Грузии (1924 г.), басмаческое движение в Средней Азии (1917–1926 гг.)» [3, с. 7].

- негативное влияние враждебного внешнего окружения. Отмечалось, что «...относительная стабилизация внутреннего и внешнего положения молодой Советской Республики вовсе не означала ослабления классовой борьбы. Наступление капиталистов продолжалось. Они вынуждены были лишь менять тактику борьбы против советского строя, переходить от методов прямой военной интервенции к методам экономического и дипломатического давления, организации и поддержки контрреволюционных мятежей внутри Советского государства» [3, с. 35].

Как можно заметить, перечисленные причины обусловлены ситуацией общего неблагополучия, факторами, проявляющимися и до 1921 г. То есть приведенный перечень представляется без выделения каких-либо факторов, обусловленных именно реалиями нэпа.

Более того, в литературе встречается оценки, согласно которым мероприятия нэпа якобы оказали на состояние общества исключительно благотворное влияние. Проблемы же, по мнению представителей либерального направления,

начались лишь в ходе сталинского разворота к модернизационному рывку. Обращение же к реалиям нэпа не подтверждает столь благостных оценок, позволяя отметить ряд негативных факторов, проявившихся именно в результате влияния рыночных принципов этого курса:

1. Прежде всего, новая экономическая политика выразилась в радикальном сокращении всех отраслей (социальной, экономической, правоохранительной, оборонной и др.) жизни, напрямую не связанных с непосредственным хозяйствованием и получением прибыли (обработка земли, кустарничество, посреднические услуги и пр.) Следствием этого стало ограничение для множества советских граждан какой-либо социальной перспективы, труднодоступность средств для положительных изменений в жизни.

В сложившихся обстоятельствах наиболее достижимой возможностью ослабить давление нужды становился криминал. Пример одного из проявлений данной ситуации содержится в работе Н. М. Кучемко: «Развитию мелкобуржуазного анархизма бедноты и батрачества в какой-то мере способствовали суровые меры, применявшиеся органами Советской власти к неплательщикам налога. Хлеб в Сибири... приходилось брать силой, а, применяя принудительные меры, некоторые профработники иногда нарушали социалистическую законность, вызывая недовольство населения» [3, с. 93]. В нашем случае отметим не только факт жесткости представителей власти, но и то, что в «мелкобуржуазный анархизм» втягивалось именно бедное население, причем в немалой степени это происходило по причине скудности материального положения значительной части крестьянства.

2. Официально разрешенная и поощряемая частная коммерческая инициатива очень скоро столкнулась с непреодолимыми препятствиями для своего развития. Прежде всего здесь приходится вести речь о низкой покупательной способности основной массы населения, крайне изношенной и требующей колоссальных инвестиций инфраструктуре (транспортной, коммунальной, почтовой и пр.), жесточайшей экономией на инвестиционных проектах. Как видим, проявляются реалии, сокращающие возможности для результативной предпринимательской активности. Неизбежным следствием этого явилась угрожающая криминализация предпринимательской среды.

Примером состояния дел в предпринимательской сфере может послужить ситуация в некоторых отдаленных районах Сибири, где так называемые крепкие хозяева всячески пытались перекупить у менее зажиточных крестьян урожаи, мотивируя свои действия заботой о том, чтобы крестьянам было чем уплатить продналог [3, с. 140]. В итоге местные власти столкнулись с выраженным нежеланием крестьянства переходить с натуральной на денежную форму уплаты налога.

3. Негативными последствиями проявился и курс жесткой экономии на государственном управлении. Принципы рынка требовали жестко лимитировать бюджетные расходы, и здесь государство оказалось в числе первых кандидатов на урезание всего, без чего, как казалось, возможно было обойтись.

Разумеется, загромождение системы управления множеством государственных учреждений, неизбежные несогласованность и параллелизм в их деятель-

ности, раздутые штаты, бюрократизация мешали восстановлению Советской России после перенесенных испытаний. Однако при любой оптимизации государственный механизм не должен утрачивать способности осуществлять свои основные функции. В случае же новой экономической политики мы имеем массу свидетельств тому, что в результате происходящих сокращений государственный механизм начинает терять способность осуществлять координирующие и регулирующие функции во многих секторах социальной, хозяйственной жизни. Явные сбои наблюдаются и в обеспечении безопасности, противодействии преступности.

Резко негативно это положение сказывалось на наиболее незащищенных, требующих особой поддержки слоях общества, в значительной степени – на детях. Так, непродуманной экономией бюджетных средств и «...переводом школ на местный бюджет их количество сократилось более чем в два раза. В 1921–1923 гг. большая часть детей не обучалась. Даже в первой половине 1923 г. общеобразовательные нужды Сибири удовлетворялись лишь на 25 %» [3, с. 246]. На фоне общего повышения качества жизни под влиянием нэпа в СССР сохранялось недопустимое положение с детской беспризорностью. По данным из относительно благополучной по ряду позиций Сибири, в 1923 г. в Новониколаевской губернии насчитывалось до 3 тыс. беспризорных, а в Омской – до 10 тыс. Примерно такое же положение было и в других губерниях Сибири [3, с. 247].

К числу негативных последствий курса жесткой экономии относится угрожающая криминализация общества, охватившая не только бытовую и хозяйственную сферы, но и государственные структуры, правоохранительные органы. Сложность ситуации иллюстрируют реалии, в которых представители бюджетных учреждений шли на должностные нарушения не столько по причине личной порочности, сколько из-за отсутствия возможностей обеспечить выполнение должностных обязанностей без совершения какого-либо нарушения. В качестве примера можно упомянуть широкое распространение штрафной политики, когда местные власти прибегали к штрафованию граждан не в целях обеспечения законности, а как к единственному доступному средству добывания средств в бюджет.

Таким образом, встречающееся в литературе мнение о том, что новая экономическая политика якобы оказала исключительно благотворное влияние на жизнь Советской России, способствовала исключительно гармонизации отношений и прекращению преступности не подтверждается имеющимися данными. Нет оснований согласиться и с встречающимся в публицистике политизированным подходом к практике ОГПУ (НКВД) в 1920-е гг., фактически умаляющим деятельность этих ведомств по противодействию преступности.

Анализ криминогенной ситуации тех лет прежде всего показывает, что эта ситуация была чрезвычайно сложной. Мало того, в определенных областях (бандитизм, экономическая, должностная преступность) положение порой казалось угрожающим. Среди причин столь тяжелого положения наряду с объективными сложностями и управленческими просчетами следует выделить и влияние неумолимых законов рынка, системы, построенной на приоритете частного интереса, предпринимательской инициативы. Не отрицая этих принципов

как таковых, анализ криминогенной ситуации столетней давности подтверждает необходимость объективного и вдумчивого осмысления порядка противодействия криминалу в условиях рыночной экономики.

Список литературы

1. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. М. : РОССПЭН, 2012. 760 с.
2. Вышинский А. Я. Судебные речи, 1923–1938. 4-е изд. М. : Госюриздат, 1955. 568 с.
3. Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа, 1921–1923 / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск : Наука : Сибирское отделение, 1981. 272 с.

Филиппова В. А.¹,

курсант

международно-правового факультета

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

доцент кафедры

теории государства и права

Московского университета

МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ИДЕЯ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Под социальным государством принято понимать общество благосостояния. Понятие «социальное» содержит в себе глубокий смысл, который заключается в следующем: государство создает условия для достойного уровня жизни всех граждан, а также дает возможность использовать обширный пакет социальных благ. К таким благам относятся бесплатная медицинская помощь, занятость населения, возможность получения образования и др.

Формирование социального государства представляет собой не только политические, но и нравственные изменения в общественной жизни. Процесс становления такого государства условно можно разделить на следующие этапы:

1. Научный этап, т. е. идея и ее развитие в альтернативных концепциях.

2. Нормативный этап, т. е. конституционные принципы, которые содержатся в основном государственном законе – конституции.

3. Эмпирический этап, т. е. реальные действия государства, направленные на решение основных социальных проблем общества.

На данный момент ученые выдвинули три модели современного социального государства:

1. Позитивное государство. Такая политика наименьшим образом вмешивается в экономику и социальную сферу, которая нацелена на защиту корпоративных интересов. Данная модель была сформулирована в США.

2. Социальное государство. Данная политика обеспечивает полную занятость населения, а также устанавливает минимальный уровень жизни граждан. Эта модель характерна для Великобритании.

3. Государство благосостояния, в котором правительство устанавливает минимальный уровень жизни и максимальный уровень доходов. Такая модель распространена в Нидерландах.

Такие модели в полной мере не были реализованы ни в одном государстве. Возможен вариант перехода от одной модели к другой. Социальное и правовое государства взаимосвязаны и способны стать одним типом. Они имеют общие

¹ © Филиппова В. А., 2022.

принципы требования материального равенства, что противоречит взаимной ответственности государства и гражданина.

Немецкий ученый Л. фон Штейн сформировал теоретическую концепцию социального государства. В своей работе «История социального движения Франции с 1789 года» ученый стремился ликвидировать противоречия, возникающие в буржуазном обществе между классами. Он считал, что «изменить свое зависимое предложение, обусловливаемое природой труда, в положение независимое, материально свободное», может рабочий класс при поддержке государственной власти. Другое мнение по этому вопросу выразил К. Маркс, который утверждал, что устранение классовой борьбы может привести к автономному труду, содержащему в себе человеческое общество и хозяйство, – анархизму.

Поскольку государство стоит над капиталом и трудом, проведение социальных реформ напрямую связано с целенаправленной политикой государства. Если будет создано государственное устройство, позволяющее труду самому организовать приобретение собственности, то власть сможет решить социальные вопросы. Такой путь может обеспечить условия благосостояния каждого гражданина, что является главным признаком социального государства. Такими условиями Л. фон Штейн считал живое и свободное движение, которое может стать богатством любого гражданина.

Социальное государство стремится сгладить и минимизировать противоречия, возникающие между классами. Для этого государство ликвидирует юридические препятствия, мешающие свободному передвижению между классов, а также на пути к хозяйственной самостоятельности содействует труду, который не обладает капиталом.

Как говорилось ранее, главная задача социального государства – это создание условий для свободного классного передвижения, а также оказания помощи группе лиц, которая терпит лишения. Эти задачи реализуются в следующих функциях государства:

- 1) ликвидация юридических препятствий, мешающих свободному передвижению между классами;
- 2) попечение об общественной нужде, которое создает условия для самостоятельности;
- 3) помощь труду, который не обладает капиталом, в создании самостоятельности в хозяйстве.

Из этого можно сделать вывод, что в соответствии с конкретно-исторической интерпретацией теории Л. фон Штейна в момент ее реализации ученый рассматривал социальный вопрос такими же способами и методами, как анализируют рабочий вопрос. Определение социального государства фон Штейна является классическим и наиболее распространенным. В современности понятие социального государства немного отличается от трактовки немецкого ученого, но любое исследование в данном направлении отталкивается от этой теории, поскольку в его определении можно выделить существенные характеристики социального государства:

1. Социальное государство имеет обязательственную природу. Оно обязано осуществлять равенство в правах как для отдельной личности, так и для обще-

ственных классов. Государство обязано выполнять функции социального характера, а граждане имеют право требовать выполнения данных функций от государства. Данные обязанности закрепляются на конституционном уровне в виде системы прав и свобод человека и гражданина. В период обострения классовой борьбы государство берет на себя обязанность предоставлять человеку право получения помощи от государства по своей инициативе, а также дает возможность человеку быть правомочным требовать от государства выполнения всех социальных функций. Таким образом, признание своих обязанностей перед гражданами отличает социальное государство от патерналистского.

2. Социальное государство имеет возможность выполнять свои функции посредством властных полномочий. Применение власти является необходимостью выполнения социальных обязанностей и имеет связь с государственным принуждением. Обязанностью каждого гражданина, независимо от его социального положения, является беспрекословное выполнение распоряжений государственной власти.

3. Интерес государства заключается в выполнении всех взятых на себя обязанностей. Государство является самостоятельным субъектом, который обладает своими интересами. Главная цель любого государства заключается в сохранении существующего политического строя, поэтому оно всеми способами разрешает противоречия, которые могут нарушить целостность. Стоит отметить, что борьбу за самосохранение государство ведет на языке трудящихся масс. Человек, который доволен уровнем и качеством жизни, не станет пытаться изменить свое положение.

Абсолютно любое государство может поставить перед собой такие цели, которые сложно осуществить. Прежде всего это будет выражаться в интересах и мечтах граждан об удовлетворении своих постоянно растущих потребностей. Подобное мнение было актуально в период развитого социализма, когда в основе определения социального государства было заложено представление о совпадении интересов личности и государства – вещей совершенно противоположных. Как говорилось выше, цель государства – это сохранение стабильности во всех сферах общественной жизни посредством установления баланса между группами с различными интересами. Цели государства не должны противоречить интересам личности, поскольку безопасное существование и свобода человека возможны только в таких условиях.

Таким образом, социальное государство – это идеальная модель, поскольку такое общество опирается на принципы справедливости, равенства, высокой социальной поддержки и защиты человека, в особенности уязвимых слоев населения.

Характер и условия взаимодействия человека и государства показывают перспективы развития общества. Общество и личность – это явления, которые могут существовать только в единстве и балансе. Положение, которое занимает личность в обществе, выражается в его особенностях: материальных и духовных. Люди стремятся создать гармонию между личностью и обществом. Это можно сделать только в том случае, если существуют принципы демократии, справедливости и гуманизма.

Центральной фигурой во взаимоотношениях между личностью и государством является правовой статус гражданина. Он представляет собой совокупность образцов поведения, которые закреплены юридически и одобряются обществом. Права личности являются составляющей объективного права, так как они присущи субъекту права. Основные права и свободы человека и гражданина в социальном государстве, как и в любом другом, фиксируются в основном законе. В Российской Федерации они закреплены в Конституции. Но закрепить права и реализовать их – вещи нетождественные. Обязанность социального государства заключается в создании экономических, политических, социальных условий для реализации прав человека.

Социальные права человека отличаются от гражданских и политических, поскольку личные и политические права человек получает при рождении. Концепция и реализация социальных прав нуждается в постоянной поддержке со стороны государства. Они выступают как требования, которые человек предъявляет государству, и обязанность власти – защищать граждан своего государства. Чтобы обеспечить реализацию и защиту социальных прав граждан, государство финансирует и контролирует управление экономической и социальной жизни страны, осуществляет все меры для обеспечения условий нормальной жизнедеятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что социальные права личности являются институтом конституционного права, а также важнейшим признаком социального государства.